

Д. Г. ЛЬЮИСЪ.

ЖИЗНЬ І. ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ.

Сердце Гете знали немногіе, но оно было
столь же велико, какъ и его умъ, который
знали всѣ.

Юнгъ Штиллингъ.

Переведено съ второго англійскаго изданія

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Н. НЕВЪДОМСКАГО.

ЧАСТЬ І.

Изданіе

«РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ.»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

Типографія Н. Тиблена и Комп. (Н. Неплюдова).

Вас. Остр., 8 л., № 25.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Можетъ быть, съ моей стороны было нѣсколько смѣло—писать Жизнь Гете, тогда какъ никто еще изъ соотечественниковъ поэта не предпринималъ подобнаго труда; но успѣхъ, какой постоянно имѣло мое произведеніе даже и послѣ появленія біографій Гете, написанныхъ Вигофомъ и Шеферомъ, оправдываетъ мою смѣлость. Распродажа въ Англіи и Германіи тринадцати тысячъ экземпляровъ и многочисленныя выраженія сочувствія, — не безъ примѣси, правда, иногда даже нѣсколько гнѣвныхъ критикъ, — свидѣтельствуютъ, что какъ ни слабъ мой трудъ, онъ не совсѣмъ неудаченъ. За выраженія сочувствія я могу только благодарить; что же касается до критикъ, то я не оставилъ безъ вниманія даже и тѣ изъ нихъ, которыя отличались крайней раздражительностью, и воспользовался ими, насколько могъ.

Не могу не упомянуть о помощи, оказанной мнѣ покойнымъ Францомъ Деммлеромъ. Несмотря на многочисленныя свои занятія, и хотя мы съ нимъ не были знакомы, онъ прислалъ мнѣ нѣсколько листовъ замѣчаній и возраженій на мою книгу, которыя свидѣтельству-

ютъ о сильномъ умѣ, о богатой начитанности и глубокомъ изученіи Гете. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній были для меня очень полезны, но и тѣ, которыя я не могъ принять или съ которыми не могъ согласиться, были мной тщательно разсмотрѣны, и вообще его откровенная и проницательная критика была для меня весьма полезна, хотя мои мнѣнія относительно нѣкоторыхъ пунктовъ диаметрально противоположны его мнѣніямъ.

Въ этомъ (второмъ) изданіи я сдѣлалъ измѣненія и въ формѣ и въ содержаніи,—нѣкоторыя части переписалъ совершенно вновъ, чтобъ воспользоваться новымъ матеріаломъ, который сдѣлался извѣстенъ послѣ выхода перваго изданія, а также съ цѣлью исправленія и улучшенія моего труда, надѣясь чрезъ это сдѣлать его болѣе достойнымъ благосклоннаго вниманія публики. Мало вѣроятности, чтобъ могъ еще появиться какой-либо новый важный матеріалъ, и поэтому я полагаю, что передѣлка моей книги есть окончательная.

Относительно матеріаловъ считаю нужнымъ повторить здѣсь замѣчанія, сдѣланныя мною въ предисловіи къ первому изданію: Автобіографія Гете (*Wahrheit und Dichtung*) не только лишена той эгоистической болтовни и тѣхъ мелкихъ подробностей, которыя даютъ цѣну подобнымъ произведеніямъ, но и представляетъ большія затрудненія для біографа. Причина этихъ затрудненій заключается въ невѣрности тона, которая способна вводить въ большія даже заблужденія, чѣмъ невѣрность въ фактахъ. Юношескій періодъ имѣетъ въ Автобіографіи характеръ, до такой степени противорѣчащій тому, что намъ говорятъ несомнѣнные современныя свидѣтельства и особенно собственные письма самаго Гете, что всякая попытка примирить это противорѣчіе была бы совершенно безплодна. Если первый томъ моего произведенія не разсѣтъ окончательно въ

читателѣ всѣхъ сомнѣній на этотъ счетъ, то пусть прочтетъ онъ письма Гете къ графинѣ Столбергъ или недавно изданныя письма его къ Кестнеру и Шарлотѣ, и пусть сравнитъ тонъ этихъ писемъ съ тономъ Автобіографіи: ему сдѣлается очевидно, что Автобіографія показываетъ только, какимъ юноша-Гете казался старику Гете, но не показываетъ, какъ дѣйствительно жилъ и чувствовалъ этотъ юноша. Ясно, что юношескія увлеченія и страсти, проходя сквозь призму длиннаго ряда годовъ, утратили въ глазахъ старика свои яркіе цвѣта; правда, пылъ гениальной юности не совершенно забытъ автобіографомъ, но онъ затушеванъ величественной сдержанностью: Юпитеръ, спокойно возсѣдая на Олимпѣ, забываетъ, что нѣкогда и самъ бунтовался вмѣстѣ съ Титанами.

Ознакомясь по несомнѣннымъ документамъ, каковъ дѣйствительно былъ юноша-Гете, мы имѣемъ возможность читать Автобіографію «между строкъ» и находимъ, что она грѣшитъ не столько невѣрностью въ фактахъ, сколько невѣрностью въ тонѣ, что ея недостатокъ состоитъ главнымъ образомъ не въ невѣрности воспоминаній, а въ недостаточной ихъ яркости и въ недостаточной обстоятельности. Провѣренная по современнымъ документамъ, она представляетъ богатый источникъ для ознакомленія съ молодой жизнью Гете, и нельзя не пожалѣть, что современные документы не доставляютъ намъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ.

Для изображенія позднѣйшаго періода я не ограничился печатными матеріалами, я старался раскрыть истину посредствомъ сношеній съ людьми, которые жили съ нимъ подъ одной кровлей, которые были съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и наконецъ съ тѣми, для которыхъ его жизнь и произведенія были предметомъ спеціального изученія,—я изучалъ не только то, что гово-

рила о немъ печать, я старался познакомиться, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности, и стремился воспроизвести ясный образъ живаго человѣка. Съ этою цѣлью я провѣрялъ и дополнялъ свидѣтельства печати всякими матеріалами, которые еще не изданы и изъ которыхъ многіе, по всей вѣроятности, и никогда не появятся на свѣтъ, — я лично удостовѣрялся въ истинѣ фактовъ, насколько это было возможно, — отъсюду, изъ всевозможныхъ источниковъ собиралъ самыя мелкія подробности, имѣвшія характеръ достовѣрности, и подвергалъ ихъ самому тщательному разбору, — часто случалось, что относительно какого-либо факта я собиралъ свѣдѣнія изъ полдюжины различныхъ источниковъ и тщательно сравнивалъ одни показанія съ другими. Вотъ какимъ путемъ пришелъ я къ выводамъ, изложеннымъ въ этомъ произведеніи. Читатель, я надѣюсь, ясно увидитъ, что при выполненіи столь трудной и по временамъ даже весьма щекотливой задачи я руководился единственно желаніемъ раскрыть истину, что я не служилъ никакой партіи, не увлекался никакимъ пристрастіемъ, что никакія личныя связи не тормозили моего сужденія, — я не отрицалъ и не старался прикрыть того, что можетъ говорить противъ моего героя. Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ великъ и слишкомъ хорошъ, чтобъ могъ утратить нашу любовь потому только, что въ жизни его оказались нѣкоторые факты, заслуживающіе порицанія.

Я удѣлилъ значительное мѣсто для анализа и критическаго разбора произведеній Гете. Въ біографіи поэта это такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно въ біографіи великаго полководца описаніе военныхъ подвиговъ. При разборѣ произведеній Гете, я имѣлъ въ виду, какъ изучающихъ нѣмецкую литературу, такъ и незнающихъ нѣмецкаго языка. Читатель увидитъ, что я постоянно ста-

рался, чтобъ, читая мое произведеніе, онъ не чувствовалъ себя на чужой сторонѣ.

Можетъ показаться, что разборъ научныхъ произведеній Гете занимаетъ слишкомъ много мѣста по сравненію съ разборомъ другихъ его произведеній: это произошло частью потому, что наука наполняетъ собой большую часть его жизни, а частью потому, что даже и въ Германіи до сихъ поръ нѣтъ никакого изложенія его научныхъ стремленій и научныхъ заслугъ.

Д. Г. Льюисъ.

The Priory, North Bank, Regent's Park.

Ноябрь 1863 г.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1749 — 1765.

ГЛАВА I.

Происхожденіе.

Права Гете на величіе.—Его предки.—Генеалогическая таблица.—Отецъ и мать.—Какія качества онъ отъ нихъ наслѣдовалъ .	Стр. 3
---	-----------

ГЛАВА II.

Не по годамъ развитой ребенокъ.

Рожденіе Гете.—Характеръ того времени.—Положеніе Франк-фурта.—Гете принадлежалъ къ среднему состоянію.—Анекдоты.— Материнское воспитаніе.—Любовь Гете къ сестрѣ Корнеліи.—Его любовь разсказывать сказки. — Бабушка и дѣдушка Тексторъ.—Упражненія въ Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ. — Характеръ рановременнаго развитія Гете. — Его школьная жизнь .	12
--	----

ГЛАВА III.

Первыя впечатлѣнія.

Характеръ не образуется обстоятельствами.—Религіозныя сомнѣнія по поводу Лиссабонскаго землетрясенія. — Символическое выраженіе стремленій души къ божеству. — Семилѣтняя война.— Сочиненіе небольшихъ разсказовъ.—Занятіе Франкфурта Францу-

зами.—Французскій театр.—Дуэль съ Дерономъ.—Первая театральная пьеса Гете	Стр. 24
---	------------

ГЛАВА IV.

Разнообразіе занятій.

Выступленіе Французовъ изъ Франкфурта и возобновленіе занятій.—Многоязычный романъ.—Занятіе Библіею.—Вліяніе дѣвицы фонъ Клеттенбергъ.—Первая любовь; Гретхенъ.—Разочарованіе.—Какое обаяніе производила личность Гете.	34
---	----

ГЛАВА V.

По ребенку можно судить о будущемъ человѣкѣ.

Характеръ зрѣлаго человѣка виденъ въ нравственныхъ чертахъ ребенка.—Характеристика Гете.—Его многосторонность, серьезность, разсудительность, неспособность къ усидчивому труду	42
---	----

КНИГА ВТОРАЯ.

1765 — 1771.

ГЛАВА I.

Лейпцигскій студентъ

Гете начинаетъ студенческую жизнь.—Логика и Юриспруденція утомляютъ его.—Появленіе его въ обществѣ.—Знакомство съ Г-жей Бѣме.—Литературное общество за табль-д'отомъ Шенкофа.—Гете влюбляется въ Анну Катерину Шенкофъ.—Описаніе Гете въ письмахъ Горна къ Мурсу.—Die Laune des Verliebten.—Сочиненія Гете суть выраженіе пережитаго.—Проказы и сумасбродство въ компаніи съ Беришемъ.—Die Mitschuldigen	49
--	----

ГЛАВА II.

Характеристика ума.

Субъективный и объективный умъ.—Идеалисты и реалисты.—

Объективность Гете. — Конкретность его произведений. — Сравнение Гете съ Шекспиромъ. — Нравственная терпимость	Стр. 68
--	------------

ГЛАВА III.

Художественныя занятія.

Гете пренебрегаетъ университетскими занятіями. — Его любовныя письма. — Учится рисованью у Эзера. — Поѣздка въ Дрезденъ. — Учится гравированью. — Серьезная болѣзнь. — Религіозныя сомнѣнія. — Возвращеніе во Франкфуртъ	73
--	----

ГЛАВА IV.

Возвращеніе домой.

Какъ принимаютъ его дома. — Письма къ Кетхенъ Шенкофъ. — Кетхенъ выходитъ за мужъ. — Непріятныя отношенія съ отцомъ. — Изученіе алхиміи. — Религія выступаетъ въ его мысляхъ на первый планъ	79
--	----

ГЛАВА V.

Страсбургъ.

Гете поступаетъ въ Страсбургскій университетъ. — Описаніе его наружности. — Страсбургскій соборъ. — Разнообразныя занятія. — Отвращеніе къ «Système de la Nature». — Картоны Рафаэля. — Зловѣщія Картины. — Мистическія и метафизическія занятія. — Ранняя склонность къ поклоненію природѣ. — Джіордано Бруно. — Замѣчанія на критику Байля. — Комментарій на главу изъ Фабриціуса. — Страсбургское общество. — Желаніе блистать въ обществѣ. — Увеличеніе круга друзей. — Первая встрѣча и дружба съ Стиллингомъ. — Дружба съ Францомъ Лерзе. — Излечиваетъ себя отъ раздражительности слуховыхъ органовъ и приучаетъ себя къ самообладанію. — Два любовныя стихотворенія. — Танцевальныя уроки. — Дочери танцмейстера	87
--	----

ГЛАВА VI.

Гердеръ и Фредерика.

Нѣмецкое образованіе Гете. — Знакомство съ Гердеромъ. — Мнѣніе Гердера о Гете, — его вліяніе на Гете. — Странное знакомство	
---	--

Гете съ семействомъ Бріона.—Фредерика.—Письмо Гете. — Лю- бовь Гете и Фредерики.—Гете получаетъ степень доктора правъ. Пріѣздъ Фредерики въ Страсбургъ.—Вліяніе Шекспира на Герма- нію.—Рѣчь Гете о Шекспирѣ.—Его трактатъ о Нѣмецкой архи- тектурѣ.—Прощенье съ Фредерикой	Стр. 106
---	-------------------------------------

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1771 — 1775.

ГЛАВА I.

Возвращеніе домой доктора Гете.

Какъ егѣ принимаетъ отецъ. — Начало періода Sturm und Drang.—Нежеланіе Гете печататься.—Скорбь по Фредерикѣ.—По-
чему онъ не женился на Фредерикѣ.—Онъ прилежно работаетъ.
— Генрихъ Меркъ.—Die Frankfurter Gelehrten Anzeigen.—Страсть
Гете кататься на конькахъ. 133

ГЛАВА II.

Гецъ фонъ Берлингенъ.

Три текста Геца.—Разсказъ самого Гете, какъ писался Гецъ.
— Характеръ Геца. — Гецъ есть драматическая хроника, а не
драма. — Его несходство съ Шекспиромъ ни по строенію, ни по
изображенію характеровъ, ни по языку. — Его вредное вліяніе на
драматическое искусство.—Гегель отрицаетъ его оригинальность. . . 145

ГЛАВА III.

Вецларъ.

Вецларъ.—Каммергерихтъ, Нѣмецкая канцелярія. — Deutsche
Haus.—Круглый столъ и его рыцари.—Гете по описанію Кестне-
ра.—Знакомство Гете съ Готтеромъ.—Разладъ между индивидами
и правительствами.—Литературная и философская революція. —

Гете влюбляется въ Шарлоту Буѣ. — Отношенія Кестнера къ Шарлотѣ. — Несчастная страсть Іерусалема. — Гете посвящаетъ Гёпелера. — Отъѣздъ изъ Вецлара.	Стр. 155
--	-------------

ГЛАВА IV.

Приготовленія къ Вертеру

Гете спрашиваетъ судьбу, будетъ ли онъ артистъ. — Максимилиана Ларошъ. — Pater Grey и Satyros. — Занятія во Франкфуртѣ. — Передѣлка Геца. — Печатаніе Геца. — Невѣрность Автобіографіи касательно сужденія Гердера о Гецѣ. — Забавное предложеніе книгопродавца. — Непокійство и сумасбродство той эпохи, отсутствіе вѣры. — Письмо къ Кестнеру и Шарлотѣ. — Мысль о самоубійствѣ. — Самоубійство Іерусалема, вліяніе этого происшествія на Гете. — Умственное состояніе Гете. — Шарлота выходитъ замужъ за Кестнера. — Замужество Корнелии. — Гете замышляетъ писать драму «Магометъ». — Максимилиана Ларошъ выходитъ замужъ за Брентано. — Опасная короткость отношеній. — Götter, Helden und Wieland. — Первое знакомство съ Карломъ Августомъ. — Гете пишетъ Вертера	174
--	-----

ГЛАВА V.

Вертеръ.

Разказъ Кестнера о самоубійствѣ Іерусалема. — Характеръ Вертера. — Различіе между Вертеромъ и Гете. — Дурной англійскій переводъ Вертера. — Планъ Вертера чрезвычайно простъ. — Вертеръ производитъ громадное впечатлѣніе. — Замѣчанія Лессинга. — Николай пишетъ пародію. — Nicolai auf Werther's Grabe. — Негодованіе Кестнера и Шарлоты. — Гете получаетъ прощеніе. — Письмо Кестнера къ Геннингу	200
--	-----

ГЛАВА VI.

Литературный левъ.

Супружеская лотерея. — Антуанета Герокъ. — Мемуаръ Бомарше. — Бомарше и Клавиго. — Гете пишетъ Клавиго. — Характеръ этой пьесы. — Упрекъ Мерка. — Знакомство Гете съ Клопштокомъ и Лафатеромъ. — Характеръ Лафатера. — Сентиментализмъ того вре-
--

мени.—Религіозныя мнѣнія Гете.—Вѣра и знаніе. — Знакомство съ Базедовымъ. — Геніальничанье.—Знакомство съ Якоби.—Какое впечатлѣніе производила личность Гете. — Изученіе Спинозы. — Изученіе исторіи и доктрины Моравскихъ братьевъ.—Планъ эпической поэмы Странствующій Жидъ. — Прометей.—Сравненіе Гетевскаго Прометея съ Прометеемъ Эсхила и Шелли. . .	Стр. 219
--	-------------

ГЛАВА VII.

Лили.

Любовь къ Аннѣ Елизаветѣ Шёнemannъ (Лили).—Характеръ Лили.—Стихи Гете къ Лили.—Erwin und Elmire.—Препятствія къ браку.—Стелла.—Карикатура Каннинга на Стеллу. — Поѣздка въ Швейцарію съ двумя Стольбергами. — Разлука съ Лили. — Lili's Park.—Начало Эгмонта.—Гете принимаетъ приглашеніе Карла Августа пріѣхать въ Веймаръ	245
---	-----

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1775 — 1779.

ГЛАВА I.

Веймаръ въ осьмнадцатомъ столѣтіи.

Описаніе Веймара.—Вартбургъ.—Пиршественная зала Миннезингеровъ.—Ежегодныя сѣзды Баховъ.—Паркъ.—Легенда о Веймарскомъ змѣѣ.—Окрестности Веймара.—Общественная жизнь того времени.—Состояніе науки.—Отсутствіе комфорта и роскоши. Простота и грубость нравовъ.—Положеніе народа.—Цѣны.—Вліяніе Двора.—Въ Веймарѣ нѣтъ публики. —Необходимость народнаго сотрудничества.	259
--	-----

ГЛАВА II.

Веймарскія знаменитости.

Вдовствующая Герцогиня Амалия. — Д-ца Гёхгаузенъ.—Ви-

ландъ.—Эйзидель. — Корона Шрётеръ.—Бертухъ.—Музеусъ.— Секендорфъ.—Герцогиня Луиза.—Карлъ Августъ.—Графиня Вер- теръ.—Г-жа фонъ-Штейнъ.—Кнебель.—Гердеръ	Стр. 275
---	-------------

ГЛАВА III.

Первыя разгульныя походы въ Веймаръ.

Какое впечатлѣніе произвелъ Гете въ Веймаръ. — Распущен- ность нѣмецкой нравственности, основанной на сентиментализмъ. — Волокитства Гете.—Катанье на конькахъ.—Разсѣянная жизнь утомляетъ Гете. — Дружба Гете съ Карломъ Августомъ. — Гете сдѣланъ Geheime Legations-Rath.—Ропотъ.—Объясненіе Гер- цога.—Преувеличенный скандалъ.—Выговоръ отъ Клопштока. — Разрывъ между Гете и Клопштокомъ.—Разказъ Глейна о Гете.— Незлѣпость обвиненія, будто Гете пожертвовалъ своимъ гениемъ для придворной жизни.—Меркъ одобряетъ Гете.	286
---	-----

ГЛАВА IV.

Г-жа фонъ-Штейнъ.

Шарлота, баронесса фонъ-Штейнъ.—Гете влюбляется въ нее.— Выдержки изъ его письма.—Gartenhaus переходитъ отъ Берту- ха къ Гете.—Посѣщеніе Гартенгауза Карломъ Августомъ и Луи- зой.—Любовь къ природѣ.—Баллада о рыбацкѣ	304
--	-----

ГЛАВА V.

Спектакли любителей.

Вліяніе Гете на Герцога. — Его заботы о Веймарѣ. — Театры любителей въ большомъ ходу. — Представленія подъ открытымъ небомъ.—Рожденіе, и жизнь и дѣянія Минервы.— Оперета Рыбачка. — Представленіе Ифигеніи. — Гете какъ актеръ. — Какъ проводитъ онъ время	340
---	-----

ГЛАВА VI.

Разноцвѣтныя нѣты.

Любовь и честолюбіе.—Смерть сестры.—Попеченіе о бѣдномъ мальчикѣ.—Письма отъ сентиментальныхъ юношей. — Triumph	
--	--

XVIII

der Empfindsamkeit.—Путешествіе въ горы Гарца.—Свиданіе съ Плессягомъ.—Самоубійство дѣвицы фонъ-Лассбергъ.—Нена- висть Гете къ Вертеризму. — Triumph der Empfindsamkeit на сценѣ.	Стр. 319
--	---------------------------------

ГЛАВА VII.

Истинный филантропъ.

Разнообразіе занятій. — Любовь къ народу.—Поездка въ Бер- линъ.—Фридрихъ Великій.—Доброта Гете.—Письма его къ Крае- ту.—Несправедливо обвиняють Гете въ холодности и безсердечіи	328
--	-----

КНИГА ПЕРВАЯ.

1749—1765.

Vom Vater hab' ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen;
Von Mütterchen die Frohnatur,
Die Lust zu fabuliren.

[Отъ отца я наследовалъ стройный станъ и строгій образъ жизни; отъ матери — счастливый нравъ и охоту разсказывать сказки].

Hätte Gott mich anders gewollt,
So hätt' er mich anders gebaut.

[Еслибъ Богъ хотѣлъ, чтобъ я былъ инымъ, то онъ бы иначе меня создалъ].

ГЛАВА I.

Происхожденіе.

По рассказамъ Квинта Курція, въ Бактріи случались по временамъ такія мятели, что наступалъ полный мракъ,—поднятый вихремъ песокъ совершенно заметалъ дороги, и путники, застигнутые мятелью, обращали взоры на небо, ожидая восхода звѣздъ, которыя бы «освѣтили имъ ихъ темный и опасный путь». Не должны ли мы тоже сказать и о литературѣ? Ея тропинки по временамъ также заметаются разнымъ мусоромъ, и иной сбившійся съ дороги путникъ тщетно старается найти слѣдъ замеченнаго пути. Въ такихъ случаяхъ будемъ подражать Бактріанамъ: отворотимъ взоры отъ окружающаго насъ мрака и обратимъ ихъ къ великимъ безсмертнымъ, — поищемъ пути при ихъ свѣтѣ. Жизнеописанія великихъ людей всегда были богаты уроками, всегда служили могущественнымъ стимуломъ высокихъ стремленій, — на нихъ смотрѣли всегда какъ на арсеналъ, гдѣ собрано оружіе, которымъ были выиграны великія битвы.

Можетъ быть, нѣкоторые изъ моихъ читателей будутъ оспаривать величіе Гете,—соглашаясь, что онъ былъ великій поэтъ, не согласятся, чтобъ онъ былъ въ тоже время и великій человекъ, и въ доказательство своего мнѣнія укажутъ на отсутствіе въ немъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ качествъ, которыми долженъ обладать ихъ идеалъ величія. Но называя Гете великимъ, я не думаю этимъ сказать, чтобъ онъ былъ идеалъ человека. Я не представляю его образцомъ всего великаго. Такихъ людей и не бываетъ. Величіе человечества проявляется, такъ сказать, отрывками, въ одномъ человекѣ проявляется одна сторона величія, въ другомъ—другая. Ахиллесъ одерживаетъ побѣду, Гомеръ дѣлаетъ ее безсмертной, и мы вѣнчаемъ лаврами и того, и другаго. По

*

своему гению Гете вполне заслуживаетъ названіе великаго. Такихъ людей, которые бы равнялись ему по гениальности, новѣйшія времена представляютъ не болѣе, какъ одного или двухъ, если только мы признаемъ, что великая гениальность не можетъ быть удѣломъ мелкихъ натуръ. И не по одной только гениальности великъ Гете. Меркъ говоритъ, что онъ жилъ еще лучше, чѣмъ писалъ. Его жизнь, несмотря на всѣ омрачающія ее слабости и заблужденія, запечатлѣна величіемъ души, къ которому нельзя оставаться равнодушнымъ. Я вовсе не намѣренъ скрывать его недостатки, но какъ бы мы строго ни осуждали ихъ, они не могутъ заслонить намъ тотъ свѣтъ, который озаряетъ всю его жизнь. Не имѣя ни малѣйшаго желанія ихъ оправдывать или смягчать, мы не можемъ, однако, не принять во вниманіе, что недостатки знаменитаго человѣка легко подвергаются преувеличеніямъ, — они тѣмъ ярче выступаютъ, тѣмъ ярче блескъ его славы. Еслибъ Гете не написалъ Фауста, никто бы и не зналъ, что онъ былъ непостояненъ въ любви, или что онъ былъ тепловатый политикъ. Его слава обезсмертила его пороки.

Начнемъ съ предковъ, насколько они могутъ насъ интересовать. Гете говоритъ намъ въ слѣдующихъ стихахъ, что онъ наследовалъ отъ нихъ и тѣлосложеніе, и наклонности, и не имѣлъ ничего, что могъ бы назвать самобытнымъ.

Vom Vater hab'ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen;
Von Mütterchen die Frohnatur,
Die Lust zu fabuliren.
Urahnherr war der Schönsten hold,
Das spukt so hin und wieder;
Urahnfrau liebte Schmuck und Gold,
Das zuckt wohl durch die Glieder.
Sind nun die Elemente nicht,
Aus dem Complex zu trennen,
Was ist denn an dem ganzen Wicht
Original zu nennen?

[Отъ отца я наследовалъ стройный станъ и строгій образъ жизни; отъ матери — счастливый нравъ и охоту рассказывать сказки; дѣдъ мой былъ волокита,

что проглядываетъ по временамъ и во внукахъ, бабушка моя любила наряды и пышность, къ чему неравнодушенъ и внукъ. Такъ какъ элементы не выдѣлимы изъ цѣлаго, то что же можно назвать самобытнымъ въ потомкѣ?]

Начало родословной Гете переносить насъ въ середину семнадцатаго столѣтія. Въ графствѣ Мансфельдъ, въ Тюрингіи, въ небольшомъ городкѣ Артернѣ жилъ кузнецъ, по имени Гансъ Христіанъ Гете. Сынъ его, Фридрихъ, болѣе склонный, вѣроятно, къ размысленію, чѣмъ отецъ, избралъ себѣ такое занятіе, которое требуетъ большаго участія умственныхъ способностей, чѣмъ ковка лошадей: онъ сдѣлался портнымъ. Окончивъ свой курсъ обученія (не тотъ курсъ, что проходилъ Вильгельмъ Мейстеръ), онъ одно время скитался изъ мѣста на мѣсто, и пришелъ наконецъ во Франкфуртъ. Здѣсь онъ скоро нашелъ себѣ работу, и такъ какъ былъ большой волокита, то скоро нашелъ и жену. Портной Себастіанъ Лутцъ выдалъ за него дочь, и онъ вступилъ во франкфуртское гражданство и въ цехъ портныхъ. Это было въ 1687 году. Отъ этого брака онъ имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, но всѣ они померли, а въ 1700 году умерла и жена. Черезъ пять лѣтъ онъ женился на вдовѣ Корнеліи Шелльгорнъ, дочери другаго портнаго, Георга Вальтера. Ей было уже тридцать шесть лѣтъ, но она имѣла хорошее состояніе, — была обладательницей трактира zum Weidenhof, и ея новый супругъ, оставивъ ножницы, надѣлъ на себя фартукъ хозяина-трактирщика. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, и умеръ въ 1730 году, 73 лѣтъ.

Младшій изъ двухъ сыновей, Іоганнъ Каспаръ, былъ отцемъ нашего поэта. Итакъ, Гете, какъ и Шиллеръ, также происходитъ изъ народа. Въ своей автобіографіи онъ ничего не говоритъ намъ ни о счастливомъ портномъ, ни о тюрингскомъ кузнецѣ. Это умолчаніе можетъ быть различно перетолковано. Сначала я думалъ, что оно было слѣдствіемъ аристократическаго чванства со стороны г. фонъ Гете, но потомъ разсудилъ, что предосудительно дѣлать злыя предположенія, когда имѣются другія, равно правдоподобныя и болѣе достойныя. Слѣдуя совѣту Артура Хельпса «употреблять наше воображеніе не на зло, а на добро ближнему», мы легко можемъ предположить, что Гете

потому умолчалъ о портномъ, что и на самомъ дѣлѣ никогда не зналъ его, что съ его именемъ не соединялось для него никакихъ дорогихъ воспоминаній дѣтства, которыя могли бы побудить его начертить въ своей автобіографіи фигуру дѣда портнаго на ряду съ фигурой дѣда Текстора, котораго онъ зналъ и любилъ. Очень можетъ быть также, что о портномъ рѣдко даже и говорилось въ родственномъ кругу, такъ какъ въ Германіи съ ремесломъ портнаго соединяется представленіе о такомъ типѣ людей, которые имѣютъ нѣчто особенное, смѣшное, и это нерѣдко заставляетъ даже людей съ меньшими притязаніями, нежели какія могъ имѣть Гете, умалчивать о подобныхъ родственныхъ связяхъ. Вѣроятно рѣчь идетъ объ этомъ дѣдѣ во второй книгѣ автобіографіи, гдѣ Гете рассказываетъ, какъ ему докучали насмѣшки мальчиковъ надъ его скромной родней, и какъ эти насмѣшники доходили даже до того, что утверждали, будто у него нѣсколько дѣдовъ, и онъ сталъ размышлять о предположеніи, что и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть имѣть какое-нибудь неизвѣстное ему аристократическое происхожденіе, и началъ съ любопытствомъ разсматривать портреты дворянъ, стараясь найти похожаго на себя.

Іоаннъ Каспаръ Гете получилъ хорошее образованіе, путешествовалъ по Италіи, сдѣлался потомъ императорскимъ совѣтникомъ во Франкфуртѣ, и въ 1748 г. женился на Катеринѣ-Елизаветѣ, дочери шультгейсса Іоанна Вольфганга Текстора.¹⁾

Вѣдь находятъ же интересными генеалогіи царей и завоевателей, — почему же не можетъ равно интересоваться и генеалогія поэта. Я считаю не лишнимъ приложить ее здѣсь.

¹⁾ Двойная фамилія Тексторъ и Веберъ до сихъ поръ существуютъ въ Гегенлозѣ. (Техтор есть переводъ на латинскій языкъ фамиліи Weber, т. е. ткачъ). Къ этой фамиліи принадлежалъ юмористъ Карлъ Юлій Веберъ, написавшій «Democritus» и «Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen». Въ описаніи празднованія юбилея Нюрнбергскаго университета, въ 1723 году, упоминается объ одномъ Іоаннѣ Вольфгангѣ Тексторѣ, какъ о бывшемъ украшеніи юридическаго факультета; г. Деммлеръ, которому я обязанъ этими подробностями, предполагаетъ, что это былъ тотъ самый Іоаннъ Вольфгангъ, который умеръ въ должноти франкфуртскаго обербургермейстера въ 1701 г.

ГЕНЕАЛОГИЯ ФАМИЛИИ ГЕТЕ.

Фридрих Георг Гете.

Род. 7 сент. 1667 г., в г. Артерн, в графств. Мансфельд, где его отец был кузнецом; в 1688 году стался гражданским Франкфурта-на-Майне и членом пеха португаль; в первом браке женился на Анне Елизавет-Дутт, дочери портного (умершей в 1700 году); во втором браке с 4 мая 1708 года на Корнелий Шелдгорн (род. 27 сентября 1668 года; похоронена 28 марта 1764 года); умер содержатель трактира при Weidenhof во Франкфурте; похоро-

Юлианн Михаил Гутт, умер в 1733 г. Юлианн Каспар Гутт, род. 31 июля 1710 года; ум. 27 мая 1783 г. императорским советником во Франкфурте; женился 20 августа 1748 г. на Катерин Елизавет Тиксторф (род. 19 февр. 1731 года; умер. 13 сент. 1808 года).

Юлианн Вольганг фон-Гутт, род. 26 авг. 1749 г.; ум. 22 мар. 1832 г. Корнелий Фридрих Христиан, род. 3 дек. Германа Йозеф, род. Катерина Елизавета, Юлианн Мария, Георг Аксель, сестры Вольганга во Франкфурте. 26 июня 1777 г. в Эммендин- 26 ноября 1752 г.; род. 8 сент. 1754 г.; род. 28 марта 1760 г., жена с Христианой Нудингус тиза; была замуж. с 1 нояб. 1773 г. за умер. 11 янв. 1759 умерла 19 янв. 1756 1754 г.; ум. 9 г.; ум. 16 февр. (ум. 6 июл. 1816 г.), обвенчалась Юлианн Тиксторф Шлосберг (род. 1739 г., ум. 1799 г. во Франкфурте).

Юлианн Август Вольганг фон-Гутт, род. 26 июля Анна Луиза Шлосберг, род. 28 окт. Елизавета Катерина Юлиан Шлосберг, 28 окт. 1789 г. в Веймар, умер тайн. совет. 1774 года, умер. 26 сент. 1811 г. в 1785 род. 10 мая 1777 г., умер. 5 июля в 1817 г. на Оттави фон-Поттат. 34 лет (умер. 1839 г.)

Вольганг Вольганг фон-Гутт, род. в сев. Вольганг Малос фон-Гутт, род. 18 сен. Анна фон-Гутт, род. 1818 года. в отб. 1887 г.

ГЕНЕАЛОГИЯ ФАМИЛИИ ТЕКСТОРЕ.

Георг Визер.

Грамматик Рейерштейн, небольшого города в округе Яста, близ Мергентейма.

Вольганг Визер.

Сестрица в Гогенло и директор канцелярии в Нейенштейн; по обычаю того времени переехал свою фамилию Визер на латинский язык и назывался Тиксторф.

Юлианн Вольганг Тиксторф.

Родился в Нейенштейне, до 1690 года был членом суда и канцелярии в курфюршеском суде в Гейдельберге, потом консулом и первым син-диком во Франкфурте, где и умер 27 декабря 1701 г.

Христиан Георг Тиксторф, сестрица восточн. и адвокат курфюрста (Юлианн Юлиан Николай Тиксторф, пономарь в градоначальств, женился в 1787 г. на доч. фон-Балхазен, урожденной фон-Каттенберг).

Юлианн Вольганг Тиксторф, род. 12 дек. 1696 г.; ум. 6 февр. 1771 г. император-ский советник во Франкфурте, был женат на Анне Маргарет Янцгейн,

дочери доктора Копенгага Янцгейна, прокурора императорской судебной палаты в Регенсбурге (род. 31 июля 1711 года, умер 15 апреля 1763 года.)

Катерина Елизавета, род. 19 февр. Юлианн Мария, род. 1734 г. в-м- Анна Мария род. 1738 г., в-м- Юлианн Густав, род. в 1739 г., 1731 г.; ум. 13 сент. 1808 г., вы-пла замуж 2 ноября 1751 г. пла замуж 2 ноября 1756 г., ум. 19 сент. 1793 г. переехал во Франкфурт. 24 поэт, сестрица Гутт. Франкфурт.

Отец Гете былъ человекъ холодный, суровый, формалистъ, отчасти педантъ, но прямодушный и правдолюбивый. Онъ жаждалъ знанія, и хотя лаконически, но свободно передавалъ то, что зналъ. Въ домашнемъ кругу слово его считалось закономъ и хотя онъ былъ нетолько властолюбивъ, но даже нѣсколько капризенъ, жена, дѣти, знакомые, всѣ глубоко уважали его, если и мало любили. Краузе говорить про него, что онъ былъ ein geradliniger Frankfurter Reichsbürger—«истинный франкфуртскій гражданинъ», котораго поступки были такъ же мѣрны, какъ и его поступъ.¹⁾ Отъ него наследовалъ поэтъ стройный станъ, прямую осанку и мѣрный шагъ, что въ старости придавало ему натянутый видъ, и это обыкновенно приписывали дипломатичности или высокоумію; отъ него также наследовалъ онъ любовь къ порядку и стоицизмъ, приводившіе въ смущеніе людей, которые не могли себѣ представить, чтобъ геній могъ не быть безпорядоченъ въ своихъ привычкахъ. Жажда знанія, удовольствіе передавать его другимъ, вниманіе къ мелочамъ, доходившее почти до педантизма, всѣ эти качества поэта мы находимъ и у отца.

Мать болѣе, чѣмъ отецъ, подходитъ къ типу такихъ людей, какими наше воображеніе обыкновенно рисуетъ намъ родителей поэта. Она принадлежитъ къ числу самыхъ привлекательныхъ и наиболѣе ярко выдающихся личностей въ нѣмецкой литературѣ. Ея простой, чистосердечный, веселый и симпатичный нравъ возбуждалъ къ ней общую любовь. Она была радостью дѣтей, любимицей поэтовъ и государей. Фгау Аја, какъ ее называли, соединяла въ себѣ достоинство съ простотой, была вмѣстѣ и серьезна, и простосердечна, и до самой смерти сохранила въ своемъ характерѣ восторженность и добродушіе, соединенныя съ замѣчательной проницательностью и знаніемъ людей. Она прочла большую часть лучшихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ писателей, и пріобрѣла отъ нихъ значительный запасъ отрывочнаго знанія; она была одарена тѣмъ умомъ, который такъ часто въ женщинахъ и

¹ Можетъ быть слово geradliniger должно быть въ этомъ случаѣ переведено буквально словомъ «прямолинейный» и содержать въ себѣ указаніе на старинный покрой одежды. Отцы нынѣшняго поколѣнія называли кастанъ дѣловъ, имѣвшій воротникъ и полы прямоугольные, magister mathezeos, какъ въ Германіи обыкновенно называютъ Пифагорову теорему.

поэтахъ дѣлаегь, повидимому, излишней всякую ученость и своей быстрой проницательностью предвосхищаетъ выводы знанія. Письма ея полны ума: правда, не всегда строго граматичны, не безъ орфографическихъ ошибокъ, но всегда сильны и живы. Поговоривъ съ ней, одинъ энтузіастъ воскликнулъ: «Теперь я понимаю, какимъ образомъ Гете сдѣлался такимъ человѣкомъ!» ¹⁾ Виландъ, Меркъ, Бюргеръ, г-жа де-Сталь, Карлъ Аугустъ и другіе знаменитости искали ея знакомства. Герцогиня Амалія вела съ ней задушевную переписку, и веймарскій дворъ съ жадностью читалъ ея письма. Семнадцати лѣтъ вышла она замужъ за человѣка, котораго не любила, и когда поэтъ родился, ей было только осемнадцать лѣтъ. ²⁾ Это обстоятельство не состарило ее преждевременно, а напротивъ, повидимому, сдѣлало ее молодой на всю жизнь. «Мы съ Вольфгангомъ всегда были близки другъ къ другу, — говорила она, — потому что оба были молоды.» Отъ нея наслѣдовалъ сынъ любовь рассказывать, живой умъ, расположеніе ко всему, что болѣе или менѣе носитъ на себѣ печать самобытности, любовь видѣть кругомъ себя веселыя лица. «Порядокъ и спокойствіе, — говоритъ она въ одномъ изъ предестинныхъ своихъ писемъ къ фонъ-Штейну, — вотъ главные черты моего характера. Я никогда не откладываю свои дѣла, и если мнѣ предстоитъ что непріятное, то иду ему прямо навстрѣчу и проглатываю чорта, даже не посмотрѣвъ на него, — и какъ только все придетъ въ свой обыкновенный порядокъ, я дѣлаюсь опять весела, и тогда никто не превзойдетъ меня въ счастливомъ расположеніи духа.» Общую къ ней любовь она приписываетъ своему добросердечію и терпимости. «Я люблю людей, и это каждый тотчасъ чувствуетъ — и молодой и старый. Я живу въ свѣтѣ безъ претензій и это всѣхъ располагаетъ ко мнѣ; никогда не осуждаю, всегда ищу въ людяхъ хорошее, а дурное оставляю на долю тому, кто создалъ родъ человѣческій и знаетъ, какъ округлить углы. Вотъ какимъ образомъ дѣлаю я себѣ жизнь счастливой и пріятной.» Кто не узнаетъ сына въ этихъ словахъ?

¹⁾ «Ephemeriden der Literatur», Nico'ovius über Goethe.

²⁾ Любителямъ сравненій можно при этомъ напомнить, что матери Наполеона было только осемнадцать лѣтъ когда родился аустерлицкій герой

Добрѣйшій изъ людей наслѣдовалъ свою любящую счастливую натуру отъ добросердечнѣйшей изъ женщинъ.

Отъ матери также перешла къ сыну и та заботливость, съ какою она предусмотрительно охраняла свое спокойствіе духа и старалась устранять отъ себя все, что могло ее обезпокоить или взволновать безъ всякой пользы. Ея свѣтлая натура боялась бурь. Она давала наставленіе своимъ слугамъ, чтобъ они не тревожили ее никакими печальными новостями, если только не встрѣтится къ тому дѣйствительной необходимости. Въ 1805 году, когда ея сынъ опасно заболѣлъ въ Веймарѣ, никто не осмѣливался говорить съ ней объ этомъ, и она сама не говорила объ этомъ ни слова, пока сынъ не выздоровѣлъ. «Я знала все, — замѣтила она, — но ничего не говорила, потому что всякій разговоръ о немъ только бесполезно растравлялъ бы рану моего сердца; теперь же я готова говорить о немъ, сколько хотите.»

Это сознательное охраненіе своего душевнаго спокойствія представляетъ нѣчто совершенно противоположное той жадѣ къ возбужденіямъ, которою, какъ извѣстно, отличаются тевтонскія племена, — нѣчто совершенно непохожее на болѣзненную страсть къ потрясающимъ драмамъ, къ душевному опьяненію сильными ощущеніями, на которыя мы такъ падки, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Гете обвиняли въ безчувственности. Но это обвиненіе несправедливо. Достаточно самага поверхностнаго ознакомленія съ его характеромъ, чтобъ убѣдиться, что если онъ избѣгалъ «сильныхъ ощущеній», то это происходило не вслѣдствіе холодности, не вслѣдствіе недостатка, а вслѣдствіе излишка чувствительности. Его чувствительная натура боялась сильныхъ потрясеній. То, что для натуръ болѣе грубыхъ было бы только возбужденіемъ, приводило его въ совершенное разстройство. Правда, впечатлительнымъ натурамъ свойственно инстинктивное влеченіе къ сильнымъ возбужденіямъ, но умъ Гете былъ настолько силенъ, что подчинялъ себѣ инстинктивныя стремленія. Фалькъ рассказываетъ, что когда онъ сказалъ Гете, что видѣлъ, какъ умиралъ Виландъ, и вслѣдствіе этого провелъ весьма тяжелый вечеръ и еще болѣе тяжелую ночь, то Гете сильно порицалъ его за это. «Я не хочу — сказалъ онъ при этомъ — чтобъ видъ безобразной смерти исказилъ въ моей памяти дорогія для меня черты моего

друга? Я старался не смотрѣть на Шиллера, Гердера, герцогиню Амалию, когда они лежали въ гробу. Я хочу сохранять въ моей памяти живой образъ моихъ друзей, не обезображенный смертью.»

Подчиненіе инстинктивныхъ влеченій разсудку не есть холодность. Конечно, опасно, когда это подчиненіе заходитъ слишкомъ далеко, — оно можетъ очерствить душу; но ни про Гете, ни про его мать нельзя сказать, чтобъ они доходили до этой крайности. Во всякомъ случаѣ впрочемъ, какого бы мнѣнія читатель объ этомъ ни былъ, онъ долженъ прежде всего составить себѣ ясное понятіе объ этой главной характеристической чертѣ Гете, такъ какъ она есть ключъ къ уразумѣнію всего его характера. Въ немъ душевное движеніе было подчинено разсудку. Онъ былъ «господинъ надъ самимъ собой!» Найдя людей, какъ онъ самъ говоритъ, стремящимися только къ тому, какъ бы пріобрѣсти власть надъ другими, и нисколько не заботящимися о пріобрѣтеніи власти надъ самими собой, —

Das wollen alle Herren sein,
Und keiner ist Herr von sich!

[Всѣ хотятъ быть господами, а ни одинъ изъ нихъ не господинъ самъ себѣ!]

— онъ старался свести къ гармоническому единству свои страстные стремленія, которыя безпрестанно угрожали ниспровергнуть верховность разума. Приступая къ описанію его жизни, мы должны прежде всего обратить вниманіе читателя на ту главную его характеристическую черту, что свѣточъ, руководившій имъ на жизненномъ пути, горѣлъ не тѣмъ робкимъ свѣтомъ, который дрожитъ при каждомъ дуновеніи и грозитъ потухнуть подъ напоромъ грубыхъ инстинктовъ, — желѣзная воля держала этотъ свѣточъ высоко надъ волненіями низкихъ страстей и постоянно озаряла свѣтлымъ ровнымъ лучемъ трудный путь жизни. Я не говорю, чтобъ онъ никогда не спотыкался въ жизни. Онъ былъ человѣкъ, часто заблуждался, и по временамъ, увлекаемый страстями, также сбивался съ пути, какъ и другіе люди; но, не останавливаясь на частностяхъ, а говоря вообще о его жизни, я утверждаю, что едвали въ комъ изъ его современниковъ можемъ мы указать

болѣе высокое, чѣмъ у него, самообладаніе, которое бы опиралось на столь могучую силу воли, руководимую столь яснымъ и сильнымъ умомъ. ¹⁾

Этимъ онъ обязанъ отчасти отцу и отчасти матери. Отъ послѣдней наслѣдовалъ онъ тѣ свойства характера, которыя потомъ опредѣлили движеніе и орбиту его художественной натуры. Здоровый темпераментъ, вѣчно бодрое настроеніе духа, юморъ, фантазія, впечатлительность, все это перешло отъ матери къ сыну и получило въ сынѣ творческую силу, благодаря тому чудному дару прозрѣнія, который умѣетъ соединять въ новыя и живыя комбинаціи отрывочныя и быстро преходящія впечатлѣнія прожитой жизни.

ГЛАВА II.

Не по годамъ развитой ребенокъ.

Іоаннъ Вольфгангъ Гете родился въ шумномъ городѣ Франкфуртъ на Майнѣ, 28-го августа 1749 года, когда часы били двѣнадцать. Занятый своими дѣлами, городъ нисколько не заботился, конечно, о томъ, что происходило въ то время въ углу низкой и полу-свѣтлой комнатки въ Grosse Hirsch Graben, гдѣ хлопотали кругомъ новорожденнаго, который почти не обнаруживалъ признаковъ жизни и лежалъ весь почернѣвшій,—и гдѣ безпокойство скоро смѣнилось слезами радости, когда наконецъ престарѣлая бабушка воскликнула, обратясь къ блѣдной матери: *Räthin, er lebt!!* Онъ живъ! Но если городъ нисколько объ этомъ не заботился, не такъ было со звѣздами, какъ свидѣлствуютъ астрологи; звѣзды знали, кто этотъ полуживой ребенокъ, отъ ко-

¹⁾ «Все, что я ни дѣлалъ —говорить онъ самъ.—я дѣлалъ по-царски, и если находилъ что нужнымъ сдѣлать, дѣлалъ это не обращая вниманія на людскіе толки.»

тораго мать съ трепетомъ ждетъ признаковъ жизни, и въ торжественномъ совѣтѣ предназначали его будущее величіе. Гете съ серьезной улыбкой говоритъ объ этомъ предназначеніи звѣздъ.

Что ни говорили бы, впрочемъ, звѣзды, августъ 1749 года былъ достопамятнымъ мѣсяцемъ для Германіи потому уже, что въ этомъ мѣсяцѣ родился человекъ, который имѣлъ на свой народъ столь великое вліяніе какого, со временъ Лютера не имѣлъ ни одинъ изъ его соотечественниковъ, не исключая даже Лессинга. Достопамятный мѣсяцъ достопамятной эпохи. Это было въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія, когда движеніе, имѣвшее своимъ высшимъ представителемъ Лютера, отъ религіи стало переходить въ сферу политики и свобода мысли стремилась превратиться въ свободу дѣйствія. Отъ теологін движеніе сообщилося философін, нравственности и политикѣ. Броженіе новыхъ идей въ то время совершалось еще преимущественно только въ высшихъ классахъ, но начинало уже постепенно захватывать и низшіе классы. Это было время тревожное, безпокойное, чреватое событіями, среди которыхъ потомъ растерялись многіе умѣйшіе люди и которымъ суждено было расширить горизонтъ человѣчества.

Задача біографа—исторія человека, а не исторія эпохи, но нѣкоторыя историческія указанія необходимы, чтобъ въ умѣ читателя могло сложиться живое представленіе времени и мѣста дѣйствія; кратчайшимъ къ тому путемъ, я полагаю, будетъ, если мы укажемъ на нѣкоторые «знаменитости» той эпохи и какой именно періодъ своего поприща переживали они въ то время. Въ этомъ же самомъ августѣ мѣсяцѣ *Madame du Chatelet*, ученая переводчица Ньютона, любящая, но педантичная *Uranie* Вольтера, умерла отъ родовъ и оставила своего друга одинокимъ, безъ совѣтника, который бы предостерегъ его отъ поѣздки ко двору Фридриха Великаго. Въ этомъ году Руссо появлялся въ блестящемъ кругу *Madame d'Épinay*, спорилъ съ энциклопедистами, краснорѣчиво проповѣдывалъ о святыхъ обязанностяхъ родителей и въ то же время относилъ своего новорожденного ребенка въ воспитательный домъ. Въ этомъ же году Самуэль Джонсонъ энергически трудился надъ англійскимъ словаремъ; Гиббонъ жилъ въ Вестминстерѣ и безуспѣшно старался одолѣть греческую и латинскую грамматику; Гольдсмитъ продолжалъ еще очаровывать своимъ та-

лантомъ гулякъ своего околodka и «странствующихъ медвѣдево-жателей отборнѣйшаго сорта» и предавался тѣмъ наслажденіямъ беззаботнаго far niente у камина и карточной игры въ трактирѣ, о которыхъ потомъ такъ сильно тосковалъ въ первое время своей трудной лондонской жизни. Въ этомъ же году Бюффонъ, котораго научное величіе Гете призналъ одинъ изъ первыхъ, написалъ первый томъ своей *Histoire Naturelle*. Галлеръ дѣлалъ въ Геттингенѣ свои опыты, которые потомъ должны были его обезсмертить. Джонъ Гонтеръ въ то время только-что оставилъ Шотландію и сошелся съ Чесельденомъ въ Чельсискомъ госпиталѣ. Мирабо и Альфіери были еще въ то время тиранами въ своихъ дѣтскихъ, а Маратъ, тогда еще невинный, пятилѣтній ребенокъ, бѣгалъ въ Val de Travers, не тревожимый мыслью о «злыхъ аристократахъ».

Мы надѣемся, что этихъ именъ достаточно, чтобъ возбудить въ читателѣ живое представленіе той эпохи, когда родился Гете; ознакомленіе же съ мѣстомъ его рожденія мы можемъ почерпнуть изъ его собственныхъ сочиненій. Гете описываетъ Франкфуртъ съ любовью, и мы замѣтимъ, что ни одному изъ германскихъ городовъ такъ не приличествовало быть мѣстомъ рожденія поэта-космополита, какъ Франкфурту. Этотъ городъ былъ богатъ воспоминаніями прошедшаго, остатками старинной Германіи, въ немъ еще раздавалось эхо средневѣковой жизни; его средневѣковые памятники, монастыри съ ихъ стѣнами, различныя символическія церемоніи, сохранившіяся отъ временъ феодализма, Жидовскій Кварталь, столь живописный и въ то же время столь грязный и столь поразительно характеричный,—все это составляло какъ будто особый городъ внутри новаго города. Притомъ Франкфуртъ былъ не только представителемъ прошедшаго,—онъ одинаково былъ представителемъ и настоящаго. Путешественники, стекавшіеся туда по Рейну и по большимъ сѣвернымъ дорогамъ, дѣлали его представителемъ современности и средоточіемъ торговли. Онъ былъ центромъ вновь нарождавшейся силы,—индустриализма, который уже началъ въ то время выполненіе своей непреложной задачи—разрушеніе феодализма. Такой двойственный характеръ Франкфуртъ сохранилъ до настоящаго времени и съ вершинъ его древнихъ шпицевъ аисты любятъ на пеструю ярморочную толпу, кото-

рую современный индустриализмъ собираетъ на его средневѣковыхъ улицахъ.

Любовь къ древности и преимущественно къ древней германской жизни, развившаяся въ повѣтъ подѣ вліяніемъ роднаго города, встрѣтила себѣ соперницу въ любви къ Италіи и ея величію, которая воспиталась въ немъ подѣ вліяніемъ родительскаго крова. Отецъ его одно время жилъ въ Италіи и потомъ остался на всю жизнь горячимъ поклонникомъ ея красотъ. Стѣны его комнатъ были увѣшаны планами и видами Рима, и такимъ образомъ Гете съ самого ранняго дѣтства былъ близко знакомъ и съ Piassa del Popolo, и съ соборомъ Св. Петра, и съ Колизеемъ, и съ другими памятниками величія Италіи. Весьма характеристично это сопоставленіе двухъ состязующихся между собой элементовъ, классическаго и германскаго, изъ которыхъ одинъ обхватывалъ его въ домашней жизни, а другой окружалъ извнѣ и былъ для него только предметомъ созерцанія. По своей натурѣ Гете былъ скорѣе грекъ, чѣмъ нѣмецъ, но никогда не выходилъ изъ-подѣ германскаго вліянія.

Сказанное мною даетъ достаточное понятіе о времени и мѣстѣ, этихъ главныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни. Но прежде чѣмъ перейти къ біографическимъ подробностямъ, считаю умѣстнымъ указать здѣсь еще на одно обстоятельство, опредѣлившее характеръ жизни Гете, на которое до сихъ поръ обыкновенно не обращали вниманія. Гете принадлежалъ къ среднему состоянію, — онъ былъ поставленъ въ серединѣ между двумя опасными крайностями, излишкомъ и недостаткомъ, и никогда не зналъ бѣдности. Поэтому въ жизни его мы не встрѣчаемъ той могущественной струны, которая играетъ столь великую роль въ жизни многихъ гениальныхъ людей. Онъ не проходилъ школы бѣдности, этой суровѣйшей изъ всѣхъ школъ, — никогда не зналъ нужды и ея страшныхъ внушеній. Ему не приходилось бороться изъ-за куска хлѣба, завоевывать себѣ мѣсто на землѣ; поэтому тѣ чувства горечи, раздраженія и вражды, которыми обыкновенно сопровождается трудная борьба жизни, ему были незнакомы, и жизнь его была чужда той вызывающей на борьбу энергической дѣятельности, которую подобныя чувства обыкновенно возбуждаютъ въ страстныхъ нату-

рахъ. Не этому ли обстоятельству должны мы главнымъ образомъ приписать его ясное, спокойное настроеніе духа и его нерасположеніе къ политической дѣятельности?

Что онъ былъ прелестный младенецъ, которымъ всѣ восхищались, и что еще въ пеленкахъ онъ выказывалъ необыкновенныя способности,—чтобъ знать это, намъ не нужно никакихъ біографическихъ изысканій. Не говорится ли это о каждомъ младенцѣ? Но что онъ дѣйствительно былъ удивительный ребенокъ, — мы имѣемъ на это несомнѣнныя указанія, болѣе достовѣрныя, чѣмъ свидѣтельства матери и родственниковъ. Когда ему было три года, онъ уже неохотно игралъ съ дѣтьми, и если игралъ, то только съ хорошенькими. Однажды въ сосѣднемъ домѣ онъ началъ плакать и кричать: «Не надо этого чернаго ребенка! не надо его.» И онъ заливался слезами, пока не унесли его домой, гдѣ съ трудомъ успокоили: вся причина этихъ слезъ заключалась въ томъ, что ребенокъ былъ дурень собой. Нѣкоторые философы были бы не прочь по этому случаю исписать цѣлыя страницы глубокомысленными разсужденіями о томъ, что такой поступокъ со стороны трехлѣтняго ребенка свидѣтельствуетъ о врожденномъ въ немъ чувствѣ любви къ изящному; но я надѣюсь, что читатель охотно уволитъ меня отъ подобныхъ разсужденій.

Вмѣстѣ съ ребенкомъ Гете росла живая и веселая дѣвочка, сестра его Корнелія. У его матери было еще четверо другихъ дѣтей, но всѣ они вскорѣ умерли. Одна только Корнелія осталась въ живыхъ и любовь къ ней брата началась еще съ ея колыбели. Онъ приносилъ ей свои игрушки, хотѣлъ одинъ кормить ее и смотрѣть за ней, ревновалъ къ ней всѣхъ, кто къ ней приближался. «Когда ее брали изъ колыбели, онъ приходилъ въ сильный гнѣвъ, и трудно было его успокоить. Вообще онъ былъ болѣе склоненъ сердиться, чѣмъ плакать.» Его страстная привязанность къ сестрѣ продолжалась всю жизнь.

Во Франкфуртѣ, какъ и въ другихъ старинныхъ городахъ Германіи, нижніе этажи домовъ состоятъ обыкновенно изъ обширнаго сарая, гдѣ помѣщаются повозки. На полу сарая устраивается опускающаяся дверь, ведущая въ подпольный погребъ, гдѣ хранятся бочки съ виномъ. Одинъ уголъ сарая отгораживается и имѣетъ особое сообщеніе съ улицей чрезъ желѣзную или деревянную рѣшет-

ку. Этотъ отгороженный уголъ называется Gегäms. Здѣсь обыкновенно держатъ посуду, которая требуется для ежедневнаго употребленія; здѣсь кухарки чистятъ картофель, крошатъ морковь и рѣпу для кушанья; здѣсь обыкновенно сидитъ хозяйка за шитьемъ или за вязаньемъ, глазѣя по временамъ, что происходитъ на улицѣ или прислушиваясь къ говору сосѣдей. Этотъ Gегäms обыкновенно избираютъ дѣти для своихъ игръ.

Въ одинъ прекрасный день, послѣ полудня, когда всѣ въ домѣ отдыхали, маленькій Вольфгангъ забрался одинъ въ Gегäms и глазѣлъ оттуда на улицу, разговаривая разными телеграфическими знаками съ маленькими Оксенштейнамъ, которые жили напротивъ. Отъ нечего дѣлать онъ началъ бросать посуду на улицу, восхищаясь музыкой, какую производила разбивавшаяся посуда, и, поощряемый одобреніемъ братьевъ Оксенштейновъ, которыхъ веселый смѣхъ раздавался на противоположной сторонѣ улицы. Въ то время, какъ блюда и тарелки летѣли такимъ образомъ на улицу, вошла мать; въ первую минуту она пришла въ ужасъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ бережливой хозяйки, но этотъ ужасъ сейчасъ же смѣнился добродушнымъ умиленіемъ, какъ только она услышала веселый смѣхъ своего маленькаго шалуна и его маленькихъ сосѣдей.

Эта умная, добрая и снисходительная мать имѣла способность рассказывать сказки, которыми она не только забавляла сына, но и сама забавлялась. «Я никогда не уставала рассказывать, — говоритъ она, — а онъ не уставалъ слушать. Воздухъ, огонь, землю, воду я представляла въ видѣ принцессъ, всѣмъ явленіямъ стихій придавала особый сказочный смыслъ, и нерѣдко сама вѣрила своимъ вымысламъ болѣе даже, чѣмъ мои маленькіе слушатели. Рассказывая о путяхъ, ведущихъ отъ одной звѣзды къ другой, о нашемъ будущемъ переселеніи на звѣзды, о великихъ геніяхъ, съ которыми мы тамъ встрѣтимся, я ждала съ неменьшимъ нетерпѣніемъ часа рассказа, чѣмъ и сами дѣти; я не меньше ихъ интересовалась знать дальнѣйшій ходъ моей импровизаціи, и всякое приглашеніе, прерывавшее наши вечернія бесѣды, было для меня крайне непріятно. Когда я рассказывала, Вольфгангъ уставлялъ на меня свои черные глаза, и если судьба кого-либо изъ его любимцевъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ, онъ былъ не-

доволенъ, жилы напрягались у него на вискахъ, и онъ глоталъ слезы. Часто прерывалъ онъ мои рассказы возгласами въ родѣ слѣдующаго: «Но, маменька, вѣдь принцесса не выйдетъ замужъ за сквернаго портнаго, если онъ даже и убьетъ великана.» Когда по случаю поздняго часа я откладывала окончаніе разсказа до слѣдующаго вечера, то была увѣрена, что въ этотъ промежутокъ онъ станетъ дѣлать разныя предположенія о томъ, что будетъ далѣе, и это сильно подстрекало дѣятельность моей фантазіи, — и если продолженіе разсказа соотвѣтствовало его предположеніямъ, онъ весь вспыхивалъ и по одеждѣ видно было, какъ сильно билось въ это время юное сердце. Свои мысли о дальнѣйшей судьбѣ героевъ разсказа онъ повѣрялъ бабушкѣ, у которой былъ любимцемъ, а та передавала мнѣ, и я примѣняла продолженіе разсказа къ его мыслямъ, дипломатически скрывая отъ него, что ихъ знаю. Надо было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ слушалъ Вольфгангъ, какъ его глаза сіяли восторгомъ, когда предположенія его оправдывались!» Не правда ли, какъ восхительны они оба, — и мать, и сынъ!

Бабушка, о которой здѣсь говорится, жила въ томъ же домѣ, и когда уроки кончались, дѣти бѣжали въ ея комнату играть. Хорошая старушка гордилась тѣмъ, что она — бабушка, баловала своихъ внуковъ и давала имъ разныя лакомства. Но никакое лакомство не могло сравниться съ тѣмъ подаркомъ, какой она сдѣлала своимъ внукамъ на елку въ 1753 году, — она подарила имъ кукольную комедію, которая, какъ говоритъ Гете, «создала въ домѣ новый міръ.» Читатель, знакомый съ Вильгельмомъ Мейстеромъ, помнитъ, вѣроятно, съ какой торжественной важностію говорится тамъ объ этой кукольной комедіи, и легко представить себѣ, какъ сильно должна была она дѣйствовать на воображеніе ребенка.

Былъ еще дѣдушка Тексторъ, жившій въ особомъ домѣ, котораго дѣти также охотно посѣщали. Важный, молчаливый старикъ, славившійся даромъ объяснять сны, внушалъ окружающимъ нѣкоторый таинственный страхъ и производилъ сильное впечатлѣніе на ребенка Гете. На портретѣ онъ представленъ въ парикѣ а huit etages, на шеѣ — массивная золотая цѣпь, на которой виситъ медаль, полученная имъ отъ императрицы Маріи Терезіи;

но въ памяти Гете живѣе сохранялся другой его образъ, какъ онъ въ шлафрокѣ и туфляхъ гулялъ въ саду между цвѣтниками, полоть, копалъ, поливалъ, — или какъ онъ возсѣдалъ за обѣденнымъ столомъ въ воскресные дни, когда къ нему собирались гости.

Между тѣмъ, какъ мать своимъ превосходнымъ методомъ развивала въ ребенкѣ самостоятельность ума, отецъ развивалъ въ немъ способности воспріятія. Гете говоритъ объ отцовскомъ методѣ воспитанія съ меньшимъ одобреніемъ, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; причина этому заключается вѣроятно въ томъ, что поэтъ впоследствии глубоко сознавалъ въ себѣ недостатокъ систематическаго образованія. Отецъ руководился въ воспитаніи сына тѣмъ превосходнымъ принципомъ, что слѣдуетъ болѣе заботиться о развитіи ума, чѣмъ памяти, — диктовалъ какой-нибудь рассказъ, обыкновенно что-нибудь изъ ежедневной жизни, или изъ жизни Фридриха Великаго, и потомъ ребенокъ на эту тему писалъ разговоры и нравственныя размышленія по-латыни и по-нѣмецки. Нѣкоторые изъ этихъ дѣтскихъ произведеній сохранились и были изданы. При первомъ же взглядѣ на нихъ видно, какъ хорошо умѣлъ уже владѣть латинскимъ языкомъ осьмилѣтній мальчикъ. Конечно, мы не можемъ быть совершенно увѣрены, чтобъ рука учителя не участвовала въ произведеніяхъ ученика, но то обстоятельство, что учитель, какъ извѣстно, постоянно держался правила поощрять ребенка къ самостоятельной дѣятельности, говорить противъ этого предположенія, хотя эти произведенія по ихъ стилю несомнѣнно превосходятъ упражненія даже взрослыхъ учениковъ. Д-ръ Вейземанъ, изъ Франкфурта, которому мы обязаны знакомствомъ съ произведеніями шести-семи-и осьмилѣтняго Гете, считаетъ неподлежащимъ сомнѣнію, что эти произведенія были писаны безъ всякой посторонней помощи. Въ одномъ изъ нихъ встрѣчается слѣдующая игра словъ, которая свидѣтельствуетъ, что оно было написано сперва по-латыни и потомъ уже переведено на нѣмецкій языкъ: «дитя дѣлаетъ восковыя фигуры, и отецъ говоритъ ему, зачѣмъ онъ занимается такими пустяками»; здѣсь употреблено *pues*, что означаетъ въ переносномъ смыслѣ пустяки, но мальчикъ намѣренно принимаетъ это слово въ прямомъ его смыслѣ и отвѣчаетъ: — «*sega nunc ludo, non nucibus*» — «Я играю

*

воскомъ, а не орѣхами.» Нѣмецкое слово Nüsse, орѣхи, не имѣетъ переноснаго смысла.

Вотъ одно изъ его нравственныхъ разсужденій: «Гораций и Цицеронъ, хотя и были язычники, однако чувствительнѣе многихъ христіанъ,—потому что одинъ говоритъ: серебро ниже золота, а золото ниже добродѣтели, а другой говоритъ: ничего нѣтъ прекраснѣе добродѣтели. Мало этого, многіе язычники превосходили христіанъ въ добродѣтели. Кто былъ вѣрнѣе въ дружбѣ Дамона? великодушнѣе Александра? справедливѣе Аристиды, воздержнѣе Діогена? терпѣливѣе Сократа? челоуѣколюбивѣе Веспасіана? трудолюбивѣе Апеллеса и Демосѣена?» Конечно, эти разсужденія весьма плоски, но сколько людей пробавляется подобными плоскостями даже и въ зрѣломъ возрастѣ.

Онъ показываютъ намъ, что мальчикъ былъ отчасти «стариннаго покроя», и свидѣтельствуютъ о большихъ его успѣхахъ. Особенно замѣчательны его успѣхи въ греческомъ языкѣ, какъ это видно изъ изданныхъ его упражненій. По-итальянски онъ учился, слушая, какъ отецъ училъ Корнелію; онъ показывалъ видъ, что будто занимается своимъ урокомъ, а между тѣмъ прислушивался, чему отецъ учитъ сестру. Упражненія его свидѣтельствуютъ, что онъ учился также и по-французски. Такимъ образомъ не достигши еще осьми лѣтъ, онъ уже писалъ по-нѣмецки, по-французски, по-итальянски, по-латыни и по-гречески.

Дѣйствительно это былъ не по годамъ развитой ребенокъ, что вѣроятно поразитъ многихъ читателей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые раздѣляютъ общепринятое мнѣніе, что раннее развитіе есть признакъ болѣзненности, что необыкновенныя дѣти суть погнѣшіе плоды, которымъ не суждено дозрѣть, — ранніе цвѣты, безвременно увядающіе. *Observatum fere est celerius occidere festinatam maturitatem*, печально замѣчаетъ Квинтиліанъ, вспоминая объ уtratъ своего любимаго сына, и какъ часто, въ самомъ дѣлѣ, случалось, что дѣти, составлявшія гордость своихъ родителей, не выполняли потомъ возбужденныхъ ими надеждъ: или преждевременно умирали, или, достигая зрѣлости, становились обыкновенной посредственностью. Надо замѣтить, что вообще относительно этого существуетъ нѣкоторая сбивчивость въ понятіяхъ, которая устранится, если мы не будемъ упускать изъ ви-

ду, что люди отличаются двоякаго рода способностями: способностью воспринимать и способностью производить, — они изучают и изобрѣтаютъ. Великіе люди имѣютъ обѣ эти способности. Шекспиръ и Гете не менѣе замѣчательны разнообразіемъ своего знанія, чѣмъ изобрѣтательностью своего ума. Мы обыкновенно называемъ умнымъ того ребенка, который скоро выучиваетъ свои уроки, и называемъ также умнымъ того, который выказываетъ остроту ума, проницательность, изобрѣтательность, и, употребляя такимъ образомъ одно и то же выраженіе для обозначенія различныхъ вещей, сами готовимъ себѣ удивленіе, когда ребенка, который былъ «такъ уменъ» въ школѣ, въ зрѣломъ возрастѣ становится посредственностью, — или, наоборотъ, когда ребенокъ, который былъ въ школѣ глупъ, дѣлается въ послѣдствіи гениемъ.

Въ рановременномъ развитіи Гете не было ничего ненормальнаго. Это развитіе было плодомъ дѣятельности ума необыкновенно воспріимчиваго и необыкновенно изобрѣтательнаго. Въ продолженіе всей жизни онъ постоянно обнаруживалъ неутолимую жажду знанія и не опасался, чтобы «знаніе уничтожило оригинальность», какъ этого опасаются иные люди сомнительной гениальности и несомнѣннаго невѣжества. Онъ зналъ, что если положить много дровъ, то ничтожный огонекъ погаснетъ, но большой огонь разгорится съ болѣею силой.

«Ein Quidam sagt: «Ich bin von Keiner Schule;
Kein Meister lebt mit dem ich buhle;
Auch ich bin weit davon entfernt
Dass ich von Todten was gelernt!
Das heisst, wenn ich ihn recht verstand:
Ich bin ein Narr auf eigne Hand!»

[Нѣкто говорилъ: «я не принадлежу ни къ какой школѣ, не обязанъ своей мудростью ни одному изъ учителей, ни изъ мертвыхъ». То есть, если я правильно его понялъ, этотъ нѣкто говорилъ: «я дуракъ на свой собственный манеръ.»]

Лѣтомъ, въ 1754 году, старый домъ былъ совершенно перестроенъ, и Вольфгангъ фигурировалъ въ церемоніи заложения фундамента, одѣтый въ платье каменщика. Живаго, наблюдательнаго

мальчика чрезвычайно заинтересовала перестройка родительского дома; онъ болталъ съ рабочими, спрашивалъ ихъ о домашнемъ ихъ бытѣ и кое-что узналъ отъ нихъ о строительномъ искусствѣ, которымъ впоследствии часто занимался. Такъ какъ перестройка дома производилась постепенно по этажамъ, начиная съ нижняго, то по мѣрѣ перестройки семейство Гете переселялось изъ одной части дома въ другую, и это обстоятельство заставило отправить маленькаго Вольганга навремя къ одному пріятелю и посылать его учиться въ школу.

Фигофъ полагаетъ, что Германія имѣла бы совершенно иного Гете, еслибъ ребенокъ приготовлялся къ университету въ общественной школѣ,—и ссылается при этомъ на Гервинуса, который замѣчаетъ, что «домашнее воспитаніе было причиной тому, что Гете не цѣнилъ надлежащимъ образомъ исторію и не сочувствовалъ стремленіямъ массъ.» Я не согласенъ съ мнѣніемъ, будто обстоятельства образуютъ характеръ, и потому не могу согласиться, чтобъ школьная жизнь могла до такой степени измѣнить Гете. Сколько людей воспитывается въ общественныхъ школахъ, не вынося оттуда ни любви къ исторіи, ни сочувствія къ массамъ. Ясно, что эти свойства Гете имѣли другой источникъ, а не домашнее воспитаніе. Источникъ ихъ лежалъ въ самомъ его характерѣ. Кромѣ того, въ высшей степени сомнительно, могъ ли бы еще Гете научиться сочувствовать массамъ въ школѣ нѣмецкаго императорскаго города, гдѣ массы и не существовало вовсе, а существовали только замкнутыя корпораціи, которыхъ вся жизнь опиралась на идеи весьма узкія и даже гнусныя. Общеніе съ сыновьями франкфуртскихъ гражданъ того времени не могло научить патриотизму и не могло, конечно, развить республиканскія чувства; а обученіе въ тогдашнихъ общественныхъ школахъ, и въ особенности обученіе исторіи, было не таково, чтобъ противодействовать этому вліянію, или внушить юношѣ сильныя національныя симпатіи. Эти идеи въ то время еще не проникали въ школы и университеты. О той исторіи, которой потомъ учили Шиллеръ и Геренъ, никому тогда еще и не снилось.

Вотъ что пишетъ мнѣ г. Деммлеръ: «Когда въ 1826 г. я вступилъ въ Тюбингенскій университетъ, который славился именами Паулуса, Шеллинга, Гегеля, а во времена болѣе раннія—именами

Меланхтона, Рейхлина и Кеплера, тамъ живо еще было преданіе о лекціяхъ Реслера, профессора исторіи. Въ одной изъ своихъ лекцій, какъ мнѣ говорилъ товарищъ, который слушалъ его, старый циническій скептикъ сказалъ: «Что касается до Дѣвы Орлеанской, то я заключаю, что она была простая коровница и находилась на короткой ногѣ съ молодыми офицерами.» А въ другой лекціи онъ сказалъ: «Гомеръ былъ слѣпой школьный учитель и бродячій пѣвецъ,—я не могу понять, почему его поэмы надѣлали столько шума.» Вотъ каковъ былъ учитель Шеллинга и Гегеля (1790 — 94 года). Послѣ этого мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе, что услышалъ бы Гете въ общественной школѣ сорокъ лѣтъ ранѣе.

Одно, чему онъ несомнѣнно научился въ короткое свое пребываніе въ общественной школѣ, это—отвращенію къ школамъ. Ребенокъ, до тѣхъ поръ столь заботливо воспитываемый дома и физически и нравственно, тяготился обществомъ школьныхъ учениковъ, которые были,—какими обыкновенно бываетъ большая часть учениковъ общественныхъ школъ, — грязные, буйные, жестокосердые, грубые въ своихъ привычкахъ и вкусахъ. Ему тяжело былъ этотъ контрастъ, и онъ былъ радъ, когда, по окончаніи перестройки отцовскаго дома, снова началось прежнее домашнее воспитаніе.

Слѣдующій анекдотъ, относящійся ко времени его пребыванія въ школѣ, который онъ самъ рассказываетъ, превосходно характеризуетъ, какъ велика уже въ то время была въ немъ сила самообладанія. За драку во время уроковъ строго наказывали. Однажды одинъ изъ учителей манкировалъ свой часъ; ученики сначала играли всѣ вмѣстѣ, но потомъ, когда часъ урока приближался уже къ исходу, въ классѣ оставались только Вольфгангъ и еще трое учениковъ. Эти ученики вознамѣрились добить Вольфганга и вооружились хлыстами. «Я угадалъ ихъ намѣреніе, но рѣшился не противиться имъ, пока не пройдетъ часъ урока. Они начали безжалостно хлытать меня по ногамъ. Я не двигался съ мѣста, хотя мнѣ было очень больно и минуты казались мнѣ страшно длинными. Чѣмъ болѣе я мучился отъ боли, тѣмъ сильнѣе становился мой гнѣвъ, и какъ только раздался первый ударъ часовъ, я схватилъ одного изъ своихъ противниковъ за волосы, повалилъ

его на землю и уперся когѣномъ въ спину; потомъ схватилъ за голову втораго, который напалъ на меня сзади, и такъ сильно сжалъ его, что чуть не задушилъ, а третьяго такъ ловко ударилъ кулакомъ, что сразу сшибъ съ ногъ. Они кусали меня, царапали, били ногами. Я былъ страшно озлобленъ и безжалостно билъ ихъ головами одинъ о другаго. Они поднимали страшный крикъ, на который сбѣжался весь домъ. Разбросанные по комнатамъ хлысты и мои окровавленные ноги ясно свидѣтельствовали, въ чемъ было дѣло.»

ГЛАВА III.

Первыя впечатлѣнія.

Крайне ошибочно мнѣніе, будто «характеръ образуется обстоятельствами», если только мы не придадимъ этой фразѣ такой совершенно нефилозофскій смыслъ, что тутъ разумѣется вся совокупность обстоятельствъ, начиная съ момента созданія. Характеры имѣютъ такое же отношеніе къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, какое организмы къ внѣшнему міру: они живутъ во внѣшнемъ мірѣ, но не образуются имъ. Растительные и животные организмы, живущіе при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, представляютъ чудное разнообразіе, и обстоятельства доставляютъ имъ только средства къ жизни, но не обуславливаютъ самой ихъ формы. Точно также при совершенно тождественныхъ обстоятельствахъ живутъ совершенно различные характеры и получаютъ отъ обстоятельствъ пищу, но не образуются ими. Каждый характеръ ассимилируетъ себѣ отъ окружающихъ обстоятельствъ то, что ему сродно, и отбрасываетъ все ему несродное, подобно тому какъ растеніе вбираетъ въ себя изъ земли и воздуха только тѣ элементы, которые питаютъ его, и не трогаетъ тѣхъ, которые ему негодны въ пищу. Каждый біологъ знаетъ, что обстоятельства имѣютъ модифирующее вліяніе, но онъ также знаетъ, что эти

модификаціи возможны только до извѣстныхъ предѣловъ. Обильная пища и заботливый уходъ могутъ укротить лютость дикаго звѣря, но не могутъ сдѣлать льва ягненокъ. Я зналъ кошку, которая питалась рыбой, — она жила на мельницѣ, гдѣ рыбы было очень много, и сама ловила рыбу прямо въ водѣ; но при этомъ кошка все-таки оставалась кошкой, а не сдѣлалась выдрой, хотя и утратила боязнь къ водѣ. Гете справедливо замѣчаетъ, что еслибъ Рафаэль вздумалъ рисовать мужиковъ въ трактирѣ, то они высматривали бы у него апостолами, а еслибъ Теньеръ сталъ рисовать апостоловъ, то они походили бы у него на голландскихъ мужиковъ; каждый артистъ создаетъ сообразное своему гению.

Слѣдовательно, правильнѣе будетъ, если мы скажемъ, что человекъ есть строитель обстоятельствъ, а не созданіе ихъ. Характеръ и состоитъ въ томъ, чтобъ употреблять обстоятельства на устройство своей жизни, и степенью этой строительной силы измѣряется сила характера. Изъ одного и того же матеріала одинъ человекъ строитъ дворцы, а другой лачуги, одинъ — кладовыя, а другой виллы; кирпичъ и известка остаются известкой и кирпичемъ, пока строитель не сдѣлаетъ изъ нихъ чего нибудь. Случается, что въ одномъ и томъ же семействѣ, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, одинъ братъ воздвигаетъ великолѣпное зданіе, а другой, недѣятельный и неспособный, проводитъ всю жизнь въ развалившемся домѣ. Камень, составляющій препятствіе для слабого, дѣлается ступенью на пути сильнаго. ¹⁾

Если читатель согласится съ этимъ мнѣніемъ о значеніи обстоятельствъ, то онъ согласится также, что я былъ правъ, придавая важность социальному положенію Гете и отвергая мнѣніе Фигофа и Гервинуса относительно значенія школьнаго воспитанія. Незнаніе нужды есть одно изъ тѣхъ непрерывно и могущественно

¹⁾ «Величіе или ничтожность человека опредѣляется самымъ его рожденіемъ, точно также какъ самый уже фактъ рожденія опредѣляетъ, что выйдетъ изъ развертывающейся почки: смородина или абрикось. Воспитаніе, благоприятныя обстоятельства, родъ жизни и занятій могутъ сдѣлать многое, въ извѣстномъ смыслѣ они дѣлаютъ все, т. е. они опредѣляютъ, свалится ли абрикось съ дерева въ видѣ зеленого шарика, который потомъ растопчутъ прохожіе, или же созрѣетъ въ нѣжный, великолѣпный плодъ и покроется блестящимъ золотымъ бархатомъ.» Ruskin, *Modern Painters*, iii, p. 44.

дѣйствующихъ условій, которыя неизбежно измѣняютъ характеръ. Сытый левъ утрачиваетъ свою лютость. Что же касается до временнаго и случайнаго вліянія школьнаго воспитанія и другихъ менѣе важныхъ обстоятельствъ, то они не могутъ измѣнять характеръ,—они только болѣе или менѣе ускоряютъ или замедляютъ его развитіе.

Гете представляетъ намъ яркій примѣръ, въ какой степени внѣшнія обстоятельства вліяютъ на характеръ. Еще въ дѣтствѣ былъ онъ любимцемъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ художниковъ, посѣщалъ ихъ мастерскія, игралъ съ ними, заставлялъ ихъ объяснять себѣ ихъ произведенія. Кромѣ того, онъ часто посѣщалъ картинныя залы и галлерей, такъ что наконецъ его умъ до такой степени освоился съ художественными произведеніями, что, увидя въ первый разъ картину, онъ могъ сразу объяснить ея историческій или библейскій сюжетъ. Знакомство съ художественными произведеніями такъ сильно развило въ немъ дѣятельность воображенія, что на десятомъ или одиннадцатомъ году онъ написалъ двѣнадцать сюжетовъ для картинъ изъ исторіи Іосифа, и нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ признаны были достойными выполненія знаменитыхъ художниковъ. Прибавимъ еще къ этому, что въ продолженіе всей своей жизни онъ много вращался между живописцами и картинами и въ продолженіе многихъ лѣтъ самъ сильно желалъ сдѣлаться живописцемъ. Еслибъ обстоятельства могли образовать способность, то Гете сдѣлался бы живописцемъ; но на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что у него не было нужной для этого способности,—собственно говоря, онъ вообще не имѣлъ способностей ни къ какому пластическому искусству и, несмотря на годы труда, несмотря на уроки и совѣты лучшихъ учителей, не достигъ въ живописи даже и посредственныхъ успѣховъ. Обстоятельства въ этомъ случаѣ сдѣлали только то, что дали ему возможность упражнять въ искусствѣ другія свои способности, но не создали въ немъ новой способности, которой онъ не имѣлъ. Вообще, обстоятельства не могутъ создавать способностей: они суть только пища, но не самое питаніе,—они только даютъ характеру возможность развиться, но не образуютъ его.

И другія дѣти также знали о Лиссабонскомъ землетрясеніи, слышали горячія разсужденія по этому поводу, но между тѣмъ

это не пробудило въ нихъ религіозныхъ сомнѣній, какъ въ шестилѣтнемъ Гете. Лиссабонское бѣдствіе 1755 г., смутившее всю Европу, произвело на Гете потрясающее впечатлѣніе, какъ онъ самъ это описываетъ. Разказы о томъ, какъ великолѣпная столица была мгновенно разрушена, какъ церкви, дома, башни рушились съ трескомъ, какъ разверзшаяся земля извергала изъ себя пламя и дымъ, и шестьдесятъ тысячъ человѣкъ погибло въ одно мгновеніе, — поколебали въ немъ вѣру въ благость провидѣнія. «Богъ, творецъ и вседержатель неба и земли,» — говоритъ онъ, — «о которомъ говорится въ первомъ членѣ Символа вѣры, какъ о всеумудромъ и всеблагомъ, не показалъ въ этомъ случаѣ отеческой заботливости, подвергнувъ гибели безъ разбору и добрыхъ и злыхъ. Тщетно мой юный умъ старался осилить эти впечатленія, но рѣшительно былъ не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что даже умные и сами религіозные люди не могли согласиться между собой въ объясненіи этого событія...»

Тѣ же сомнѣнія тревожили въ это время Вольтера:

«Direz vous, en voyant cet amas de victimes:
Dieu s'est vengé, leur mort est le prix de leur crimes?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfans
Sur le sein maternel ecrasés et sanglans?
Lisbonne qui n'est plus, eut elle plus de vices
Que Londres, que Paris, plongés dans les delices?
Lisbonne est abimée, et l'on danse à Paris.»

Конечно, ребенокъ не могъ доходить до подобныхъ заключеній. Въ его умѣ только перерабатывалось то, что онъ слышалъ.

Беттина рассказываетъ, что однажды, когда Гете вернулся изъ церкви, гдѣ священникъ говорилъ проповѣдь о благодати Божіей, отецъ спросилъ его, какое впечатлѣніе произвела на него проповѣдь. «Все это можетъ быть гораздо проще, чѣмъ думаетъ священникъ — отвѣчалъ онъ; — Богъ знаетъ очень хорошо, что безсмертная душа не можетъ пострадать отъ случая.»

Естественно, что разъ возбужденное сомнѣніе должно было по временамъ возвращаться вновь, и ребенокъ сталъ серьезно впадать въ невѣріе въ благость провидѣнія, сталъ смотрѣть на Бога какъ на гнѣвнаго Іегову Евреевъ. Безразсудныя

поступки окружающих еще болѣе усиливали въ немъ это настроеніе. Такъ однажды сильнымъ ударомъ грома разбило окна въ домѣ, — его съ сестрой унесли въ темный корридоръ, «гдѣ собрались всѣ домашніе, объятые ужасомъ, и старались умиловить гнѣвное божество причитываніемъ разныхъ молитвъ.» Сколькихъ дѣтей подобныя поступки окружающихъ довели до скептицизма. Впрочемъ глубоко размышляющій умъ не можетъ долго останавливаться на скептическихъ идеяхъ; по крайней мѣрѣ, это невозможно для ума, воспитаннаго подъ вліяніемъ новой культуры, которая учитъ, что зло весьма ограничено, конечно, ничтожно, что сумма всѣхъ золъ, существующихъ въ мірѣ, весьма незначительна по сравненію съ великими благодѣяніями природы.

Сомнѣнія, тревожившія Вольфганга, постепенно слабѣли. Молча и внимательно прислушивался онъ къ богословскимъ разговорамъ, которые постоянно велись въ его родственномъ кругу. Онъ слышалъ разсужденіе о томъ, что всѣ различныя секты, отдѣлившіяся отъ установленной церкви, одушевлены повидимому однимъ желаніемъ: приблизиться къ Богу, преимущественно чрезъ Христа, ближе, нежели это казалось возможнымъ посредствомъ старыхъ формъ, и ребенку пришла въ голову мысль, что и онъ могъ бы также приблизиться къ Богу, и болѣе прямымъ путемъ. Будучи не въ состояніи представить себѣ образъ Божества, онъ рѣшился искать Бога въ его дѣлахъ и, слѣдуя благимъ примѣрамъ Ветхаго Завета, создать ему алтарь. Съ этой цѣлью онъ выбралъ нѣкоторые естественныя произведенія, какъ-то руду и пр., и размѣстилъ ихъ въ символическомъ порядкѣ на нотной этажеркѣ. Огонь долженъ былъ горѣть на верху этого алтаря и изображать собой возношеніе души къ Богу: для этого на верху этажерки поставлена была курительная свѣчка. Устроивъ такимъ образомъ свой алтарь, съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ восхода солнца, и какъ только свѣтъ восходящаго свѣтила озарилъ крыши домовъ, навелъ онъ зажигательное стекло на курительную свѣчку, — и семилѣтній священникъ, одинъ въ своей спальнѣ, совершилъ служеніе Богу ¹⁾).

¹⁾ Подобный анекдотъ разсказывалъ о себѣ романистъ, бывшій некогда идоломъ своего времени, а теперь совершенно забытый, Restif de la Bretonne. — *Les Illuminés*, par Gérard de Nerval.

Читая этотъ разсказъ, легко можно забыть, что идетъ рѣчь о ребенкѣ; поэтому, я полагаю, кстати будетъ привести анекдотъ, который намъ разсказываетъ Беттина, слышавшая его отъ матери, — этотъ анекдотъ покажетъ намъ, каково было ребячество этого ребенка. Однажды его мать, смотря въ окно, какъ онъ переходилъ улицу съ своими товарищами, замѣтила, что онъ выступаетъ чрезвычайно важно, и смѣясь спросила его, не думаетъ ли онъ этимъ отличаться отъ своихъ товарищей. Мальчикъ отвѣчалъ: «Я начинаю съ этого. Впослѣдствіи я буду отличаться далеко не этимъ только».

Разъ обратился онъ къ матери съ вопросомъ: «исполнять ли звѣзды все то, что обѣщали при его рожденіи?» — «Почему — сказала мать — тебѣ должны помогать звѣзды, когда другіе люди обходятся безъ нихъ?» — «Меня не удовлетворитъ то, чѣмъ довольствуются другіе люди!» отвѣчалъ юный Юпитеръ.

Ему только-что наступилъ седьмой годъ, когда началась Семилѣтняя война. Дѣдъ его держалъ сторону Австріи, а отецъ — сторону Фридриха. Это различіе въ мнѣніяхъ повело къ спорамъ и наконецъ къ совершенному раздору. Одна сторона съ энтузіазмомъ превозносила подвиги прусской арміи, а другая выставила ихъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Эта было въ то время общая всепоглощающая тема, сильно возбуждавшая страсти. Съ изумленіемъ смотрѣли современники на борьбу, которую тогда величайшій полководецъ своего времени велъ разомъ противъ Россіи, Австріи и Франціи. Правитель не болѣе пяти милліоновъ людей боролся безъ всякой помощи съ правителями, у которыхъ было болѣе ста милліоновъ подданныхъ; и несмотря на то, что его обвиняли въ нарушеніи чести, современники не могли слышать безъ энтузіама о его блистательныхъ подвигахъ. Мужество и геніальность, поставленные въ отчаянное положеніе, всегда возбуждаютъ участіе, и современники Фридриха не спрашивали, по какому праву захвачена Силезія, или какимъ образомъ попали въ Берлинъ разбѣжавшіяся въ берлинскихъ церквахъ Саксонскія знамена. Громъ побѣдоносныхъ пушекъ заглушалъ судъ, и люди благоговѣли предъ неустрашимымъ полководцемъ.

Семилѣтняя война вскорѣ сдѣлалась нѣмецкой эпопеей. Архенгольцъ написалъ ея исторію (1791 г.); и хотя эта исторія

была переполнена пошлымъ казарменнымъ хвастовствомъ и высокопарными фразами этого философствующаго miles gloriosus, но, несмотря на это, она была принята съ энтузіазмомъ, ее перевели на латинскій языкъ и читали въ школахъ вмѣстѣ съ Тацитомъ и Цезаремъ.

Обыкновенно думаютъ, что Семилѣтняя война была тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствомъ, которое сообщило Гете эпическое настроеніе. Мы замѣтимъ на это, что Гете взялъ отъ этого внѣшняго обстоятельства только то именно, что было пищей для его характера. Имъ овладѣлъ энтузіазмъ, онъ радовался каждой побѣдѣ Фридриха, списывалъ побѣдные въ честь его гимны и пасквили на Австрію, но, какъ онъ самъ говоритъ, его побуждала къ этому скорѣе личность героя, чѣмъ дѣло, за которое сражался Фридрихъ. Кромѣ того, онъ при этомъ впервые узналъ, что такое духъ партіи. За обѣдомъ у дѣда онъ былъ свидѣтелемъ, какъ желчныя сарказмы и беспощадныя порицанія сыпались на его героя, слышалъ, какъ на Фридриха «безстыдно клеветали». «На шестомъ году, по случаю Лиссабонскаго землетрясенія я усомнился въ благости провидѣнія, а теперь клевета на Фридриха заставила меня усомниться въ справедливости людей.»

Надъ воротами дома, въ которомъ онъ родился, была лира и звѣзда. Это означало, какъ засвидѣтельствуетъ каждый свѣдущій толкователь, что этотъ домъ будетъ прославленъ поэтомъ. Поэтическая способность проявилась у Гете съ раннихъ поръ.

Мы видѣли, какъ онъ придумывалъ развязку въ исторіяхъ, которыя ему рассказывала мать: сдѣлавшись постарше, когда духъ его наполнился образами, «уединенно блуждающими по Романскимъ берегамъ», онъ самъ сталъ выдумывать рассказы для забавы своихъ товарищей. Въ это время онъ уже прочелъ *Orbis Pictus*, Овидіевы *Метаморфозы*, *Иліаду* Гомера въ прозѣ, *Виргилія* въ оригиналѣ, *Талемака*, *Робинзона Крузо*, *Путешествія Ансона*, — а между прочимъ и такія книги, какъ *Fortunatus*, *Странствующій Жидъ*, четыре сына *Аймона* и пр. Онъ зналъ наизусть большую часть произведеній поэтовъ того времени: Геллерта, Галлера, въ которыхъ дѣйствительно видны нѣкоторые проблески поэзіи, а также Канитца, Гагедорна, Дралингера. Последніе трое имѣли въ свое время многочисленныхъ читателей, но

теперь произведенія ихъ покоятся на пыльныхъ полкахъ, никѣмъ не тревожимыя, и только развѣ иногда историкъ заглянетъ въ нихъ случайно.

Ребенокъ Гете не только рассказывалъ исторіи, но и писалъ ихъ, какъ это мы узнаемъ изъ слѣдующаго разсказа Беттины. Когда умеръ отъ оспы младшій братъ его Яковъ, онъ къ удивленію матери вовсе не плакалъ, вѣря, что Іаковъ ушелъ къ Богу на небо. «Ты вѣрно не любишь маленькаго брата, — спросила она, — что не жалеешь о немъ!» Услышавъ это, онъ побѣжалъ въ свою комнату и вытащилъ изъ-подъ постели нѣсколько листовъ, на которыхъ были написаны разсказы и уроки. «Я все это написалъ, чтобы потомъ учить его,» — сказалъ онъ. Ему было тогда девять лѣтъ.

Въ одинъ прекрасный день, не задолго до смерти брата, былъ онъ внезапно пораженъ звукомъ сторожевой трубы, раздавшимся съ главной башни города. Это было въ январѣ 1759 г. Кажалось, сторожъ рѣшился не давать покоя городу и трубить вѣчно. Наконецъ показались нескончаемые ряды войскъ; бой барабановъ привлекъ женщинъ къ окнамъ, мальчики побѣжали глядѣть на улицу. Французскія войска вступили во Франкфуртъ. Они заняли гауптвахту и въ короткое время городъ превратился въ лагерь. Къ довершенію горя, войска эти были въ войнѣ съ Фридрихомъ, предъ которымъ Вольфгангъ и его отецъ благоговѣли. Вскорѣ они размѣстились въ городѣ по квартирамъ, и все опять пошло своимъ чередомъ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ по случаю военныхъ гостей. Въ домѣ Гете поселилось важное лицо, графъ де Торонъ, человѣкъ образованный и богатый, который окружилъ себя артистами и разными знаменитостями; въ короткое время пріобрѣлъ онъ расположеніе Вольфганга, но не могъ побѣдить ненависти стараго совѣтника.

Занятіе Франкфурта французами принесло Гете много пользы. Строгость отцовскаго книжнаго воспитанія ослабѣла и начался другой родъ воспитанія, который дается жизнью и обращеніемъ съ людьми. Безпрерывныя движенія войскъ по улицамъ, блестящія парады, музыка, «великолѣпіе, блескъ, пышность» — все это не осталось безъ вліянія на ребенка. Кромѣ того, онъ въ это время на-

учился легко объясняться по-французски ¹⁾ и познакомился съ театромъ. Французы всюду приносятъ съ собою свою «цивилизацию», т. е. театръ и café. По вступленіи ихъ, во Франкфуртъ сейчасъ же появилось и то и другое, и Гете получилъ «свободный входъ» въ театръ. Этой льготой онъ пользовался ежедневно, и хотя не всегда понималъ, что происходило на сценѣ, но тѣмъ не менѣе всегда наслаждался представленіемъ. Вообще дѣти относятся къ театру не критически: имъ не надо понимать представленіе, чтобъ наслаждаться имъ ²⁾. Трагедіи были на сценѣ понятнѣе для Гете, чѣмъ комедіи, такъ какъ въ трагедіяхъ произношеніе мѣрное, медленное, и языкъ состоитъ изъ общихъ выраженій, въ комедіяхъ же произношеніе скорое, и часто попадаются разныя выраженія, касающіяся подробностей частной жизни. На полкахъ у отца нашелъ онъ Расина, принялся ревностно изучать его и съ жаромъ декламировалъ разныя мѣста, хотя и не понималъ вполне ихъ смысла.

Благодаря театру и знакомству съ болтливымъ маленькимъ хвастуномъ, Дерономъ, Гете въ теченіе мѣсяца до такой степени освоился съ французскимъ языкомъ и сталъ объясняться на немъ такъ свободно, что привелъ въ удивленіе своихъ родителей. Деронъ былъ знакомъ съ актерами и провелъ Гете «за кулисы». Для десятилѣтняго ребенка «быть за кулисами» составляло важное событіе. Мы увидимъ далѣе, какъ рано заглянулъ Гете и «за кулисы» дѣйствительной жизни, а теперь замѣтимъ только, что онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ театральнаго фойе и имѣлъ свободный входъ

¹⁾ Онъ говоритъ, что до того времени никогда не учился французскому языку, но это ошибочно, какъ свидѣлствуютъ сохранившіяся ученическія его упражненія

²⁾ Я очень хорошо помню, что когда я былъ такимъ же ребенкомъ, какъ Гете, французскій театръ доставлялъ мнѣ великое удовольствіе, хотя я не понималъ и трехъ фразъ сряду. Обыкновеніе французовъ давать представленія по воскреснымъ днямъ казалось намъ большимъ «нечестіемъ», но соблазнъ былъ такъ великъ, что, несмотря на угрызенія совѣсти, однажды въ воскресенье, въ Нантъ, я и братъ мой забрались въ театръ. Я до сихъ поръ живо помню, какъ жестикулировали актеры и какъ публика кричала *bis! bis!* требуя повторенія куплета, и какъ мы къ этому присоединили свое *encore* съ британскимъ акцентомъ. Мы смѣялись отъ всей души, а между тѣмъ ничего не понимали. Я увѣренъ, что незнаніе языка нисколько не мѣшало Гете вполне наслаждаться театральными представленіями.

въ комнату, гдѣ актеры и актрисы одѣвались и переодѣвались безцеремонно, нисколько не стѣсняясь присутствующими, что сначала поражало ребенка, но потомъ, послѣ частыхъ посѣщеній, онъ привыкъ и смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто весьма естественное.

Смѣшная сцена произошла между двумя мальчиками. Деронъ хвасталъ своими подвигами въ «дѣлахъ чести», рассказывалъ, что имѣлъ нѣсколько такихъ дѣлъ, и всякій разъ кончалось тѣмъ, что обезоруживалъ своего противника и великодушно ему прощалъ. Однажды ему вообразилось, что Вольфгангъ оскорбилъ его: требовалось немедленное возстановленіе чести и назначено была дуэль. Вообразите себѣ двѣнадцатилѣтняго Вольфганга въ башмакахъ съ серебряными пряжками, въ тонкихъ бумажныхъ чулкахъ, саржевыхъ панталонахъ темнаго цвѣта, въ зеленомъ сюртукѣ съ золотыми украшеніями, въ жилетѣ изъ золотой парчи, сдѣланномъ изъ отцовскаго свадебнаго жилета, съ завитыми и напудренными волосами, съ шляпой подъ мышкой, съ боку маленькая шпага съ шелковымъ темлякомъ. Разодѣтый такимъ образомъ, становится мальчикъ въ театральную позу противъ своего соперника: раздается звукъ оружія, удары сыплются одинъ за другимъ, бой дѣлается жаркимъ, какъ вдругъ шпага Дерона запутывается въ бантъ Вольфгангова темляка, и французъ объявляетъ съ великодушіемъ, что онъ удовлетворенъ! Мальчики обнимаются и отправляются въ сабѣ прохладиться стаканомъ аршада ¹⁾).

Честолюбивое стремленіе выступить на сцену съ своимъ произведеніемъ, столь знакомое большей части изъ насъ, овладѣло и Вольфгангомъ. Прежде онъ подражалъ Теренцію, а теперь рѣшился сдѣлать болѣе серьезный опытъ во вкусѣ Пирона. Когда пьеса была готова, представилъ онъ ее на судъ Дерона, который нашелъ въ ней различныя грамматическія ошибки, обѣщалъ тщательно просмотрѣть и предложилъ свою протекцію къ директору театра. Вольфгангъ уже мечталъ о томъ, какъ афиши съ его пьесой красуются на всѣхъ углахъ улицъ, но, увы! Деронъ былъ безжалостенъ въ своей кри-

¹⁾ Для устраненія въ читателѣ малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истинности рассказываемаго событія, считаю не лишнимъ напомнить, что въ тѣ времена измѣнчивые юноши дрались на шпагахъ, а не на кулакахъ.

тикѣ. Онъ совершенно раскритиковалъ всю пьесу и смутилъ бѣднаго автора жаргономъ драматической критики того времени, провозгласилъ абсолютную непогрѣшимость трехъ единствъ, обругалъ англичанъ, насмѣялся надъ нѣмцами и говорилъ о неизмѣримомъ превосходствѣ французскаго вкуса съ такой увѣренностью, что его слушатель не могъ ничего возразить. Но хотя молодой авторъ и молчалъ, однако потоки краснорѣчія его критика не убѣдили его, а только обратили его вниманіе на правила драматическаго искусства. Онъ принялся изучать трактатъ Корнея о трехъ единствахъ и предисловія Расина. Результатомъ этихъ занятій было глубокое презрѣніе къ системѣ трехъ единствъ,—и можетъ быть мы отчасти обязаны Дерону тѣмъ смѣлымъ пренебреженіемъ «правилъ», которое изумило Германію въ «Гетцѣ фонъ Берлихингенѣ.»

ГЛАВА IV.

Разнообразіе занятій.

Наконецъ въ іюнѣ 1761 года французы оставили Франкфуртъ,—и Гете снова серьезно принялся за ученіе. Онъ началъ заниматься математикой, музыкой и рисованіемъ подъ руководствомъ отца. Къ математикѣ не оказалось у него вовсе никакой способности; къ музыкѣ также весьма мало. Онъ сначала учился играть на фортепьяно, а потомъ на віолончели, но никогда не игралъ хорошо ни на одномъ инструментѣ. Рисованіе же было для него въ продолженіе всей жизни не болѣе, какъ только пріятнымъ препровожденіемъ времени.

Погрузясь теперь всецѣло въ занятія, онъ дѣлалъ гигантскіе успѣхи и даже часы отдохновенія употреблялъ на что-либо полезное. Въ это время выучился онъ англійскому языку, и чтобъ имѣть постоянную практику во всѣхъ языкахъ, которые зналъ, началъ писать романъ, въ которомъ шесть или семь братьевъ и

сестеръ, разбросанные по разнымъ краямъ свѣта, ведутъ между собою переписку. Старшій на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ описываетъ свое путешествіе; сестра отвѣчаетъ ему въ женскомъ стилѣ, — письма ея состоятъ изъ краткихъ рѣзкихъ сентенцій съ множествомъ восклицательныхъ знаковъ, въ родѣ того, какъ потомъ былъ написанъ «Siegwart.» Другой братъ занимается богословіемъ и поэтому пишетъ по-латынѣ съ греческими постскриптами. Третій и четвертый служатъ прикащиками въ Гамбургѣ и Марсели, и пишутъ одинъ по-англійски, а другой по-французски; музыкантъ пишетъ на итальянскомъ, а младшій братъ, оставшійся дома, на еврейско-нѣмецкомъ. Этотъ романъ заставилъ его прилежнѣе заняться географіей. Распредѣливъ дѣйствующія лица романа по различнымъ странамъ свѣта, онъ старался составить себѣ по возможности наиболѣе ясное и вѣрное понятіе объ этихъ странахъ, желая, чтобъ описываемые имъ предметы и событія соответствовали дѣйствительности. Желаніе овладѣть еврейско-нѣмецкимъ нарѣчіемъ побудило его приняться за изученіе еврейскаго языка. Знаніе языка Библии казалось ему необходимымъ и отецъ взялъ ему учителя. Основательнаго знанія еврейскаго языка онъ не достигъ, но чтеніе Библии въ подлинникѣ, переводъ и выучиваніе наизусть разныхъ изъ нея мѣстъ должны были особенно живо напечатлѣвать въ его умѣ ея содержаніе, какъ это весьма понятно, если сравнимъ впечатлѣнія, какія оставляло въ насъ чтеніе Саллюстія и Ливія, стоившее намъ столько трудовъ, съ впечатлѣніями отъ чтенія произведеній на отечественномъ языкѣ, какъ напр. Робертсона и Юма. Библия производила на него глубокое впечатлѣніе. Изученіе этой книги не могло не имѣть сильнаго и глубокаго вліянія на умъ, столь впечатлительный, не могло не возбудить нѣкоторыхъ сомнѣній въ этомъ мальчикѣ, который уже привыкъ самостоятельно мыслить. «Противорѣчіе между преданіемъ и дѣйствительностью или возможностью поражало меня и прежде, — говоритъ онъ, — и я часто приводилъ въ тупикъ своихъ наставниковъ распросами о стояніи солнца надъ Гедеономъ и луны въ долину Аялонскую, а также о другихъ библейскихъ событіяхъ, которыя я находилъ совершенно неправдоподобными и невозможными. Всѣ мои сомнѣнія пробудились съ новой силой, когда, принявшись за изученіе еврейскаго языка, я сталъ читать

подстрочный переводъ Шмита, напечатанный вмѣстѣ съ оригинальнымъ текстомъ.»

Однимъ изъ результатовъ занятій еврейскимъ языкомъ была библейская поэма о Іосифѣ и его братьяхъ. Гете сочинилъ ее, диктуя одному бѣдному полуидіоту, жившему въ домѣ его отца, который имѣлъ страсть переписывать или писать подъ диктовку. Гете нашелъ весьма удобнымъ сочинять диктуя и впоследствии это было всегда его любимымъ способомъ писать свои сочиненія. Всѣ лучшія его мысли и выраженія, говоритъ онъ, приходили къ нему, когда онъ ходилъ; сидя, онъ ничего не могъ дѣлать.

Къ многостороннимъ занятіямъ литературой присоединилось многостороннее знакомство съ жизнью. Старый городъ Франкфуртъ, съ его шумнымъ и смѣшаннымъ населеніемъ, съ его ярмарками и разнообразными средствами для развлеченія, представлялъ много соблазновъ и много пищи для пылкаго ума,—и едва ли не должны мы признать въ этомъ одно изъ обстоятельствъ, сильно повліявшихъ на характеръ Гете. Для мальчика съ менѣе впечатлительной натурой, съ менѣе многосторонней любознательностью, подобное обстоятельство могло не имѣть никакого особеннаго значенія,—другіе глаза, быть можетъ, только немного усмотрѣли бы въ этомъ разнообразіи, другой умъ многое оставилъ бы безъ вниманія. Но чрезвычайно впечатлительная и потому чрезвычайно подвижная натура Гете постоянно приходила въ возбужденное состояніе при каждомъ цовомъ, представлявшемся ей предметъ, вслѣдствіе чего мы замѣчаемъ въ немъ отсутствіе сосредоточенности, большую многосторонность какъ въ занятіяхъ науками, такъ и въ знакомствѣ съ жизнью. Усидчивый трудъ и устойчивая сосредоточенность мысли на одномъ какомъ-либо предметѣ, быть можетъ, были совершенно несродны его темпераменту, но тѣмъ неменѣе нельзя утверждать, чтобъ при другихъ обстоятельствахъ онъ не могъ этого достигнуть. Еслибъ онъ воспитывался въ какомъ-нибудь маленькомъ пѣмецкомъ городкѣ, гдѣ встрѣчалъ бы на улицахъ постоянно одни и тѣ же лица, постоянно сталкивался бы съ одними и тѣми же характерами, то его образованіе, можетъ быть, было бы менѣе разносторонне, но зато, быть можетъ, оно было бы основательнѣе. При воспитаніи въ деревнѣ его вниманіе, въ часы отдыха отъ занятій, сосредото-

точивалось бы на красотахъ природы, на переменахъ, какія влекутъ за собой различныя времена года, и это безъ сомнѣнiя должно было бы отразиться на его поэзiи. Длинные лѣтнiе дни, сумерки полныя призрачныхъ видѣнiй, уединенныя прогулки, разнообразiе внѣшней жизни, — такого рода обстановка необходимо заставила бы его все болѣе и болѣе углубляться въ свою внутреннюю жизнь, неизбежно дала бы его уму совершенно иное направленiе, вдохнула бы въ его произведенiя иной духъ. Но кто рѣшится утверждать, что это послужило бы ему въ пользу, а не принесло бы вреда? Быть можетъ для человѣка съ его темпераментомъ, жизнь, которую онъ велъ, была самая лучшая. Онъ былъ непостоянень; разнообразiе окружавшихъ его предметовъ должно было, конечно, усиливать въ немъ наклонность къ непостоянству, но въ тоже время оно давало его уму обильную пищу, которая впослѣдствiи послужила богатымъ матеріаломъ для его поэзiи. Разнохарактерная жизнь Франкфурта дала обильный матеріалъ его конкретному уму.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ бесполезно вдаваться въ предположенiя о томъ, что было бы, еслибъ Гете воспитывался при иной обстановкѣ. Для насъ важно то, что было на самомъ дѣлѣ, а на самомъ дѣлѣ ребенокъ Гете съ раннихъ лѣтъ имѣлъ многостороннее знакомство съ жизнью какъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ. Онъ посѣщалъ и общество графа де-Торанъ, гдѣ собирались артисты, отъ которыхъ мальчикъ знакомился съ техникой живописи, и общество евреевъ, жившихъ въ грязной, но чрезвычайно интересной Judengasse, и общество ремесленниковъ, чьихъ мастерскія представляли неисчерпаемый матеріалъ для его любознательности. Евреи возбуждали въ немъ двойной интересъ: какъ парiя общества, внушавшіе въ то время таинственный ужасъ и надъ которыми тяготѣло общее презрѣнiе, и какъ потомки избраннаго народа, сохранившіе языкъ, вѣрованiя и многіе обычаи ветхаго заветъа. Его поражала ихъ привязанность къ древнимъ своимъ обычаямъ, неутомимая, мужественная ихъ дѣятельность, странная особенность ихъ физіономiй и ихъ акцента, удивительныя ихъ способности, ихъ добродушіе. Хорошенькія еврейки, также, пріятно улыбались ему. Онъ сталъ бывать у нихъ, получилъ позволенiе присутствовать на нѣкоторыхъ религіозныхъ

ихъ церемоніяхъ, посѣщалъ ихъ школы. Что же касается до ремесленниковъ, то и впослѣдствіи, въ теченіе всей своей жизни, онъ обнаруживалъ большую любознательность относительно всякаго рода ремеслъ и всегда дорожилъ случаемъ попасть въ семейный кругъ ремесленника. Разговоры съ людьми этого класса интересовали Гете не менѣе, чѣмъ Скотта, и самъ Скоттъ не могъ бы сдѣлать лучшаго употребленія, чѣмъ сдѣлалъ Гете изъ многосторонняго знанія, какое пріобрѣталось такого рода знакомствомъ. Сестра Фредерики говорила своему посѣтителю, что Гете зналъ многія ремесла, и даже научился въ Зезенгеймѣ отъ одного хромаго плести корзины. Во многихъ мастерскихъ Франкфурта находилъ мальчикъ радушный пріемъ. Ювелиръ Лаутенсахъ охотно показывалъ ему тайны своего искусства, дѣлая букетъ изъ драгоценныхъ камней для императора, или брилліантовую табакерку, которую совѣтникъ Гете заказалъ для подарка своей женѣ, — и мальчикъ съ жаднымъ любопытствомъ спрашивалъ ювелира о драгоценныхъ камняхъ, о рѣзбѣ. Когда красильщикъ Нотнагель открылъ клеенчатую фабрику, то Гетѣ не только изучилъ весь процессъ дѣланія клеенки, но и помогалъ работамъ.

Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду еще другихъ вліяній, при которыхъ складывался характеръ Гете. Къ ихъ числу принадлежатъ отношенія его къ дѣвицѣ фонъ-Клеттенбергъ, имя которой встрѣчается намъ въ первый разъ при его конфирмаціи, бывшей въ 1763 г. Читатель, знакомый съ Вильгельмомъ Мейстеромъ, помнитъ конечно превосходный кроткій характеръ, выставленный поэтомъ въ «Исповѣди Прекрасной Души». Въ этой «Исповѣди» мы видимъ женщину, въ которой «благочестіе» и стремленіе удалиться отъ людей были не столько плодомъ евангельскаго настроенія, сколько прямымъ слѣдствіемъ нравственной чистоты, — эта свѣтлая личность болзливо устранилась отъ соприкосновеній со свѣтомъ, съ которымъ судьба познакомила ее съ самой непривлекательной стороны. Намъ невозможно въ настоящее время отдѣлить отъ идеала, столь превосходно нарисованнаго поэтомъ, дѣйствительную личность дѣвицы фонъ-Клеттенбергъ. Несомнѣнно, что она имѣла на Гете огромное вліяніе, какъ въ этотъ ранній періодъ его жизни, такъ и впослѣдствіи. Она вліяла на него не столько своими ре-

лигиозными разговорами, сколько тѣмъ' впечатлѣніемъ, какое производила на поэта ея глубоко религіозная натура. Въ ней вовсе не было ни святости, ни религіозной щепетильности. Ея вѣра была внутреннимъ огнемъ, который окружалъ ее кроткимъ лучезарнымъ свѣтомъ¹⁾). Подъ ея вліяніемъ написалъ Гете цѣлый рядъ религіозныхъ одъ во вкусъ того времени, и чрезвычайно обрадовалъ своего отца, подаривъ ему тетрадь in quarto съ переписанными набѣло одами. Отецъ просилъ сына дѣлать ему каждый годъ такіе подарки.

Теперь мы должны сказать о вліяніи совершенно иного рода, какое имѣла на него другая женщина, возбудившая въ его сердцѣ первый трепетъ любви. Ему не было еще пятнадцати лѣтъ, когда онъ воспылалъ божественной страстью къ Гретхенъ, сестрѣ одного изъ своихъ разгульныхъ товарищей. Разсказъ объ этомъ событіи въ Автобіографіи нѣсколько растянутъ. Мы передадимъ его вкратцѣ. Гете сошелся съ разгульными товарищами и часто употреблялъ свой поэтический талантъ на практическія цѣли, — писалъ похоронные и свадебные стихи, которые потомъ читались въ веселыхъ собраніяхъ. На этихъ собраніяхъ почти ежедневно встрѣчался онъ съ Гретхенъ, которая была всегда съ нимъ ласкова, но смотрѣла на него какъ на ребенка и никогда не позволяла ему ни малѣйшей фамильярности. Весело проводили они время, устраивая разные пикники и другія увеселенія. Коронація императора Іосифа II была для нихъ поводомъ къ особеннымъ празднествамъ. Однажды веселая беззаботная компанія засидѣлась до поздняго вечера, не замѣчая, какъ идетъ время, и опомнилась, когда уже ударила полночь. Вольфгангъ смутился, замѣтивъ, что, противъ обыкновенія, забылъ взять съ собою ключъ отъ двери, съ помощью котораго до сихъ поръ удачно скрывалъ отъ отца свое позднее возвращеніе. Гретхенъ предложила провести ночь въ разговорахъ. Предложеніе было принято. Но усталость скоро взяла свое; разговоръ сталъ постепенно смолкать; прежде всего заснуло двое гостей, умѣстившихся въ углахъ комнаты; по-

¹⁾ Варнгагенъ фонъ-Энзе, *Vermischte Schriften* (vol. iii, p. 33). Здѣсь читатель найдетъ нѣкоторыя характеристичныя подробности объ этой замѣчательной личности и нѣкоторые изъ ея поэтическихъ произведеній.

томъ одинъ изъ друзей Гете отделился отъ компаніи и ушелъ въ углу съ своей возлюбленной, которая положила голову къ нему на плечо; другой, положивъ руки на столъ и опустивъ на нихъ голову, вскорѣ захрапѣлъ. Въ комнатѣ водворилась совершенная тишина; только Гретхенъ и Гете въ полголоса разговаривали у окна. Но вскорѣ и Гретхенъ поддалась усталости и, опустивъ голову на плечо Вольфганга, заснула. Съ нѣжной гордостью поддерживалъ онъ дорогое для него бремя, но, наконецъ, сонъ одолѣлъ и его и онъ также заснулъ.

Уже солнце было высоко, когда онъ проснулся. Гретхенъ стояла передъ зеркаломъ и поправляла свой чепчикъ. Она улыбнулась ему болѣе дружески, чѣмъ это бывало прежде, и прощаясь пожала ему нѣжно руку. Теперь, какъ казалось, онъ долженъ былъ окончательно съ ней сблизиться, какъ вдругъ неожиданное событіе положило конецъ этому роману. Одинъ изъ его разгульных товарищей оказался виновенъ въ преступныхъ поступкахъ, какъ-то: поддѣлкѣ документовъ и т. п. Гретхенъ и ея братъ были замѣшаны въ это дѣло, хотя и несправедливо, какъ оказалось впоследствии. Вольфгангъ также подвергся строгимъ допросамъ, но такъ какъ былъ невиненъ, то это нисколько и не огорчало его; но во время этихъ допросовъ ему приключилось неожиданное горе, когда Гретхенъ въ своемъ показаніи сказала: «Я не отрекаюсь, что часто видала его, и видала съ удовольствіемъ, но я смотрѣла на него какъ на ребенка, и мое расположеніе къ нему было не болѣе какъ расположеніе сестры къ брату.» Представьте себѣ, какое негодованіе должны были возбудить эти слова въ Вольфгангѣ. Что можетъ быть обиднѣе для мальчика, который воображаетъ себя уже зрѣлымъ мужемъ, чѣмъ когда дѣвушка, которой онъ отдаетъ свое сердце, трактуетъ его какъ ребенка. Вольфгангъ былъ сильно огорченъ этой развязкой своего романа; по ночамъ подушка его была мокра отъ слезъ; пища сдѣлалась ему противна; жизнь не имѣла болѣе цѣли.

Но гордость пришла къ нему на помощь, — гордость и то общее свойство юности, что она съ чрезмѣрной чувствительностью обыкновенно соединяетъ способность легко забывать и одни впечатлѣнія скоро изглаживаетъ другими. Теперь Вольфгангъ погрузился въ занятія и преимущественно въ занятіе философій. При

немъ находимся наставникъ, нѣчто въ родѣ Вагнера при молодомъ Фаустѣ. Этотъ наставникъ предпочиталъ запыленные in quarto всевозможнымъ красотамъ природы и надсмѣивался надъ своимъ питомцемъ, что онъ настоящій германецъ, какими описываетъ древнихъ германцевъ Тацитъ, представляя ихъ жаждущими душевныхъ движеній, возбуждаемыхъ уединеніемъ и видами природы. Но подсмѣиванія наставника не мѣшали ученику искать въ наслажденіяхъ природой забвенія своему горю. Онъ испивалъ теперь горькую чашу скорби,—задумчивая грусть, сожалѣнія о погибшемъ счастьи влекли его къ уединенію. Подобно Беллерофону, онъ питался своимъ собственнымъ сердцемъ, удаляясь отъ людей. Въ это время онъ часто совершалъ дальнія прогулки. Горы, которыя въ дѣтствѣ казались ему столь далекими, теперь неудержимо влекли его къ себѣ и стали его любимымъ убѣжищемъ. Онъ посѣщалъ Гомбургъ, Кронбургъ, Кенигштейнъ, Висбаденъ, Швальбахъ, Биберихъ.

При этомъ Гете не оставлялъ въ небреженіи и серьезныхъ занятій. Въ угоду отцу принялся онъ ревностно изучать юриспруденцію, но еще съ большей ревностью занимался онъ въ то время литературой, ради собственнаго своего удовольствія. Политикъ Моргофа, Исаагъ Гесснера и Критическій Словарь Байля возбудили въ немъ честолюбіе сдѣлаться профессоромъ университета. Въ этомъ случаѣ, какъ и впослѣдствіи, въ продолженіе всей его жизни, насъ поражаетъ чрезвычайная подвижность его впечатлительной натуры, походившей на хамелеона басни, который мѣнялъ свой цвѣтъ, перепрыгивая съ дерева на дерево.

Припадокъ меланхоліи продолжался не долго. Кругъ друзей (между ними былъ и Горнъ, съ которымъ мы впослѣдствіи познакомимся ближе) скоро возвратилъ ему его прежнюю веселость. Товарищи имѣли чрезвычайно высокое мнѣніе о его талантѣ,—они чрезвычайно любили его, сильно интересовались всѣмъ, что онъ ни дѣлалъ. Таково было отношеніе къ нему окружающихъ въ теченіе всей его жизни, и въ шумные годы студенчества, и въ блестящій періодъ его гениальности, и въ періодъ дипломатіи. Въ какомъ бы расположеніи духа онъ ни находился, какъ бы ни были иногда оскорбительны его выходки, его личность постоянно производила такое неодолимое обаяніе, которое заставляло забывать

всѣ его недостатки. Тайна этого обаянія заключалась въ той все-объемлющей любви, которая постоянно одушевляла его, въ томъ горячемъ, искреннемъ участіи, съ какимъ онъ относился къ каждому человѣку, какъ бы мало онъ ни сходилъ съ нимъ.

Этимъ закончу я мой далеко несовершенный очеркъ перваго періода жизни Гете, т. е. до поступленія его въ Лейпцигскій университетъ. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію его студентства, я остановлю вниманіе читателя на тѣхъ характеристическихъ чертахъ, которыя онъ обнаружилъ въ ранней молодости; эти черты послужатъ намъ руководителями при дальнѣйшемъ изученіи его жизни.

ГЛАВА V.

По ребенку можно судить о будущемъ человѣкѣ.

Какъ въ физическомъ отношеніи въ нѣжныхъ чертахъ ребенка мы прозрѣваемъ будущія болѣе рѣзкія черты зрѣлаго человѣка, такъ и въ нравственномъ отношеніи, по характеристическимъ чертамъ, которыя обнаруживаетъ ребенокъ, мы можемъ судить о его будущемъ характерѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Но переходный періодъ отъ дѣтства къ зрѣлости представляетъ, повидимому, перерывъ въ развитіи, и юноша обыкновенно бываетъ во многихъ отношеніяхъ совершенно не тотъ, чѣмъ былъ въ дѣтствѣ и чѣмъ будетъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Въ юношескій возрастъ, подъ вліяніемъ страстей, характеръ выходитъ изъ предначертанной ему орбиты; въ это время страсти господствуютъ надъ характеромъ, и мы часто видимъ, что благоразумный ребенокъ дѣлается безумнымъ юношей, но потомъ, приходя въ зрѣлый возрастъ, снова кристаллизуется въ благоразумнаго человѣка.

Такъ случилось и съ Гете, и еслибъ онъ умеръ молодымъ, какъ Шеллей или Китсъ, то оставилъ бы по себѣ имя самаго гениальнаго, чтобъ не сказать самаго безпутнаго изъ поэтовъ; но онъ жилъ восемьдесятъ два года, и въ теченіе пятидесяти лѣтъ

кристаллизовался въ ту рѣзко опредѣленную фигуру, которая смущаетъ критиковъ. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о его дѣтствѣ, но мы находимъ въ нихъ главные черты зрѣлаго человѣка. Бросимъ на нихъ бѣглый взглядъ.

Сначала о его многосторонности. Рѣдко встрѣтить ребенка, который бы обнаруживалъ столь разнообразныя способности. Многосторонность стремлений, обнаруженныхъ имъ въ дѣтствѣ, какъ бы предзнаменуетъ ту многостороннюю дѣятельность, которой ознаменовалась его жизнь. Мы видимъ, что это былъ ребенокъ, любящій порядокъ, и даже отчасти формалистъ, — любознательный, размышляющій, разсудительный, — онъ начинаетъ рано учиться, жадно читаетъ все, — онъ сильный логикъ, который мыслить самостоятельно, котораго мысль независима и даже до такой степени независима, что шести лѣтъ онъ сомнѣвается въ благости Творца, а семи лѣтъ приходитъ къ сомнѣнію въ компетентности и справедливости людскаго суда. Онъ изобрѣтателенъ, поэтиченъ, гордъ, любящъ, вѣтренъ, умъ его доступенъ всѣмъ вліяніямъ, увлечается каждымъ впечатлѣніемъ; но несмотря на то, что направленіе его дѣятельности столь измѣнчиво, онъ постоянно остается господиномъ этой дѣятельности. Самые противоположныя характеры, самыя противорѣчающія мнѣнія интересуютъ его. Онъ много работаетъ, много роется въ книгахъ, занимается и языками, и міеологіей, и древностями, и юриспруденціей, и философіей, и поэзіей, и религіей; въ то же время онъ участвуетъ во всѣхъ празднествахъ, вращается въ разнородныхъ сферахъ общества, прогуливаетъ на пролетъ цѣлыя ночи. По временамъ на него находятъ меланхолія, мечтательность, и тогда онъ ищетъ уединенія.

Но преобладающія черты въ его характерѣ суть серьезность, формальность, разсудительность. Онъ не возбуждаетъ въ своихъ родителяхъ тревожнаго безпокойства, что изъ него выйдетъ. Въ немъ уже ясно виденъ человѣкъ, который будетъ вполне господиномъ надъ собой. Эта главная черта его характера, которая впоследствии въ зрѣлыхъ лѣтахъ высказалась съ такой рѣзкостью, всегда смущала его цѣнителей, — внѣшнее спокойствіе человѣка, вполне обладающаго собой, и отсутствіе энтузіазма, были въ нихъ плавахи такими качествами, которыя не примиримы съ понятіемъ

о поэтѣ. Конечно, Гете былъ энтузіастъ не менѣе, чѣмъ кто-либо, если подъ энтузіазмомъ разумѣть такое состояніе человѣка, когда имъ всецѣло овладѣваетъ какая-нибудь идея и «онъ неуклонно работаетъ во имя этой идеи». Но онъ былъ почти совершенно чуждъ такого энтузіазма, въ которомъ чувства берутъ верхъ надъ разсудкомъ и разсудокъ теряетъ способность руководить чувствами. Умственная жизнь Гете получала свой главный импульсъ не отъ чувствъ. Между тѣмъ какъ у большей части поэтовъ первое качество, бросающееся намъ въ глаза, есть чувствительность съ ея напризами, немощами и заблужденіями,—у Гете же и въ дѣтствѣ, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, только не въ юности, предъ нами является на первомъ планѣ умъ, свѣтлый, спокойный, неподдающійся заблужденіямъ, и эта свобода отъ заблужденій намъ не нравится, она даже вызываетъ въ насъ чувство досады. Мы досадуемъ на это, такъ какъ мы всѣ охотно извиняемъ заблужденія энтузіазма, или изъ состраданія, или потому, что эти заблужденія устанавливаютъ, такъ сказать, живое общеніе между заблудшимися и нами, служатъ для насъ какъ-бы вѣхами, которыя предостерегаютъ насъ отъ подводныхъ камней, говорятъ намъ о томъ, что намъ угрожаетъ или угрожало и чего мы избѣгли. А между тѣмъ съ какой безнощадной критикой относимся мы къ холодному благоразумію, которое стыдитъ насъ за нашу слабость и не нуждается въ нашемъ добросердечіи. Почему это такъ? Почему мы всѣ проповѣдуемъ благоразуміе, а между тѣмъ въ душѣ не любимъ его? Не потому ли, что въ тоже время мы смутно чувствуемъ, что жизнь безъ ея великодушныхъ заблужденій не можетъ дать намъ всей полноты счастья, какая возможна; не потому ли мы такъ снисходительны къ неблагоразумію, къ нерассудительности, что когда мы проповѣдуемъ благоразуміе, инстинктъ намъ въ то же время подсказываетъ, что кромѣ благоразумія жизнь имѣетъ еще иныя цѣли. Вотъ одна изъ причинъ, почему заблужденія гениальныхъ людей вызываютъ въ насъ столь глубокое сочувствіе.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій я позволяю себѣ обратиться съ такимъ вопросомъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ сокрушаетъ невозмутимое, самодержавное величіе старика Гете, которые видятъ въ этомъ нѣчто совершенно непримиримое съ при-

родой поэта,—не есть ли эта непримиримость только кажущаяся, не исчезает ли она при болѣе глубокомъ размышленіи? Мы уважаемъ разсудительность, но сочувствіе наше на сторонѣ чувствительности. Наша нелюбовь къ первой имѣетъ своимъ источникомъ предполагаемую несовмѣстность ея со второй. Но если человѣкъ соединяетъ въ себѣ самообладаніе и разсудительность съ самой глубокой чувствительностію, не должны ли мы признать въ немъ живой синтезъ того, что мы проповѣдуемъ, и того, что мы любимъ? Что таковъ именно былъ Гете, это намъ свидѣлствуетъ вся его жизнь. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ его юношей вѣтраннымъ, безпокойнымъ, мечущимся безъ цѣли, заблуждающимся, настолько безпутнымъ, что его безпутство можетъ удовлетворить самаго жаркаго поклонника бездомности гениальныхъ натуръ; въ этомъ юношѣ по временамъ исчезаютъ всѣ слѣды того Гете, какого мы знаемъ ребенкомъ и зрѣлымъ человекомъ.

Не должны мы также упускать изъ виду еще одну характеристическую черту Гете,—его неспособность къ терпѣливому, усидчивому труду. Онъ постоянно переходилъ отъ одного предмета къ другому и потому не могъ никогда вполне овладѣть ни однимъ. Этимъ объясняется его многосторонняя дѣятельность, которая обхватывала столь различныя сферы. Онъ былъ чрезвычайно впечатлительнъ; его увлекало первое встрѣчное вліяніе; ни одинъ предметъ не могъ никогда надолго приковать къ себѣ его вниманіе,—въ немъ стремленіе къ знанію соединялось съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, что онъ въ короткое время утомлялся. Есть люди, которые знаютъ многіе языки, но ни одного изъ нихъ никогда не могли изучить грамматически. Такъ точно было и съ Гете. Въ немъ легко возбуждалась энергія приняться за какую-нибудь работу, но у него никогда не хватало терпѣнія начать сначала и идти постепенно, медленно, вѣрнымъ шагомъ къ полному обладанію предметомъ. Онъ устремлялся на свою добычу, какъ орелъ, но не могъ терпѣливо выжидать ее, какъ кошка. Этому нетерпѣнію должны мы приписать тотъ фактъ, что столь многія его произведенія остались неконченными, а другія были окончены урывками послѣ длинныхъ промежутковъ. «Прометей», «Магометъ», «Незаконная дочь», «Эльпеноръ», «Навзикая» остались недоконченными. «Фаустъ», «Эгмонтъ», «Тассъ», «Ифигенія», «Вильгельмъ Мей-

стеръ» писались съ большими перерывами. Что могло быть сдѣлано въ нѣсколько дней, пока не успѣвалъ ослабѣть первый порывъ энергіи, только то и дѣлалось; но работа, требовавшая болѣе продолжительнаго труда, растягивалась у него на многіе годы.

КНИГА ВТОРАЯ.

1765 — 1771.

In grossen Städten lernen früh
Die jüngsten Knaben was;
Denn manche Bücher lesen sie
Und hören dies und das;
Vom Lieben und vom Küssen
Sie brauchen's nicht zu wissen;
Und mancher ist im zwölften Jahr
Fast klüger als sein Vater war,
Da er die Mutter nahm.

[Въ большихъ городахъ мальчики рано научаются многому, читаютъ разныя книжки, слышатъ всякую всячину; о любви и поцѣлуяхъ они какъ будто и понятія не имѣютъ, а между тѣмъ иной изъ нихъ уже въ двѣнадцать лѣтъ знаетъ болѣе, чѣмъ зналъ его отецъ, когда женился на его матери].

Эзеръ училъ меня, что Идеалъ Красоты есть простота и спокойствіе,
— слѣдовательно, Юноша не можетъ быть художникомъ.

ГЛАВА I.

Лейпцигскій студентъ.

Въ октябрѣ 1765 г., пріѣхалъ шестнадцатилѣтній Гете въ Лейпцигъ, чтобъ сдѣлаться студентомъ и, какъ онъ надѣялся, положить прочное основаніе своему будущему профессорству. Онъ нанялъ квартиру въ Фейеркugelъ, между новымъ и старымъ рынкомъ, и 19-го числа ректоръ университета зачислилъ его въ студенты «Баварской націи». Въ то время студенты лейпцигскаго университета раздѣлялись на четыре «націи»: Мейссенскую, Саксонскую, Баварскую и Польскую. Это раздѣленіе существовало до недавняго времени; прежде оно имѣло официальное значеніе, и тогда «націи» соотвѣтствовали тому, что въ Оксфордскомъ и Парижскомъ университетахъ называлось «языками», — въ послѣдствіи же «націи» утратили всякое официальное значеніе, и были просто «студенческіе клубы», подобные тѣмъ, какіе существуютъ и въ настоящее время. Гете былъ зачисленъ въ Баварскую націю какъ франкфуртскій уроженецъ. ¹⁾

Если читатель помнитъ тѣ главы изъ автобіографіи, гдѣ говорится о Лейпцигѣ, то я долженъ просить его, чтобъ онъ постарался совершенно выбросить ихъ изъ головы. Автобіографія Гете ясно свидѣтельствуетъ намъ о неспособности старческаго ума воспроизводить очаровательные дни юности. Очевидно, что покойное повѣствованіе его превосходительства тайнаго со-

¹⁾ Briefe an Leipziger Freunde, p. 9.

вѣтника І. В. фонъ Гете представляетъ намъ далеко невѣрное изображеніе того, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ неопытный, пылкій студентъ, только-что вырвавшійся изъ-подъ отеческой кровли, у котораго въ карманѣ кошелекъ, полный денегъ, кажущійся ему неистощимымъ кладомъ. которому воображеніе рисуетъ цѣлый новый міръ, имѣющій раскрыться предъ его гениемъ. Собственныя письма студента Гете и письма его друзей даютъ намъ возможность читать автобіографію между строкъ, и при такомъ междустрочномъ чтеніи предъ нами раскрывается дѣйствительность, совершенно непохожая на ту, которую намъ рисуетъ старикъ Гете.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, Гете прежде всего явился къ гофрату Бѣме. Это былъ истый нѣмецкій профессоръ, совершенно поглощенный въ свою специальность, для котораго литература и изящныя искусства были не болѣе какъ пустяки, и когда довѣрчивый юноша открылъ ему свое тайное желаніе изучать *belles lettres* вмѣсто законовѣдѣнія, какъ этого желалъ отецъ, то онъ употребилъ ревностныя усилія, чтобъ отклонить его отъ этого намѣренія. Не трудно было убѣдить впечатлительнаго юношу, что уподобиться Отто и Гейнецію—самая достойная цѣль для честолюбія даровитаго человѣка. Въ первое время Гете занимался весьма ревностно, какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми студентами при поступленіи ихъ въ университетъ. Онъ такъ усердно посѣщалъ лекціи философіи и юриспруденціи, что его усердіе радовало отца. Но это прилежаніе скоро охладѣло. Логика возбудила въ немъ неодолимое отвращеніе; онъ жаждалъ дѣйствительности и не могъ удовлетворяться разными дефиниціями. Ему было скучно и казалось совершенно безплоднымъ разлагать умственныя операціи и изучать ихъ научныя названія, чтобъ умѣть правильно ихъ употреблять, тогда какъ онъ съ дѣтства уже употреблялъ ихъ правильно безъ всякаго труда. «Я воображалъ,—говоритъ онъ,—что знаю о Богѣ и о мірѣ не менѣе, самого профессора, и во многихъ случаяхъ логика представлялась мнѣ пустымъ толченіемъ воды.» Эти слова какъ-бы вводятъ насъ на порогъ того жизненнаго опыта, который былъ обезсмертенъ поэтомъ въ сценѣ Мефистофеля съ студентомъ. Скоро и юриспруденція стала ему не менѣе скучна, чѣмъ логика; онъ уже изучилъ ее настолько, насколько профессоръ

находилъ нужнымъ сообщать ее своимъ ученикамъ. И если кромѣ того мы примемъ во вниманіе, что какъ разъ въ часъ лекціи, по сосѣдству съ аудиторіей, появлялись превосходные горячіе блины «прямо со сковороды», то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ шестнадцатилѣтнемъ вѣтреномъ мальчикѣ остыло усердіе посѣщать скучныя для него лекціи.

Это былъ юноша легкомысленный, необузданный, съ умомъ пылкимъ и безпокойнымъ, жаждавшимъ свѣта, съ необтесанными манерами, съ грубой рѣчью. Онъ принесъ съ собой изъ Франкфурта грубыя франкфуртскія манеры и грубую франкфуртскую рѣчь, которая тѣмъ рѣзче отличалась отъ полированной рѣчи лейпцигскихъ салоновъ, что онъ постоянно примѣшивалъ къ ней разныя поговорки и библейскія изрѣченія. Даже самый костюмъ его представлялъ непріятный контрастъ съ общепринятой модой въ лейпцигскомъ обществѣ. Платье у него было хорошее, но къ несчастью совершенно не модное, франкфуртскаго покроя, — притомъ оно было домашнего издѣлья, его шилъ одинъ изъ слугъ отца, и сидѣло оно крайне неуклюже. Вольфганъ думалъ сначала, что онъ превосходно одѣтъ, но вскорѣ долженъ былъ разочароваться, и къ довершенію огорченія ему случилось быть свидѣтелемъ, какъ въ театрѣ публика разразилась смѣхомъ, когда на сцену вышелъ актеръ, разодѣтый точь въ точь въ такой же костюмъ, какой былъ у него. Нельзя въ этомъ случаѣ не посочувствовать огорченному юношѣ, вспоминая, какъ въ молодости казалось унижительнымъ быть одѣтому хуже, чѣмъ товарищи. Слѣдующее письмо, написанное имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о первыхъ впечатлѣніяхъ его студенческой жизни: «Сегодня слушалъ двѣ лекціи: Бема о законовѣдѣніи и Эрнеста объ Ораторѣ Цицерона. Дѣло обѣщаетъ пойти на ладъ, не правда ли? на слѣдующей недѣлѣ предстоитъ colloquium philosophicum et mathematicum. Готтшада еще не видалъ. Онъ опять женился. Ей 19, а ему всѣ 65. Ростомъ она футовъ четырехъ, а онъ семи. Она худа какъ селедка, а онъ настоящій пуховикъ. Я держу себя очень важно! Но я еще далеко не франтъ. И никогда имъ не сдѣлаюсь. Мнѣ надо побольше прилежанія. Общество, концерты, театры, обѣды, прогулки, — и не видишь, какъ время летитъ! И какъ весело такъ проводить вре-

мя! Но зато и дорого, чортъ возьми! Кошелекъ мой сильно страдаетъ. Не успѣешь оглянуться, какъ уже и нѣтъ двухъ лундоровъ! Еще шагъ, и опять лундоръ вонъ изъ кармана. Смотришь и другой пары нѣтъ. Просто бѣда, здѣсь пенсы тоже, что у васъ фартинги. А между тѣмъ здѣсь можно жить дешево. Надѣюсь обойтись двумястами талеровъ—виновать! тремястами. NB. Не считая того, что уже ушло къ чорту!»

Недовольный лекціями своихъ профессоровъ, любознательный юноша искалъ себѣ пищи внѣ университета. У ректора гофрата Людвига, гдѣ онъ ежедневно обѣдалъ, встрѣчался онъ съ медицинскими студентами, которые только и говорили что о медицинѣ, да о ботаникѣ, и въ разговорахъ ихъ постоянно слышались имена Галлера, Линнея, Бюффона. По своему обыкновенію, не могъ онъ не заинтересоваться тѣмъ, что интересовало окружающихъ его, и онъ принялся за Галлера, Линнея, Бюффона; впрочемъ теперь онъ ими занялся слегка и только впоследствии уже изучалъ ихъ съ страстнымъ увлеченіемъ. Въ это время ему представился другой источникъ образованія, о которомъ онъ потомъ всю жизнь вспоминалъ съ признательностью,—общество женщинъ.

Willst du genau erfahren was sich ziemt, •
So frage nur bei edlen Frauen an!

[Если хочешь знать, что прилично, спроси объ этомъ у благородныхъ женщинъ.]

Такъ говоритъ онъ въ Тассѣ. Госпожа Бѣме сдѣлалась его учительницей, и онъ охотно поучался отъ нея не только правиламъ хорошаго обхожденія въ обществѣ, но и правиламъ надлежащей оцѣнки поэтическихъ произведеній. Эта любящая и образованная женщина ввела его въ общество, выучила его играть въ ломберъ и пикетъ, исправила нѣкоторыя неловкости въ его манерахъ и наконецъ убѣдила его, что тѣ поэты, которыхъ онъ такъ почитаетъ, поэты весьма жалкіе, и что его собственные подражанія имъ не заслуживаютъ ничего лучшаго, какъ быть брошенными въ огонь. Разочарованный въ своихъ произведеніяхъ, который везъ изъ Франкфурта съ такой гордостью, онъ поступилъ

съ ними такъ же рѣшительно, какъ и съ привезеннымъ изъ Франк-фурта неуклюжимъ платьемъ. Убѣдясь, что его поэзія крайне плоха, что его поэмы безжизненны, онъ собралъ въ кучу всѣ свои произведенія, и прозаическія и стихотворныя, и бросилъ все въ печь.

Но скоро и общество ему наскучило,—оно было не по немъ. Карты никогда не занимали его, а разговоры о литературѣ наконецъ надоѣли ему. «Извини, что давно уже не писалъ,—пишетъ онъ къ своему другу Ризе.—Не спрашивай, почему! Во всякомъ случаѣ причина этому не занятія. Ты доволенъ своей жизнью въ Марбургѣ. Я также доволенъ своей. Одинъ, одинъ, совершенно одинъ! Одиночество приводитъ меня въ грустное настроеніе духа:

Единственное мое удовольствіе,
Когда я, одинокій,
Лежу въ кустахъ у ручейка
И думаю о тѣхъ, кого люблю.

«Но хотя я и доволенъ, а чувствую недостатокъ въ обществѣ, — я вздыхаю по своимъ друзьямъ, по своимъ подругамъ, и временами, когда вполнѣ чувствую всю тщету своихъ вдовъ,

Сердце мое тоскуетъ,
Глаза отуманиваются скорбію.
Ручей, передъ этимъ такъ привѣтливо журчавшій,
Начинаетъ бурно ревѣть;
Птички, пѣвшія въ кустахъ, умолкаютъ;
Освѣжавшій меня вѣтерокъ
Превращается въ бурный сѣверный вѣтеръ,
Рветъ и уноситъ цвѣты.
Съ ужасомъ бѣгу я тогда отъ этого мѣста
И ищу въ пустынныхъ стѣнахъ
Уединенія для моей скорби.

«Но все-таки я счастливъ, совершенно счастливъ! Приѣздъ Горна отчасти разсѣялъ мою грусть. Онъ удивляется, какъ я пережилъ.

Онъ старается отгадать причину моей скорби,
И, улыбаясь, смотритъ мнѣ въ глаза;
Но какъ же можетъ угадать онъ эту причину,
Когда я и самъ ея не знаю.

«Ты пишешь мнѣ о.... Впрочемъ надо, чтобъ я поговорилъ съ
тобой немножко о самомъ себѣ:

Теперь совершенно иные желанія, чѣмъ прежде,
Волнуютъ меня, милый другъ!
Ты знаешь, какъ я былъ всей душой преданъ поэзии,
Съ какимъ негодованіемъ смотрѣлъ я на тѣхъ,
Боторые посвящали себя юриспруденціи
И оставались глухи къ голосу Музъ.
Ты знаешь, мой другъ, какъ я сильно вѣрилъ
(И увѣ! ошибался), что Музы любятъ меня
И одарили меня даромъ пѣснопѣнія.
Не одна пѣсня сорвалась со струнъ моей лиры,
Но увѣ! Музы, Аполлонъ не вдохновили этихъ пѣсенъ.
Я гордо вѣрилъ, что боги низошли ко мнѣ, что люди
И не слыхивали никогда такихъ пѣсенъ, какія я имъ пою.
Я не сознавалъ тогда, что у меня нѣтъ крыльевъ для полета,
Что боги, быть можетъ, никогда и не дадутъ мнѣ ихъ.
Я вѣрилъ, что у меня есть крылья, что я могу летѣть;
Но когда я здѣсь увидалъ славу великихъ людей,
Тогда я понялъ, какъ много надо, чтобъ заслужить славу,
И туманъ спалъ съ глазъ моихъ. Я понялъ тогда,
Что мой высокій (какъ мнѣ казалось) полетъ былъ не болѣе,
Какъ пресмыканіе червя въ пыли, который видитъ
Орла, парящаго къ небу, и рвется за нимъ.
Онъ такъ же хочетъ взлетѣть, весь извивается, напрягаетъ всѣ
свои силы,
Но тщетно. Поднимается вѣтеръ и взметаетъ пыль вихремъ къ небу.
Поднятый вихремъ червь въ восторгѣ! Онъ также оретъ,
Онъ также паритъ къ небу. Но вотъ вѣтеръ стихаетъ,
Поднятая имъ пыль падаетъ на земь; съ ней падаетъ и червь,
И снова пресмыкается по землѣ, какъ прежде.

«Не сердись на меня за эту галиматью. Прощай, будь здоровъ! Горнъ
хочетъ приписать въ этомъ письмѣ отъ себя. Прощай!»

Это письмо весьма любопытно не только потому, что раскрываетъ намъ состояніе духа, въ какомъ онъ тогда находился, но также и по стихамъ, льющимъ какъ будто экспромтомъ, невольно, которые свидѣлствуютъ, что и тогда уже друзья его видѣли въ немъ будущаго поэта. Разочарованіе въ своихъ поэтическихъ способностяхъ, высказанное имъ въ послѣднихъ стихахъ, очевидно, есть плодъ знакомства его съ госпожей Бёме, и надо замѣтить, что не каждый юный поэтъ въ состояніи такъ легко утратить вѣру въ свои силы. Впрочемъ, это разочарованіе продолжалось недолго. Пріѣхавъ въ Лейпцигъ Шлоссеръ, будущій его зять, и своими наставленіями и примѣромъ побудилъ его вновь приняться за поэтическое творчество, плодомъ котораго были разные стихи, нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и итальянскіе.

Шлоссеръ былъ старше его десятью годами, и возбуждалъ въ немъ соревнованіе къ своимъ познаніямъ и способностямъ. Онъ ввелъ его въ литературный кружокъ, который собирался въ домѣ нѣкоего Шенкопфа, въ улицѣ Брюль № 79. ¹⁾ Шенкопфъ былъ Weinhändler и Hauswirth, т. е. виноторговецъ и трактирщикъ. Впрочемъ, эти выраженія: виноторговецъ, трактирщикъ, могутъ ввести читателя въ заблужденіе, такъ какъ Шенкопфъ не имѣлъ собственно ни трактира, ни погреба. Онъ держалъ table d'hôte; продавалъ при этомъ вина и иногда пускалъ къ себѣ почевать проѣзжихъ. Его жена, любезная и образованная женщина, была родомъ изъ Франкфурта и принадлежала къ одной изъ хорошихъ тамошнихъ фамилій, поэтому пріѣзжіе изъ Франкфурта обыкновенно посѣщали ихъ домъ. Въ непродолжительное время Гете коротко съ ней познакомился, сдѣлался домашнимъ человѣкомъ и влюбился въ дочь. Я долженъ напомнить читателю, что въ Германіи существуютъ совершенно своеобразные обѣденные обычаи. Въ Англіи студентъ, и вообще холостой человѣкъ, обѣдающій по харчевнямъ, трактирамъ или гостинницамъ, идетъ туда для того только, чтобъ пообѣдать и можетъ быть заглянуть въ Times, и только развѣ изрѣдка перекинется словомъ съ своимъ сосѣдомъ. Совсѣмъ не такъ въ Германіи. Тамъ обыкновенно собираются за table d'hôte

¹⁾ Домъ этотъ стоитъ и теперь, но почти совершенно перестроенъ.

одни и тѣ же habitués, и образуютъ такимъ образомъ свой кружокъ, разнообразящіеся случайными посѣтителами, изъ которыхъ потомъ большая часть также превращается въ habitués. За обѣдомъ идутъ непринужденные разговоры даже между незнакомыми. Эти разговоры сближаютъ людей, сходящихся по вкусамъ и наклонностямъ, и за обѣденными столами въ короткое время возникаютъ пріятельскія отношенія, которыя потомъ не ограничиваются только застольнымъ собесѣдничествомъ, а переходятъ въ повседневную жизнь. Нѣмецъ не спѣшитъ встать изъ-за стола, какъ англичанинъ; ему время не такъ дорого; онъ менѣе занятъ и всегда находитъ время для тихой послѣобѣденной бесѣды. Вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ появляются на столъ сигары и кофе, и общество, не вставая изъ-за стола, продолжаетъ свою бесѣду. Этотъ послѣобѣденный комфортъ, способствуя спокойному пищеваренію, располагаетъ собесѣдниковъ выслушивать безъ раздраженія самыя противоположныя мнѣнія, и бесѣда принимаетъ самый добродушный характеръ. Такого рода обѣденный кружокъ собирався въ домъ Шенкофа. Онъ состоялъ преимущественно изъ студентовъ и литераторовъ. Здѣсь обыкновенно шелъ самый живой разговоръ, — каждый непринужденно высказывалъ свои мнѣнія и оспаривалъ мнѣнія противника. Вотъ въ какой кружокъ попалъ Гете.

Для полноты картины представьте себѣ, что между тѣмъ какъ хозяинъ и хозяйка возсѣдаютъ за столомъ среди этого кружка, очаровательная ихъ дочка хлопочетъ на кухнѣ и подаетъ гостямъ вино. Эту дочь звали Анна-Катерина, а за-просто—Кетхенъ; Гете въ своей Автобіографіи называетъ ее то Анхенъ, то Аннетой. Судя по портрету, который до сихъ поръ сохранился, она была очень мила. Ей было тогда девятнадцать лѣтъ. Могла ли девятнадцатилѣтняя дѣвушка, живаго, любящаго характера, оставаться равнодушной къ любви знаменитаго юноши, блестящаго умомъ и красотою. Они видались ежедневно не только за обѣдомъ, но и по вечерамъ. Гете кое-какъ игралъ на флейтѣ и приходилъ по вечерамъ аккомпанировать ея брату, который игралъ на фортепіано. Кромѣ того здѣсь въ кругу близкихъ знакомыхъ устраивался иногда домашній спектакль и на долю Гете

и Бетхенъ обыкновенно выпадали роли влюбленныхъ. Въ числѣ другихъ пьесъ играли и Minna von Barnhelm, которая была въ то время новостью. Участники этихъ спектаклей были весьма горячіе театралы, какъ можно заключить изъ того, что когда для одной пьесы понадобился соловей, играющій въ ней важную роль, а между тѣмъ соловья достать было не отъ-куда, то роль его исполняла салфетка, сложенная въ форму птицы.

Мнѣ случайно попались въ руки недавно найденныя два письма, которыя насъ ближе знакомятъ съ тогдашнимъ Гете, чѣмъ всѣ его собственныя описанія и всѣ описанія его біографовъ. Эти письма писаны другомъ его Горномъ, о пріѣздѣ котораго въ Лейпцигъ онъ упоминаетъ въ вышеприведенномъ письмѣ. Горнъ былъ неразлучнымъ его товарищемъ до отъѣзда его изъ Франкфурта. Первое письмо помѣчено отъ 12 августа 1766 г., и адресовано къ франкфуртскому товарищу, Мурсу.

«Что сказать о нашемъ Гете! Онъ до сихъ поръ все та же гордая, фантастическая личность, какимъ я нашелъ его по пріѣздѣ сюда. Еслибъ ты только увидѣлъ его, то или пришелъ бы вѣкъ себя отъ гнѣва, или разразился бы смѣхомъ. Я никакъ не могу понять, какъ можетъ человѣкъ такъ скоро мѣняться. Его манеры, разговоры, малѣйшіе поступки, все это совсѣмъ не то, что было. Онъ нетолько гордъ, но къ тому же и франтъ. Одѣвается онъ хорошо, но всегда съ такимъ страннымъ вкусомъ, что рѣзко отличается отъ всѣхъ студентовъ. И онъ не обращаетъ на это никакого вниманія; говори ему что хочешь, ему все равно:

Man mag Amphion sein und Feld und Wald bezwingen,
Nur keinen Goethe nicht kann man zur Klugheit bringen.

[Можно быть Амфіономъ, покорить своей власти поля и лѣса, но вразумить Гете — невозможно.]

Онъ ни о чемъ не думаетъ, ни о чемъ не заботится, кромѣ себя и своей возлюбленной. Въ обществѣ онъ всегда болѣе смѣшонъ, чѣмъ пріятель. Только потому, что это нравится его возлюбленной, онъ выдѣлываетъ такіе жесты и кривлянья, что невозможно удержаться отъ смѣха. Онъ усвоилъ себѣ такую по-

ходку, что рѣшительно на него нельзя смотрѣть равнодушно. Еслибъ только ты видѣлъ его!

«Il marche à pas comptés,
Comme un Recteur suivi des quatres Facultés».

«Его общество становится для меня съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе невыносимымъ, и онъ также старается по возможности избѣгать меня. Я для него слишкомъ обыкновенный человѣкъ, чтобъ гулять со мной по улицамъ. Что сказалъ бы «Голландскій король на это!» Напиши ему поскорѣе, и скажи ему твое мнѣніе, а не то онъ съ своей возлюбленной навсегда останется такимъ дуракомъ. Да сохранить меня небо, пока я здѣсь, отъ всякихъ возлюбленныхъ, потому что здѣшнія женщины—настоящія чертовки. Не первый Гете становится дуракомъ, чтобы нравиться своей Дульцинеѣ. Я бы желалъ, чтобъ ты хоть разъ ее увидѣлъ. Это—самое глупѣйшее созданіе въ свѣтѣ. Une mine coquette avec un air hautain,—вотъ и все, чѣмъ очарованъ Гете. Любезный другъ! какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ Гете остался тотъ же, какимъ былъ во Франкфуртѣ! Тогда мы были съ нимъ большіе друзья, а теперь и четверти часа не выносимъ другъ друга. Однако я надѣюсь современемъ обратить его на путь истинный, хотя это и весьма трудно—сдѣлать дурака умнымъ. Я употреблю всѣ усилія, чтобъ достигъ этого.

Ach! fruchtete dies mein Bemühn!
Ach! könnt' ich mein Zweck erreichen!
Ich wollt' nicht Luther, nicht Calvin,
Noch einem der Beckehrer weichen.

[Ахъ! еслибъ мои усилія увѣнчались успѣхомъ! Еслибъ я достигъ моей цѣли! Я бы тогда считалъ себя не ниже Лютера, не ниже Кальвина, не ниже любого изъ реформаторовъ.]

«Ты можешь ему написать все, что я пишу о немъ. Я буду очень доволенъ, если ты это сдѣлаешь. Пусть онъ и его возлюбленная сердятся на меня сколько имъ угодно, — мнѣ это рѣшительно все равно.

«Впрочемъ не совѣмъ легко возбудить въ немъ гнѣвъ противъ меня; даже когда случается, мы поборанимся съ нимъ, онъ на другой же день посылаетъ за мной. На этотъ разъ довольно; въ другой разъ напишу больше. Будь здоровъ и не забывай твоего Горна.»

Мурсъ послѣдовалъ совѣту Горна и высказалъ Гете, повидимому, весьма откровенно свое удивленіе и неудовольствіе по случаю происшедшей въ немъ перемѣны. Въ октябрѣ того же года онъ получилъ отъ Горна слѣдующее письмо:

«Любезный Мурсъ! Воображаю, какъ ты обрадуешься, когда узнаешь, что мы ошибались, что мы не потеряли друга въ нашемъ Гете. Онъ такъ искусно притворился, что ввелъ въ заблужденіе не только меня, но и многихъ другихъ, и мы никогда не узнали бы, въ чемъ дѣло, еслибъ онъ не увидалъ изъ твоего письма, что рискуетъ потерять друга. Я тебѣ расскажу все, какъ онъ мнѣ самъ рассказывалъ, — онъ даже просилъ меня сообщить тебѣ все, такъ какъ ему самому тяжело писать объ этомъ. Онъ влюбленъ, это вѣрно. Онъ признался мнѣ въ этомъ и признается тебѣ; но его любовь не заслуживаетъ порицанія, какъ я предполагалъ прежде. Онъ любитъ, — но не ту, въ которую я считалъ его влюбленнымъ. Онъ любитъ дѣвушку, которая стоитъ ниже его по общественному положенію, но — безъ всякихъ преувеличеній — ты и самъ бы влюбился въ нее, еслибъ ее увидѣлъ. Я не влюбленъ, и говорю о ней безъ малѣйшаго пристрастія. Представь себѣ дѣвушку хорошаго, но не очень высокаго роста, съ круглымъ, пріятнымъ, хотя и не особенно красивымъ личикомъ, съ непринужденными, милыми, очаровательными манерами; въ ней много простоты и ни капли кокетства; притомъ она умна, хотя и не получила особенно хорошаго воспитанія. Онъ ее очень любитъ и любитъ чистой любовью честнаго человѣка, хотя и знаетъ, что она никогда не можетъ быть его женой. Любитъ ли и она его, — не знаю. Ты поймешь, любезный Мурсъ, какъ объ этомъ трудно спрашивать; но, насколько я могу судить, они, повидимому, рождены другъ для друга. Теперь полюбуйся, какой онъ хитрый! Чтобы отклонить всякое подозрѣніе, что ее любитъ, онъ вознамѣрился убѣдить всѣхъ совершенно въ противномъ, и до сихъ поръ это удалось какъ нельзя лучше. Онъ дѣлаетъ видъ,

будто влюбленъ и ухаживаетъ за той, о которой я тебѣ писалъ прежде. Въ извѣстные часы онъ видается съ предметомъ своей любви, не подавая ни малѣйшаго повода къ подозрѣнiю, и я часто сопровождаю его къ ней. Еслибъ Гете не былъ моимъ другомъ, я самъ бы влюбился въ нее. А между тѣмъ всѣ думаютъ, что онъ влюбленъ въ дѣвицу.... (но что тебѣ до ея имени?), и подтруниваютъ надъ нимъ. Можетъ быть и она также думаетъ, что онъ влюбленъ въ нее, но она сильно ошибается. Съ тѣхъ поръ, какъ признался мнѣ въ этомъ, онъ сталъ со мной совершенно откровененъ, и я убѣдился, что его расходы вовсе не такъ велики, какъ это можно было предполагать. Онъ теперь болѣе философъ и моралистъ, чѣмъ когда-либо, и хотя его любовь совершенно невинна, тѣмъ неменѣе онъ сильно осуждаетъ себя за это. Мы часто споримъ объ этомъ; но онъ всегда выходитъ побѣдителемъ изъ спора,—ты знаешь, какъ онъ умѣетъ придавать особенную силу малѣйшему аргументу. Мнѣ жаль его,—безнадежная любовь къ прекрасной, добродѣтельной дѣвушкѣ должна сильно терзать его доброе сердце. Но если и она его любитъ, то какъ это должно быть ему тяжело! Я не пускаюсь въ дальнѣйшія объясненія,—ты хорошо знаешь человѣческое сердце и поймешь все. Онъ сказалъ мнѣ, что самъ еще тебѣ напишетъ объ этомъ. Нѣтъ надобности, конечно, напоминать тебѣ, что объ этомъ надо молчать; ты самъ поймешь, какъ это необходимо....»

Теперь представьте себѣ, что этотъ фантастическій юноша, какимъ его описываетъ Горнъ, знаетъ, что на его любовь отвѣчаютъ любовью, но ему приходится ребяческая фантазія — мучить предметъ своей любви. Юность жестока; юные влюбленные, разъ увѣрившись въ побѣдѣ, чрезвычайно склонны мучить другъ друга подъ самыми пустыми предлогами.

«Erringen will der Mensch; er will nicht sicher sein.»

[Человѣкъ любить стремиться къ цѣли,—онъ не любитъ спокойнаго обладанія.]

Такъ выражается Гете въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Еслибъ Кетхенъ кокетничала съ нимъ, мучила бы его неизвѣстно-

стью, сомнѣніями, она была бы счастливѣе; но какъ онъ говорить въ стихотвореніи «Der wahre Genuss»:

Sie ist vollkommen, und sie fehlet
Darin allein dass sie mich liebt.

[Она — совершенство, у нея одинъ только тотъ недостатокъ, что она меня любитъ.]

онъ мучилъ ее ни на чемъ неоснованными подозрѣніями, — ревновалъ безъ всякаго къ тому повода, укорялъ безъ малѣйшей причины, досаждалъ ей фантастическими придирками, такъ что наконецъ ея терпѣніе истощилось и слезы охладили ея любовь. Напрасно старался онъ снова возвратить себѣ драгоцѣнность, которую такъ безразсудно утратилъ, — всѣ усилія его ни къ чему не повели. Онъ былъ въ отчаяніи и старался въ разгульной жизни забыть свое горе. Но болѣе дѣйствительнымъ къ этому средствомъ оказался его поэтический талантъ. Пережитое имъ тяжелое испытаніе вылилось у него въ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореніяхъ. Кромѣ того онъ написалъ на эту тему цѣлую пьесу, нѣчто въ родѣ пасторали, въ которой поэтически изображаются ссоры любовниковъ. Пьеса эта носитъ заглавіе *Die Laune des Verliebten*. Она весьма любопытна, какъ самое раннее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ драматическихъ произведеній великаго поэта, и какъ первое, въ которомъ обнаружилась его склонность выражать въ поэтическихъ произведеніяхъ то, что имъ дѣйствительно пережито. Пьеса *Erwin und Elmire*, написанная имъ позднѣе, имѣетъ подобный же сюжетъ, но только въ ней этотъ сюжетъ обработанъ совершенно иначе, и вообще эта пьеса представляетъ менѣе интереса, чѣмъ первая. *Die Laune des Verliebten* есть подражаніе тѣмъ пастушескимъ драмамъ, которымъ послужили образцами нѣжныя и даже почти до приторности сладкія произведенія Тасса и Гварини, *Aminta* и *Pastor Fido*, и которыя потомъ, благодаря французамъ, расплодились по всей Европѣ.

Въ этой пьесѣ проводится, отчасти натянуто, параллель между четой счастливыхъ и четой несчастныхъ любовниковъ. Несчастливая чета изображаетъ собою Кетхенъ и поэта. Дѣйствія нѣтъ ника-

кого; вся пьеса состоитъ изъ разговора о любви, изъ нѣсколькихъ удачныхъ стиховъ объ истинной вѣрности и нѣсколькихъ мимоходомъ сдѣланныхъ замѣчаній о скрытыхъ пружинахъ страсти. Ревнивый Эридонъ, мучащій свою возлюбленную, вѣстѣ и причудливъ и естественъ. Удивительно вѣрно схвачена та черта, какъ возлюбленная Эридона ропщетъ на ревность своего любовника и въ тоже время оправдываетъ его.

Zwar oft betrübt er mich, doch rührt ihn auch mein Schmerz.
Wirft er mir etwas vor, fängt er mich an zu plagen,
So darf ich nur ein Wort, ein gutes Wort nur sagen.
Gleich ist er umgekehrt, die wilde Zanksucht flieht,
Er weint sogar mit mir, wenn er mich weinen sieht.

[Часто онъ огорчаетъ меня, но и самъ огорчается, видя, что я печальна. Когда онъ начнетъ меня бранить, укорять, стоитъ только мнѣ произнести одно слово, одно ласковое слово, и онъ дѣлается нѣженъ, весь гнѣвъ его проходитъ. Онъ даже самъ плачетъ, когда видитъ, что я плачу.]

Хорошъ также этотъ стихъ:

Da er kein Elend hat, will er sich Elend machen.

[Такъ какъ у него нѣтъ горя, то онъ себѣ придумываетъ его.]

Аминна, любовница Эридона, также очерчена художническими штрихами. Ея любящая, безконечно добрая и безконечно терпѣливая натура представлена чрезвычайно естественно, какъ будто взята прямо изъ жизни. Какая нѣжная любовь въ этихъ ея словахъ.

Der Liebe leichtes Band machst du zum schweren Joch.
Du quälst mich als Tyrann: und ich? *Ich lieb dich doch!*

[Легкіе узмы любви ты дѣлаешь тяжелымъ игомъ, — ты мучишь меня; какъ тиранъ, а я! — я все тебя люблю!]

Приведу еще одну строчку и довольно: Еглея увѣряетъ Эридона,

что страсть Амины къ танцамъ нисколько не мѣшаетъ ей его любить, такъ какъ по окончаніи танцевъ первая мысль ея сыскать его:

Und durch das Suchen selbst wirst du ihr immer lieber.

[И черезъ то, что она должна искать тебя, ты дѣлаешься для нея еще милѣе.]

Въ этихъ художническихъ штрихахъ, а еще болѣе въ самомъ выборѣ предмета видѣнъ уже будущій поэтъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ, онъ не измышляетъ какихъ-либо мнимыхъ скорбей, а выражаетъ прямо то, что имъ дѣйствительно пережито. Онъ не роется въ книгахъ, чтобъ найти тамъ характеры и событія для своихъ произведеній: источникъ его вдохновеній есть его собственная душа. Текстомъ его проповѣди была постоянно его собственная жизнь. Онъ пѣлъ то, что чувствовалъ, а не потому что другіе пѣли до него. Онъ не былъ эхомъ чужихъ радостей и печалей, онъ пѣлъ свои собственные. Вотъ почему его произведенія имѣютъ столь великую чарующую силу, и эта сила не изсякнетъ, пока не изсякнутъ самыя страсти. Его пѣсни идутъ прямо къ сердцу, потому что вылились прямо изъ сердца. Каждая пуля попадаетъ въ цѣль, говоритъ суевѣріе, если ее сперва обмануть въ кровь мѣткого стрѣлка.

Всѣ мои произведенія суть только отрывки великой исповѣди моей жизни, — такъ выразился онъ самъ. О немъ можно сказать тоже, что Гораций о Луциліи, — что онъ довѣрялъ свои тайны своимъ произведеніямъ, какъ самымъ вѣрнымъ друзьямъ.

*Ille velut fidis arcana sodalibus olim
Credebat libris; neque, si male cesserat, unquam
Decurrens alio, neque si bene: quo fit, ut omnis
Votiva pateat veluti descripta tabella
Vita senis ¹⁾.*

Гете ясно сознавалъ ничтожество всякаго иного творчества, ко

¹⁾ Sernmon lib. II, I. «Онъ нѣкогда повѣрялъ тайны книгамъ, какъ вѣрнымъ друзьямъ, и никогда не уклонялся отъ истины, были ли его поступки худы, или хороши: поэтому-то вся святая жизнь старца открыта предъ нами, какъ будто бы она была написана на картинѣ».

торое не было прямымъ выраженіемъ дѣйствительно пережитаго. Это свидѣтельствуя намъ многія мѣста въ его письмахъ и разговорахъ. Римеръ сохранилъ намъ слѣдующее весьма характеристическое его выраженіе: «Скоро будетъ поэзія безъ поэзіи, настоящій *poësis*, гдѣ все будетъ заключаться *en poëseu*,—въ дѣланіи: это будетъ мануфактурная поэзія» ¹⁾). Онъ самъ считаетъ съ Лейпцига начало своего поэтическаго творчества, которое, какъ онъ говоритъ, было плодомъ потребности, не покидавшей его всю жизнь, — потребности выражать въ образахъ, въ пѣсняхъ то, что его радовало, огорчало или вообще занимало; удовлетворивъ этой потребности, онъ успокоивался,—для него дѣлались ясны и его отношенія къ окружающему, и его собственный внутренній міръ. Онъ приписываетъ развитіе въ себѣ этой потребности внутреннему разобщенію своему съ той средой, гдѣ жилъ,—онъ думаетъ, что это именно и заставило его искать въ самомъ себѣ матеріала для поэтическаго творчества. Но съ этимъ мнѣніемъ едвали можно согласиться. Обстоятельства никогда не могли бы вывести его на эту дорогу, еслибъ ее не указалъ ему его собственный геній.

Весьма естественно, что пылкій, любознательный, страстный юноша, каковымъ былъ Гете, могъ часто увлекаться въ такіе поступки, которые неответствовали требованіямъ добропорядочности. Постояннымъ его товарищемъ былъ нѣкто Бериншъ, одна изъ самыхъ интересныхъ личностей между его лейпцигскими друзьями. Это былъ человѣкъ лѣтъ около тридцати, съ выразительными чертами лица и нѣкоторой сухой ѣдкостью въ манерахъ, всегда хорошо одѣтый, держащій себя всегда очень важно, большой охотникъ до всякаго рода шутокъ и мистификацій, способный трактовать о самыхъ глупыхъ вещахъ съ видомъ чрезвычайной важности, готовый даже выдумать про другаго что-либо дурное или нелѣпое, чтобъ только имѣть случай привести въ изумленіе своихъ

¹⁾ *Briefe von und an Goethe*. Herausgeg. von Riemer. 1846. Продолженіе этого мѣста заключаетъ въ себѣ неперевожимую игру словъ: Die Dichter heissen dann so, wie schon Moritz spassete, *a spissando, densando*, vom Dichtmachen, weil sie Alles sammendrängen, und kommen mir vor wie eine Art Wurstmascher, die in den Darm des Hexameters, oder Trimeters ihre Wort- und Silbenfülle stopfen.

слушателей грозной филиппикой. Онъ любилъ вести разсѣянную жизнь, но и въ веселой компаніи держалъ себя всегда очень серьезно. Его обхожденіе отзывалось французской вѣжливостью, и онъ хорошо говорилъ на французскомъ языкѣ. Кромѣ того надо замѣтить, что при своей безпорядочности онъ обладалъ большимъ запасомъ здраваго смысла, который виденъ въ самыхъ его безразсудствахъ. Онъ познакомилъ Гете съ нѣкоторыми дамами, которыя «были лучше, чѣмъ ихъ репутація» и ввелъ его въ такую сферу, знакомство съ которой могло быть полезно для будущаго поэта, но только никакъ не для репутаціи молодого студента. Своими насмѣшками онъ отучилъ Гете отъ боговъ, богинь и прочей мифологической ветши, которыми до того времени Гете имѣлъ обыкновеніе украшать свои произведенія, — удержалъ его отъ печатанія и, чтобъ успокоить авторское самолюбіе, красиво переписалъ его стихи и украсилъ виньетками. Беришъ былъ, такъ сказать, предшественникомъ Мерка; его вліяніе было не такъ велико, но отчасти въ томъ же родѣ.

Съ Гете случилось теперь тоже, что было съ Лессингомъ. Подобно тому, какъ Лессингъ промѣнялъ изящное Лейпцигское общество на общество актеровъ и писателей, у которыхъ было болѣе ума, чѣмъ денегъ, и Миліуса въ стоитанныхъ башмакахъ предпочелъ своимъ изящно одѣтымъ знакомымъ, такъ и Гете пренебрегъ обществомъ гостинныхъ и профессорскими аудиторіями и предпочелъ имъ болѣе разнообразную жизнь менѣе изящныхъ сферъ. Друзья его были весьма недовольны, что онъ отсталъ отъ хорошаго общества и предался безпорядочной жизни. Но мы не тревожимся за поэта, мы знаемъ дальнѣйшій результатъ, — знаемъ, что ему отъ этого не приключится ничего худаго, что онъ только пріобрѣтетъ чрезъ это болѣе многостороннее знаніе жизни, что самыя даже худшія стороны человѣческой природы явятся въ немъ орудіями благородныхъ стремленій, подобно тому какъ нечистоты превращаются у хорошаго хозяина въ плодотворное удобреніе.

Всѣ событія великой драмы жизни имѣютъ свои кулисы, и если поэтъ не знаетъ того, что происходитъ за кулисами, то никогда не пойметъ онъ ни того, что дѣлаютъ, ни того, что говорятъ актеры.

Гете еще въ юности часто бывалъ «за кулисами», часто имѣлъ случай видѣть, что происходитъ за сценической обстановкой, безъ которой обходится рѣдкій домъ. «Исторія моя съ Гретхенъ — говоритъ онъ — и послѣдствія этой исторіи рано раскрыли мнѣ глаза и обнаружили предо мной тѣ язвы, которыя подтачиваютъ общество. Религія, нравы, законы, обычаи, приличія — все это только одна внѣшность. Дома великолѣпны, улицы чисты и всѣ держатъ себя довольно прилично, но внутри часто происходитъ совершенно иное, и блестящая внѣшняя окраска нерѣдко прикрываетъ совершенно сгнившую стѣну, которая съ минуты на минуту грозитъ рухнуть.

«Сколько семействъ знаю я болѣе или менѣе близко, которыхъ постигли или которымъ угрожали банкротство, разводъ, убійство, воровство, отравленіе! И какъ ни былъ я молодъ, но сколько разъ въ подобныхъ обстоятельствахъ случалось мнѣ оказывать помощь или даже спасать. Мой открытый характеръ и мое испытанное умѣнье молчать внушали ко мнѣ довѣріе; я не боялся никакихъ жертвъ, никакихъ опасностей, и поэтому мнѣ нерѣдко случалось являться посредникомъ, утѣшителемъ, — я въ подобныхъ случаяхъ всегда дѣлалъ все, что только могъ сдѣлать, и нерѣдко мнѣ случалось отводить грозившій ударъ. Понятно, что при этомъ какъ мой личный опытъ, такъ и опытъ другихъ раскрылъ мнѣ многое изъ жизни, весьма не утѣшительное и грустное!»

Естественно, что такого рода знакомство съ жизнью должно было внушить ему презрѣніе, къ общественному строю, среди котораго онъ жилъ, — и такъ какъ въ то время онъ былъ большимъ поклонникомъ Мольера, то искалъ себѣ утѣшенія въ драматическомъ творествѣ и начерталъ планы многихъ пьесъ; но завязка во всѣхъ этихъ проектированныхъ пьесахъ была такъ однообразна и такъ несладка, развязка такъ трагична, что онъ потрѣмъ оставилъ ихъ безъ дальнейшей разработки. «Die Mitschuldigen» единственная пьеса, которая была имъ окончена. Хотя она и занимаетъ мѣсто въ собраніи его произведеній, но обыкновенно ее мало читаютъ, а между тѣмъ она заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, тѣмъ болѣе, что она есть произведеніе юноши, еще не достигшаго осьмнадцати лѣтъ. Написана она довольно живо, — нѣкоторыя сцены весьма эффектны, — двое изъ дѣйствующихъ

лицъ, Селлеръ и его тестъ, очерчены весьма удачно. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе: жена Селлера до замужества любила нѣкоего Альцеста; поведеніе ея мужа по отношенію къ ней не таково, чтобы заставить ее забыть прежняго своего любовника, который, въ началѣ пьесы, живетъ въ гостинницѣ ея отца. Альцестъ убѣждаетъ ее придти къ нему на свиданіе въ его комнату въ то время, какъ ея мужъ, Селлеръ, будетъ въ маскарадѣ. Къ несчастью, Селлеръ рѣшился въ эту самую ночь обокрасть Альцеста. Онъ тихо прокрадывается въ комнату, открываетъ бюро, беретъ деньги, испуганный шумомъ прячется въ альковъ и видитъ, что въ комнату входитъ его тестъ. Старика мучитъ любопытство узнать содержаніе письма, которое Альцестъ получилъ въ тотъ день, и онъ пришелъ, чтобы тайкомъ прочесть это письмо. Въ эту минуту входитъ дочь и старикъ, испуганный ея появленіемъ, роняетъ свѣчу и убѣгаетъ. Селлеръ же, спрятавшійся въ альковъ, дѣлается свидѣтелемъ свиданія своей жены съ Альцестомъ: эта сцена, какъ и вообще вся пьеса, смѣшна, драматична, но въ тоже время производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе.

На слѣдующій день обнаруживается, что Альцестъ обокраденъ. Софья подозрѣваетъ въ воровствѣ отца. Отецъ подозрѣваетъ дочь и, мучимый любопытствомъ, соглашается сообщить Альцесту свои подозрѣнія съ условіемъ, что тотъ позволитъ ему прочесть таинственное письмо. Отецъ, жертвующій дочерью для удовлетворенія своего любопытства прочесть письмо, — это едва ли не единственная черта во всей пьесѣ, которая свидѣлствуетъ о юности автора. Возмущенная такимъ обвиненіемъ, Софья обвиняетъ отца, вслѣдствіе чего происходятъ весьма непривлекательныя сцены между дочерью и отцомъ. Пьеса оканчивается тѣмъ, что Селлеръ самъ себя выдаетъ, обнаруживъ, что былъ свидѣтелемъ свиданія между своей женой и Альцестомъ, и въ тоже время чрезъ вину жены ограждаетъ себя отъ наказанія. Мораль пьесы такова: виноватые должны взаимно прощать и забывать вины другъ друга.

ГЛАВА II.

Характеристика ума.

Два драматическія произведенія, на которыхъ мы остановились въ концѣ предъидущей главы, составляютъ, можно сказать, начало поэтическаго творчества Гете, такъ какъ это первыя произведенія, въ которыхъ выразился жизненный опытъ поэта. Они даютъ намъ поводъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно характеристическихъ свойствъ Гете, что облегчитъ намъ пониманіе дальнѣйшихъ событій его жизни и послѣдующихъ его произведеній. Итакъ, мы намѣрены сдѣлать небольшое отступленіе отъ разсказа, но читатель увидитъ, что если мы дозволяемъ себѣ это отступленіе, то для того только, чтобъ потомъ направиться въ дальнѣйшій путь на всѣхъ парусахъ.

Фридрихъ Шлегель, а за нимъ Кольриджъ, весьма мѣтко замѣтили, что каждый человѣкъ родится или платоникомъ или аристотелюкомъ. Это различіе между людьми часто выражаютъ также словами: субъективный и объективный умъ; но едвали не опредѣлительнѣе будетъ, если такъ-называемый объективный умъ мы назовемъ безличнымъ, а субъективный личнымъ. Безличный умъ старается, насколько возможно, отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ понятій, стремится видѣть и понимать предметы такъ, какъ они существуютъ сами по себѣ; личный же умъ, напротивъ, смотритъ на всѣ предметы сквозь призму своихъ собственныхъ чувствъ и предвзятыхъ понятій. Само собой разумѣется, что умъ не можетъ быть ни исключительно объективенъ, ни исключительно субъективенъ, но въ каждомъ умѣ необходимо преобладаетъ болѣе или менѣе то или другое изъ этихъ направленій. Эти два противоположныя направленія мы встрѣчаемъ и въ философіи, и въ искусствѣ. Для реалиста исходной точкой

служить природа; онъ разсуждаетъ индуктивно, — исходя отъ дѣйствительности, онъ никогда не теряетъ ее изъ виду и даже когда пускается въ самыя отважныя гипотезы и умозрѣнія, всегда стремится, чтобъ его гипотезы соотвѣтствовали дѣйствительно существующему. Идеалистъ же исходитъ изъ идеи; онъ разсуждаетъ дедуктивно; исходная точка его — априористическая; онъ ищетъ въ окружающей его дѣйствительности только видимыхъ образовъ, въ которыхъ бы осуществлялась предвзятая имъ идея. Прогрессъ новѣйшей науки и образцовыя произведенія искусства свидѣтельствуютъ, что самое высокое обобщеніе и самыя высокіе типы достижимы только индуктивнымъ методомъ; что же касается до такъ-называемой идеальной школы, то все ея мнимое превосходство заключается только въ превосходствѣ ея притязаній. Реалистъ имѣетъ притязанія болѣе скромныя, но достигаетъ результатовъ болѣе высокыхъ. Объективное и субъективное, или, какъ ихъ называютъ, реальное и идеальное, составляютъ такимъ образомъ двѣ крайнія грани двухъ противоположныхъ принциповъ, съ которыми мы встрѣчаемся вездѣ, и въ философіи, и въ морали, и въ искусствѣ. Такъ, напр., въ морали платоники ищутъ высшей нравственности внѣ человѣческой природы, вмѣсто того чтобы искать ее въ здоровомъ развитіи всѣхъ человѣческихъ способностей и въ правильномъ ихъ взаимодействіи, — они стремятся поставить человека яко-бы выше его природы чрезъ подавленіе въ немъ нѣкоторыхъ природенныхъ ему способностей. Ихъ идеалъ есть нѣчто такое, что никогда не можетъ быть достигнуто въ дѣйствительности, но къ чему мы должны вѣчно стремиться. Они берутъ свои идеалы *ab extra*, а не *ab intra*. Изъ предвзятыхъ своихъ понятій, или изъ догмъ, перешедшихъ къ нимъ чрезъ преданіе, они созидаютъ произвольную форму и стремятся подчинить этой формѣ органическую дѣятельность человѣческой природы.

Эта школа не могла бы существовать, еслибъ не находила себѣ опоры въ свойственномъ человеку стремленіи къ прогрессу, къ лучшему; удовлетворяя этой потребности, она обольщаетъ умы, и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ, преимущественно между поэтическими, восторженными натурами, которыя, ради наслажденія, находяимаго ими въ поэтическомъ созерцаніи

человѣка, охотно забываютъ, каковъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ. Для такихъ натуръ человѣкъ представляется окруженнымъ нѣкотораго рода ореоломъ, — полусвѣтомъ и полумракомъ; герой въ ихъ глазахъ является полубогомъ, въ которомъ даже самъ его «*valet de chambre*» не найдетъ ни малѣйшаго недостатка, а дурной человѣкъ — дьяволомъ, для котораго никакая сострадательность не можетъ найти никакихъ оправданій.

Впрочемъ это разсужденіе легко можетъ принять размѣры цѣлаго трактата и потому я ограничусь только краткимъ указаніемъ, что Гете принадлежалъ къ разряду такъ-называемыхъ объективныхъ умовъ. «Читая Гете, — говоритъ Францъ Горнъ, — вы постоянно чувствуете, что находитесь на материкѣ или на островѣ; никогда не пускается онъ въ безпредѣльное море.» Нельзя лучше охарактеризовать человѣка одной фразой. И дѣйствительно, каждая страница его произведеній пропитана сильнымъ стремленіемъ къ реальному, конкретному, живому, и не менѣе сильнымъ отвращеніемъ отъ всего неопредѣленнаго, абстрактнаго, или сверхчувственнаго. Онъ постоянно стремится познать природу какъ она есть, — онъ хочетъ видѣть ее непосредственно, не отуманенною фантазіей, не обезображенною предразсудками, — онъ наблюдаетъ людей, старается понять ихъ, понять окружающее, такъ, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Въ его міросозерцаніи божество было неотдѣлимо отъ вселенной; онъ не могъ себѣ представить Бога, существующаго внѣ міра, за его предѣлами, какъ представляютъ его себѣ философы, въ воображеніи которыхъ Богъ вертитъ вселенную кругомъ своего пальца и «созерцаетъ ея движеніе». Подобное представленіе возмущало его. Для него Богъ былъ душа вселенной; все существующее дышало въ его глазахъ божественной жизнью; для него дѣйствительность была воплощеніемъ идеала, нравственность — высшимъ гармоническимъ проявленіемъ всѣхъ способностей человѣка, искусство — высшимъ представителемъ жизни.

Разбирая критически его произведенія, мы видимъ конкретность его ума и въ выборѣ сюжетовъ, и въ изображеніи характеровъ, и въ самомъ стилѣ. Въ неразрывной связи съ этимъ направленіемъ его ума находится другая характеристическая черта его генія, — его творчество питалось исключительно только

тѣмъ, что имъ было пережито. У него воображеніе не удовлетворялось, какъ у многихъ другихъ, созиданіемъ и комбинированіемъ такихъ образовъ, которые бы возникали безъ всякой реальной подкладки и существовали бы сами по себѣ, независимо отъ дѣйствительности. Его воображеніе питалось созерцаніемъ только такихъ образовъ, которые предварительно выдержали провѣрку своей вѣрности дѣйствительно существующему, — оно только тогда было вполне въ своей сферѣ, когда работало на реальной почвѣ. Такъ въ наукѣ мы встрѣчаемъ людей, которыхъ воображеніе увлекаетъ въ гипотезы и которые не провѣряютъ своихъ гипотезъ дѣйствительными фактами, а довольствуются одной комбинаціей идей, — заботятся только о логической вѣрности своихъ выводовъ и, повидимому, нисколько не заботятся объ ихъ истинности. Такого рода люди встрѣчаются и между поэтами, и даже не только встрѣчаются, но мы можемъ сказать, что большая часть поэтовъ именно люди такого рода. Но совсѣмъ иного человѣка находимъ мы въ Гете. Въ немъ, какъ и въ истинномъ служителѣ науки, дѣятельность воображенія контролировалась неодолимымъ стремленіемъ къ реальному. «Первое и послѣднее, что требуется отъ генія, — говоритъ онъ, — есть любовь къ истинѣ.»

Вотъ почему у него люди — не полубоги, не ангелы, не Поэты и Теклы, а Эгмонты и Клерхенъ. Вотъ почему также его созданія заключаютъ свою мораль въ самихъ себѣ и не имѣютъ никакой такъ сказать подшитой къ нимъ морали, не сопровождаются судьей, который бы произносилъ надъ ними приговоръ. Кромѣ того, и это весьма важно, тотъ же характеръ носить и его стиль какъ въ стихотворныхъ, такъ и въ прозаическихъ его произведеніяхъ. Онъ полонъ жизни, но не образенъ. Большая часть поэтовъ описываетъ предметы посредствомъ метафоръ или сравненій. У Гете же рѣдко вы встрѣтите, чтобъ онъ сказалъ вамъ, на что походить описываемый имъ предметъ, — онъ говоритъ только, каковъ самъ предметъ. Въ этомъ отношеніи Шекспиръ рѣзко отличается отъ Гете. Шекспиръ расточителенъ на образы и чрезвычайнымъ ихъ богатствомъ нерѣдко загромождаетъ свой стихъ. Правда, онъ также какъ и Гете, въ высокой степени конкретенъ; онъ живо видитъ предметы, живо представляетъ ихъ предъ вами, но для изображенія ихъ онъ почти всегда прибѣгаетъ къ метафорамъ и сравне-

ніямъ. У него фантазія бьетъ неисчерпаемымъ ключомъ, соблазняетъ его умъ и отвлекаетъ его отъ прямого пути. Его Пегась по временамъ совершенно выходитъ у него изъ повиновенія и произвольно носитъ его на своихъ крыльяхъ по воздушнымъ пространствамъ. У Гете же, напротивъ, Пегась постоянно находится въ полномъ повиновеніи,—потому, быть можетъ, что въ жилахъ его течетъ менѣе горячая кровь. Гете всегда управляетъ своимъ крылатымъ звѣремъ, всегда спокоенъ, самоувѣренъ. и, отправляясь въ путь, повидимому, всегда до такой степени занятъ достиженіемъ цѣли пути, что ни о чемъ иномъ и не думаетъ. Отбрасывая метафору, мы можемъ сказать, что Гете чрезвычайно рѣдко прибѣгаетъ къ помощи фантазіи, — онъ рисуетъ предъ вами образы самихъ предметовъ, а не образы того, на что походятъ предметы.

Шекспиръ, также какъ и Гете, былъ отъявленный реалистъ. Его созданія также заключаютъ свою мораль въ самихъ себѣ, — онъ не произноситъ надъ ними никакихъ приговоровъ, не беретъ на себя роли хора, который бы выводилъ изъ нихъ нравственные поученія. Его произведенія не раскрываютъ намъ его личныхъ мнѣній. Но между нимъ и Гете то различіе, что въ немъ постоянно преобладаетъ сильное сочувствіе къ энергическимъ натурамъ, къ сильнымъ необузданнымъ страстямъ и стремленіямъ, и поэтому его творчество питается только героическими характерами, людьми особенно сильными и страстными. Еслибъ въ Гете влить лучшую кровь Шиллера, то изъ него вышелъ бы Шекспиръ; но природа не создала его Шекспиromъ.

Переходя отъ общихъ разсужденій къ двумъ первымъ произведеніямъ, съ которыхъ начинается поэтическое творчество Гете, мы замѣчаемъ, что въ самомъ выборѣ сюжетовъ для этихъ произведеній юношей руководили реалистическія тенденціи. Юный поэтъ не увлекается въ очаровательные сады Армиды, не заносится въ отдаленное прошлое, не запутывается въ сѣтяхъ измышленнаго сюжета, который бы потребовалъ трудной провѣрки дѣйствительностью,—онъ облекаетъ въ стихъ личный опытъ, личные наблюденія, углубляется въ свое собственное сердце, любознательно пускается странствовать по грязнымъ и мрачнымъ закоулкамъ цивилизаціи. Кромѣ того, читая эти первыя произведенія поэта,

вась поражаетъ отсутствіе въ нихъ негодованія, отсутствіе той боли, которая обыкновенно чувствуется при видѣ разврата, кроющагося подъ внѣшнимъ лоскомъ общества. Утрата иллюзіи обыкновенно приводитъ юношу къ цинической мизантропіи или вызываетъ въ немъ энергическій протестъ. Но у Гете мы не видимъ ни цинизма, ни негодованія. Для него факты составляютъ повидимому нѣчто данное, нѣчто неотразимое, но въ тоже время требующее исправленія, и онъ вступаетъ въ борьбу съ ними, сохраняя полное спокойствіе духа. Онъ, повидимому, соглашается съ младшимъ Плиніемъ, что снисхожденіе есть неотъемлемое условіе правосудія, соглашается съ любимымъ изрѣченіемъ суроваго, но человеколюбиваго Тразіаса: *qui vitia odit, homines odit*, — ненавидѣть пороки значитъ ненавидѣть людей.¹⁾ Въ «*Mitschuldigen*» онъ выводитъ на сцену такихъ людей, изъ которыхъ каждый утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ не хуже другихъ, что не онъ одинъ—негодий, а всѣ негодии. Много лѣтъ спустя онъ самъ отзывался объ этомъ своемъ произведеніи, что оно написано, хотя и безсознательно, подъ вліяніемъ «широкой терпимости при нравственной оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ, согласно высокому изрѣченію Христа: *«Пусть тотъ, кто изъ вась безгрішенъ, первый броситъ камень.»*

ГЛАВА III.

Занятія живописью.

Госпожа Бёме умерла. Въ ней Гете потерялъ руководителя и друга. Она удерживала его отъ увлеченій, служила для него живой связью съ обществомъ. Что же касается до ея мужа, профес-

¹⁾ Плиній, *Epist. lib. VIII, 22*. Эти строки были уже написаны, когда Шелль издалъ памятную книжку, которую Гете велъ во время пребыванія своего въ Страсбургѣ. Въ этой книжкѣ мы встрѣчаемъ означенный афоризмъ; очевидно, что онъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ направленію Гете.

сора Бёме, то онъ давно уже охладѣлъ къ юношѣ, потерявъ всякую надежду сдѣлать изъ него втораго Гейнеція. И въ самомъ дѣлѣ, что долженъ былъ чувствовать старый профессоръ, видя, что этотъ юноша, одаренный столь блестящими способностями, подававшій надежды сдѣлаться однимъ изъ украшеній юриспруденціи, манкируетъ лекціи, а если и бываетъ когда, то проводитъ время въ томъ, что въ своей записной тетради рисуетъ каррикатуры на знаменитыхъ законовѣдовъ. Что хорошаго могъ онъ ожидать въ будущемъ отъ студента, который ведетъ себя такимъ образомъ! Но мы знаемъ, какія это имѣло послѣдствія, — мы знаемъ, что это дурное поведеніе было для юноши неизмѣримо плодотворнѣе, чѣмъ еслибъ онъ исписалъ сотни тетрадей на лекціяхъ законовѣдѣнія. Гете въ это время занимался много, хотя и безпорядочно, — изучалъ Мольера, Корнеля, началъ переводить *Le Menteur*. Театръ, какъ и всегда, имѣлъ для него большую привлекательность. Неудачно кончившаяся его любовная исторія научила его многому, чему онъ никогда не могъ бы научиться ни въ какой аудиторіи. Но важнѣе всѣхъ этихъ вліяній было вліяніе на него Шекспира, съ которымъ онъ въ это время впервые познакомился изъ книги Додда: «*Красоты Шекспира*». Въ Англіи эта книга не цѣнилась особенно высоко, но для Германіи она имѣла большое значеніе, — она какъ-бы открывала ей новый міръ, была для нея тѣмъ же, чѣмъ для англичанъ была книга Лэмба: «*Образцы (т. е. трой) англійской драмы*». Удивительная сила и прелесть языка, смѣлость и богатство фантазій, поразительная естественность образовъ, все это приводило молодыхъ поэтовъ того времени въ такое же изумленіе, какъ еслибъ былъ открытъ въ первый разъ остовъ какого-нибудь громаднаго звѣря. Въ это время Виландъ перевелъ прозой нѣкоторыя изъ драмъ Шекспира, и Гете изучалъ ихъ съ энтузіазмомъ.¹⁾

Мы не имѣемъ матеріала, чтобъ пополнить здѣсь нѣкоторые пробѣлы въ автобіографіи Гете, и поэтому многое остается для насъ неразъясненнымъ. Такъ, напримѣръ, Гете говоритъ въ своей

¹⁾ Вѣроятно переводъ Виланда только тогда въ первый разъ попался въ руки Гете; но изданіе этого перевода началось еще до переезда Гете въ Лейпцигъ, а именно въ 1761 г.

автобіографіи, що любовнія отношенія между нимъ и Кетхенъ прекратились, а между тѣмъ мы видимъ, что еще изъ Франкфурта пишетъ онъ ей письмо въ дружескомъ и даже отчасти любовномъ тонѣ, и знаемъ, что между ними еще продолжались короткія отношенія. Въ Автобіографіи же объ этомъ не говорится ни слова. Тоже самое должны мы замѣтить и о знакомствѣ его съ семействомъ Брейткопфа; какъ познакомился онъ съ этимъ семействомъ, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Брейткопфъ былъ лейпцигскій книгопродавецъ, и въ семействѣ его много занимались литературой и музыкой. Старшій сынъ, Бернгардъ, былъ превосходный музыкантъ и написалъ музыку на пѣсни Гете, которыя были напечатаны въ 1769 г., подъ заглавіемъ: *Neue Lieder in Melodien gesetzt von Bernhard Theodor Breitkopf*. Имя поэта не было выставлено. Эта *Liederbuch* содержитъ двадцать пѣсень, изъ которыхъ большая часть потомъ вошла въ собраніе сочиненій Гете. Въ этихъ пѣсняхъ воспѣвается любовь, но воспѣвается не такъ, какъ этого можно было бы ожидать отъ юноши, а скорѣе во вкусъ Катудла, Горация, Виланда; впрочемъ это нисколько не должно удивлять насъ;—мы знаемъ, какъ любить юность принимать на себя видъ глубокаго знанія жизни, какъ любить она корчить изъ себя *romé*. Юный поэтъ воспѣваетъ непостоянство —

Da fühl ich die Freuden der wechselnden Lust.

[Тогда я чувствую всю прелесть переменъ наслажденій.]

Онъ говоритъ, что когда возлюбленная оставляетъ васъ, то мѣсто ея занимаетъ другая, и поцѣлуй второй даже слаще, чѣмъ поцѣлуй первой:

Es kusst sich so süß der Busen der Zweiten,
Als kaum sich der Busen der Ersten geküsst.

Болѣе непосредственное и прочное вліяніе имѣло на него знакомство съ Эзеромъ, директоромъ рисовальной академіи. Этотъ Эзеръ былъ другомъ и учителемъ Винкельмана; имя его пользовалось большимъ уваженіемъ между знатоками живописи. Гете еще дома нѣсколько учился рисованію; теперь онъ сталъ посѣщать классъ Эзера, гдѣ въ то время учился также Гарденбергъ, буду-

цій прусскій государственный министръ. Но несмотря на всѣ старанія, Гете не могъ достигнуть того, что дается только таланту, и, какъ онъ впослѣдствіи самъ сознавался, успѣхи его въ рисованіи были крайне плохи. Впрочемъ уроки Эзера не пропали для него безплодно. Объ этомъ впослѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе, ¹⁾ а теперь укажемъ только на одно или два мѣста изъ его писемъ, которыя свидѣтельствуютъ, какимъ горячимъ энтузіазмомъ былъ онъ проникнутъ къ Эзеру. «Нѣтъ словъ выразить, какъ много вы для меня сдѣлали,—пишетъ онъ къ нему, —указавъ мнѣ дорогу къ истинному и прекрасному!»—и заключаетъ словами: «ниже подписавшійся есть ваше произведеніе!» Въ письмѣ къ другу Эзера онъ говоритъ, что Эзеръ имѣлъ на него не меньшее вліяніе, чѣмъ Шекспиръ и Виландъ. «Его уроки повліяютъ на всю мою жизнь. Онъ привелъ меня къ сознанію, что идеаль красоты есть простота и спокойствіе и что, слѣдовательно, юноша не можетъ быть художникомъ.»

Учителями Гете по теоріи искусства были Эзеръ, Винкельманъ и неоцѣнимая небольшая книжка «Лаокоонъ», которую Лессингъ въ то время какъ будто шути выпустилъ въ свѣтъ. Вполнѣ оцѣнить вліяніе Лаокоона на Гете можетъ только тотъ, кто самъ въ ранней юности познакомился съ этимъ произведеніемъ и испыталъ самъ на себѣ, до какой степени оно возбуждаетъ, укрѣпляетъ, расширяетъ умъ. ²⁾ Оно вывело Гете на дорогу изъ мрака, гдѣ онъ блуждалъ, освѣтило ему самыя темныя проблемы искусства, возбудило въ немъ сильное желаніе видѣть произведенія великихъ художниковъ, и онъ отправился въ Дрезденъ. Но несмотря на всѣ уроки Эзера, Винкельмана, Лессинга, несмотря на громкія фразы объ искусствѣ, натура Гете сказалась при этомъ случаѣ съ неодолимой силой, — онъ остался равнодушенъ предъ великими произведеніями итальянскихъ художниковъ и, какъ самъ признается, принималъ ихъ достоинство только на вѣру, но его приводили въ восторгъ ландшафты и голландская школа, т. е. тѣ произведенія, которыя имѣли предметомъ значучую ему

¹⁾ См. кн. V, гл. V.

²⁾ Маколей говорилъ мнѣ, что чтеніе этой небольшой книжки составило эпоху въ его умственномъ развитіи и что никогда ни изъ одной книги онъ не почерпалъ такъ много, какъ изъ нея.

дѣйствительность. Онъ не чувствовалъ красоту итальянской живописи и не навязывалъ себѣ чувствъ, которыхъ не имѣлъ.

Поѣздка его въ Дрезденъ была совершенной тайной для всѣхъ; онъ уѣхалъ не сказавъ объ этомъ никому ни слова. Точно также, много лѣтъ спустя, отправился онъ въ Италію, никого не предупредивъ о своей поѣздкѣ, такъ что никто изъ его друзей и не подозрѣвалъ даже въ немъ подобнаго намѣренія. Это обстоятельство заслуживаетъ замѣчанія. По всей вѣроятности въ обоихъ этихъ случаяхъ имъ руководили одни и тѣ же мотивы: онъ хотѣлъ видѣть, наслаждаться, изучать, и хотѣлъ быть совершенно свободенъ отъ постороннихъ вліяній и мнѣній.

Возвратясь изъ Дрездена, онъ опять принялся прилежно за живопись. Въ это время познакомился онъ съ граверомъ Стокомъ,¹⁾ и по своей обыкновенной склонности пробовать свои силы во всякомъ занятіи, какое только встрѣчалъ въ кругу своихъ друзей, онъ сталъ учиться гравированію. Въ *Morgenblatt* за 1828 г. мы находимъ подробное описаніе двухъ его гравюръ, представляющихъ пейзажи съ небольшими водопадами среди скалъ и пещеръ; подъ гравюрами подписано: *peint par A. Theile, gravé par Goethe*. Одна изъ этихъ гравюръ посвящена *a Monsieur Goethe, Conseiller actuel de S. M. Imperiale, par son fils très obeissant*. Въ комнатѣ, которую показываютъ посѣтителямъ въ его домѣ, во Франкфуртѣ, сохраняется образчикъ его рѣзьбы, и надо сказать весьма плохой. Впрочемъ невѣстка его показывала мнѣ другой образчикъ его работы, который дѣйствительно имѣетъ достоинства.

Въ припадкѣ меланхоліи, по какому-то непонятному капризу, онъ не сдѣлалъ даже ни малѣйшей попытки, чтобъ видѣть Лессинга, когда тотъ проѣзжалъ чрезъ Лейпцигъ, и впоследствии сильно раскаявался въ этомъ капризѣ, такъ какъ подобный случай уже болѣе никогда не возобновлялся. Его ипохондрія была слѣдствіемъ отчасти нравственныхъ, но болѣе физическихъ причинъ. Беспорядочная жизнь, дурная пища, чрезмерное употребленіе пива

¹⁾ Этотъ Стокъ имѣлъ двухъ прелестныхъ дочерей: одна изъ нихъ вышла замужъ (въ 1785 г.) за Кернера, друга Шиллера и отца поэта Федора Кернера.

и кофе, и наконецъ нелѣпая фантазія осуществить ученіе Руссо о возвращеніи къ первобытному состоянію, серьезно разстроили его здоровье. Наконецъ наступилъ кризисъ. Однажды ночью, лѣтомъ 1768 г., у него сдѣлалось сильное кровотеченіе. Онъ едва былъ въ состояніи позвать къ себѣ на помощь товарища, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ. Медицинская помощь подана была вовремя, — его спасли; но въ то же время у него оказалась новая болѣзнь: опухоль на шеѣ. Онъ поправлялся медленно, и по мѣрѣ выздоровленія ипохондрія повидимому оставляла его и къ нему снова возвращалось свѣтлое веселое расположеніе духа, котораго онъ уже давно не зналъ. Его глубоко тронуло вниманіе къ нему во время болѣзни нѣкоторыхъ высокоуважаемыхъ людей, вниманіе, котораго по собственному сознанію онъ не заслуживалъ, такъ какъ изъ ихъ числа не было ни одного, котораго бы онъ не огорчилъ или не оскорбилъ своими капризами, нелѣпными выходками или своимъ безразсуднымъ упрямствомъ.

Одинъ изъ его друзей, Лангеръ, помѣнялся съ нимъ въ это время книгами, далъ ему классиковъ и взялъ отъ него нѣмцевъ; кромѣ того, своими разговорами, которые отличались большимъ благочестіемъ, но въ тоже время были совершенно чужды всякаго ханжества, Лангеръ убѣдилъ своего молодого друга, что на Библію слѣдуетъ смотрѣть иначе, а не какъ на произведеніе чисто чело-вѣческое. «Я любилъ Библію и высоко цѣнилъ ее, потому что это почти единственная книга, которой я обязанъ всѣмъ своимъ нравственнымъ воспитаніемъ. Излагаемая въ ней событія, догмы, символы, глубоко запечатлѣлись въ моемъ умѣ.» Вотъ что говоритъ самъ Гете. Онъ не сочувствовалъ денстамъ, которые въ то время агитировали Европу, и хотя по характеру своего ума былъ далекъ отъ мистицизма, но боялся, чтобъ съ пророческимъ значеніемъ Библии не утратилось и ея поэтическое значеніе. Однимъ словомъ, онъ находился въ состояніи религіознаго сомнѣнія, — «вѣры у него не было, но онъ боялся скептицизма».

Душевно беспокойный и физически разстроенный, возвратился онъ, въ сентябрѣ 1768 года, изъ Лейпцига во Франкфуртъ, куда и мы послѣдуемъ за нимъ.

ГЛАВА IV.

Возвращеніе домой.

Гете возвратился домой еще юношей по лѣтамъ, но уже мужемъ по опыту. Разстроенный и физически, и душевно, безъ всякихъ твердо установившихся цѣлей и стремленій, безъ вѣры въ свои силы, въ свое будущее, онъ приближался къ родному городу съ такими же чувствами, какія волновали раскаявшагося блуднаго сына, который не предчувствовалъ, что его ожидаютъ дома съ откормленнымъ теленкомъ. Отецъ Гете былъ не въ состояніи оцѣнить истинный прогрессъ совершившійся въ сынѣ, но ясно видѣлъ, какъ мало надежды, чтобъ онъ когда-либо сдѣлался хорошимъ юристомъ. Вообще отцы поэтовъ рѣдко бываютъ довольны успѣхами своихъ дѣтей. Причина этому заключается въ томъ, что они не знаютъ, что ихъ дѣти — поэты, не понимаютъ, что у поэта другая орбита, не та, что у нихъ, — они мѣряютъ путь своихъ дѣтей-поэтовъ тѣми же верстовыми столбами, какими измѣряется ихъ собственный путь, не видятъ того прогресса, который состоитъ не столько въ движеніи впередъ по широкой столбовой дорогѣ, сколько въ развитіи членовъ, въ укрѣпленіи силъ для будущихъ отважныхъ великихъ странствованій.

Мать и сестра были глубоко тронуты его изнуреннымъ видомъ, и, какъ женщины, интересуясь болѣе человекомъ, чѣмъ его поступками, приняли его съ такой нѣжностью, которая вполне вознаградила холодность отца. Въ своей автобіографіи Гете довольно яркими красками рисуетъ картину своего домашняго быта. Въ отцѣ замѣтно было чувство неудовольствія, что онъ видитъ своего сына болѣзненнымъ юношей, который повидимому отъ душевныхъ недуговъ страдаетъ еще болѣе, чѣмъ отъ физическихъ, и онъ не скрывалъ нетерпѣнія, что выздоровленіе совершается слишкомъ медленно, — нерѣдко даже выражалъ свое нетерпѣніе довольно рѣзко,

какъ будто выздоровеніе зависѣло отъ произвола. — Перейдемъ отъ этой печальной картины къ письмамъ, которыя Гете писалъ изъ Франкфурта къ своей старой любви, Кетхенъ Шёпкопфъ. Какъ видно, онъ уѣхалъ изъ Лейпцига, не простившись съ ней. Вотъ что онъ пишетъ къ ней по этому случаю:

«Кстати, вы, надѣюсь, извините меня, что я уѣхалъ не простившись съ вами. Я былъ по сосѣдству, былъ даже внизу у двери, видѣлъ, какъ горѣла лампа, подошелъ къ самой лѣстницѣ, но у меня не достало духу взойти къ вамъ. Что стало бы со мной, когда потомъ мнѣ опять пришлось бы въ послѣдній разъ сходить по этой лѣстницѣ.

«Я дѣлаю теперь то, что долженъ былъ сдѣлать тогда: благодарю васъ за любовь и дружбу, которыя вы мнѣ постоянно оказывали и которыхъ я никогда не забуду. Я не прошу васъ не забывать меня, — я знаю, что тысячи обстоятельствъ будутъ вамъ напоминать о человѣкѣ, который въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ былъ членомъ вашей семьи, который, быть можетъ, часто давалъ поводъ быть имъ недовольнымъ, но все-таки былъ всегда добрый малый, и вы, вѣроятно, не разъ вспоманете о немъ; по крайней мѣрѣ, я часто вспоминаю о васъ.»

Опухоль его шеи стала внушать опасенія, тѣмъ болѣе, что медики обнаруживали неувѣренность въ пониманіи болѣзни и отъ одного способа леченія переходили къ другому. Частыя прижиганія, обязанность безвыходно сидѣть въ своей комнатѣ, — эти средства леченія были для него довольно тяжелы. Онъ читалъ, рисовалъ, гравировалъ, всячески стараясь сократить время. Наконецъ, къ концу года онъ выздоровѣлъ и всякое леченіе прекратилось. Вотъ какимъ образомъ извѣщаетъ онъ Кетхенъ о своемъ выздоровленіи.

«Мой безцѣнный, мой дорогой другъ!

Безъ сомнѣнія вы уже слышали отъ Горна въ Новый годъ о моемъ выздоровленіи, и я спѣшу подтвердить это. Да, мой другъ, болѣзнь моя прошла, и впередъ вы должны оставаться спокойной, если даже услышите, что я опять слегъ въ постель. Вы знаете, что мое здоровье часто оступается, по довольно недѣли, и я опять

здоровъ. На этотъ разъ болѣзнь была серьезна, и казалась еще серьезнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, потому что сопровождалась мучительной болью. Несчастье также имѣетъ свою хорошую сторону. Я многому научился во время болѣзни, чему иначе никогда бы не научился во всю жизнь. Теперь все прошло, и я опять совершенно веселъ, хотя въ продолженіе трехъ недѣль не выходилъ изъ комнаты и меня почти никто не посѣщалъ, кромѣ доктора, который, благодаря Бога, добрый человекъ. Странныя вещи случаются иногда съ людьми! въ веселомъ обществѣ я былъ угрюмъ, а теперь, оставленный всѣми, я веселъ; даже во время болѣзни я своей веселостью утѣшалъ мое семейство, которое не въ состояніи было и себя утѣшать, не говоря уже обо мнѣ. Въ припадкѣ дурачества написалъ я пѣсню на Новый годъ, которую вы уже вѣрно получили, и для забавы отдалъ ее напечатать. Кромѣ этого я много рисую, пишу рассказы и вообще доволенъ собой. Богъ далъ мнѣ на новый годъ великое благо,—желательно, чтобъ это благо было дано и всѣмъ намъ, и если мы у Него ничего иного просить не будемъ, то можно надѣяться, что оно намъ дастся. Если только я доживу до апрѣля, то надѣюсь поправиться. Дѣла пойдутъ лучше и здоровье мое будетъ, полагаю, улучшаться съ каждымъ днемъ, такъ какъ теперь уже совершенно поняли мою болѣзнь. Легкія у меня въ прекрасномъ состояніи, какъ только можно этого желать, но желудокъ еще не совсѣмъ въ порядкѣ. Мнѣ дали надежду, что скоро я буду имѣть возможность вести пріятный образъ жизни, который меня удовлетворитъ, и потому я теперь веселъ и спокоенъ. Какъ скоро мнѣ будетъ лучше, я опять поѣду въ чужія страны. Скоро ли я опять увижу Лейпцигъ, это будетъ зависеть отъ васъ и еще отъ одной особы, а пока я думаю съѣздить во Францію, посмотрѣть, какъ тамъ живутъ люди, и поучиться французскому языку. Представьте себѣ, какимъ любезнымъ кавалеромъ послѣ этого явлюсь и къ вамъ. Мнѣ часто приходитъ на мысль, какъ это было бы глупо, еслибъ вдругъ я умеръ среди такихъ блестящихъ проектовъ: Въ такомъ случаѣ я бы желалъ, чтобъ меня похоронили на Лейпцигскомъ кладбищѣ, чтобъ по крайней мѣрѣ вы могли каждый годъ въ мои именины, въ Ивановъ день, посѣщать мою могилу: какъ вы думаете объ этомъ?»

По случаю выздоровленія Гете, совѣтникъ Морицъ далъ болъшой вечеръ, на которомъ собрались всѣ его франкфуртскіе знакомые. Но вскорѣ новая болѣзнь постигла поэта, и— что еще хуже— изъ Лейпцига пришло извѣстіе, что Кетхенъ выходитъ замужъ за д-ра Канне, котораго Гете самъ съ ней познакомилъ. Вотъ что писалъ онъ ей по этому случаю:

«Мой милый, мой дорогой другъ,—эту ночь видѣлъ я сонъ, который напомнилъ мнѣ, что я долженъ вамъ отвѣчать. Не подумайте, что я забылъ объ этомъ, что я никогда не вспоминаю о васъ: нѣтъ, мой другъ, не проходитъ дня, чтобъ я не думалъ о васъ и о моихъ ошибкахъ. Но вотъ что странно,—можетъ быть и вы также это испытали, — воспоминаніе объ отсутствующемъ если и не изглаживается временемъ, то затемняется, покрывается завѣсой. Развлеченія, новые люди, новые предметы, однимъ словомъ, перемѣны въ окружающемъ насъ дѣлаютъ съ нашимъ сердцемъ тоже, что пылъ дѣлаетъ съ картинами, — они незамѣтнымъ для насъ образомъ закрываютъ, дѣлаютъ совершенно неразличимыми наиболѣе тонкія черты. Тысяча предметовъ напоминаетъ мнѣ о васъ, образъ вашъ непрестанно предо мной, но очертанія его смутны, и часто онъ производитъ на меня столь же мало впечатлѣнія, какъ еслибъ это былъ образъ совершенно мнѣ чуждый. Часто я вспоминалъ, что надо мнѣ отвѣчать на ваше письмо, а между тѣмъ не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія писать вамъ. Перечитывая ваше доброе письмо, которое получено уже нѣсколькомѣсяцевъ тому назадъ, видя вашу дружбу, вашу заботливость, которыхъ я такъ мало заслуживаю, я изумляюсь самому себѣ, сознаю, что въ сердцѣ моемъ произошла прискорбная перемѣна, что меня не радуетъ уже то, что прежде дѣлало счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Простите меня за это! Нельзя ставить въ вину несчастному, что онъ не чувствуетъ счастья! Моя скорбь сдѣлала меня безчувственнымъ и къ тому хорошему, что еще у меня осталось. Физически я выздоровѣлъ, но душевно я еще боленъ. Я нахожусь въ состояніи бездѣйственнаго покоя, но это не значитъ быть счастливымъ. Моя способность воображенія совершенно заснула и я не могу даже вообразить себѣ то, что нѣкогда мнѣ было всего дороже. Только въ сновидѣніяхъ сердце мое иногда какъ будто воскресаетъ къ прежней жизни, — только во снѣ являются предо мной милые мнѣ образы, какъ

Будто вновь оживаютъ во мнѣ прежнія чувства; и этимъ письмомъ, какъ я уже сказалъ, вы обязаны сновидѣнію. Я видѣлъ васъ, я былъ съ вами, и все это было такъ странно, что я даже не умѣю этого вамъ и разказать. Однимъ словомъ, я былъ у васъ, и вы были замужемъ. Правда ли это? Читаю письмо, — сонъ не обманулъ, меня — дай Богъ, чтобъ это было началомъ вашего счастья!

«Когда мнѣ удастся забыть себя, думая о васъ, какъ радуюсь я, что вы, мой лучшій другъ, нашли себѣ достойнаго мужа прежде другихъ, которыя воображали себя лучше васъ, — какъ радуюсь я при мысли, что вы счастливы и свободны отъ всѣхъ неудобствъ, которыя не разлучны съ незамужнимъ состояніемъ, особенно при вашемъ положеніи. Я благодарю сновидѣніе, что оно мнѣ такъ живо изобразило ваше счастье и счастье вашего мужа, достойно вознагражденнаго за то, что онъ сдѣлалъ васъ счастливой. Будьте попрежнему моимъ другомъ и сохраните мнѣ дружбу вашего мужа: у мужа и жены все должно быть общее, даже и друзья. Если вѣрить моему сну, то мы опять увидимся, но это будетъ не скоро, — по крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я даже постараюсь отсрочить наше свиданіе, если только человѣкъ можетъ что-нибудь сдѣлать противъ судьбы. Я до этого писалъ вамъ не советъ опредѣленно, что намѣренъ дѣлать съ собой, но теперь могу сказать вамъ положительно, что я думаю перемѣнить мѣстожительство и удалиться подальше отъ васъ. Ничто больше не должно напоминать мнѣ Лейпцигъ, ни свиданія съ друзьями, ни письма, ничто кромѣ развѣ сновидѣній. Но и все это едва ли поможетъ. Остается одна надежда, что терпѣніе, время, разстояніе сдѣлаютъ наконецъ то, что иначе было бы совершенно невозможно, что они изгладятъ тяжелыя воспоминанія, — пройдутъ годы и дружба наша оживетъ, быть можетъ, къ новой жизни, освободясь отъ того, что теперь такъ тяжело, и тогда я опять увижусь съ вами; но хотя въ насъ будутъ биться тѣ же сердца, мы будемъ уже смотрѣть другъ на друга иными глазами, чѣмъ теперь. А до тѣхъ поръ прощайте. Впрочемъ не советъ до тѣхъ поръ. Мѣсяца чрезъ три вы получите отъ меня еще одно письмо, — я напишу вамъ куда именно и когда я отправлюсь, и при этомъ случаѣ еще разъ повторю то, что уже столько разъ говорилъ вамъ. Прошу васъ не отвѣ-

*

чайте мнѣ на мое письмо; если имѣете что-нибудь еще сказать мнѣ, то сообщите это чрезъ моего друга. Тяжело мнѣ обращаться къ вамъ съ такой просьбой. Вы — мое счастье! Вы — единственная изъ всѣхъ женщинъ, которую я не могу назвать другомъ, потому что это слово слишкомъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую. Я не только не хочу болѣе слышать вашего голоса, — не я хочу болѣе видѣть вашихъ строкъ, — и безъ того уже грезы о васъ не даютъ мнѣ покоя. Вы получите отъ меня еще одно письмо, только одно, — я свято исполню это обѣщаніе и хотя отчасти заглажу эти мои вины, а остальное простите мнѣ!»

Чтобъ закончить этотъ эпизодъ изъ жизни Гете, я приведу еще одинъ отрывокъ изъ послѣдняго сохранившагося письма его къ Кетхенъ. Это письмо помѣчено изъ Франкфурта, Январь, 1770 г.

«Я теперь живу спокойно. вотъ и все, что могу сказать вамъ о себѣ, — я бодръ, здоровъ, прилеженъ, никакіе женскіе образы меня не смущаютъ. Съ Горномъ мы попрежнему друзья, но, какъ это обыкновенно случается на свѣтѣ, у него свои мысли, свои стремленія, у меня свои, и мы съ нимъ видимся едва разъ въ недѣлю. Франкфуртъ мнѣ окончательно надоѣлъ; въ концѣ марта я уѣзжаю отсюда, но только не къ вамъ. Ыхать къ вамъ мнѣ нельзя. Еслибъ я поѣхалъ въ Лейпцигъ на свѣтлый праздникъ, то, вѣроятно, нашелъ бы васъ еще не замужемъ, а Кетхенъ Шенкнфъ не долженъ я болѣе видѣть, пока она — Кетхенъ Шенкнфъ. Въ концѣ марта я поѣду въ Страсбургъ, если васъ интересуетъ это знать. Будете ли вы также мнѣ писать и въ Страсбургъ? Вы не захотите шутить надо мной, потому что Кетхенъ Шенкнфъ... теперь я убѣдился, что для меня письмо отъ васъ дороже, чѣмъ отъ кого бы то ни было. Вы всегда были добрая дѣвушка и будете добрая жена. А я, я останусь Гете. Называя себя по имени, я называю всего себя, и вы знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами познакомился, я былъ какъ-бы часть васъ самихъ.»

Таковъ законъ жизни, — такъ онадаетъ ранній цвѣтъ любви, не имѣющій довольно силы, чтобъ развиться и образовать плодъ. «Сердце, наиболѣе достойное быть любимымъ, — пишетъ онъ Кетхенъ отчасти не безъ горькаго юмора, — есть то, которое само наиболѣе расположено любить; но легко полюбя, оно легко и за-

бываётъ. Эти слова какъ нельзя лучше примѣнимы къ нему самому; онъ не могъ быть счастливъ не любя, но подвижная его натура скоро осушала слезы объ утраченной любви.

Возвратимся еще разъ къ положенію его въ своемъ семействѣ. Онъ былъ съ отцомъ въ холодныхъ, непріятныхъ отношеніяхъ. Старикъ, работая надъ описаніемъ своихъ путешествій по Италіи, между прочимъ занимался воспитаніемъ дочери. Его суровые, педантичныя педагогическіе приемы возбудили къ нему въ дочери, нерасположеніе, доходившее почти до чувства ненависти. Корнелія была весьма живаго, почти до болѣзненности раздражительнаго характера. Она тайцѣ возмущалась противъ тираніи отца и чувства свои повѣряла брату. Много горя причиняли бѣдной матери такого рода отношенія дѣтей къ отцу. — она старалась сдерживать дѣтей и мирить ихъ съ отцомъ. Къ этому времени относится слѣдующій весьма замѣчательный фактъ, о которомъ намъ рассказываетъ самъ Гете. Оправившись отъ первой болѣзни, Гете вскорѣ опять занемогъ. На этотъ разъ болѣзнь заключалась въ столь сильномъ разстройствѣ желудка, что, казалось, все медицинскія средства Франкфурта не въ состояніи помочь больному. Домашнимъ медикомъ въ семействѣ Гете былъ одинъ изъ тѣхъ обманщиковъ, которые обманывая другихъ, въ тоже время обманывали и самихъ себя и вѣрили въ великія силы алхиміи. Этотъ медикъ умѣлъ пустить въ ходъ слухъ, будто обладаетъ знаніемъ чуднаго всенсцѣляющаго средства, которое должно быть употребляемо только въ крайней нуждѣ и о которомъ никому не дозволяется говорить открыто. Въ страхѣ за жизнь сына, Frau Aja умоляла его употребить свое таинственное средство. Онъ согласился. — больной выздоровѣлъ, и вслѣдствіе этого, конечно, вѣра въ искусство медика-алхимика еще болѣе возрасла. Это обстоятельство побудило Гете къ изученію алхиміи. Въ небольшой своей комнатѣ въ *Hirsch Graben* обставилъ онъ козлами и ретортами и, слѣдуя указаніямъ авторитетовъ, ревностно принялся, какъ самъ рассказываетъ, за изысканіе дѣвственной земли. До какой степени былъ онъ любознателенъ и выѣстъ съ тѣмъ легкомысленъ, можно судить по тому, что онъ могъ цѣлые часы проводить за такими книгами, какъ «*Opus Mago-cabbalisticum et Theosophicum*» Вейлинга и непонятныя мистическія пи-

санія Парацельза. Онъ изучалъ также сочиненія Ванъ Гельмонта (который хотя и фантастиченъ, но весьма интересенъ), Вазентина и другихъ алхимиковъ. Впрочемъ онъ не долго сидѣлъ надъ этими книгами, и мѣсто ихъ вскорѣ заступили «Compendium» и «Афоризмы» Бюргаве, котораго имя тогда гремѣло въ Европѣ. ¹⁾ Изученіе этихъ произведеній послужило для Гете подготовкой въ Фаусту и не осталось безъ вліянія на его послѣдующія научныя занятія.

Возобновленіе сношеній съ дѣвицей фонъ Клеттенбергъ, и вмѣстѣ съ этимъ чтеніе богословскихъ и философскихъ книгъ, выдвинули религію въ мысляхъ Гете на первый планъ. Въ концѣ восьмой книги *Wahrheit und Dichtung* онъ представилъ намъ краткій очеркъ тѣхъ религіозныхъ идей, на которыхъ въ то время основались его мысли. Эти идеи составляютъ нѣчто въ родѣ неоплатоническаго христіанства. Впрочемъ надо замѣтить, что очеркъ написанъ имъ много лѣтъ спустя и потому едвали мы можемъ положиться на его вѣрность. Для насъ достаточно знать, что въ то время его занимала не одна алхимія, — религія также играла важную роль. Поэзія же въ то время, повидимому, совершенно оставила его, и онъ только по временамъ занимался иногда исправленіемъ двухъ своихъ произведеній, написанныхъ въ Лейпцигѣ, о которыхъ мы говорили выше. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ тому времени, онъ юмористически выставяетъ всю ничтожность бывшей тогда въ модѣ *Bardenpoesie*, которая, какъ онъ выражается, воображаетъ себя патріотической и воинственной, потому что въ ней что ни стихъ, то громъ битвы, глаза свержающіе мужествомъ, золотой шлемъ обрызганный кровью, громъ оружія, топотъ коней и вѣчное *O !* или *Ach !* гдѣ въ стихѣ не достаетъ слога для размѣра. Это, по его мнѣнію, не поэзія. «Возбудите во мнѣ новое чувство, новую мысль, — говоритъ онъ —

¹⁾ Судьба произведеній Бюргаве представляетъ намъ рѣзкій примѣръ, до какой степени несостоятельны бывають сужденія современниковъ о значеніи писателя. Великій Галлеръ счелъ «Институціи» Бюргаве заслуживающими того, чтобъ комментаріями на нихъ наполнить семь томовъ, а знаменитый Валь-Святенъ почтилъ своими комментаріями «Афоризмы», которые вслѣдствіе этого разрослись въ пять томовъ. Теперь же произведенія Бюргаве известны только развѣ по имени.

и тогда я похваляю васъ; но шумъ и крикъ не могутъ замѣнить вдохновенія.»

Въ то время проѣзжалъ чрезъ Франкфуртъ Паоли, и Гете видѣлъ его въ домѣ богатаго купца Бетмана; но, за этимъ исключеніемъ, Франкфуртъ не представлялъ для него ничего интереснаго и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ оттуда уѣхать. Наконецъ здоровье его достаточно поправилось и въ отцѣ снова возродилась надежда, что теперь его сынъ съ успѣхомъ займется юриспруденціей. Мѣстомъ для занятій былъ на этотъ разъ избранъ Страсбургскій университетъ.

ГЛАВА V.

Страсбургъ.

2-го апрѣля, 1770 года, пріѣхалъ Гете въ Страсбургъ. Ему былъ тогда двадцатый годъ. Никогда, можетъ быть, Страсбургъ и не видывалъ юноши болѣе красиваго. Гете сравнивали съ Аполлономъ еще задолго до того времени, когда слава приковала къ нему всѣ взоры. Когда въ гостинницѣ онъ выходилъ въ общую обѣденную залу, то обѣдающіе оставляли ножи и вилки, чтобъ полюбоваться на красавца. Надо замѣтить, что самые даже лучшіе его портреты и бюсты даютъ только весьма слабое понятіе о его красотѣ; они представляютъ намъ одинъ внѣшній его образъ, но не передаютъ выраженія, жизни, которая играла въ его чертахъ; даже и самый образъ передаютъ они не совсѣмъ вѣрно. Черты лица у него были крупныя, рѣзко очерченныя, — они напоминали изящную красоту линій греческой скульптуры. Высокій, крутой лобъ; большіе блестящіе черные глаза удивительной красоты; зрачки величины почти необыкновенной; большой носъ съ небольшимъ горбомъ; изящно очерченный большой ротъ съ вы-

давшейя впередъ верхней губой, что придавало особенную выразительность; подбородокъ и челюсть чрезвычайно пропорціональны; красивая, мускулистая шея, — впрочемъ подобное, такъ сказать инвентарное описаніе его наружности не можетъ дать понятія о его красотѣ.

Росту онъ былъ немного выше средняго, но вся его наружность производила такое впечатлѣніе, что онъ казался весьма высокимъ, какимъ обыкновенно его и описываютъ.¹⁾ Онъ былъ плотнаго, крѣпкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнаго сложенія. Дантъ говорить, что такой контрастъ весьма естественъ, потому что —

Quanta la cosa è più perfetta,
Più senta'l bene, e così la doglienza.

[... Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ сильнѣе оно чувствуетъ и радость, и горе.]

Онъ былъ весьма искусенъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, и въ тоже время до такой степени чувствителенъ къ малѣйшимъ измѣненіямъ въ атмосферѣ, что самъ себя называлъ барометромъ.

Такова была наружность юноши Гете, когда 2-го апрѣля 1770 г. пріѣхалъ онъ въ Страсбургъ. Онъ остановился въ гостинницѣ *Zum Geist*, и едва успѣлъ выскочить изъ дилижанса и освободиться отъ дорожной пыли, какъ побѣждалъ смотрѣть знаменитый Страсбургскій соборъ. Видъ собора произвелъ на него тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что онъ подошелъ къ нему по узкимъ улицамъ. Этому величественному зданію прилично служить символомъ германскихъ стремленій юноши — Гете, и въ моемъ умѣ съ видомъ Страсбургской колокольни соединяются кратковременныя, но пылкія стремленія эллинской природы поэта къ древнему германскому міру. Собственно по природѣ своей Гете не былъ нѣмецъ, но, какъ увидимъ далѣе, въ тѣни Страсбургскаго собора онъ былъ нѣкоторое время охваченъ чисто германскимъ энтузіазмомъ.

Гете поселился на южной сторонѣ рыбнаго рынка, № 80-й. Доставивъ по принадлежности данныя ему рекомендательныя письма,

¹⁾ Скульпторъ Раухъ, сдѣлавшій известную статуэтку Гете, объяснял автору, что Гете потому казался очень высокимъ, что былъ широкъ въ плечахъ и всегда держался прямо.

онъ занялся хозяйствомъ и устроилъ себѣ обѣдъ за table-d'hôte, который держали двѣ старыя дѣвушки, по фамиліи Лаутъ, въ Krämergasse № 13. Здѣсь собиралось обѣдать обыкновенно человѣкъ до десяти, но большей части медики. Предсѣдательствовалъ въ этомъ обѣденномъ обществѣ д-ръ Зальцманъ, красивый пожилой холостякъ, уже лѣтъ сорока осьми, вѣчно въ безукоризненно чистыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, вѣчно съ шляпой подъ мышкой, которую рѣдко надѣвалъ на голову, — чопорный, вертлявый джентльменъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо образованный. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ любовь поэта, давалъ ему превосходные совѣты относительно занятій и пріискалъ для него превосходнаго репетитора. Но какъ ни былъ хорошъ репетиторъ, юриспруденція скоро надоѣла Гете. Впрочемъ, въ первое время онъ занимался ею съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ это видно изъ письма его къ дѣвицѣ фонъ Клеттенбергъ: «Юриспруденція начинаетъ меня сильно занимать. Такъ бываетъ со всѣмъ на свѣтѣ, какъ и съ Мерсебургскимъ пивомъ: въ первый разъ оно не нравится намъ, но стоитъ только попить его съ недѣлю, и мы не можемъ уже безъ него обойтись.» Во всякомъ случаѣ занятія юриспруденціей никогда не поглощали вполне его вниманія. Памятная книжка, изданная Шелемъ, свидѣтельствуетъ, что въ то время онъ занимался очень много и весьма разнообразными предметами. ¹⁾ Такъ какъ собесѣдниками его за table-d'hôte были по большей части студенты—медики, то насъ нисколько не удивляетъ, что онъ съ жаромъ принялся за изученіе анатоміи и химіи. Онъ слушалъ лекціи анатоміи Лобштейна, химіи Шпильмана, посѣщалъ клинику Эрмана и лекціи сына Эрмана о повивальномъ искусствѣ. Кромѣ того онъ изучалъ электричество, которое въ то время, благодаря великому открытію Франклина, возбуждало особенный интересъ. Въ памятной книжкѣ его помѣчено не менѣе девяти сочиненій объ электриществѣ, которыя онъ считалъ нужнымъ прочесть. Эта книжка свидѣтельствуетъ также, что уже въ то время ученіе о цвѣтахъ начинало занимать будущаго антагониста Ньютона. Алхимія все-еще продолжала привлекать его; онъ писалъ къ дѣвицѣ фонъ Клеттенбергъ, что эти мистическія занятія

¹⁾ *Briefe und Aufsätze von Goethe*. Herausgegeben von ADOLPH SHÜLL.

составляютъ предметъ его тайной любви. Понятно, что при такомъ направленіи мыслей и при сильномъ вліяніи столь благочестивой женщины, какъ дѣвица фонъ Клеттенбергъ, не могла не возбудить въ немъ глубокаго отвращенія знаменитая *Système de la Nature*, надѣлавшая въ то время столько шуму. Это мертвое изложеніе поверхностнаго и мертваго атеизма оскорбляло его благочестіе и неудовлетворяло его ума. Онъ могъ находить удовольствіе въ чтеніи Байля, Вольтера, Руссо, могъ списывать въ свою памятную книжку остроты Вольтера и сарказмы Руссо, особенно тѣ, которые были направлены противъ нетерпимости, но *Système de la Nature* была не по немъ,—онъ съ гнѣвомъ отвернулся отъ нея, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ еще, какъ истинный христіанинъ, приобщался св. таинъ и старался поддержать знакомство съ благочестивыми семействами, которымъ его рекомендовала дѣвица фонъ Клеттенбергъ. Я сказалъ старался, потому что при всей своей доброй волѣ онъ не могъ побѣдить глупость и узкость этихъ благочестивыхъ семействъ и принужденъ былъ вскорѣ прекратить съ ними знакомство.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда, а именно въ маѣ 1770, совершилось въ Страсбургѣ событіе, взволновавшее весь городъ, которое доставило ему случай видѣть въ первый разъ картоны Рафаэля. Марія Антуанета, невѣста французскаго дофина, должна была проѣзжать чрезъ этотъ городъ на своемъ пути въ Парижъ. На небольшомъ островкѣ, на Рейнѣ, построено было для ея приѣма зданіе, въ которомъ небольшія боковыя комнаты были украшены коврами, сдѣланными по Рафаэлевымъ картонамъ. Эти ковры привели его въ восторгъ, но въ тоже время въ немъ возбудило сильное негодованіе то обстоятельство, что они были разлѣшаны въ боковыхъ комнатахъ, а главная зала была убрана коврами, сдѣланными по рисункамъ новѣйшихъ французскихъ художниковъ, и онъ негодовалъ не столько на то, что Рафаэль былъ такимъ образомъ отодвинутъ на задній планъ, сколько на сюжеты французскихъ произведеній. «На этихъ коврахъ изображалась исторія Язона, Меден, Креузы, т. е. исторія самаго злополучнаго брака. Налѣво отъ трона невѣста боролась съ страшной смертью, окруженная плачущими фигурами, а направо стоялъ отецъ, пораженный ужасомъ,—у его ногъ лежали умерщвленные его

дѣти, и Фурія неслась по воздуху въ колесницѣ, запряженной драконами.»

Подобный выборъ сюжетовъ глубоко оскорблялъ всё понятіе объ искусствѣ, которыя Гете вынесъ изъ уроковъ Эзера. «Видъ главной залы привелъ меня въ такое негодованіе, что я наконецъ совершенно не могъ владѣть собой, сталъ громко звать своихъ товарищей и громко, энергически порицалъ предъ ними такое оскорбленіе чувствъ и вкуса. Какъ!—говорилъ я, нисколько не стѣняясь посторонними присутствующими, — можно ли быть до такой степени неразумными, чтобъ на глаза юной королевы, при первомъ ея вступленіи въ новыя свои владѣнія, представлять изображеніе самаго ужаснѣйшаго брака, какой едвали когда-либо былъ! Неужели между французскими архитекторами и декораторами не нашлось ни одного человѣка, который бы понималъ, что изображенія что-нибудь да значатъ, что они дѣйствуютъ и на умъ и на чувства, что они производятъ впечатлѣніе, возбуждаютъ предчувствія! Не все ли это равно, какъ еслибъ на встрѣчу этой юной и, какъ мы слышимъ, живой, веселой дѣвушкѣ послали какое-нибудь страшное чудовище.» Для Гете, конечно, изображенія что-нибудь да значили,—для его истинно артистической натуры они были та же реальность; но для французскихъ архитекторовъ и для страсбургскихъ чиновниковъ изображенія были не болѣе, какъ изображенія, не болѣе какъ предметы роскоши и даже вкуса, такъ какъ они доставляли удовольствіе для глазъ, но ихъ душѣ, ихъ чувствамъ они ничего не говорили.

Гете былъ правъ, и для людей, падкихъ на предзнаменованія, эти изображенія получили потомъ значеніе предвѣстія будущей судьбы Маріи-Антуанеты; но въ то время никто не могъ предчувствовать, конечно, что дальнѣйшая судьба этой женщины не будетъ столь же блистательна, какъ ея путешествіе изъ Вѣны въ Парижъ. Могла ли пятнадцатилѣтняя, веселая, счастливая дѣвушка, которая своей граціей и красотой вырывала возгласы восторга у всѣхъ, кто ее видѣлъ, — могла ли она, совершая свой путь по дорогѣ, усыпанной цвѣтами, изукрашенной тріумфальными арками, привѣтствуемая толпами дѣвушекъ, несшихъ ей вѣнки и букеты, среди радостныхъ возгласовъ сельскаго населенія, которое бросало свои сохи и стекалось со всѣхъ сторонъ взглянуть на буду-

щую королеву, — могла ли она въ то время хоть на одно мгновение усумниться въ своемъ счастіи потому только, что глазамъ ея предстала картина, изображающая несчастіе! Да и вообще могли ли въ то время существовать для нея какія бы то ни были дурныя предзнаменованія?

«До сихъ поръ — говорить старикъ Гете, — я живо помню ея прекрасную и величественную наружность, которая была столь же очаровательна, какъ и полна достоинства. Ея хорошо было видно сквозь стекла кареты. Она, повидимому, весело разговаривала съ сопровождавшими ее дамами на счетъ толпы, стремившейся къ ней на встрѣчу.» Вслѣдъ за извѣстіемъ о благополучномъ ея прибытіи въ Парижъ пришла страшная вѣсть о гибели множества людей во время фейерверка, устроеннаго въ честь ея пріѣзда. Естественно, что при этомъ страшномъ извѣстіи Гете пришли на мысль зловѣщія картины: подобное совпаденіе не могло бы пройти незамѣченнымъ и для человѣка, менѣе склоннаго къ предубѣжденіямъ.

«Скоро страсбургцы успокоились и снова водворилась обычная тишина. Быстро протекъ величественный потокъ придворнаго блеска, не оставивъ во мнѣ никакихъ иныхъ сожалѣній, кромѣ сожалѣній о картинахъ Рафаэля, на которыя я, казалось, не могъ бы никогда довольно насмотрѣться. Къ счастью, мое пламенное желаніе подольше любоваться на чудные ковры нашло поддержку въ нѣкоторыхъ значительныхъ лицахъ и ковры оставались не снятыми до послѣдней минуты.»

Какъ только все вошло въ обычный порядокъ, онъ снова принялся за свои занятія. Въ письмѣ, относящемся къ этому времени, онъ говоритъ: «я сдѣлалъ столь большіе успѣхи въ греческомъ языкѣ, что могу читать Гомера почти à livre ouvert. При томъ вѣдь я теперь уже постарѣлъ на цѣлый мѣсяцъ, а мѣсяцъ для меня много значить, не потому чтобъ я дѣлалъ много, но потому что я дѣлаю многое.» Къ числу этого многого принадлежало чтеніе разныхъ мистико-метафизическихъ писаній, въ которыхъ онъ ревностно искалъ матеріала для удовлетворенія своей ненасытной жажды знанія. Памятная его книжка представляетъ намъ весьма любопытныя указанія насчетъ его занятій. На одной страницѣ мы встрѣчаемъ выписку изъ Омы Кемпійскаго, и затѣмъ

списокъ мистическихъ сочиненій, которыя онъ считалъ нужнымъ прочесть; на другой сарказмы Руссо, Вольтера; на третьей выписки изъ Таулера, — далѣе анализируется «Федонъ» Моисея Мендельсона и сравнивается съ «Федономъ» Платона, потомъ слѣдуетъ защита Джіордана Бруно противъ критики Байля.

Интересъ, возбужденный въ немъ сочиненіями Бруно, свидѣтельствуешь, какъ рано обозначилась въ немъ наклонность къ поклоненію природѣ. Еще Тацитъ замѣтилъ, что эта наклонность составляетъ характеристическое свойство германцевъ.¹⁾ Припоминая, какъ еще будучи семилѣтнимъ ребенкомъ онъ воздвигалъ пантеистическій алтарь, для насъ дѣлается понятнымъ, почему остановили на себѣ его вниманіе бѣглыя замѣтки Байля о великомъ пантеистѣ шестнадцатаго столѣтія, знаменитомъ и несчастномъ Бруно, который проповѣдывалъ въ Римѣ и Оксфордѣ ересь Коперника, возстававъ противъ Аристотеля, былъ другомъ Филиппа Сиднея и торжественно сожженъ, 17 февраля 1600 г., за то, что училъ, будто земля движется. тогда какъ церковь учила, что она неподвижна. Имя Бруно представляло двойной интересъ. Онъ былъ мученикомъ философіи, и сочиненія его составляли большую рѣдкость, — всѣ порицали его, читали же только весьма немногіе. Онъ почти былъ столько же ненавидимъ, какъ и Спиноза, а между тѣмъ рѣдко кто былъ знакомъ съ его произведеніями. Сочиненія Бруно сдѣлались библіографической рѣдкостью; изъ которыхъ были «чернымъ лебедемъ» литературы. *Spaccio* стоило въ Англіи тридцать фунтовъ стерлинговъ, въ Голландіи — триста флориновъ. Тщетно Гаманъ дѣлалъ поиски и въ Италіи и въ Германіи, чтобъ найти *De la Causa* и *Del Infinito*, — рвеніе его приобрѣло ему горячихъ поклонниковъ въ Гердеръ и Гете, но не увѣнчалось успѣхомъ.²⁾ Запрещенный плодъ соблазнителенъ, но если къ тому же еще и рѣдокъ, то соблазнительность его становится неодолима. Пантеизмъ уже самъ по себѣ весьма привлекателенъ для поэтиче-

¹⁾ *German. IX sub fin.*

²⁾ Впослѣдствіи сочиненія Бруно сдѣлались общедоступны, благодаря превосходному и дешевому изданію А. Вагнера: *Opere di Giordano Bruno Nolano*, 2 тома, Лейпцигъ, 1830 г. Но не смотря на ихъ доступность, ими интересуются теперь только весьма немногіе, хотя они и заслуживаютъ изученія.

скихъ умовъ, но сочиненія Бруно, кромѣ того, облекли его въ такое поэтическое величіе, что несомнѣнно увлекли бы Гете на пантеистическій путь, еслибъ даже онъ и не былъ расположенъ къ этому заранѣе. Потребность проповѣдывать свое ученіе сдѣлала Бруно бездомнымъ скитальцемъ, и скитальчество его кончилось мученичествомъ. Ничто не могло поколебать его вѣры; онъ гордо говорилъ: «con questa filosofia l'anima mi s'aggrandisce e mi si magnifica l'intelletto» (Философія возвысила мою душу и усилила мой умъ).

Здѣсь встаетъ вопросъ привести замѣчанія Гете на критику Байля. Они дадутъ намъ понятіе какъ о его метафизическихъ воззрѣніяхъ, такъ и о его искусствѣ владѣть французскимъ языкомъ. Что французскій текстъ написанъ имъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и хотя въ немъ встрѣчаются неточныя и не совсемъ изящныя выраженія, но онъ написанъ довольно плавно и ясно, и свидѣтельствуетъ, что Гете лучше владѣлъ разговорнымъ французскимъ языкомъ, чѣмъ какъ самъ отзывался о себѣ въ своей автобіографіи:

«Je ne suis pas du sentiment de M. Bayle a l'égard de Jor. Brunus, et je ne trouve ni d'impiété ni d'absurdité dans les passages qu'il cite, quoique d'ailleurs je ne pretende pas d'excuser cet homme paradox: «L'uno, l'infinito, lo ente e quello ch'è in tutto, e per tutto anzi è l'istesso ubiquo. E che cosse la infinita dimensione per non essere magnitudine coincide coll' individuo, come la infinita moltitudine, per non esser numero coincide, coll'unita.» *Giord. Brun. Ded. Epist. del Tratt. de la Causa Principio et Uno.* ¹⁾

«Ce passage mériterait une explication et une recherche plus philosophiques que le disc. de M. Bayle. Il est plus facile de prononcer un passage obscur et contraire à nos notions que de le déchiffrer, et que de suivre les idées d'un grand homme. Il est de même du passage où il plaisante sur une idée de Brunus, que je n'ap-

¹⁾ «Единое, Безконечное, Сущее, то, что существуетъ во всемъ, повсюду едино. Безконечное протяженіе не есть величина и совпадаетъ съ индивидуомъ. Безконечное множество не есть число и совпадаетъ съ единицей.» Мы отыскали въ текстѣ курсивомъ тѣ слова, которыя у Гете списаны ошибочно: *l'istesso* вмѣсто *l'istesso*, *cosse* вмѣсто *così*. См. Бруно, *Opere*, I, p. 211, изд. Вагнера.

plaudis pas entièrement, si peu que précédentes, mais que je crois du moins profondes et peut-être fécondes pour un observateur judicieux. Notez, je vous prie, de B. une absurdité: il dit que ce n'est point l'être qui fait qu'il y a beaucoup de choses, mais que cette multitude consiste dans ce qui paroît sur la superficie de la substance.»

Въ той же памятной книжкѣ находимъ мы замѣчательный комментарий на главу изъ Фабриціуса (*Bibliog. Antiq.*). Комментарій этотъ написанъ по-латынѣ; мы приведемъ его въ переводѣ: «Размышлять о Богѣ отдѣльно отъ природы и трудно и опасно; это все равно, какъ еслибъ мы отдѣляли душу отъ тѣла. Мы знаемъ душу только чрезъ посредство тѣла, и Бога только чрезъ посредство природы. Поэтому мнѣ представляется совершенно нелѣпымъ обвинять въ нелѣпости тѣхъ, которые въ своихъ философскихъ разсужденіяхъ не отдѣляютъ Бога отъ міра. Все существующее необходимо входитъ въ существо Божіе, такъ какъ Богъ есть единое существо, которое въ себѣ все заключаетъ. Даже и священное писаніе не противорѣчитъ этому пониманію, хотя мы и толкуемъ его изрѣченія весьма различно, каждый по-своему. Такъ думала и вся древность, а единогласное мнѣніе древняго міра имѣетъ для меня большое значеніе. Единогласіе столькихъ людей служить, по моему мнѣнію, сильнымъ доказательствомъ разумности доктрины эманациі. Хотя я и не принадлежу ни къ какой сектѣ, но меня печалитъ, что Спиноза къ этой чистой доктринѣ примѣшалъ отвратительныя заблужденія.» ¹⁾ Этотъ отзывъ о

¹⁾ Читателю, вѣроятно, интересно знать, какъ писалъ Гете по-латыни, и поэтому я присоединяю оригиналъ: Separatim de Deo et natura rerum disserere difficile et periculosum est, eodem modo quam si de corpore et anima sejunctim cogitamus. Animam nonnisi mediante corpore, Deum nonnisi perspecta natura cognoscimus; hinc absurdum mihi videtur, eos absurditatis accusare, qui ratiocinatione maxime philosophica Deum cum mundo conjungere. Quae enim sunt omnia ad essentiam Dei pertinere necesse est, cum Deus sit unicum existens et omnia comprehendat. Nec Sacer Codex nostrae sententiae refregatur, ejus tamen dicta ab unoquoque in sententiam suam torqueri patientur ferimus. Omnis antiquitatis ejusdem fuit sententiae, cui consensui quam multum tribuo. Testimonio enim mihi est virorum tantorum sententia rectae rationi quam convenientissimum fuisse systema emanativum, licet nulli subscribere velim sectae, valdeque doleam Spinozismum, teterrimis erroribus ex eodem fonte manantibus, doctrinae hujus purissimae iniquissimum fratrem natum esse.

Спинозѣ, котораго впоследствии онъ признавалъ однимъ изъ лучшихъ своихъ учителей, легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время онъ зналъ его только по критикѣ Байля.

Впрочемъ какъ ни были разнообразны его занятія, они не поглощали у него всего времени. Въ Страсбургѣ не было недостатка въ средствахъ для развлечения, и Гете съ другомъ своимъ, Зальцманомъ, посѣщалъ разныя увеселительныя мѣста. Гульбища и публичные сады Страсбурга были постоянно наполнены пестрыми толпами гуляющихъ въ разнообразной одеждѣ, представлявшей смѣсь стараго національнаго костюма съ новыми парижскими модами; эта смѣсь придавала гуляньямъ особенно оживленный видъ и дѣлала хорошенькихъ женщинъ еще болѣе привлекательными.

Здѣсь Гете видѣлъ предъ собой двѣ рѣзко отличавшіяся національности. Эльзась, и въ особенности Страсбургъ, хотя и принадлежалъ къ Франціи, но сохранялъ еще свой старый германскій характеръ. Восьмисотлѣтняя національная жизнь не могла сразу исчезнуть, потому только, что по Вестфальскому трактату сильнымъ міра сего угодно было постановить, что Эльзась долженъ быть французскимъ. Въ половинѣ XVIII столѣтія здѣсь еще господствовали нѣмецкіе костюмы, привычки, старый нѣмецкій языкъ, и уроженецъ Франкфурта или Майнца чувствовалъ себя здѣсь какъ бы дома. Но не задолго до взрыва Французской революціи, благодаря постоянному наплыву чиновничьяго люда, французскій костюмъ сталъ дѣлаться требованіемъ моды. Модистки, парикмахеры, танцмейстеры трудились изо всѣхъ силъ надъ «полировкой» туземнаго общества, но оно туго поддавалось этой полировкѣ, и рядомъ съ французскими *employé* здѣсь встрѣчались нѣмецкіе профессора, которые упорно держались своего роднаго тевтонскаго языка и не хотѣли знать «чужеземный» языкъ болѣе, чѣмъ сколько это было необходимо для ежедневнаго обихода. Даже подражаніе французамъ въ одеждѣ ограничивалось преимущественно только высшими классами. ¹⁾ По описанію Гете, дѣвушки, принадлежавшія къ среднему классу, къ буржуазіи, продолжали еще въ то время носить коротенькія живописныя юбочки и заплетали волосы въ одну длинную косу, которая спускалась назадъ.

¹⁾ СТОЕВЕР: *Der Aktuar Salzmann*, 1855, p. 7.

Зальцманъ познакомилъ его со многими семействами и чрезъ это болѣе, чѣмъ своими совѣтами, содѣйствовалъ смягченію въ молодомъ поэтѣ излишней непринужденности въ обращеніи, перѣдко вовлекавшей его въ такіе поступки, которые составляли рѣзкое нарушение общепринятыхъ правилъ приличія. Часто вращаясь въ обществѣ, Гете неизбѣжно долженъ былъ усвоить себѣ тѣ правила порядочности, которыя общество безусловно налагаетъ на всѣхъ своихъ членовъ. Замѣчательно, что въ Вильгельмѣ Мейстерѣ знанію правилъ хорошаго обращенія придается большое значеніе, и въ числѣ главныхъ доводовъ въ пользу театральной карьеры приводится то обстоятельство, что при этомъ человѣкъ легко пріобрѣтаетъ ловкость въ манерахъ.

Пылкаго впечатлительнаго юношу охватило теперь честолюбіе блистать въ обществѣ; но онъ горько сознавалъ, какъ мало прежняя жизнь подготовила его къ достиженію той спокойной сдержанности, которая считалась необходимой въ хорошемъ кругу, и потому понятна щепетильность, съ какой онъ обращалъ вниманіе на каждую мелочь, касавшуюся наружности. Такъ напримѣръ, несмотря на то, что у него были великолѣпные волосы, онъ съ помощію парикмахера связывалъ ихъ въ мѣшечекъ и прищипливалъ фальшивую косу. Будучи такимъ образомъ съ раннего утра причесанъ и напудренъ, онъ необходимо долженъ былъ держать себя осмотрительно, чтобъ какъ-нибудь не разгорячиться, не сдѣлать какого-нибудь сильнаго движенія, потому что это могло разстроить его головное убранство. «Это обстоятельство сильно содѣйствовало тому, что мои манеры стали спокойнѣе; сдержаннѣе, я пріучился держать шляпу подъ мышкой, носить чулки и башмаки, причемъ не забывалъ, впрочемъ, надѣвать подъ низъ еще другіе, тонкіе чулки, какъ предохранительное средство отъ рейнскихъ комаровъ.» Къ этимъ качествамъ хорошаго кавалера онъ присоединилъ искусство фехтовать и ѣздить верхомъ, часто упражнялся на рапирахъ съ товарищами студентами и, по свойственной ему склонности заниматься всѣмъ, чѣмъ занимались товарищи, сталъ учиться на віолончели.

Кругъ его друзей расширился; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число его обѣдненныхъ собесѣдниковъ. Изъ числа послѣднихъ

двое заслуживаютъ быть особенно упомянутыми—Юнгъ Стиллингъ и Францъ Лерзе. Стиллингъ сохранилъ намъ описаніе первой своей встрѣчи съ Гете. ¹⁾ Собралось обѣдать человѣкъ двадцать, и когда уже всѣ сѣли за столъ, весело вошелъ въ комнату молодой человѣкъ; его большіе блестящіе глаза, величественный видъ и чрезвычайно красивая фигура обратили на него вниманіе Стиллинга. Сидѣвшій подлѣ Стиллинга Тростъ замѣтилъ: это долженъ быть человѣкъ необыкновенный! Стиллингъ согласился съ этимъ заключеніемъ, но при этомъ выразилъ опасеніе, чтобъ незнакомецъ не надѣлалъ какихъ непріятностей, потому что высматриваетъ буйнымъ гулякой. Тутъ они узнали, что этотъ незнакомецъ, возбуждавшій въ нихъ опасенія своимъ несдержанными свободными манерами и своимъ *aplomb*, называется Herr Göthe. Начался обѣдъ. Гете сидѣлъ противъ Стиллинга и непринужденно руководилъ общимъ разговоромъ, нисколько, повидимому, и не заботясь объ этомъ. Наконецъ одинъ изъ числа обѣдавшей компаніи отпустилъ какую-то остроту надъ старомоднымъ парикомъ бѣднаго Стиллинга; все общество разсмѣлось, — не засмѣялись только Тростъ, Зальцманъ и еще одинъ изъ собесѣдниковъ, который съ негодованіемъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ насмѣхаться надъ человѣкомъ, не подавшимъ къ тому никакого повода, и смѣхъ сейчасъ же замолкъ. Этотъ собесѣдникъ былъ нѣмой, какъ незнакомецъ съ большими глазами, который своимъ появленіемъ внушилъ опасенія Стиллингу. Такъ завязалась дружба, и Гете впослѣдствіи всегда выказывалъ большую симпатію и нѣжную привязанность простому, искреннему, одинокому мыслителю, котораго глубокія религіозныя убѣжденія и дѣтское простосердечіе имѣли для него особенную привлекательность. Разсказъ Стиллинга о своей жизни возбуждалъ въ немъ сильный интересъ. Онъ какъ-бы инстинктивно искалъ всюду проникнуть въ сокровенныя тайны человѣческой природы и чрезъ всестороннее изученіе опыта другихъ людей старался обогатить свой собственный. Стиллингъ былъ сначала бѣднымъ угольщикомъ, потомъ портнымъ, потомъ содержателемъ; школы школа не удалась, и онъ снова принялся за

¹⁾ STILLING'S *Wanderschaft*, p. 158.

иглу. Потомъ онъ присоединился къ одной религіозной сектѣ, и путемъ глубокаго самосозерцанія достигъ такой степени развитія, что выдвинулся изъ ряда обыкновенныхъ людей. Но что же въ жизни и въ убѣжденіяхъ этого человѣка могло такъ плѣнять распушеннаго, скептическаго студента, который весело и въ довольствѣ проводилъ свое время? Искренность, — неподдѣльность. Одушевляемый искренней, широкой терпимостью, Гете уважалъ всякое искреннее убѣжденіе и потому былъ способенъ сдѣлаться другомъ даже человѣка совершенно различныхъ съ нимъ убѣжденій. Симпатизируя Стиллину, онъ всегда внимательно его выслушивалъ и искусно избѣгалъ при этомъ всякаго вмѣшательства въ его религіозныя вѣрованія; такимъ образомъ, несмотря на все различіе въ убѣжденіяхъ, онъ не только могъ быть другомъ, но и былъ способенъ спокойно и глубоко изучать такого человѣка, какъ Стиллингъ.

Качествами иного рода привлекалъ его къ себѣ Францъ Лерзе. Качества эти были: прямота, мужественность, любовь къ порядку, хладнокровіе, умѣнье примирять всякаго рода ссоры въ пріятельскомъ кругу. Въ память дружбы, Гете назвалъ въ *Гецц фонъ-Берлихингенъ* именемъ Лерзе добраго малаго, который умѣлъ повиноваться съ достоинствомъ.

Еще за нѣсколько лѣтъ до пріѣзда Гете, Зальцманъ основалъ въ Страсбургѣ нѣчто въ родѣ клуба или, какъ выражается Стиллингъ, *Gesellschaft der schönen Wissenschaften*, имѣвшее назначеніемъ служить читальней и сборнымъ мѣстомъ для обмѣна мнѣній. Въ 1763 — 4 г. этотъ клубъ имѣлъ честь считать въ числѣ своихъ членовъ О. Ф. Мюллера, знаменитаго гельминтолога, а въ 1770—1 г. въ числѣ его членовъ были: Гете, Лерзе, Юнгъ Стиллингъ, Ленцъ, Вейландъ. Въ этомъ же году Гердеръ, писавшій въ то время свое сочиненіе «О происхожденіи языка», почтилъ его своимъ присутствіемъ въ качествѣ гостя. Говоря вообще, Гете щедръ на сообщеніе свѣдѣній о своихъ друзьяхъ и современникахъ, но скупъ на свѣдѣнія о самомъ себѣ и потому многое, весьма интересное, остается для насъ совершенно темнымъ. Въ числѣ скудныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ имъ относительно самого себя, мы встрѣчаемъ слѣдующій весьма знаменательный фактъ. Хотя здоровье его и поправилось совершенно удов-

летворительно, но вслѣдствіе бывшей болѣзни онъ еще страдалъ сильной раздражительностью. Всякій сколько-нибудь громкій звукъ былъ для него крайне непріятенъ; все носившее малѣйшій признакъ болѣзненности возбуждало въ немъ омерзѣніе и ужасъ. Въ особенности страдалъ онъ головокруженіемъ, которому подвергался каждый разъ, какъ только случалось ему смотрѣть съ высоты. Рѣшившись исправить эти недостатки, онъ приступилъ къ мѣрамъ довольно радикальнымъ. Чтобы пріучить себя къ громкимъ звукамъ, онъ присутствовалъ при вечерней зарѣ, становился подлѣ самыхъ барабановъ, такъ что сердце его, казалось, готово было разорваться отъ страшнаго грохота. Для того же, чтобы привыкнуть смотрѣть съ высоты, не чувствуя при этомъ головокруженія, онъ взлѣзалъ на самую высокую башню собора и, просидѣвъ съ четверть часа подъ куполомъ, выходилъ на открытую платформу, имѣвшую въ величину не болѣе квадратнаго аршина, гдѣ предъ нимъ разстилалось неизмѣримое пространство, — церковь и колонны, поддерживавшіе платформу, скрывались архитектурными украшеніями, и онъ чувствовалъ себя какъ-бы на воздушномъ шарѣ. Настойчиво подвергая себя столь сильному и мучительному ощущенію, онъ успѣлъ совершенно одолѣть свой недостатокъ и впоследствии извлекъ изъ этого большую пользу для своихъ геологическихъ занятій и для экскурій по горамъ. Анатомія также имѣла для него двойную цѣну, — не только удовлетворяла его любознательность, но и пріучала его терпѣливо смотрѣть на самыя отвратительныя зрѣлища. Эту способность онъ довелъ въ себѣ до высокой степени и не было ничего, столь отвратительнаго, на что бы онъ не могъ смотрѣть совершенно спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ. Кромѣ этихъ физическихъ самоусовершенствованій, онъ старался отучить себя отъ страха и пріучить къ полному спокойному самообладанію при самыхъ страшныхъ, самыхъ потрясающихъ образахъ, какіе только можетъ представить намъ наше воображеніе. Для этого онъ отправлялся въ ночное время на кладбище, въ уединенныя мѣста, въ церкви, часовни, и до такой степени успѣлъ въ этомъ, что когда впоследствии въ немъ являлось желаніе испытать тотъ страхъ, который имъ овладѣвалъ иногда во дни юности, то всѣ усилія его оставались тщетны и онъ не могъ вывести себя изъ спокойнаго состоянія.

Два любовныя стихотворенія, написанныя имъ въ этомъ году, — *Stirbt der Fuchs, so gilt der Balg* и *Blinde Kuh*, — наводятъ насъ на слѣдъ его любовныхъ похожденій. Въ своей автобіографіи онъ ничего не говоритъ ни о Дорилисѣ, ни о Терезѣ, и еслибы рѣчь шла о комъ иномъ, а не о Гете, то біографу ничего не оставалось бы, какъ принять это молчаніе за чистую монету и смотрѣть на любовные стихи, какъ на стихи и не болѣе. Никому, напримѣръ, и въ голову ни придетъ, чтобъ Кларибеллы, Изабеллы, Лауры, Лесбін, Меделены нашихъ поэтовъ были дѣйствительныя лица, дѣйствительно встрѣтившіяся поэтамъ въ жизни и очаровавшія ихъ непостоянныя сердца. Но у Гете совсѣмъ не то. Цвѣты его поэзіи выросли только на реальной почвѣ. Онъ поетъ только то, что дѣйствительно совершилось, выражаетъ дѣйствительныя чувства къ дѣйствительнымъ существамъ, — онъ не способенъ амурничить съ воображаемыми красавицами. Его пѣсни суть свидѣтели его жизни. ¹⁾ Къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ мы ничего не знаемъ относительно его любовныхъ похожденій, кромѣ голаго факта.

Впрочемъ одно изъ его любовныхъ похожденій, относящихся къ этому времени, оставило по себѣ болѣе яркій слѣдъ. Отецъ Гете, увлекаясь своими педагогическими обязанностями, самъ училъ танцамъ своихъ дѣтей, и сына, и дочь, когда еще они были маленькіе. Нельзя не улыбнуться при мысли, какъ хорошъ, должно быть, былъ въ должности танцмейстера холодный, педантичный, чопорный старый франкфуртецъ; но онъ нисколько не сознавалъ, что обязанность танцмейстера ему совершенно не пристала, и сохраняя свой серьезный, полный достоинства видъ, обучалъ дѣтей минуэту, подыгрывая при этомъ на флейтѣ. Впослѣдствіи Гете нѣкоторое время вовсе не упражнялся въ танцахъ, и когда разъ ему случилось въ Лейпцигѣ танцевать минуэтъ, онъ исполнилъ свое дѣло такъ плохо, что даже навлекъ на себя подозрѣніе, будто сдѣлалъ это съ умысломъ, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ приглашеній на танцы.

¹⁾ Вигоевъ того же мнѣнія. Онъ также предполагаетъ, что Дорилисъ и Тереза (можетъ быть это — одно лицо) были страбургскія дамы, съ которыми Гете познакомился чрезъ Зальцмана. Деммлеръ утверждаетъ, что Дорилисъ никто иная, какъ Фредерика, о которой рѣчь впереди.

Чтобъ красивый юноша не умѣлъ танцовать,—это было для Страсбурга явленіемъ необыкновеннымъ. Здѣсь не проходило ни одного воскреснаго дня, чтобъ въ публичныхъ садахъ не собирались веселыя толпы танцующихъ; кромѣ того и въ другіе дни недѣли бывали постоянно разныя танцевальныя собранія, и веселые Эльзасцы, тогда какъ и теперь, какъ только гдѣ собирались, сейчасъ же пускались въ вальсъ. Гете посѣщалъ публичные сады, посѣщалъ танцевальныя собранія, но увь! только смотрѣлъ на танцующихъ,—самъ онъ не умѣлъ вальсировать. Наконецъ онъ рѣшился выучиться. Одинъ изъ друзей познакомилъ его съ танцмейстеромъ, который славился своимъ искусствомъ, и Гете въ короткое время сдѣлалъ въ танцахъ большіе успѣхи.

Этотъ танцмейстръ былъ сухой, натянутый, но любезный французъ. У него были двѣ дочери, которые обыкновенно помогали ему во время уроковъ, составляли пары или также учили. Красивыя, молодыя,—имъ не было двадцати лѣтъ,—рокетливыя француженки не могли не заинтересовать юнаго поэта, и въ свою очередь поэтъ, красивый и граціозный юноша, не могъ не произвести впечатлѣнія на молодыхъ дѣвушекъ, которыя вели довольно уединенную жизнь. Признаки этого не замедлили обнаружиться. Но, къ несчастью, тутъ произошло то, что драматурги называютъ «драматическимъ положеніемъ.» Сердце Гете влеклось къ Эмилиі, между тѣмъ какъ Эмилиа любила другаго, — сердце же старшей сестры, Люцинды, было расположено къ Гете. Эмилиа остерегалась слишкомъ сближаться съ нимъ; Люцинда же напротивъ всегда присутствовала при его урокахъ, всегда готова была вальсировать съ нимъ, охотно удлинняла часть урока, въ разныхъ мелочахъ оказывала ему вниманіе. Такъ какъ учениковъ у старика танцмейстера было не много, то Гете часто оставался по окончаніи урока, болталъ съ дѣвушками или читалъ имъ вслухъ какой-нибудь романъ, — положеніе опасное и весьма опасное.

Онъ видѣлъ, къ чему клонится дѣло, но сдержанность младшей сестры была для него загадочна. Вскорѣ и это ему разъяснилось. Однажды вечеромъ, по окончаніи урока, остался онъ съ Люциндой въ танцевальной комнатѣ, и Люцинда стала ему рассказывать, что у сестры ея сидитъ теперь гадалыщица и гадаетъ ей о возлюбленномъ, которому принадлежитъ ея сердце «Мое же

сердце—продолжала Люцинда—свободно; судьба мнѣ опредѣлила, кажется, чтобъ моимъ сердцемъ пренебрегали.»

Онъ старался отпарировать это нападеніе комплиментами и имѣлъ неосторожность предложить ей обратиться къ гадалщицѣ, чтобъ узнать свою судьбу, причемъ и самъ вызвался сдѣлать тоже. Люциндѣ не понравилось это предложеніе. Она замѣтила ему, что оракулы никогда не ошибаются, и что этимъ шутить не слѣдуетъ. Это замѣчаніе, повидимому, побудило его перемѣнить шутливый тонъ на болѣе серьезный,—по крайней мѣрѣ мы видимъ, что Люцинда согласилась на его предложеніе и они отправились въ гостинную, гдѣ сидѣли Эмилія и гадалщица. Они нашли Эмилію совершенно довольной предсказаніями оракула. Приходъ ихъ былъ видимо пріятенъ для гадалщицы, которая предвидѣла новую жатву и не ошиблась: ей было предложено щедрое вознагражденіе, если она скажетъ правду. Съ обычными приготовленіями гадалщица начала гадать старшей сестрѣ. «О! я вижу,—воскликнула Эмилія, замѣтя, что гадалщица колеблется говорить,—вы имѣете сказать что-то весьма неспріятное.» При этихъ словахъ Люцинда поблѣднѣла, но потомъ оправилась и сказала: «Говорите! вѣдь не умру же я отъ того.» Испустивъ глубокій вздохъ, гадалщица повела такую рѣчь: Люцинда любитъ, но ея любовь не находитъ отвѣта; какая-то особа стоитъ поперекъ дороги между нею и предметомъ ея любви, и т. д. въ томъ же родѣ. Сивиллѣ не трудно было разгадать небольшую драму, происходившую предъ ея глазами между юношей и двумя дѣвушками. Люцинда не могла скрыть своего огорченія. Гадалщица между тѣмъ, желая поправить произведенное ею грустное впечатленіе, начала толковать о предстоящемъ полученіи какого-то письма и денегъ. «Никакого письма—сказала Люцинда—я не жду, а денегъ мнѣ не надо. Если справедливо, какъ вы говорите, что я люблю, то я заслуживаю, чтобъ на мою любовь тоже отвѣчали любовью.» Гадалщица смѣшала карты и стала вновь раскладывать, но выходило еще хуже: дама оказывалась въ положеніи еще болѣе печальномъ, а предметъ ея любви еще дальше отъ нея, чѣмъ былъ въ первый разъ. Гадалщица опять смѣшала карты и хотѣла раскладывать въ третій разъ, но Люцинда болѣе не выдержала, горько заплакала и выбѣжала изъ комнаты. «Подите къ ней—сказала Эмилія, обращаясь къ Гете, — утѣшите ее.» Гете

колебался, — онъ не видѣлъ иной возможности ее утѣшить, какъ рѣшиться увѣрить ее, что также по крайней мѣрѣ хотя неравнодушенъ къ ней. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ предложилъ Эмилии идти съ нимъ вмѣстѣ. Эмилиа замѣтила на это, что ея присутствіе едвали поможетъ, однако согласилась. Между тѣмъ Люцинда заперлась въ своей комнатѣ. Тщетно они стучали, звали, — никакого отвѣта. Гете заплатилъ гадальщицѣ за ея труды и поспѣшилъ удалиться.

У него послѣ этого не ставало духу идти въ этотъ домъ; но на третій день Эмилиа прислала за нимъ, и онъ по обыкновенію взялъ урокъ. Люцинда не показывалась, и когда онъ спросилъ о ней, Эмилиа отвѣтила, что она лежитъ въ постели, говоритъ, что умретъ, горько жалуется на его неблагодарность. «Я не знаю, — сказалъ онъ, — чтобъ я когда-нибудь выказывалъ ей особенное расположеніе. Я даже могу указать на свидѣтеля, который можетъ это подтвердить.» Эмилиа улыбнулась. «Понимаю, — сказала она, — что вы хотите сказать; однако мы должны принять мѣры, а не то мы всѣ очутимся въ очень печальномъ положеніи. Не сердитесь, если я вамъ скажу, что уже пора вамъ прекратить уроки. Отецъ говоритъ, что ему становится даже совѣстно брать съ васъ деньги, если только вы не намѣрены серьезно изучать танцевальное искусство, такъ какъ вы его уже хорошо знаете, насколько нужно знать свѣтскому человѣку.» — «Стало быть вы хотите, чтобъ я не посѣщалъ болѣе вашъ домъ, Эмилиа?» — спросилъ я. — «Да—отвѣчала она, — и на это есть причины. Слушайте: когда вы третьяго дня отъ насъ ушли, я загадала для васъ, и три раза выходило все одно и тоже. Вы были окружены всякаго рода благами и удовольствіями, — въ деньгахъ также недостатка не было; всѣ дамы были далеко отъ васъ, а моя бѣдная сестра дальше всѣхъ. Впрочемъ одна дама съ каждымъ разомъ, какъ вновь раскладывали карты, становилась все ближе и ближе къ вамъ, но ни разу, однако, не вышла вмѣстѣ съ вами: между вами и ей замѣшалось какое-то третье лицо. Признаюсь, въ этой дамѣ я видѣла самую себя, и потому вы поймете, почему я совѣтую вамъ больше не бывать у насъ. Я дала слово другому и до сихъ поръ люблю его больше, чѣмъ кого-нибудь. Ваши посѣщенія могутъ сдѣлаться для меня опаснѣе, чѣмъ

были до сихъ поръ, и какое будетъ ваше положеніе между двумя сестрами, изъ которыхъ одна будетъ страдать отъ вашей любви, а другая—отъ вашей холодности.» — Съ этими словами она протянула ему руку въ знакъ прощанья, потомъ проводила его до двери и, напомнивъ, что видится съ нимъ въ послѣдній разъ, прижалась ему къ груди и нѣжно его поцѣловала. Онъ ее обнялъ и крѣпко прижалъ къ себѣ. Въ эту минуту отворилась боковая дверь, и старшая сестра въ легкомъ, но приличномъ одѣяніи вбѣжала въ комнату, восклицая: «Не ты одна простишься съ нимъ!» Эмилиа отошла въ сторону. Люцинда бросилась къ нему въ объятія и своими черными локонами прижалась къ его лицу; такъ оставалась она нѣкоторое время, потомъ отступила отъ него на нѣсколько шаговъ и пристально посмотрѣла ему въ глаза. Онъ хотѣлъ взять ее за руку и сказать ей что-нибудь пріятное, чтобъ ее утѣшить; но она отвернулась, стала шибко ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и потомъ въ сильномъ волненіи бросилась на софу. Эмилиа подошла къ ней, но она сильно оттолкнула ее прочь отъ себя, и тутъ началась сцена, которая, какъ рассказываетъ главное дѣйствующее лицо, хотя въ дѣйствительности и не имѣла ничего театральнаго, но заслуживаетъ быть разыгранной на театрѣ искусными актрисами. Люцинда стала осыпать сестру упреками. «Это уже не первое сердце, — говорила она, — которое стремилось ко мнѣ и которое ты у меня отнимаешь. Не то ли же было и съ твоимъ теперешнимъ женихомъ, и я все это видѣла и перенесла! Одна я знаю, сколько слезъ мнѣ это стоило, а теперь ты и этого у меня похищаешь. Сколькими же это сердцами хочешь ты владѣть разомъ? Я откровенна, простосердечна, — каждый думаетъ, что сразу меня понялъ и потомъ пренебрегаетъ мной. А ты скрытна, молчалива, заставляешь думать, что въ тебѣ скрывается и Богъ знаетъ какое сокровище, а на самомъ-то дѣлѣ въ тебѣ ничего нѣтъ, кромѣ холоднаго, самолюбиваго сердца, которое готово всѣмъ для себя пожертвовать.» Эмилиа сѣла подлѣ сестры и молчала, а Люцинда между тѣмъ все болѣе и болѣе горячилась и стала наконецъ говорить о такихъ предметахъ, о которыхъ третьему присутствующему не слѣдовало бы вовсе и знать. Эмилиа сдѣлала ему знакъ, что ему надо удалиться. Люцинда замѣтила это, вскочила, бросилась къ нему, потомъ остановилась и

какъ будто задумалась. «Я знаю, что я васъ потеряла,—сказала она; — я не могу имѣть на васъ никакихъ притязаній, но и твоимъ (обращаясь къ сестрѣ) онъ никогда не будетъ.» Сказавъ это, она взяла Гете прямо за голову, положивъ руки ему на волосы, прижала его лице къ своему лицу и нѣсколько разъ поцѣловала его въ губы. «Теперь бойся моего проклятiя! Горе, вѣчное безконечное горе той, которая первая послѣ меня прикоснется къ его губамъ! Посмѣй еще разъ броситься къ нему на шею. Небо услышитъ мои проклятiя! А вы, ступайте, ступайте отсюда скорѣй!» И Гете поспѣшно вышелъ, чтобъ ужъ больше никогда не возвращаться.

Страстная француженка, изумленный, растерявшiйся поэтъ, и слегка очерченные, на второмъ планѣ, старуха гадальщица и чопорный танцмейстръ, — всѣ эти лица не просятся ли прямо въ романъ?

ГЛАВА IV.

Гердеръ и Фредерика.

Страсбургскiй періодъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что образованiе Гете въ это время совершилось среди влiяній, чисто нѣмецкихъ. Въ тѣ времена образованiе было по преимуществу классическое и французское. Классики никогда не имѣли на Гете большого влiянія, и онъ всегда зналъ древность болѣе чрезъ искусство, чѣмъ чрезъ литературу. Что же касается до французовъ, то онъ былъ имъ многимъ обязанъ какъ относительно своего направленiя, такъ и относительно матеріала своего знанiя. Возрожденiе древней германской національности стало въ то время живымъ вопросомъ,—французамъ противопоставляли Клопштока, Лессинга, Гердера, Шекспира, Оссiana, и эта перемѣна вкуса имѣла важное значенiе, потому что пробуждала чувство національной гордости. На готическое искусство начинали смотрѣть, какъ на истинное искусство новой цивилизаціи.

Объединный кружокъ Гете, состоявшій исключительно изъ нѣмцевъ, не только совершенно изгналъ изъ своей среды употребленіе французскаго языка, но и поставилъ себѣ за правило ни въ чемъ не походить на французовъ, презрительно относился о французской литературѣ, укорялъ ее въ напыщенности, во лжи, въ неестественности, и этой фальшивой литературѣ противопоставлялъ простоту, силу, истинность нѣмецкаго характера. Гете погрузился въ средніе вѣка, благоговѣлъ предъ Страсбургскимъ соборомъ, вдохновлялся Шекспиромъ, радовался, какъ Лессингъ неотразимыми ударами разрушалъ притязанія французской поэзіи, читалъ біографію Геца фонъ Берлихингена, и образъ этого титана, такъ сильно напечатлѣлся въ его умѣ, что у него родилась мысль воспроизвести его въ драмѣ. Къ этому же времени относится и зарожденіе Фауста. Легенда объ этомъ чародѣѣ имѣла для Гете особенную привлекательность, такъ какъ тогда онъ находился именно въ томъ состояніи разочарованія, въ которое юность такъ легко впадаетъ, не нашедъ удовлетворенія своимъ пылкимъ порывамъ проникнуть въ тайны знанія. «Подобно Фаусту, я также обошелъ весь кругъ знанія и рано постигъ всю его тщету,—подобно ему, я также пускался въ путь по различнымъ стезямъ и всякій разъ возвращался неудовлетворенный и измученный.» Занятія алхиміей, медициной, юриспруденціей, философіей, теологіей, привели его къ такому умственному состоянію, что легенда о Фаустѣ представляла для него, такъ сказать, личный интересъ.

При такомъ умственномъ состояніи знакомство съ Гердеромъ имѣло для Гете большое значеніе. Гердеръ былъ пятью годами старше его и уже составилъ себѣ имя. Онъ пріѣхалъ въ Страсбургъ съ больнымъ глазомъ и пролежалъ всю зиму. Гете былъ совершенно очарованъ его сильнымъ умомъ, постоянно посѣщалъ его во время болѣзни, слушалъ мудрость, исходившую изъ его устъ, какъ ученикъ слушаетъ любимаго учителя. Великъ былъ контрастъ между этими людьми, но этотъ контрастъ не разъединилъ ихъ. Гердеръ опредѣлительнъ, ясенъ, поучающъ, знаетъ свои цѣли, любитъ сообщать свои мысли,—Гете скептиченъ, неспокоенъ, пытливъ; Гердеръ жестокъ, саркастиченъ, раздражителенъ, терпимость не была его качествомъ, — Гете любящъ, снисходителенъ, его терпимость не знала предѣловъ. Многихъ друзей оттолкнулъ

отъ себя Гердеръ своею нетерпимостью, но не оттолкнулъ Гете, потому что таково было характеристическое свойство этого человека, никогда его не оставлявшее, что онъ былъ способенъ поучаться отъ самыхъ даже противоположныхъ ему натуръ и, сойдясь съ ними на какомъ-либо общемъ сочувственномъ пунктѣ, умѣлъ избѣгать того, что повлекло бы къ разрыву. Гердеръ очень любилъ своего молодого друга, былъ ему весьма признателенъ за ту нѣжную внимательность, къ нему во время болѣзни, но — что нѣсколько странно — вовсе, повидимому, не прозрѣвалъ его гениальности. Единственное указаніе, какого мнѣнія былъ онъ въ то время о Гете, заключается въ письмѣ его къ своей невѣстѣ, писанное имъ въ февралѣ 1772 г. «Гете въ полномъ смыслѣ славный малый, только нѣсколько легкомысленъ и по свойствамъ своимъ отчасти походить на воробья ¹⁾), въ чемъ я его постоянно упрекалъ. Изъ всѣхъ, посѣщавшихъ меня во время болѣзни, онъ былъ едва ли не единственный, котораго посѣщенія доставляли мнѣ удовольствіе, и, какъ кажется, во многихъ отношеніяхъ я имѣлъ на него полезное вліяніе.» Можетъ быть слишкомъ высокое мнѣніе о самомъ себѣ мѣшало ему вполне оцѣнить Гете, или же, быть можетъ, онъ слишкомъ ярко видѣлъ недостатки своего молодого друга и потому не могъ вполне разглядѣть его достоинствъ. Вотъ что Гете писалъ ему изъ Страсбурга: «Если мнѣ суждено быть вашей планетой, то я желалъ бы, и весьма искренно желалъ бы быть луной для вашей земли. Но вы должны чувствовать, что для меня было бы желательнѣе быть меркуріемъ, послѣднею и самою маленькою изъ числа семи, чтобъ слѣдовать за вами кругомъ солнца, чѣмъ быть первою изъ числа пяти, вращающихся кругомъ Сатурна.» ²⁾ Въ своей автобіографіи Гете говоритъ, что не сообщалъ Гердеру о намѣреніи писать Геца, но въ посвященномъ ему сочиненіи Гердера о нѣ-

¹⁾ Вотъ фраза Гердера: nur etwas leicht und spratzenmässig. Если вы спросите у двадцати нѣмцевъ, что хотѣлъ сказать Гердеръ этимъ словомъ spratzenmässig, то получите двадцать различныхъ отвѣтовъ. Одни скажутъ вамъ, что онъ подъ этимъ разумѣлъ воробьиною болтовню, другіе — воробьиною смѣлою, третьи — воробьиное любопытство, четвертые — воробьиное волокитство и т. д.

²⁾ *Aus Herder's Nachlass.*, I, p. 28.

мечкомъ искусствѣ мы находимъ ясное указаніе, что Гердеру было извѣстно это его намѣреніе. ¹⁾ Въ воспоминаніяхъ о прошломъ подобныя ошибки въ подробностяхъ неизбежны.

Различіе въ лѣтахъ, въ характерахъ, въ свойствахъ ума, въ матеріалѣ знанія не позволяло установиться между ними слишкомъ тѣсной дружбѣ. Любовь Гердера къ людямъ и ко всему окружающему была абстрактная, идеальная,—къ индивидамъ онъ относился всегда критически и съ недовольствомъ, потому что не находилъ въ нихъ осуществленія своего идеала. Говоря объ отношеніяхъ его къ Лессингу, Гервинусъ замѣчаетъ, что онъ любилъ Лессинга, когда разсматривалъ его вообще, въ цѣломъ, и былъ всегда недоволенъ имъ, когда разсматривалъ его въ подробностяхъ,—тоже самое можемъ мы сказать и объ отношеніяхъ его къ Гете. Напротивъ, у Гете мало было той абстрактной любви къ человѣчеству, которая для Гердера, какъ и для многихъ другихъ, замѣняла, повидимому, любовь къ индивидамъ, и которая, одушевляя совершенно искреннихъ филантроповъ, не мѣшаетъ имъ въ тоже время быть дурными мужьями, дурными отцами, дурными братьями и друзьями. Въмѣсто этой абстрактной любви Гете одушевляла всецѣльная любовь къ индивидамъ. Его конкретная, любящая природа влеклась болѣе къ людямъ, чѣмъ къ отвлеченіямъ. Многіе не поняли этого, а еслибъ поняли, то не упрекали бы Гете въ «равнодушій» къ политикѣ, къ исторіи и къ разнымъ великимъ вопросамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ человѣчество, а не индивидъ.

Вліяніе Гердера на Гете было разнообразно, но особенно сильно въ сферѣ поэзіи. Онъ научилъ Гете смотрѣть на Библію какъ на блистательное свидѣтельство той истины, что поэзія есть продуктъ народнаго духа, а не есть привилегія избранныхъ, образованныхъ людей. Отъ поэзіи еврейскаго народа онъ перешелъ съ нимъ къ другимъ образцамъ народнаго поэтическаго творчества, и послѣ Библіи на первомъ планѣ стояли предъ ними Гомеръ и Оссіанъ. Въ то время Оссіанъ обошелъ всю Европу и повсюду нашелъ себѣ вѣрующихъ. Гете былъ въ такомъ восторгѣ отъ сѣвернаго пѣснопѣвца, что перевелъ его поэму «Сельма» и впоследствии включилъ ее въ своего Вертера. Кромѣ Шекспира и Оссіана

¹⁾ HERDER, *Von deutscher Art und Kunst*, p. 112.

Гердеръ научилъ его также цѣнить *Вэкфильдскаго Священника*, котораго прелестный образъ вскорѣ ожилъ для него въ лицѣ отца Фредерики.

Часто Гете съ своими товарищами взлѣзалъ на высокую и широкую галерею Страсбургскаго собора, и тамъ веселое общество со стаканами рейнвейна провожало заходящее солнце. На много миль предъ ними разстился живописный ландшафтъ, и они указывали другъ другу мѣста, съ которыми соединялись для нихъ какія-либо воспоминанія. Изъ всѣхъ мѣстностей, видѣвшихся имъ съ Страсбургской галереи, насъ болѣе всего интересуетъ одно—Зезенгеймъ, родина Фредерики. Для меня Фредерика—самая очаровательная изъ всѣхъ женщинъ, которыя были почтены любовью Гете. Ея идиллическій образъ знакомъ каждому любителю нѣмецкой литературы по прелестному эпизоду автобіографіи, надъ которымъ воспоминанія поэта видимо останавливались съ особеннымъ наслажденіемъ. Еще въ недавнее время живъ былъ секретарь, которому Гете диктовалъ этотъ эпизодъ, — онъ живо помнилъ, какъ старикъ приходилъ въ волненіе, когда въ памяти его воскресалъ образъ Фредерики, какъ ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, часто останавливался и прерывалъ диктовку, наступало продолжительное молчаніе, слышался глубокій вздохъ, и потомъ онъ снова, тихимъ голосомъ, продолжалъ диктовать.

Вейландъ, одинъ изъ членовъ обѣденнаго кружка, часто рассказывалъ Гете о священникѣ, который жилъ съ женой и двумя милыми дочерьми близъ Друзенгейма, въ миляхъ шестнадцати отъ Страсбурга. Въ первыхъ числахъ октября 1770 г. предложилъ онъ своему другу ѣхать съ нимъ въ гости къ почтенному пастору. Гете принялъ предложеніе и было рѣшено, что Вейландъ представитъ его какъ бѣднаго студента богословія. Страсть принимать на себя incognito часто увлекала Гете въ подобныя продѣлки. Нарядился онъ въ какое-то старое платье, особеннымъ образомъ зачесалъ себѣ волосы и весь преобразился такъ, что Вейландъ, увидавъ его, не могъ удержаться отъ смѣха. Весело отправились друзья въ путь. Проѣзжая чрезъ Друзенгеймъ, они остановились, чтобъ привести въ порядокъ свои туалеты, и отсюда лугомъ направились къ Зезенгейму. Здѣсь они оставили лошадей въ гостин-

ницѣ и пошли пѣшкомъ къ дому пастора. Это былъ уже старый и даже отчасти полуразвалившійся, но весьма живописный и уютный сельскій домикъ. Гости застали дома только одного пастора, который принялъ ихъ весьма радушно; прочіе же члены семьи были въ полѣ. Вейландъ отправился ихъ отыскивать, а Гете остался съ пасторомъ, и между ними завязался довольно живой разговоръ о разныхъ приходскихъ дѣлахъ, какъ будто между старыми знакомыми. Вскорѣ вошла жена пастора; вслѣдъ за ней вбѣжала ея старшая дочь, спросила, гдѣ Фредерика, и опять убѣжала искать сестру. Подали угощеніе. Вейландъ разговаривалъ со старикомъ объ общихъ старыхъ знакомыхъ, — Гете молчалъ и слушалъ. Вошла опять старшая дочь, нѣсколько встревоженная, что нигдѣ не могла найти сестры. Эта небольшая семейная тревога насчетъ Фредерики приготовила позу къ ея появленію. Наконецъ явилась и она. Обѣ сестры были одѣты въ національный костюмъ: узкій бѣлый корсажъ съ бѣлой же коротенькой юбкой, украшенной разными обшивками, и спереди черныя фартуки. На рукѣ у Фредерики висѣла соломенная шляпка; превосходные волосы красивыми прядями ниспадали на нѣжную бѣлую шею; глаза у нея — веселые, голубые; носъ — маленькій, вздернутый кверху, *nez retroussé*; ей всего шестнадцать лѣтъ. Увидя это свѣтлое, юное, прелестное созданіе, Гете устыдился своего костюма, — ему стало досадно, что онъ является предъ ней въ такомъ невыгодномъ для него свѣтѣ. Вейландъ все продолжалъ разговаривать со стариками, — безъ конца перебирали они разныхъ тетюшекъ, дядюшекъ, племянниковъ, кузеновъ, общихъ знакомыхъ. Гете сидѣлъ одинъ, не принимая никакого участія въ этомъ разговорѣ. Замѣтивъ это, Фредерика подѣла къ нему и заговорила съ очаровательной непринужденностью. На фортепьяно лежали ноты. Она спросила Гете, играетъ ли онъ, и, получивъ скромный утвердительный отвѣтъ, просила его сыграть что-нибудь. На это отецъ замѣтилъ ей, что она должна прежде сама что-нибудь спѣть. Она сейчасъ же усѣлась за фортепьяно, оказавшееся нѣсколько разстроеннымъ, и, проигравъ предварительно нѣсколько пьесъ, бывшихъ въ то время въ ходу въ провинціальной публикѣ, запѣла нѣжный и меланхолическій романсъ. Но пѣніе не пошло на ладъ; она видимо была не расположена пѣть. Недовольная

сама своимъ пѣніемъ, живо встала она изъ-за фортепіано и сказала: «Если я спѣла дурно, то этому виноваты не фортепіано и не мой учитель; пойдемте на открытый воздухъ, если хотите слышать, какъ я пою эльзасскія и швейцарскія пѣсни.» Общество послѣдовало за ней, и когда вышли изъ дому, она весело запѣла:

Vom Wald bin ich kommen, wo's stockfinster ist,
Und ich lieb Dich vom Herzen, das glaub' mir gewiss,
Und da lacht er, da lacht er, der schelmische Dieb
Als ob er nicht wüsste, dass ich ihn lieb!
Ei ja, ei ja, ei ei, ei ei, ei ja, ja, ja.

[Изъ лѣса я иду, гдѣ очень, очень темно,—всѣмъ сердцемъ люблю я тебя, повѣрь! И онъ засмѣялся, негодный плутъ, какъ будто и не зналъ, что я его люблю.]

Гете былъ очарованъ.

При обычной своей наклонности возводить дѣйствительность въ поэтическіе образы, не могъ онъ въ настоящемъ случаѣ не перенести поэтическій образъ Вэкфильдской семьи на семью пастора Бріона. Хотя самъ пасторъ и не совсѣмъ походилъ на мистера Примроза, но болѣе или менѣе могъ сойдти за него. Старшая дочь олицетворяла Оливію, младшая—Софью, и когда за ужиномъ вошелъ въ комнату мальчикъ, то Гете едва удержался, чтобы не воскликнуть: «И Моисей тутъ!» Ужинъ былъ веселъ, такъ веселъ, что осторожный Вейландъ, боясь, чтобы его другъ не опьянѣлъ отъ вина и Фредерики, и не забылъ своей роли, предложилъ обществу идти гулять. Былъ свѣтлый лунный вечеръ. Вейландъ предложилъ руку старшей сестрѣ Соломѣ (въ автобіографіи она названа Оливіей). Фредерика взяла подъ руку Гете. Молодость и лунный свѣтъ — эти слова довольно краснорѣчивы и сами по себѣ безъ всякихъ комментаріевъ. Внимательно прислушивался Гете къ тону голоса своей спутницы, когда она ему рассказывала о своихъ кузенахъ и сосѣдяхъ,—въ немъ уже заговорила ревность,—онъ уже боялся соперника. Но веселая Фредерика не знала еще тревогъ любви, и онъ съ безмолвнымъ восторгомъ слушалъ ея непринужденную болтовню.

Наконецъ друзья удалились спать. Много было имъ что пе-

реговорить между собой. Вейландъ поздравлялъ своего друга, что онъ такъ превосходно сохранилъ инкогнито, рассказывалъ, какъ его спрашивали о молодомъ Гете, говорили, что много слышали о веселомъ нравѣ и эксцентричностяхъ этого юноши. Затѣмъ неожиданно послышался робкій вопросъ: Фредерика помолвлена? — Нѣтъ. — И кому-то стало легче на сердцѣ. Потомъ опять вопросъ: Она любила? — Нѣтъ. — И сердце запрыгало отъ радости. Долго, до глубокой ночи бесѣдовали между собой друзья, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ между юными друзьями, у которыхъ сердца слишкомъ сильно бьются и головы слишкомъ разгорячены, чтобъ сонъ могъ одолѣть ихъ. Едва разсвѣло, Гете вскочилъ съ постели, горя нетерпѣніемъ видѣть Фредерика. Но увъ! въ какой ужасъ онъ пришелъ теперь отъ своего костюма. Напрасно старался онъ какъ-нибудь его исправить. Волосы онъ привелъ въ порядокъ, но что было дѣлать съ истертымъ сюртукомъ, у котораго рукава были до смѣшнаго коротки, — фигура у него въ этомъ сюртукѣ такая жалкая, что Вейландъ безъ смѣху смотрѣть не можетъ и хохочетъ, выглядывая изъ-подъ одѣяла. Въ отчаяніи, юноша рѣшается наконецъ ѣхать обратно въ Страсбургъ съ тѣмъ, чтобъ вернуться сейчасъ же, переодѣвшись въ свой собственный костюмъ. Но на дорогѣ приходитъ ему въ голову другой планъ. Онъ переодѣвается въ платье сына содержателя Друзенгеймской гостинницы, который былъ съ нимъ одного роста, и возвращается къ пасторскому дому съ пирогомъ для пасторши. Сначала все шло очень удачно, но вдругъ подбѣжала къ нему Фредерика съ словами: «Вы, Жоржъ, зачѣмъ здѣсь?», — и онъ долженъ былъ открыться. «Предъ вами не Жоржъ, а другой, и приносите вамъ тысячу извиненій,» сказалъ Гете. «Какой вы не хороший! — воскликнула Фредерика, — какъ вы испугали меня!» Сейчасъ же все разъяснилось, и не только Фредерика, но и вся семья отъ души смѣялась этой продѣлкѣ.

Весело прошелъ день. Два юныя сердца съ каждымъ часомъ влюблялись сильнѣй и сильнѣй. Страсть считаетъ время по своему: для нея мгновенія — дни, дни — годы. Не важно, поэтому, изслѣдовать, пробылъ ли Гете въ Везенгеймѣ два дня, какъ рассказываетъ онъ въ своей автобіографіи, или же болѣе, нѣсколько дней, einige Tage, т. е. не менѣе трехъ, какъ говорится въ одномъ

изъ его писемъ. Во всякомъ случаѣ онъ пробылъ тамъ достаточно время, чтобъ основательно влюбиться, и очаровать всю семью своей веселостью, обходительностью и поэтическими своими дарованіями. Онъ успѣлъ въ это время ознакомить новыхъ друзей съ своимъ талантомъ романиста, рассказавъ имъ исторію о «Новой Мелузинѣ» (которая впоследствии была помѣщена въ *Wanderjahre*), принялъ живое участіе въ предположеніяхъ пастора относительно перестройки пасторскаго дома и проектированные планы перестройки ввзялъ съ собой въ Страсбургъ.

Общанія скоро свидѣться облегчили горечь разлуки. Гете возвратился въ Страсбургъ съ новой жизнью въ сердцѣ. Не задолго до этого писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, что никогда еще онъ такъ живо не чувствовалъ, что такое значить быть довольнымъ и имѣть притомъ свободное сердце. Среди пріятныхъ знакомствъ и разнообразныхъ занятій у него не оставалось времени для сердечныхъ ощущеній. «Однимъ словомъ, моя теперешняя жизнь,—писалъ онъ,—походить на то, какъ будто я весело качусь по великолѣпной гладкой дорогѣ, средь шума и блеска, гдѣ мало пищи для сердца, но много для глазъ и для ушей.» Но послѣ посѣщенія Зезенгейма совсѣмъ другой тонъ слышится въ его письмахъ, насколько можно объ этомъ судить по единственному его письму, которое сохранилось отъ того времени. ¹⁾ Оно адресовано къ Фредерикѣ и помѣчено 15 октября, 1770 г.

«Милый мой новый другъ.

«Я не колеблюсь назвать васъ другомъ:—если я хоть сколько нибудь способенъ понимать, что говорятъ глаза, то я не могъ ошибиться, въ первомъ же вашемъ взорѣ прочелъ я надежду на вашу дружбу, а въ сердцѣ вашемъ сомнѣніе для меня невозможно. Вы такъ милы, такъ добры,—сердце мое такъ сильно влечется къ вамъ: можетъ ли быть, чтобъ вы не были расположены ко мнѣ хотя немножко? Милый, милый другъ мой! Что я имѣю вамъ сказать кое-что, это несомнѣнно; но знаю ли я самъ, зачѣмъ

¹⁾ Schöller, *Briefe und Aufsätze*, p. 51. Письма, приведенныя у Пейсера, очевидно подложныя.

ишу къ вамъ, и что писать мнѣ, это другой вопросъ. Мое внутреннее беспокойство говоритъ мнѣ ясно, какъ бы хорошо мнѣ было подлѣ васъ, и листокъ бумаги составляетъ для меня теперь истинное утѣшеніе, — онъ служитъ для меня какъ будто крылатымъ конемъ, который переноситъ меня къ вамъ изъ шумнаго Страсбурга, и для васъ, въ вашемъ мирномъ уголкѣ, онъ могъ бы служить тѣмъ же, если ваше сердце также равнодушно къ отсутствующимъ друзьямъ вашимъ.

«Какъ совершился нашъ возвратный путь, вамъ не трудно себя представить, если только вы замѣтили, какъ грустно мнѣ было уѣзжать отъ васъ, и какъ, напротивъ, Вейландъ торопился. Мысли Вейланда стремились впередъ, мои — назадъ; понятно, что при этомъ трудно было намъ разговариваться и разговоры наши не могли быть интересны.

«Проѣхавъ Венценану, мы вздумали сократить путь — и заѣхали въ болото. Насъ застигла ночь, и еслибъ вскорѣ разразившаяся послѣ того буря нѣсколько поторопилась, то мы имѣли бы полное основаніе быть увѣренными въ любви и вѣрности нашихъ принцессъ. ¹⁾

«Боясь потерять свертокъ, я всю дорогу держалъ его въ рукахъ и онъ былъ для меня истиннымъ талисманомъ, предъ которымъ исчезали всѣ трудности пути. Былъ и еще талисманъ. — О, я этого и выговорить не смѣю, — или вы отгадали, а если не отгадали, то и не повѣрите.

«Наконецъ мы пріѣхали, и первая наша мысль, утѣшавшая насъ всю дорогу, была мысль поскорѣй свидѣться съ вами.

«Какая это хорошая вещь — надежда свидѣться съ тѣмъ, кого любишь. Едва наше избалованное сердце успеетъ почувствовать себя не совсѣмъ хорошо, какъ у насъ уже и лекарство готово и мы говоримъ ему: Успокойся, любезное сердце! Не долго будешь ты въ разлукѣ съ ней, съ тѣми, кого любишь; будь, милое сердце, спокойно! И оно успокаивается, утѣшается призраками точно малое дитя, которому мать даетъ куклу, чтобъ оно не просило яблочка.

«Довольно вамъ сказать, что мысли наши — не здѣсь, не гдѣ

¹⁾ Намекъ для насъ непонятный.

Страсбургъ. Видите, какъ вы были неправы, когда не хотѣли мнѣ вѣрить, что послѣ вашей сельской тишины не понравится мнѣ городской шумъ.

«Никогда еще Страсбургъ не былъ для меня такъ пустъ, какъ теперь. Хотя я и надѣюсь, что онъ сдѣлается лучше, когда со-временемъ сколько-нибудь сгладятся въ моей памяти очарователь-ные дни, когда я буду не такъ живо чувствовать, какъ добръ, какъ милъ мой другъ,—но могу ли я, долженъ ли я желать за-быть это? Нѣтъ, пусть лучше мое сердце горюетъ,—я буду часто писать вамъ.

«Въ заключеніе прошу засвидѣтельствовать вашимъ дражайшимъ родителямъ мое самое искреннее почтеніе и сказать имъ, какъ я много, много благодаренъ за ихъ вниманіе. Вашей любезной сестрѣ отъ меня тысяча..... какъ былъ бы я радъ, еслибъ ты-сяча..... отъ меня къ вамъ были отвѣтомъ на ваши!»

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи Гете изъ Зезенгейма Гердеръ дѣлалъ себѣ операцію. Гете былъ постоянно при немъ, но надо предполагать, что онъ не сообщилъ ему о своей новой страсти, такъ какъ мы знаемъ, что онъ скрывалъ отъ него о своихъ занятіяхъ алхиміей, боясь съ его стороны насмѣшекъ. Молча носилъ онъ образъ Фредерики въ своемъ сердцѣ и тщательно ра-боталъ надъ составленіемъ плана новаго пасторскаго дома. Онъ послалъ Фредерикѣ книгъ и получилъ отъ нея письмо, которое, конечно, было для него величайшей радостью.

Въ ноябрѣ онъ опять поѣхалъ въ Зезенгеймъ. Была уже ночь, когда онъ туда пріѣхалъ. Велико было его нетерпѣніе ви-дѣть Фредерику, а между тѣмъ приходилось ждать до утра; но услыхавъ отъ содержателя гостинницы, что обѣ сестры только-что вернулись домой и «ждутъ кого-то,» онъ не выдержалъ, ревность заговорила въ немъ, и онъ поспѣшно направился къ па-сторскому дому несмотря на то, что было уже поздно. Очень изумился онъ, увидавъ, что его приходъ не былъ неожиданностью, и еще болѣе изумился, когда услышалъ, какъ Фредерика прогово-рила шопотомъ: «развѣ я не правду говорила? Онъ здѣсь!» Ея любящее сердце предсказало ей его пріѣздъ.

Слѣдующій день былъ воскресный и пасторская семья ждала къ себѣ много гостей. Рано поутру Фредерика предложила Гете

идти съ ней гулять, между тѣмъ какъ мать ея и сестра остались дома и занялись разными приготовленіями для приѣма гостей. Какъ разсказать, что теперь происходило между влюбленной четой, какъ передать тѣ бездѣльныя мелочи, которыми наслаждается юная страсть. Они говорили объ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ этотъ день, условливались, какъ устроить, чтобъ все время быть вмѣстѣ, учили другъ друга разнымъ играмъ, и среди этой невинной болтовни какъ ясно, какъ свѣтло улыбалась любовь! Наконецъ звонъ колокола напомнилъ имъ, что уже пора кончить прогулку, и они отправились въ церковь.

Не очень внимательно слушали они проповѣдь достойнаго пастора: сердца ихъ были полны благоговѣйнаго чувства, но только не того, которое располагаетъ къ набожности. Онъ былъ весь погруженъ въ мысли объ очаровательныхъ качествахъ своей возлюбленной, и когда его взоръ останавливался на ея розовыхъ губкахъ, въ памяти его воскресалъ послѣдній поцѣлуй, — ему слышалось проклятіе раздраженной француженки и наводило на него суевѣрный страхъ.

Играли въ фанты, а поцѣлуй въ этой игрѣ, какъ извѣстно, играютъ весьма важную роль; но проклятія францужанки все время не выходили у Гете изъ головы, ему часто приходилось призывать къ себѣ на помощь все присутствіе ума, чтобъ избѣжать искушенія, и это было тѣмъ труднѣе, что многіе изъ гостей, замѣтивъ, что онъ и Фредерика не равнодушны другъ къ другу, изъ забавы, всячески старались устроить такъ, чтобъ имъ приходилось цѣловаться. Фредерика какъ-бы инстинктомъ поняла его и помогала его находчивости. Но среди танцевъ и игръ наступила наконецъ минута, когда все было забыто, минута полного увлеченія, когда забытъ былъ суевѣрный страхъ, горячія уста прижмули къ его устамъ и онъ почувствовалъ «поцѣлуй, длинный, длинный поцѣлуй любви и красоты».

На этотъ разъ Гете оставилъ Зезенгеймъ если не какъ женихъ, то по крайней мѣрѣ какъ счастливый претендентъ. Такъ повидимому смотрѣли на него и пасторская семья, и знакомые. Если не было формальной помолвки, то, по всей вѣроятности, потому только, что онъ былъ еще слишкомъ молодъ, и притомъ предварительно нужно было спросить согласіе отца. Его муза

предъ этимъ такъ долго безмолвствовавшая, теперь опять вдохновилась, и многими изъ стихотвореній, вошедшихъ въ собраніе его произведеній ¹⁾, мы обязаны Фредерикъ.

Цѣлью пребыванія Гете въ Страсбургъ было полученіе степени доктора юридическихъ наукъ, и онъ началъ уже писать диссертацию, какъ вдругъ приключилась первая поѣздка въ Зезенгеймъ, а потомъ Шекспиръ, Оссіанъ, Фаустъ, Гетцъ, а болѣе всего Фредерика, разрушили его планы и, слѣдуя совѣту друзей, онъ рѣшился вмѣсто диссертации ограничиться нѣсколькими тезисами для диспута. Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ и требовалъ, чтобъ непремѣнно была написана, какъ слѣдуетъ, полная диссертация. Нечего дѣлать, надо было исполнить желаніе отца, и Гете выбралъ для диссертации слѣдующую тему: законодатель имѣетъ право и обязанность установить опредѣленный религіозный культъ, обязательный какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ. Тему эту онъ доказывалъ историческими и философскими аргументами. Диссертация была написана по-латыни. Отецъ былъ весьма ею доволенъ, но деканъ факультета не принялъ ее, потому ли, что она была слишкомъ парадоксальна, или потому, что не была достаточно учена, и вмѣсто защиты диссертации дозволилъ Гете выбрать тезисы для диспута. Диспутъ состоялся 6 августа 1771 г. Въ числѣ оппонентовъ Гете былъ Францъ Лерзе и нападалъ на него жестоко. Гете былъ признанъ докторомъ ²⁾, и все это закончилось веселымъ студенческимъ банкетомъ.

Для поѣздокъ въ Зезенгеймъ не было у него досуга во время дѣятельныхъ его приготовленій къ докторскому диспуту, но онъ не былъ все это время совершенно разлученъ отъ Фредерики: пасторша Бріонъ съ обѣими дочерьми пріѣзжала въ это время въ Страсбургъ въ гости къ одному своему богатому родственнику. Съ

¹⁾ Полное собраніе относящихся къ этому эпизоду произведеній Гете можно найти въ *Sesenheimer Liederbuch* и въ сочиненіи Вигофа: *Goethe's Erbkultert*.

²⁾ Относительно этого пункта существуетъ нѣкоторая сбивчивость. Изъ писемъ Гете къ Зальцману слѣдуетъ заключить, повидимому, что онъ въ то время получилъ не степень доктора, а только степень лиценціата. Что онъ имѣлъ докторскую степень, это несомнѣнно, но когда именно онъ получилъ ее, съ достовѣрностью неизвѣстно.

этимъ родственникомъ Гете еще до этого былъ знакомъ и потому часто имѣлъ случай видѣться съ своей возлюбленной. Пасторскія дочки пріѣхали въ своихъ эльзасскихъ костюмахъ, а между тѣмъ ихъ городскія кузины и знакомые ходили во французскихъ платьяхъ. Это обстоятельство видимо огорчало и тяготило Оливію, которая какъ будто чувствовала себя униженной чрезъ это предъ своими подругами, и это было въ ней такъ замѣтно, что Гете даже становилось стыдно за нее. Не такъ держала себя Фредерика. Хотя ей также было неловко въ этомъ обществѣ, но она болѣе владела собой, чѣмъ сестра, и была совершенно счастлива, когда Гете былъ подлѣ нея. Тутъ въ автобіографіи встрѣчается весьма многозначительная фраза, — Гете говоритъ, что это посѣщеніе Страсбурга пасторскимъ семействомъ было для него «страннымъ испытаніемъ» (eine sonderbare Prüfung). И дѣйствительно, не могло это не быть испытаніемъ, если мы примемъ во вниманіе, что влюбленные принадлежали къ совершенно различнымъ сферамъ. Онъ былъ сынъ именитаго франкфуртскаго гражданина и, слѣдовательно, по общественному своему положенію стоялъ далеко выше бѣдной пасторской дочки. Неравенство въ общественномъ положеніи между этой четой было столь велико, что многіе утверждали даже, что именно по этой причинѣ бракъ Гете съ Фредерикой былъ совершенно невозможенъ, что «отецъ его никогда не захотѣлъ бы и слышать о подобномъ бракѣ.» Конечно, любовь не справляется съ общественными положеніями, не заботится о томъ, «что скажетъ свѣтъ», но со всѣмъ иное происходитъ съ ней, когда дѣло доходитъ до брака. Въ порывѣ страсти какой-нибудь принцъ будетъ слѣпо ухаживать за крестьянкой, но, какъ только на его любовь отвѣтитъ любовью, — разсудокъ вступитъ въ свои права и начнетъ разсуждать, какъ другіе люди посмотрятъ на предметъ этой страсти. Люди обыкновенно бываютъ весьма чувствительны къ мнѣнію другихъ объ ихъ возлюбленныхъ, объ ихъ женахъ, и, дѣйствительно, не могло это не быть испытаніемъ для любви Гете, — видѣть Фредерику и ея сестру среди Страсбургскаго общества. Въ Зезенгеймскихъ рощахъ Фредерика была нимфа, но въ Страсбургскихъ салонахъ эта нимфа становилась просто крестьянкой. Перемена обстановки можетъ разрушить всю очаровательность предмета страсти, — кому не случалось переживать подобныя разочарованія?

Однажды вечеромъ Фредерика вздумала воспользоваться своей властью надъ возлюбленнымъ и заставила его занять общество чтеніемъ въ слухъ Гамлета. Гете исполнилъ это къ большому удовольствію всѣхъ, и въ особенности Фредерики, которая во время чтенія «по временамъ глубоко вздыхала и на щекахъ ея вспыхивалъ яркій румянецъ.» Не думала ли она въ это время о бѣдной Офеліи, о ея разбитомъ счастьи? «Вѣрь, поступки Гамлета, его любезности — не болѣе какъ дѣло приличія или игра крови.» Можетъ быть она въ это время уже предчувствовала свою судьбу. Впрочемъ это не помѣшало ей быть весьма неравнодушной къ похваламъ своему любезному и «она не могла воздержаться, чтобъ со свойственной ей милой простотой не выказать удовольствія блеснуть предметомъ своей любви.»

Не подлежитъ сомнѣнію, что и ему страсть къ Фредерикѣ внушала беспокойство. «Какъ счастливъ тотъ,—писалъ онъ,—у кого сердце легко и свободно. Мужество побуждаетъ насъ идти на встрѣчу трудностямъ и опасностямъ, и великія радости достаются не иначе, какъ цѣной великихъ усилій. И это едвали не самый сильный аргументъ противъ любви. Говорять, любовь дѣлаетъ мужественнымъ. Никогда! Сердце, когда оно любитъ,—слабо: какъ тревожно бьется тогда оно въ вашей груди, слезы выступаютъ на глазахъ и вы плачете съ невыразимымъ наслажденіемъ, — о! тогда ваше сердце такъ слабо, что вы дѣлаетесь бессильны даже противъ цѣпи изъ цвѣтовъ, и не потому, чтобъ какая-либо чарующая сила дѣлала эту цѣпь крѣпкой, а потому что у васъ нѣтъ воли ее разорвать.»

Эпизодъ о Гамлетѣ вводитъ насъ въ общество, въ которомъ Гете искалъ разсѣянія по отъѣздѣ Фредерики изъ Страсбурга. Онъ признается, что когда она уѣхала, то у него какъ будто камень спалъ съ сердца. Разставаясь, она сама чувствовала, что романъ ея уже близокъ къ концу. Гете теперь съ жадностью предавался всякаго рода развлеченіямъ, стараясь заглушить тяжелыя для него мысли. «Какъ будто все мое существо танцуетъ, — писалъ онъ Зальцману, описывая, какъ въ танцахъ искалъ онъ разсѣянія своей грусти, — но могу ли я сказать, что я счастливъ! «Кто можетъ сказать про себя, что не можетъ быть несчастливъ»? говоритъ Эдгаръ (въ Лирѣ). И это уже есть нѣкоторое утѣшеніе.

Сердце мое походитъ теперь на флюгеръ при сильныхъ переменныхъ порывахъ вѣтра предъ бурей.» Нѣсколько дней спустя онъ писалъ: «Все такъ неясно въ моей душѣ. Я удивляюсь самъ себя, какъ я не чувствую, что гоняюсь за призраками. Но все-таки.... Завтра въ семь часовъ на коня и прощайте!»

Не въ однихъ развлеченияхъ искалъ онъ забвенія своему горю. Онъ старался серьезными занятіями разсѣять тревожившія его мысли, и въ этомъ отношеніи большое вліяніе имѣла на него дружба съ Ленцомъ.

Рейнгольдъ Ленцъ былъ поэтъ и фанатическій поклонникъ Шекспира. Произведенія его теперь безвозвратно забыты и попытка Группе возстановить ихъ репутацію не имѣла успѣха; но тѣмъ неменѣе они не лишены интереса для желающаго ближе познакомиться съ нѣмецкой литературой въ этотъ такъ-называемый *Sturm und Drang Period*. Ленцъ пріѣхалъ въ Страсбургъ въ 1770 г., не задолго до Гете, въ качествѣ воспитателя двухъ молодыхъ дворянъ. Черезъ своихъ питомцевъ познакомился онъ съ высшимъ страсбургскимъ обществомъ, а чрезъ Зальцмана — съ кружкомъ, собиравшимся въ клубъ, о которомъ мы упоминали выше. Хотя литературная дѣятельность его началась переводомъ сочиненія Попа *Essay on Criticism*, но онъ былъ самымъ ярымъ поклонникомъ Шекспира. Онъ, Гете и еще нѣкоторые другіе почитатели Шекспира образовали кружокъ, для котораго Шекспиръ былъ то же, что библія для теолога. Въ этомъ кружкѣ считалось «достопаунымъ» подражать Шекспировскимъ клоунамъ, и здѣсь нерѣдко, среди серьезныхъ разсужденій о Шекспирѣ, выдѣлывались самыя странныя фарсы, которые были достойны шекспировскихъ дураковъ и «истекали изъ самаго безукоризненно-чистаго источника глупости». Трудно себя представить, какое громадное вліяніе имѣлъ въ то время Шекспиръ на юную Германію. Могучесть, глубина мысли, оригинальность, смѣлость языка, красота, паеосъ, остроуміе, юморъ, наблюдательность, глубокий анализъ страстей и характеровъ,—всѣ эти качества не затемнялись для Германіи никакой фальшивой критикой, никакими національными предубѣжденіями. Не такъ было во Франціи. Тамъ

¹⁾ Группе: *Reinhold Lenz, Leben und Werke*, 1861.

существовали твердо установившіяся формы искусства, составлявшія національную гордость, и твердо установившіяся правила критики, которымъ неуклонно подчинялся вкусъ; поэтому хотя въ глазахъ французовъ Шекспиръ и былъ колоссаленъ, размѣровъ сверхчеловѣческихъ, но онъ былъ для нихъ Циклопъ, чудовище. У Шекспира много такого, что не могло не оскорблять французскій вкусъ, хотя даже и тѣ, которыхъ вкусъ наиболѣе оскорблялся, восторгались, по ихъ выраженію, жемчужинами, скрывавшимися подъ кучей навоза. Германія видѣла только однѣ жемчужины, — для нея не существовало навоза въ произведеніяхъ Шекспира. Лессингъ въ то время безпощадно осмѣивалъ французовъ, нѣмецкая критика противопоставляла Шекспира французской трагедіи и провозглашала послѣднюю ниже всякаго сравненія, однимъ словомъ Шекспиръ былъ въ то время для Германіи знаменемъ, съ которымъ она выступила на борьбу противъ французовъ. Притомъ надо замѣтить, что вліянію Шекспира на Германію содѣйствовало много и тогдашнее состояніе германской литературы.

У Отто Жана напечатана рѣчь, читанная Гете въ одномъ изъ собраній помянутаго страсбургскаго кружка. Эта рѣчь можетъ служить для насъ образчикомъ того энтузіазма, съ какимъ въ то время Германія изучала Шекспира, и притомъ она близко знакомитъ насъ съ умственнымъ развитіемъ двадцати-однолѣтняго оратора.

РѢЧЬ О ШЕКСПИРѢ.

«По моему мнѣнію, самое благороднѣйшее изъ нашихъ чувствъ есть надежда жить и послѣ того, какъ по волѣ судьбы насъ постигаетъ, повидимому, общій удѣлъ небытія. Эта жизнь, милостивые государи, слишкомъ кратковременна для нашей души; доказательствомъ этому служитъ то, что каждый человекъ, какъ самый малый, такъ и самый великій, какъ самый неспособный, такъ и самый достойнѣйшій, скорѣе утомляется чѣмъ хотите, но только не жизнью, — и ни одинъ не достигаетъ своей цѣли, къ которой такъ пламенно стремится, — даже тотъ, которому счастливится на жизненномъ пути, кончаётъ тѣмъ, что, часто даже въ виду желанной цѣли, нисходитъ въ могилу, Богъ знаетъ кѣмъ

для него вырытую, и становится ничто. Мое Я — ничто, это я, которое для меня есть все, потому что все, что я ни знаю, я знаю только чрезъ это Я!—такъ восклицаетъ каждый, обладающій самосознаніемъ, и большими шагами совершаетъ свой жизненный путь, какъ приготовленіе къ высшей безконечной жизни. Конечно, у каждого свой шагъ. Одинъ движется медленнымъ, тяжелымъ шагомъ, а другой какъ будто въ семи-мильных сапогахъ и въ два шага совершаетъ путь, для прохожденія котораго первому нуженъ цѣлый день. Пусть себѣ идетъ впередъ тотъ, у кого семи-мильные сапоги: мы съ восторгомъ и уваженіемъ созерцаемъ его исполинскіе шаги, идемъ по его слѣдамъ и его шаги измѣряемъ своими; но тѣмъ неменѣе хотя и медленно подвигающійся, но трудолюбивый путникъ есть нашъ другъ и нашъ товарищъ.

Итакъ, въ путь, милостивые государи! Созерцаніе хотя одного путника, совершающаго подобный путь, болѣе воспламеняетъ и возвышаетъ наши души, чѣмъ глазенье на тысяченогіе царскіе cortege. Сегодня мы воздаемъ честь памяти великаго путника, и чрезъ это воздаемъ честь самимъ себѣ. Кто способенъ цѣнить достоинства, тотъ самъ въ себѣ носитъ зародышъ этихъ достоинствъ.

«Не ожидайте, чтобъ я высказалъ многое и высказалъ въ порядкѣ: душевное спокойствіе не есть праздничная одежда, — при томъ я въ настоящее время еще и мало изучилъ Шекспира, кое-что я прозрѣлъ, кое-что я почувствовалъ, вотъ и все, чего пока я достигъ. Какъ только я прочиталъ одну страницу, я сдѣлался его на всю жизнь, а когда я прочелъ цѣлое произведеніе, то я былъ какъ будто слѣпорожденный, котораго чудодѣйственная дещница въ одно мгновеніе сдѣлала зрячимъ: я увидалъ, я почувствовалъ, что мое существованіе безконечно расширилось, предомной все было ново, мнѣ неизвѣстно, и моимъ глазамъ становилось больно отъ необыкновеннаго свѣта. Мало-по-малу я научился смотрѣть при этомъ свѣтѣ и, благодаря моей восприимчивости, живо чувствую, какъ много я приобрѣлъ. Я не колебался ни одной минуты отказаться отъ классической драмы. Единство мѣста стало для меня тюрьмой, единство дѣйствія и времени — тяжелыми оковами творчества; я выскочилъ на свѣжій воздухъ и впервые почувствовалъ, что у меня есть руки и ноги.

И теперь, когда я думаю о томъ, сколько зла надѣлала мнѣ эта классическая драма своей тюрьмой и сколько свободныхъ душъ до сихъ поръ держитъ она въ заточеніи, то во мнѣ разорвалось бы сердце, еслибъ я не объявилъ ей войны и не работалъ ежедневно надъ разрушеніемъ ея крѣпостей.

«Греческая драма, которую французы взяли себѣ въ образецъ, такова и по внутреннему, и по внѣшнему своему характеру, что скорѣе какой-нибудь маркизъ можетъ подражать Алкивиаду, чѣмъ Корнель—Софоклу. Сначала, какъ *intermezzo*, служеніе богамъ, потомъ государственное торжество, а далѣе, съ чистѣйшей простотой совершенства, народу предъявлялось какое-нибудь великое дѣяніе его отцевъ, — такая драма возбуждала въ душахъ глубокія и высокія чувства, потому что сама была глубока и высока, и въ какихъ душахъ! въ греческихъ! я не могу себѣ объяснить, что это значить: греческія души, но я чувствую, что это значить, и для краткости ссылаюсь на Гомера, Софокла, Эсхила: они научили меня это чувствовать.

«И теперь я спрошу: французикъ! къ чему тебѣ греческіе доспѣхи? они для тебя и велики, и тяжелы.

«Поэтому всѣ французскія трагедіи суть только пародіи на самихъ себя. Всѣ онѣ идутъ такъ правильно, разъ заведеннымъ порядкомъ, всѣ они такъ похожи одна на другую какъ башмаки; всѣ онѣ одинаковы скучны, особенно *in genere* въ четвертомъ актѣ, что, милостивые государи, вы къ сожалѣнію знаете по собственному опыту и мнѣ нѣтъ надобности на этомъ останавливаться.

«Кто первый вывелъ на сцену великія государственныя событія, я не знаю. Вотъ хорошій предметъ для любителя критическихъ изслѣдованій. Я сомнѣваюсь, чтобъ честь этого изобрѣтенія принадлежала Шекспиру, но во всякомъ случаѣ Шекспиръ возвелъ этотъ родъ драмы на такую великую высоту, которая до сихъ поръ есть самая высокая, до которой достигаютъ глаза только немногихъ, и трудно надѣяться, чтобъ кто-нибудь могъ увидѣть далѣе ея или стать выше ея. Шекспиръ, мой другъ! еслибъ ты жилъ среди насъ, я бы не могъ нигдѣ жить, какъ съ тобой; я бы охотно сдѣлался твоимъ Пиладомъ, еслибъ ты былъ Орестъ,—охотиѣ даже, чѣмъ высокочтимымъ первосвященникомъ Дельфійскаго храма.

«На этомъ я прерву мою рѣчь, господа,—продолженіе отложу до завтра, потому что я теперь въ такомъ настроеніи духа, что мои слова едвали могутъ быть для васъ въ такой же степени назидательны, въ какой они мною глубоко прочувствованы.

«Произведенія Шекспира суть великолѣпная корзина рѣдкостей, въ которой всемірная исторія движется предъ вашими глазами по невидимой нити времени. Въ его драмахъ нѣтъ завязки въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, — всѣ его драмы вертятся около сокровеннаго пункта (котораго до сихъ поръ еще не прозрѣлъ и не опредѣлилъ ни одинъ философъ), гдѣ особенность нашего я, претендуемая нами свобода воли, сталкивается съ необходимымъ ходомъ цѣлаго. Но наши глаза до такой степени затемнены испорченнымъ вкусомъ, что намъ надо почти новое твореніе, чтобъ вывести насъ изъ мрака.

«Всѣ французы и зараженные французами нѣмцы, даже Виландъ, выказали себя въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не очень лестнымъ для себя образомъ. Вольтеръ, сдѣлавшій своей профессіей поносить все великое, и здѣсь выказалъ себя истиннымъ Терситомъ. Еслибъ я былъ Улиссъ, то его спина почувствовала бы на себѣ тяжесть моего скиптра. Большая часть этихъ господъ возстаютъ особенно противъ характеровъ Шекспира, а я говорю: Природа! Природа! ничто такъ не вѣрно природѣ, какъ люди Шекспира.

«Они всѣ у меня здѣсь на шеѣ. Дайте мнѣ воздуху, чтобъ я могъ говорить! Онъ соперничалъ съ Прометеемъ, точъ въ точъ по немъ создавалъ онъ своихъ людей, только въ колоссальныхъ размѣрахъ,—вотъ почему мы и не узнаемъ въ нихъ нашихъ братьевъ; онъ вдохнулъ въ этихъ людей свой духъ, самъ говоритъ чрезъ нихъ и потому они всѣ родные между собой.

«И въ состояніи ли нашъ вѣкъ судить о вѣрности природѣ? Гдѣ могли мы познать природу, когда мы съ юности и самихъ себя чувствуемъ и другихъ видимъ зашнурованными, изукрашенными? Мнѣ часто становится стыдно предъ Шекспиромъ, — часто случается, что въ первую минуту мнѣ приходитъ въ голову мысль: вотъ это я бы сдѣлалъ иначе, но потомъ я вижу, что грѣшу предъ Шекспиромъ, что въ Шекспирѣ говоритъ сама природа,

что мои люди были бы не болѣе, какъ мыльные пузыри, раздутые романтическими бреднями.

«Теперь перейду къ заключенію, хотя собственно я еще и не начиналъ. Сказанное философами о мірѣ примѣнимо и къ Шекспиру: то, что мы называемъ зломъ, есть только другая сторона добра, которая столь же необходима для его существованія и для цѣлаго, какъ необходима зона torrida и холодная Лапландія, чтобъ существовалъ умѣренный поясъ: Шекспиръ ведетъ насъ чрезъ весь міръ, а мы, изнѣженные и неопытные, при видѣ каждаго неизвѣстнаго намъ насѣкомаго, кричимъ: онъ хочетъ насъ пожрать.

«Впередъ, милостивые государи! Пробудимъ всѣ благородныя души изъ Элизіума такъ-называемаго хорошаго вкуса, которыя, дремли въ скучномъ полумракѣ, полу-существуютъ и полунесуществуютъ, со страстями въ сердцѣ, но безъ мозга въ костяхъ. — и потому, что еще не утомились покоемъ и слишкомъ лѣнивы, чтобъ дѣйствовать, живутъ призраками, шатаясь и зѣвая среди миртъ и лавровъ.»

Въ этой рѣчи слышится голосъ юноши, который написалъ Геца. Надо, чтобъ читатель припомнилъ, что въ автобіографіи говорится о Шекспирѣ, и тогда онъ вполне оцѣнитъ справедливость замѣчанія, что топъ автобіографіи невѣренъ дѣйствительности. Приведенная нами рѣчь по своему тону совершенно соотвѣтствуетъ *Sturm und Drang Periode* (періодъ бури и вихря), который впоследствии сдѣлался въ глазахъ Гете столь достоенъ осужденія. Совершенно иначе вліялъ Шекспиръ на Шиллера, какъ это можно судить по слѣдующимъ словамъ: «Когда я еще въ возрастѣ очень юномъ въ первый разъ познакомился съ этимъ поэтомъ, меня возмущала его холодность, нечувствительность, позволявшій ему отпускать разныя шутки среди самаго высокаго паѳоса. Знакомство съ новѣйшими поэтами сбило меня съ истиннаго пути. Въ поэтическихъ произведеніяхъ я прежде всего искалъ самаго поэта, его собственное сердце, хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ со-обща поразмыслить о предметѣ его творчества, однимъ словомъ хотѣлъ вмѣстѣ созерцать и объектъ и субъектъ, и произведенія Шекспира были для меня невыносимы, потому что я въ нихъ нигдѣ не находилъ самаго поэта, потому что самъ поэтъ въ нихъ нигдѣ не говорилъ со мной. Даже и впоследствии, когда я уже отно-

сился къ нему съ полнымъ уваженіемъ и серьезно изучалъ его, много лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ я научился любить его самаго. Я еще былъ неспособенъ понимать природу изъ первыхъ рукъ.»

Понятно, что энтузіазмъ къ Шекспиру долженъ былъ возбуждать въ Гете стремленіе къ драматическому творчеству, и въ его страсбургской записной книжкѣ, кромѣ подготовки «Геца» и «Фауста», мы находимъ также начало драмы «Юлій Цезарь».

Изъ числа многообразныхъ вліяній, среди которыхъ совершалось развитіе Гете во время пребыванія его въ Страсбургѣ, наиболѣе рѣзко выдаются и наиболѣе важны по своимъ послѣдствіямъ три: Фредерика, Гердеръ и Соборъ. Прелестная женщина, глубокій мыслитель и великолѣпное произведеніе архитектуры были его руководителями въ области любви, поэзіи и искусства. Вліяніе Гердера было продолжительпо, вліяніе же Страсбургскаго собора скоро уступило мѣсто другимъ впечатлѣніямъ, но тѣмъ неменѣе оно было одно время такъ сильно, что Гете написалъ даже небольшой трактатъ «о нѣмецкой архитектурѣ *D. M. Ervini à Steinbach*». Энтузіазмъ, которымъ проникнуть этотъ трактатъ, сдѣлался въ послѣдствіи столь ему чуждъ, что только съ большимъ трудомъ могли уговорить его помѣстить трактатъ въ собраніи своихъ сочиненій. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ, какъ и многіе другіе, сколь разлченъ юноша отъ ребенка и отъ зрѣлаго человека.

Слѣдующій анекдотъ покажетъ намъ, какъ глубоко понималъ онъ въ то время готическую архитектуру. Однажды въ компаніи съ нѣкоторыми друзьями любовался онъ на Страсбургскій соборъ, какъ одинъ изъ компаніи замѣтилъ: «какъ жаль, что это зданіе осталось неконченнымъ, и окончена только одна башня.» — «Жаль также, — сказалъ Гете, — что и эта башня даже не кончена: четыре выступа наверху кончаются слишкомъ обрывисто: тутъ должны быть четыре легкіе шпица, а самый высокій изъ нихъ въ срединѣ, гдѣ теперь этотъ неуклюжій крестъ.» — «Кто вамъ сказалъ это?» — спросилъ его одинъ изъ присутствовавшихъ. — «Сама башня — отвѣчалъ Гете; — я такъ долго, такъ внимательно и съ такой любовью смотрѣлъ на нее, что она, наконецъ, раскрыла мнѣ свою тайну.» Тогда обратившійся къ нему съ вопросомъ со-

общилъ ему, что башня сказала ему правду, и въ подтвержденіе предложилъ показать первоначальный планъ собора, который хранится въ архивахъ.

Здѣсь, полагаю, нелишнимъ будетъ замѣтить, что Гете одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ красоту готическаго стиля въ то время, какъ повсюду безраздѣльно господствовалъ классическій, или псевдоклассическій вкусъ. Онъ, какъ кажется, находился въ дружественной перепискѣ съ Сульпиціемъ Буассере, который составилъ планъ восстановления Кельнскаго собора, и, безъ сомнѣнія, многому отъ него научился. Какъ видно изъ *Wahlverwandschaften*, у него былъ цѣлый портфель рисунковъ, объясняющихъ правила готической архитектуры,—замѣтимъ, что это было въ 1804 г., когда едва ли кто думалъ о готическомъ искусствѣ, то есть задолго до того времени, когда Викторъ Гюго написалъ *Notre-Dame de Paris* и когда Пугинъ и Рускинъ съ такой страстной энергіи принялись за его возрожденіе.

Наступило наконецъ время, когда Гете долженъ былъ оставить Страсбургъ, оставить Фредерику. Хотя еще такъ недавно ея присутствіе въ Страсбургѣ тяготило его, но тѣмъ неменѣе въ ея отсутствіе онъ только и думалъ о ней. Онъ не переставалъ ее любить, хотя и сознавалъ уже, что она никогда не будетъ ему принадлежать. Предъ отъѣздомъ изъ Страсбурга онъ ѣздилъ къ ней прощаться. «Помню только, что это были мучительные дни,—пишетъ онъ,—но объ этихъ дняхъ ничего болѣе не сохранилось въ моей памяти. Когда я протянулъ ей руку, уже сидя на лошади, глаза ея были полны слезъ и мнѣ было очень тяжело. Направился я по тропинкѣ къ Друзенгейму и тутъ представилось мнѣ весьма странное видѣніе. Я видѣлъ не тѣлесными глазами, но глазами духа, что я самъ, по этой же дорогѣ, ѣду верхомъ себѣ на встрѣчу, и въ такомъ одѣяніи, какого я никогда не носилъ,—сѣрое съ золотомъ. Я очнулся и видѣніе исчезло. Странно однако, что, восемь лѣтъ спустя, по этой самой дорогѣ, въ такомъ именно платьѣ, которое я тогда надѣлъ не нарочно, а по совершенно неожиданному случаю, ѣхалъ я еще разъ посѣтить Фредерику.» Читатель, вѣроятно, отнесется къ этому разсказу нѣсколько скептически и охотно остановится на томъ предположеніи,

что это пророческое видѣніе было уже позднѣе предпослано во-
ображеніемъ поэта дѣйствительно совершившемуся факту. ¹⁾

Итакъ, прощай Фредерика, свѣтлое, чудное видѣніе юноши
поэта! Мы любимъ тебя, жалѣемъ, — мы думаемъ, что иначе бы
поступили съ тобой. Зезенгеймъ для насъ сталъ тоже, что Вок-
люзъ, и путешественники здѣсь также записываютъ тщательно
четко свои имена въ альбомъ посѣтителей, чтобъ засвидѣтельство-
вать объ одушевляющихъ ихъ чувствахъ. Не безъ душевнаго вол-
ненія читаемъ мы подобные рассказы, какъ рассказъ филолога
Нэка, который совершилъ въ 1822 г. первое пилигримство
въ Зезенгеймъ ²⁾. Погруженный въ мысли объ очаровательной
Фредерикѣ (а также отчасти и о своей собственной Фредерикѣ),
почтенный филологъ тщательно осмотрѣлъ всѣ дорожки, задумчиво
пообѣдалъ въ Зезенгеймской гостинницѣ (не безъ того впрочемъ,
чтобъ его задумчивость не прерывалась отчасти мыслью, что мо-
жетъ быть ему подадутъ такой большой счетъ, какого онъ и не
ожидаетъ), пилъ кофе съ пресмникомъ пастора Бріона, и съ чув-
ствительностью, которая особенно трогательна въ ученомъ фило-
логѣ, отломилъ вѣтку отъ жасмина, выращеннаго бѣлыми ручка-
ми Фредерики, и положилъ эту вѣтку на память въ свой портфель.

¹⁾ Въ корреспонденціи Гете съ г-жею фонъ-Штейнъ есть письмо Гете,
писанное имъ день или два послѣ этого посвященія Фредерики, но тамъ объ
этомъ странномъ случаѣ ничего не говорится.

²⁾ *Die Wallfahrt nach Sessenheim.*

Дьюисъ. Жизнь Гете. Ч. I.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1771 — 1775.

Es bildet ein Talent sich in der Stille,
Sich ein Charakter in dem Strom der Welt.

[Талантъ образуется въ тиши, характеръ—въ шумѣ свѣта.

Trunken müssen wir alle sein:
Jugend ist Trunkenheit ohne Wein.

[Мы всѣ бываемъ пьяны; юность есть опьяненіе безъ вина].

They say best men are moulded out of faults,
And, for the most, become much more the better
For being a little bad. — *Shakespeare*.

[Говорятъ, что лучшіе люди формируются изъ недостатковъ, и по большей части бываютъ тѣмъ лучше, чѣмъ прежде были не совсѣмъ хороши]. — *Шекспиръ*.

ГЛАВА I.

Возвращеніе домой доктора Гете.

25 или 28 августа Гете оставилъ Страсбургъ. Дорога ему лежала чрезъ Мангеймъ. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ онъ гипсовые слѣпки нѣкоторыхъ произведеній древности, и какъ ни было въ немъ сильно въ то время пристрастіе къ готическому искусству, его поразила ихъ красота, — увидя ихъ, онъ почувствовалъ, что и древнее искусство также въ своемъ родѣ божественно. Особенно привлекла его вниманіе группа Лаокоона, напомнившая ему произведеніе Лессинга.

По дорогѣ въ Майнцъ ему встрѣтился бѣдный, оборванный странствующій мальчикъ-музыкантъ. Онъ пригласилъ его во Франкфуртъ, обѣщалъ квартиру въ домѣ отца и хорошій сборъ на ярмаркѣ. Къ счастью, онъ увѣдомилъ мать объ этомъ приглашеніи, и та успѣла исправить его опрометчивость, которая неминуемо повела бы къ непріятностямъ съ отцомъ, — она пріискала для неожиданнаго гостя помѣщеніе гдѣ-то внѣ своего дома, и бѣдный музыкантъ не имѣлъ недостатка ни въ кровѣ, ни въ покровительствѣ.

Не мало гордился отецъ юнымъ докторомъ, но и не мало также его тревожило поведеніе юнаго доктора, который нерѣдко въ обществѣ приводилъ всѣхъ въ смущеніе крайней рѣзкостью своихъ сужденій, причемъ почтенный старикъ только покачивалъ

головой. Докторская степенность не была качеством юнаго героя Sturm und Drang. Тогда приближалось уже время, когда революціонное движеніе, извѣстное подъ названіемъ Sturm und Drang, т. е. буря и вихрь, должно было изумить Германію и ниспровергнуть всѣ существующія правила подобными произведеніями, какъ Уголино Герстенберга, Гецъ фонъ-Берлихнигенъ Гете, Буря и вихрь (Sturm und Drang) Клингера (послѣднее произведеніе и дало названіе революціонному движенію). Вся мудрость и все безразсудство того вѣка слились въ одинъ потокъ. Мастерская критика Лессинга, энтузіазмъ къ Шекспиру, манія къ Оссіану и сѣверной мифологіи, возрожденіе литературы балладъ, подражаніе Руссо—все это однимъ бурнымъ потокомъ устремилось на старые авторитеты. Общимъ лозунгомъ стала природа. Юная Германія того времени видѣла природу только въ волканахъ и лунномъ свѣтѣ, для нея вся сила природы заключалась во взрывахъ, вся красота—въ чувствительности. Возставать противъ существующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ быть сентиментальнымъ, взрывъ страстей и вмѣстѣ плаксивость, считались въ то время истиннымъ признакомъ геніальности. Все существующее было глупо. Геній долженъ былъ ненавидѣть все глупое, долженъ былъ и говорить, и писать, и вести себя не по правиламъ. Быть истиннымъ нѣмцемъ значило быть безпорядочнымъ, грубымъ, естественнымъ. Безпорядочность и грубость, эти качества имѣла тогдашняя юная Германія, но мы сомнѣваемся признать за ней естественность, если только возьмемъ у природы для сравненія сколько нибудь достойные типы.

На страницахъ автобіографіи нелегко разглядѣть того Гете, который былъ руководителемъ Sturm und Drang, но мы имѣемъ на это другіе источники. Такъ напр. письмо Майера (одинъ изъ страсбургскихъ товарищей) къ Зальцману говоритъ намъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ цѣлая глава автобіографіи. «O Corydon, Corydon quae te dementia cepit! По неизбѣжной цѣпи идей Corydon и dementia приводятъ мнѣ на мысль безобразнаго Гете. Во Франкфуртѣ онъ или нѣтъ?»

Отецъ, какъ извѣстно, былъ человекъ твердыхъ, строгихъ правилъ и отчасти формалистъ, — понятно, что не могъ онъ быть вполне доволенъ юношей, котораго даже товарищи называли медвѣдемъ и волкомъ; но тѣмъ неменѣе успѣхи сы-

на льстили отеческой гордости. Стихи, очерки, замѣтки, рисунки, накопившіеся у юнаго доктора во время пребыванія въ Страсбургѣ, доставляли отцу большое удовольствіе. Съ тщательной аккуратностью приводилъ старикъ въ порядокъ произведенія сына, надѣясь въ скоромъ времени увидѣть ихъ въ печати; но молодой поэтъ имѣлъ качество, едвали изъ всѣхъ качествъ не самое рѣдкое у молодыхъ писателей, — отсутствіе желанія печататься. Мы знаемъ, съ какой лихорадочной поспѣшностью молодые писатели обыкновенно уступаютъ «желанію друзей», которое въ этихъ случаяхъ по большей части бываетъ весьма сомнительнаго свойства, и неустрашимо пускаются въ печать, съ какимъ упорствомъ держатся они всего, что ими написано, и хотятъ, чтобъ все, ими написанное, было непременно напечатано; между тѣмъ совершенно иное представляетъ намъ юноша Гете, и это особенность въ его характерѣ требуетъ объясненія. Насколько я могу судить по собственному опыту, ключъ къ объясненію этой характеристической особенности Гете заключается въ томъ, что главное для него наслажденіе состояло не въ результатѣ литературнаго творчества, а въ процессѣ, въ умственной работѣ, не въ произведеніи, а въ самомъ процессѣ производства. Съ окончаніемъ произведенія у него ослабѣвалъ интересъ къ нему и онъ переходилъ къ другому, а когда случалось, что произведеніе утрачивало интересъ для него прежде, чѣмъ успѣвалъ его кончить, то онъ бросалъ его: вотъ почему мы находимъ у него столько неоконченныхъ произведеній. У него былъ небольшой кружокъ литературныхъ друзей, которымъ онъ читалъ свои произведенія, и эта степень публичности вполне удовлетворяла его. Такъ въ послѣдствіи, въ Веймарѣ, какъ мы увидимъ далѣе, онъ писалъ исключительно только для кружка друзей, нисколько не заботясь объ остальной публикѣ. Теперь ему необходима была работа, которая бы вполне поглотила его, потому что только въ такой работѣ могъ онъ найти успокоеніе отъ мучительныхъ мыслей, которыя возбуждало въ немъ воспоминаніе о Фредерикѣ и которыя доходили почти даже до угрызения совѣсти. Уже въ Страсбургѣ онъ чувствовалъ, что приближается къ концу этотъ сладостный романъ, а теперь, во Франкфуртѣ, окруженный родными, охваченный новыми, болѣе широкими стремленіями, онъ чувство-

валъ это еще сильнѣе. Онъ писалъ Фредерикѣ изъ Франкфурта. Къ несчастію письмо это затеряно; оно объяснило бы намъ многое, что теперь для насъ загадочно. «Отвѣтъ Фредерики на письмо, въ которомъ я съ ней прощался, — говоритъ онъ, — глубоко поразилъ мое сердце. Я чувствовалъ, что все въ этомъ отвѣтѣ, рука, умъ, чувство, его писавшіе, были мои, мнѣ принадлежали. Теперь только въ первый разъ я вполнѣ понялъ всю глубину ея горя, но не видѣлъ никакой возможности не только устранить горе, но даже и облегчить его. Мысль о ней не оставляла меня; я тосковалъ, чувствовалъ, что именно ея и не достаетъ мнѣ, — и что дѣлало для меня еще болѣе тяжелымъ мое положеніе, я сознавалъ, что самъ виноватъ въ своемъ несчастіи и не могъ себѣ простить этого. Гретхенъ у меня взяли, Анета меня оставила, а теперь я былъ самъ во всемъ виноватъ; тяжкую рану нанесъ я прекрасному, любящему сердцу, меня терзало мрачное раскаяніе, и, при отсутствіи укрѣпляющей любви, это раскаяніе было въ высшей степени мучительно, просто даже невыносимо. Но человекъ хочетъ жить, и я сталъ принимать дѣятельное участіе въ чужихъ дѣлахъ, старался другимъ помогать въ ихъ затрудненіяхъ, соединять то, что разъединялось, старался предупреждать, чтобъ и съ другими не случилось того же, что случилось со мной. Вслѣдствіе этого меня прозвали общимъ довѣреннымъ, и такъ какъ я въ это время постоянно шлялся съ мѣста на мѣсто, то прозвали также бродягой. Только подъ открытымъ небомъ, въ равнинахъ, горахъ, поляхъ и лѣсахъ находилъ я нѣкоторое успокоеніе для моей души. Я въ это время почти жилъ въ полѣ, постоянно странствовалъ по горамъ и равнинамъ. Часто случалось, что одинъ или въ компаніи съ кѣмъ-нибудь проходилъ я чрезъ родной городъ, но онъ былъ для меня какъ будто совершенно чужой, и, пообѣдавъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, я продолжалъ далѣе свой путь. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, принадлежалъ я теперь природѣ. Во время этихъ странствованій я пѣлъ какія-то дикіе гимны и дионрамбы. Одинъ изъ нихъ, *Wanderer's Sturmlied*, сохранился. Помню, какъ однажды застигла меня страшная буря и я страстно запѣлъ какую-то полубезсмысленную распосію. Главная мысль этой распосіи состояла въ томъ, что человекъ гениаль-

ный долженъ смѣло идти на встрѣчу буряѣ жизни, опираясь только на самого себя.»

Хотя мы и не знаемъ вполнѣ всѣхъ обстоятельствъ, которыя, собственно говоря, намъ необходимо было бы знать для сужденія о поступкѣ Гете по отношенію къ Фредерикѣ, мы не можемъ, однако, обойти вопросъ: почему онъ не женился на ней? Не одинъ разъ уже ставился этотъ вопросъ и обыкновенно получалъ рѣшеніе болѣе или менѣе софистическое. Одни съ негодованіемъ осуждали Гете, другіе неосновательно оправдывали, самъ же онъ сознавалъ себя виноватымъ, не приводилъ въ свою защиту никакихъ оправданій, не ссылаясь ни на неравенство общественнаго положенія, ни на препятствіе со стороны родителей, прямо признавалъ, что виноватъ, и порицалъ себя, не прибѣгая ни къ какимъ софистическимъ изворотамъ. Но хотя самъ Гете и не оправдывалъ себя, его приверженцы ревностно искали для него оправданій. Нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ усердіи зашли даже такъ далеко, что откопали скандальную сплетню, будто Фредерика была соблазнена какимъ-то католическимъ священникомъ, и выводили изъ этого то заключеніе, что не могъ же Гете жениться на подобной женщинѣ. Противники же возражали на это, что именно вѣроломство Гете и повлекло ее въ этотъ проступокъ.¹⁾ Фактическое основаніе такой клеветы на Фредерику (такъ какъ всякая ложь, даже самая дикая, обыкновенно имѣетъ какое-нибудь фактическое основаніе) состояло въ томъ, что Фредерика воспитывала осиротѣвшаго ребенка своей сестры Соломен.

Постараемся разсмотрѣть вопросъ, не прибѣгая ни къ какимъ софистическимъ изворотамъ, и разрѣшить его, насколько намъ это позволяетъ неполнота нашихъ свѣдѣній. Писатели, разсматривавшіе его, совершенно упускали изъ виду то весьма важное обстоятельство, что наше сужденіе въ этомъ случаѣ вводится въ заблужденіе художнической прелестью, въ которую поэтъ облекъ воспоминаніе о своей юности,—они не отдѣляли факта отъ фикціи, читая поэму забывали, что это—поэма, и принимали ее за голую,

¹⁾ Странно, однако, что Гете, хотя и читалъ рукопись Нака, въ которой между прочимъ рассказывается и эта исторія, нигдѣ ничего объ этомъ не говорить.

неподкрашенную дѣйствительность. Гете начертилъ образъ Фредерики такими очаровательными красками, разсказалъ съ такой прелестью, съ такой душевностью исторію ея невинной, юношеской любви, что читатель увлекается идилліей и потомъ остается крайне недоволенъ, когда эта идиллія, вопреки его ожиданію, не кончается бракомъ.

Но если мы обсудимъ вопросъ хладнокровно и отрѣшимся, насколько возможно, отъ всякихъ романическихъ иллюзій, то едва ли не должны мы придти къ тому заключенію, что все это было не болѣе какъ «une affaire d'amour» между мальчикомъ и дѣвочкой, временное влеченіе двухъ юношей, какъ это случается въ юношескіе годы, которое вовсе не было такъ глубоко, чтобъ доходить до серьезной мысли о бракѣ. Рѣдкій читатель и рѣдкая читательница не найдутъ нѣчто подобное въ воспоминаніи о своей собственной юности или въ разсказахъ своихъ друзей. Если взглянуть на эпизодъ Фредерики съ этой точки зрѣнія, тогда все становится совершенно ясно. Мальчикъ и дѣвочка чувствовали взаимное влеченіе, смотрѣли другъ другу въ глаза и были счастливы, вмѣстѣ гуляли, болтали, а когда наставала разлука, думали другъ о другѣ. О бракѣ же не было у нихъ и мысли, а если подобная мысль и могла иногда приходить имъ въ голову, то смутно, неопредѣленно, какъ нѣчто возможное, но весьма отдаленное, что могло и случиться, и не случиться. Мечтательная любовь юности ихъ совершенно удовлетворяла. Имъ тяжело было разстаться, и можетъ быть тѣмъ тяжеле, что они хотя и смутно, но предчувствовали близкое пробужденіе отъ сладкихъ грезъ. Молча, безъ всякихъ объясненій, какъ-бы инстинктивно они понимали, что ихъ любовь не увѣнчается бракомъ. Еслибъ въ это время кто-нибудь намекнулъ только Гете или Фредерикѣ, что ихъ страсть есть не болѣе какъ «волненіе молодой крови», а не вѣчный союзъ душъ, то, безъ сомнѣнія, они оба энергически отвергли бы подобное сужденіе, а между тѣмъ это было такъ. Гете скоро утѣшился, и Фредерика также скоро нашла себѣ утѣшеніе въ Ленцѣ, какъ это положительно извѣстно.

Такова, по моему мнѣнію, была въ дѣйствительности вся эта исторія между Гете и Фредерикой. Весьма понятно, что старикъ, воскрешая въ своей памяти очаровательныя грезы юности и спле-

тая свои юношескія похождения въ художественный разсказъ, очевидно полу-вымышленный, остановился на этомъ эпизодѣ съ особенной любовью, — съ нимъ случилось тоже, что обыкновенно бываетъ и со всѣми въ подобныхъ случаяхъ: воспоминаніе о юношеской любви возбудило въ немъ сладостное и вмѣстѣ горькое чувство, воображеніе его разыгралось и опоэтизировало далеко-прошедшее. Но идеализированный такимъ образомъ фактъ самъ по себѣ весьма простъ, вся эта опоэтизированная исторія есть исторія самая обыкновенная, — изъ ста студентовъ по крайней мѣрѣ девяносто могутъ вамъ разсказать, какъ они, въ послѣдніе годы студенческой жизни, обожали и не женились. Что Гете, при обыкновенной своей влюбчивости, одно время дѣйствительно любилъ Фредерику, это возможно; но несомнѣнно, что какъ бы ни были одно время сильны его чувства къ ней, эти чувства не были глубоки, — Фредерика не зацѣпила глубоко его души, между ними не было ни одной изъ тѣхъ связей, которыя отъ времени не слабѣютъ, а крѣпнутъ.

Какъ только уяснились для него отношенія его къ Фредерикѣ, онъ написалъ къ ней прощальное письмо. Разрывъ подобныхъ отношеній всегда бываетъ весьма тяжелъ. Притомъ Гете можетъ быть сознавалъ, что чувства къ нему Фредерики глубже, чѣмъ его чувства къ ней. Однако, какъ ни былъ тяжелъ для Фредерики этотъ разрывъ и какъ ни было сильно изліяніе горя въ ея отвѣтъ на прощальное письмо, мы видимъ, что у ней вскорѣ завязывается новое «*affaire d'amour*» съ поэтомъ Ленцомъ, и хотя эта любовная связь также кончилась разрывомъ, но она зашла дальше, чѣмъ связь съ Гете, и дошла до формальныхъ обѣтовъ. «Наша страсть росла быстро,—пишетъ Ленцъ къ одному другу;—мы оба можемъ сказать про себя, какъ Цезарь: *veni, vidi, vici*. Незамѣтно для насъ, безсознательно росла наша привязанность,—мы поклялись другъ другу и теперь ничто уже не можетъ насъ разъединить.» Когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Гете постигъ Фредерику, въ то время связь ея съ Ленцемъ давно уже кончилась, и она разсказывала Гете о любви Ленца, но при этомъ ни слова не сказала о томъ, что и сама его любила. Каждая женщина легко оцѣнитъ, какія побужденія могли заставить ее умолчать объ этомъ обстоятельствѣ. Впрочемъ, какъ ни темна эта исторія,

несомнѣнно, что, нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, Фредерика вѣрила любви Ленца и отвѣчала на его любовь. ¹⁾

Очистивъ такимъ образомъ дѣйствительный фактъ отъ его идеализации, намъ не трудно отвѣчать на сантиментальные возгласы о «вѣроломствѣ» Гете, о «жестокомъ поступкѣ» его съ Фредерикой, и для оправданія Гете намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какимъ-либо изворотамъ, какъ это нерѣдко дѣлали его приверженцы. Мы не станемъ утверждать, что, оставаясь вѣренъ Фредерикѣ, онъ поступилъ бы вѣроломно по отношенію къ своему генію, и что ужъ если приходилось выбирать одно изъ двухъ, то лучше пусть на свѣтѣ больше одной женщиной съ разбитымъ сердцемъ (чего вовсе не было), чѣмъ еслибъ жизненная опытность поэта должна была съузиться въ тѣсную рамку домашней жизни. Во всей этой исторіи его съ Фредерикой вовсе не можетъ быть и рѣчи о вѣроломствѣ. Мы можемъ жалѣть, что въ этомъ случаѣ его чувства были не настолько глубоки, чтобъ увѣнчаться бракомъ, можемъ упрекать его въ вѣтренности, съ какою онъ поощрялъ любовь молодой дѣвушки, но онъ былъ совершенно вправѣ отступить отъ нея, не жениться на ней, разъ сознавъ, что не настолько ее любить, чтобъ быть ея мужемъ. По моему мнѣнію, онъ поступилъ гораздо нравственнѣе отступая отъ Фредерикѣ, чѣмъ еслибъ женился на ней не любя, — чрезъ это онъ вовлекъ бы ее въ зло, еще худшее. Жениться такимъ образомъ не значило ли для избѣжанія одного вѣроломства совершить другое, еще болѣе тяжкое. Нерѣдко случается, что по легкомыслію юности или по неумѣнью сдерживать порывы своихъ страстей молодой человѣкъ опрометчиво вовлекается въ любовную связь. Формальная нравственность свѣта, который заботится болѣе о внѣшнемъ, чѣмъ о сущности, признаетъ въ подобныхъ случаяхъ требованіемъ чести не отступаться отъ разъ принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ женщинѣ, и требуетъ ихъ выполненія несмотря на то, что принявшій ихъ на себя вполне сознаетъ всю ихъ опрометчивость. Понимать такимъ образомъ тре-

¹⁾ Подробности этой исторіи можно найти у Грунне: *Reinhold Lenz, Leben und Werke*, 1861, p. 11 sq.

бованія нравственности значить жертвовать сущностью для внѣшности. Подчиниться такому пониманію значить въ угоду предразсудка принести въ жертву всю жизнь. Конечно, самага строгаго осужденія заслуживаетъ легкомысленность, съ какой юность нерѣдко вовлекается въ любовныя связи, но я говорю только, что если уже такой поступокъ совершенъ, то лучше отступить и перенести всю тяжесть разрыва, чѣмъ вступать въ нечестивый бракъ, который равно для обѣихъ сторонъ не можетъ повести ни къ чему хорошему.

Фредерика, повидимому, сама сознавала, что бракъ между ними невозможенъ,—ни разу не вырвалось у ней ни одного слова укора, и когда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Гете посѣтилъ ее, она его приняла съ большимъ радушіемъ. Конечно, это обстоятельство нисколько не оправдываетъ легкомыслія, съ какимъ Гете поддерживалъ расположеніе молодой дѣвушки. Въ этомъ отношеніи онъ бесспорно заслуживаетъ осужденія, но въ какой степени это осужденіе должно быть строго, пусть читатель рѣшаетъ самъ. Большая или меньшая строгость приговора въ этомъ случаѣ зависить отъ большаго или меньшаго значенія, какое судья признаетъ за облегчающими обстоятельствами, каковы: темпераментъ и общія всѣмъ намъ слабости нашей природы.

Итакъ, я признаю, что Гете былъ совершенно правъ въ томъ, что не женился на Фредерикѣ, но не потому правъ, какъ это утверждали нѣкоторые его приверженцы, что будто, оставаясь ей вѣренъ, онъ совершилъ бы вѣроломство по отношенію къ своему генію. Я не могу согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто женитьба на Фредерикѣ искажила бы его геній, съузивъ его жизненный опытъ. Онъ не женился потому, что недостаточно сильно любилъ,—вотъ въ чемъ все его оправданіе и оправданіе полное. Еслибъ онъ полюбилъ Фредерику настолько, чтобъ принадлежать ей всю жизнь, его знаніе женщинъ, конечно, было бы менѣе широко, но, безъ сомнѣнія, оно при этомъ пріобрѣло бы другое качество, котораго именно ему и не доставало,—оно стало бы глубже. Самоотверженную любовь женщины онъ хорошо зналъ и умѣлъ изображать лучше, чѣмъ кто-либо; но едвали онъ самъ когда испыталъ то чувство къ женщинѣ, которое соединяется съ пѣжной, бдительной заботливостью о благополучіи любимаго существа. Мало, и притомъ

только въ позднѣйшіе уже годы, испыталъ онъ то душевное состояніе, когда сердечное влеченіе къ женщинѣ безчисленными узами переплетается со всѣми потребностями жизни, когда жизнь такъ сказать насыщается любовью и сама любовь дѣлается особенно высокой и чистой чрезъ свое сращеніе съ серьезными цѣлями жизни. Ему мало было извѣстно то высокое общеніе двухъ душъ, которыя взаимно соревнуютъ въ самоусовершенствованіи, въ мудрости, въ чистотѣ стремленій,—онъ этого почти не зналъ, и въ его твореніяхъ, при всемъ ихъ величіи, чувствуется отсутствіе того поцѣлуя, который онъ утратилъ напечатлѣть на страстныхъ устахъ любящей его дѣвушки, отсутствіе того общенія двухъ душъ, отъ котораго онъ отступилъ, разорвавъ свою связь съ Фредерикой.

Неудивительно, что при такомъ душевномъ разстройствѣ, въ какомъ онъ находился первое время по разрывѣ съ Фредерикой, Франкфуртъ и судебныя дѣла были ему ненавистны. Только сильная работа могла ему помочь, такая работа, которая бы увлекла его, и онъ сильно работалъ. Изъ Гердеровоѣ корреспонденціи видно, что въ это время онъ съ большимъ рвеніемъ читалъ греческихъ авторовъ, такъ какъ его письма полны цитатами изъ Платона, Гомера, Пиндара. «Die Griechen sind mein einzig Studium», говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ. Кромѣ того онъ страстно работалъ въ это время надъ «Гецеми». Готическое искусство также занимало его. Отъ готическаго искусства онъ перешелъ къ библіи и снова принялся ее изучать. Результатомъ этого изученія были два небольшіе трактата, которые были напечатаны въ 1773 г. Одинъ изъ нихъ носитъ заглавіе: *Brief des Pastors zu *** an den neuen Pastor zu ****, а другой — *Zwei wichtige bisher unerörterte Fragen, zum ersten mal gründlich beantwortet von einem Landgeistlichen in Schwaben*. Религіозное чувство, которымъ проникнуты оба эти трактата, очевидно свидѣтельствуетъ о вліяніи дѣвицы фонъ-Клеттенбергъ; собственная же любящая природа автора сказала въ нихъ одушевляющимъ ихъ чувствомъ широкой терпимости.

Изъ числа друзей, которымъ Гете сообщалъ свои планы и идеи, мы должны упомянуть двухъ: Шлоссера, котораго мы уже видѣли въ Лейпцигѣ, и Мерка. Вліяніе Мерка было въ высшей

степени благодарительно. Въ своей автобіографіи Гете описываетъ характеръ этого замѣчательнаго человѣка, но надо замѣтить, что его описаніе даетъ неточное о немъ понятіе и требуетъ повѣрки другими данными; въ особенности легко можетъ ввести читателя въ заблужденіе прозваніе «Мефистофель-Меркъ», тогда какъ несомнѣнно, что, при всей своей наклонности къ сарказму, Меркъ былъ человѣкъ симпатичный, способный къ восторженности, — вліяніе его на Гете состояло въ томъ, что онъ поощрялъ, предостерегалъ своего друга.

Іоаннъ Генрихъ Меркъ родился въ Дармштадтѣ въ 1741 г. Онъ былъ сынъ аптекаря и возвышеніемъ своимъ изъ этого скромнаго состоянія былъ исключительно обязанъ своимъ способностямъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ занималъ въ Дармштадтѣ должность кригсрата и находился въ сношеніяхъ почти со всѣми главными знаменитостями дня, въ томъ числѣ и съ Гердеромъ, который высоко цѣнилъ его способности и весьма дорожилъ его дружбой. Какъ дорога была для Гердера дружба Мерка, можно заключить изъ того обстоятельства, что отношенія Мерка къ Гете возбуждали въ немъ ревность, — онъ боялся, чтобъ между нимъ и его другомъ не стало теперь третье лице, какъ это впоследствии дѣйствительно и случилось. Значеніе Мерка въ исторіи нѣмецкой литературы весьма значительно. Корреспонденція его свидѣтельствуетъ, что своей критикой онъ имѣлъ большое вліяніе на людей, которые по дару творчества стояли далеко выше его. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ горячихъ ревнителей англійской литературы, перевелъ Гютчисона *On Beauty* (О красотѣ), Аддисона *Cato*, Шай *Travels in the Levant* (Путешествіе въ Левантъ). Молодежь, восторгавшаяся Шекспиромъ, нашла въ немъ горячее сочувствіе. Въ 1772 г. онъ убѣдилъ Шлоссера предпринять изданіе *Frankfurter Gelehrten Anzeigen* и сдѣлать его органомъ партіи Sturm und Drang. Самъ онъ принималъ въ этомъ изданіи дѣятельное участіе и написалъ для него много хорошихъ статей¹⁾. Служебныя его обязанности, повидимому, не были слишкомъ тяжелы, по крайней мѣрѣ онъ часто дѣлалъ разныя поѣздки, и, какъ кажется, въ одну изъ такихъ поѣздокъ пробылъ нѣкоторое время

¹⁾ Станн: *Johana Henrich Merck. Ein Denkmal.*

во Франкфуртѣ. Между нимъ и Гете завязалась горячая дружба, — онъ глубже, чѣмъ Гердеръ, прозрѣвалъ геніальность этого юноши. Нетолько его отношенія къ Гете, но и многіе другіе примѣры свидѣлствуютъ о его способности понимать и цѣнить людей.

Предпринятое Шлоссеромъ изданіе *Frankfurter Gelehrten Anzeigen* дало Гете случай испробовать свои критическія способности и привело его въ сношеніе съ многими способными людьми. Въ собраніи его произведеній мы находимъ до тридцати пяти статей, которыя были имъ написаны для этого журнала. Быстро шло время въ этихъ занятіяхъ. Въ свободные отъ занятій часы онъ упражнялся въ верховой ѣздѣ, въ фехтованьи. Клопштокъ въ это время ввелъ въ моду катанье на конькахъ, и Гете до такой степени къ этому пристрастился, что нерѣдко поздняя ночь заставляла его за этимъ упражненіемъ. «Когда луна, выглядывая изъ-за облаковъ, освѣщала предо мной обширную ледяную равнину и я быстро неся по этой равнинѣ, въ лице мнѣ дулъ холодный ночной вѣтеръ, ледъ осѣдалъ и трещалъ подъ моими ногами, — я въ эти минуты какъ будто переносился въ Оссіановскій міръ.» Онъ занимался также и музыкой. «Спросите у віолончелиста, который давалъ мнѣ уроки, — писалъ онъ къ Зальцману, — нѣтъ ли у него тѣхъ сонетовъ для двухъ бассовъ, которые я съ нимъ разыгрывалъ. Если они у него есть, то пришлите мнѣ ихъ какъ можно скорѣе. Я теперь занимаюсь музыкой серьезнѣе, чѣмъ прежде. Что же касается до другихъ моихъ занятій, то вы можете судить по моей драмѣ (Гецъ), что стремленія мои стали гораздо серьезнѣе.»

Я уже выше говорилъ о томъ, что *Sturm und Drang*, какъ онъ проявлялся въ сужденіяхъ и поступкахъ молодого доктора, не очень нравился старому совѣтнику Гете. Прибавлю къ этому: какъ бы ни было сильно наше сочувствіе къ поэту, не должны мы забывать, что мы также—отцы или надѣемся быть отцами, и намъ не позволительно увлекаться сочувствіемъ къ сыну до несправедливости по отношенію къ отцу. Будемъ безпристрастны, признаемъ, что совѣтникъ Гете имѣлъ уважительное основаніе быть не совсѣмъ довольнымъ своимъ сыномъ, и послѣдуемъ за сыномъ въ Вецларъ, не бросая въ отца строгихъ словъ осужденія.

ГЛАВА II.

Гецъ фонъ-Верлихингенъ.

Хотя Гецъ появился въ печати въ первый разъ не прежде, какъ весной 1773 г., но онъ былъ написанъ еще зимой 1771 г., т. е., выражаясь точнѣе, написана была первая изъ трехъ извѣстныхъ намъ формъ этого произведенія. Эта первая форма носила заглавіе «Geschichte Gottfriedens von Berlichingen mit der eisernen Hand, dramatisirt», и была напечатана уже гораздо позднѣе. Вторая форма — «Götz von Berlichingen, Schauspiel», — и есть именно та, въ которой это произведеніе впервые сдѣлалось извѣстно публикѣ. Третья форма есть передѣлка второй для сцены. Передѣлка эта была сдѣлана съ помощью Шиллера и относится уже къ тому времени, когда въ Веймарѣ дѣлались усилія создать національный театръ.

Первая форма возбуждаетъ во мнѣ наибольшее удивленіе и въ біографическомъ отношеніи представляетъ наиболѣе интереса. Между тѣмъ какъ Гете совершаетъ свой переѣздъ изъ Франкфурта въ Вецларъ, заглянемъ въ его портфель и рассмотримъ Геца въ первоначальной его формѣ, не ожидая, пока появится въ печати его вторая форма. Изъ письма Гете къ Зальцману мы узнаемъ, что Гецъ въ этой формѣ былъ написанъ въ ноябрѣ 1771 г. «Весь мой умъ—говоритъ Гете въ этомъ письмѣ—поглощенъ теперь однимъ предпріятіемъ, которое заставило меня забыть и Гомера, и Шекспира, всѣхъ. Я драматизирую исторію благороднѣйшаго изъ нѣмцевъ, спасаю память славнаго челоуѣка,—это требуетъ много работы, беретъ у меня все время, а мнѣ теперь такая работа очень нужна.» Вотъ что говоритъ онъ объ этой работѣ въ своей автобіографіи: «Продолжительное изученіе твореній Шекспира придало моимъ стремленіямъ такую широту, что рамки театральной сцены казались мнѣ слишкомъ узки и самыя представленія сли-

комъ кратковременны, чтобъ можно было при этихъ условіяхъ произвести что-либо достойное. Жизнь Геца фонъ-Берлихингена, написанная имъ самимъ, внушила мнѣ мысль исторической разработки, и мое воображеніе приняло такой широкій полетъ, что драма моя переступила всѣ предѣлы театральной сцены, стремясь все ближе и ближе воспроизвести событія, какъ они были въ дѣйствительности. По мѣрѣ того, какъ эта драма созрѣвала въ моей головѣ, я подробно толковалъ о ней съ сестрой, которая въ подобныхъ вещахъ принимала сердечное участіе, и я такъ часто говорилъ съ ней объ этомъ, а между тѣмъ не приступалъ къ работѣ, что наконецъ она съ нетерпѣніемъ стала настаивать, чтобъ я не ограничивался только одними разговорами, а взялъ бы перо и бумагу и принялся бы рѣшительно за дѣло. Побуждаемый настояніями сестры, однажды утромъ принялся я писать мою драму безъ всякаго напередъ составленнаго плана, написалъ нѣсколько перлыхъ сценъ и въ тотъ же день вечеромъ прочелъ ихъ Корнелии. Она очень хвалила, хотя и не безусловно, и при этомъ выразила сомнѣніе, чтобъ я кончилъ начатую работу, даже рѣшительно утверждала, что у меня не хватитъ терпѣнія и я брошу, не кончивъ. Это меня еще болѣе подстрекнуло; на слѣдующее утро я еще съ большимъ жаромъ принялся за работу, и такъ пошелъ день за днемъ. Ежедневно читалъ я сестрѣ мою работу и надежды ея видѣть мое произведеніе оконченнымъ росли съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того какъ работа подвигалась впередъ, я все болѣе и болѣе овладѣвалъ предметомъ, и все становилось для меня яснѣе, живѣй. Такъ работалъ я непрерывно, безъ оглядки, и по прошествіи шести недѣль имѣлъ удовольствіе видѣть мою рукопись окончательно сшитой въ тетрадь.»

Готфридъ фонъ-Берлихингенъ, по прозванію Желѣзная рука, былъ знаменитый рыцарь-разбойникъ XVI столѣтія ¹⁾, одинъ изъ послѣднихъ представителей того буйнаго, непризнававшего никакихъ законовъ, поколѣнія феодалныхъ бароновъ, которое нерѣдко своей личной доблестью придавало разбойничьимъ поступкамъ романическій блескъ. Готфридъ Желѣзная рука

¹⁾ Вальтеръ-Скотъ ошибочно относитъ его къ XV столѣтію. Онъ родился въ 1482 г. и слѣдовательно достигъ зрѣлыхъ лѣтъ уже съ наступленіемъ XVI стол.

былъ замѣчательный типъ этого рода людей. Его вѣрность тому, что онъ признавалъ своимъ долгомъ, была такъ же безупречна, какъ и его личное мужество. Всякое приказаніе высокочтимаго императора было для него священо, и онъ считалъ долгомъ его исполнить; но кромѣ императора онъ не признавалъ надъ собой никакой другой власти и былъ въ постоянной войнѣ съ другими феодалами. Въ особенности часто воевалъ онъ съ епископомъ Бамбергскимъ, и какъ только заключалъ съ нимъ миръ, начиналъ воевать съ епископомъ Майнцскимъ. Война была его стихіей. Какъ подобаетъ истому рыцарю, онъ заступался за слабыхъ и угнетенныхъ, кромѣ случаевъ, когда императоръ требовалъ его услугъ; но нерѣдко предпринималъ также хищническіе набѣги изъ личнаго корыстолюбія. Угнетенные нерѣдко прибѣгали къ его сильной защитѣ. Одинъ бѣдный портной приходитъ къ нему съ жалобой, что Кальнъ не платитъ ему двухъ сотъ гульденовъ, которые онъ выигралъ на стрѣльбѣ въ цѣль, — Гецъ захватываетъ на дорогѣ первыхъ богатыхъ кальнскихъ купцовъ и заставляетъ ихъ заплатить мортному.

Весьма соблазнительный сюжетъ представляла для поэта XVIII столѣтія исторія этого отважнаго рыцаря-разбойника, который мужественно и неустрашимо велъ борьбу противъ охватывавшей его со всѣхъ сторонъ цивилизаціи, не признавалъ никакихъ законовъ, отчаянно боролся противъ нихъ и стремился увѣковѣчить духъ феодализма. Особенно привлекательно было для поэта индивидуальное величіе Геца. Это былъ человѣкъ, выдавшійся изъ ряда обыкновенныхъ людей не вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, а благодаря своей натурѣ; своимъ превосходствомъ надъ окружающей средой онъ былъ обязанъ не преданію, не императорской милости, а единственно своему собственному, личному мужеству. И вся борьба XVIII столѣтія не была ли борьба за признаніе личности, за право противъ привилегій, за свободу противъ господства преданія? Такова была и борьба XVI столѣтія. Реформація была въ религіозномъ отношеніи то же, что революція въ политическомъ, это была борьба противъ тиранніи преданія, битва за право индивидуальной свободы мысли и дѣйствія противъ абсолютизма привилегированныхъ классовъ.

Въ своей хроникѣ Гецъ фонъ-Берлихингенъ описываетъ свои

дѣянiя безъ всякихъ прикрасъ, съ простотой и съ достоинствомъ. Эта хроника послужила для Гете матеріаломъ, какъ Голлиншедъ и Саксонъ Грамматикъ для Шекспира, и Гете воспользовался своимъ матеріаломъ такъ же свободно, какъ Шекспиръ. Онъ драматизировалъ хронику, оживотворилъ ее предъ нами. Его произведеніе есть одраматизированная хроника, а не драма: это различіе важно и мы остановимся на немъ.

Виггофъ подробно разобралъ, насколько Гете воспользовался хроникой и что прибавилъ къ ней отъ себя. Подробности объ этомъ могутъ быть интересны только для нѣмецкихъ читателей, и потому я укажу только главное ¹⁾. Вымышленные характеры суть: Адельгейда, сладострастный, очаровательный демонъ, — Елизавета, въ которой мать Гете узнала самую себя, — Марія, въ которой можетъ быть отразился отчасти образъ Фредерики, — Георгъ, Францъ Лерзе, Вейслингенъ и цыгане. Смерть Геца также вымыслена. Башня, о которой упоминаетъ Гете, до сихъ поръ существуетъ въ Вейльбронѣ и носитъ названіе: башня Геца. Всѣ прочія описанія у Гете, въ томъ числѣ и описаніе сада, суть вымыслы. Гецъ содержался въ башнѣ только одну ночь. У Гете онъ умираетъ въ 1525 г., а на самомъ дѣлѣ онъ жилъ до 1562 г. и умеръ 80 лѣтъ въ своемъ Горбергскомъ замкѣ въ мирѣ со всѣми и совершенно на свободѣ. Могилу его до сихъ поръ можно видѣть въ Шентальскомъ монастырѣ. ²⁾

Гецъ—драматическая хроника, а не драма. Этому произведенію никогда и не слѣдовало бы называться драмой, а слѣдовало бы оставаться въ первоначальной своей формѣ съ первоначальнымъ своимъ заглавіемъ. Чрезъ это были бы устранены многія ошибочныя сужденія, и въ особенности ошибочное сравненіе съ Шекспиромъ и съ формою Шекспировскихъ драмъ. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что Шекспиръ имѣлъ вліяніе на это произведеніе, но называть это произведеніе Шекспировскимъ значитъ допускать весьма большую неточность въ выраженіяхъ, неточность довольно обыкновенную, но которая тѣмъ неменѣе не должна

¹⁾ Goethe's Leben, vol. II, pp. 77, 79.

²⁾ Графъ Іосифъ Берлихингенъ, теперешній представитель этого рода, недавно издалъ «Жизнь Геца»,—впрочемъ я ею не воспользовался, потому что не могъ достать.

быть допускаема. Обыкновенно критика въ своихъ приговорахъ такъ же строго держится прецедентовъ, какъ судьи; съ появленіемъ новаго оригинальнаго произведенія она въ сужденіяхъ своихъ о немъ слѣдуетъ неизмѣнно одному изъ двухъ путей: или отрицаетъ всѣ достоинства въ произведеніи, потому что оно не подходитъ ни подъ одинъ извѣстный ей родъ произведеній, и такимъ образомъ осуждаетъ его на томъ основаніи, что оно не есть подражаніе, или же подводитъ подъ какой-либо извѣстный ей родъ. Последнее случилось съ Гецомъ. Такъ какъ въ этомъ произведеніи не соблюдены правила о единствахъ, выводятся на сцену вмѣстѣ и черныи народъ и благородные, дѣйствующіе лица не декламируютъ, какъ во французской трагедіи, а просто выражаютъ то, что имъ надо выразить, однимъ словомъ такъ какъ это произведеніе не подходило подъ признанный типъ французской трагедіи, то критика отнесла его къ Шекспировскому типу, который былъ единственный извѣстный ей типъ, какъ противоположный французскому.

Походить ли Гецъ на Отелло? на Макбета? на Ричарда III, Генриха IV, короля Іоанна, Юлія Цезаря или на какую-либо другую драму Шекспира? Выраженіе «Гецъ принадлежитъ къ Шекспировскому стилю» или не имѣетъ вовсе никакого смысла, или мы должны заключить изъ него, что Гецъ походить на Шекспировскія драмы по своему строенію, по ходу, по изображенію характеровъ, по тону разговоровъ, а между тѣмъ одного бѣлаго взгляда достаточно, чтобъ убѣдиться, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Гецъ разительно не схожъ съ Шекспировскими произведеніями.

По своему строенію Гецъ отличается отъ Шекспировскихъ драмъ вонервыхъ тѣмъ, что онъ стремится изобразить собственно не событіе, а скорѣе цѣлую эпоху,—вовторыхъ, онъ не имѣетъ постоянно въ виду театральнoй сцены, не подчиняется необходимымъ требованіямъ театральнаго представленія, а принимаетъ вольный ходъ повѣствованія, — втретьихъ, у него нѣтъ центра, около котораго вращались бы лица и событія, и поэтому онъ не имѣетъ цѣлостности законченнаго художественнаго произведенія, а представляетъ намъ только рядъ сценъ, эпизодовъ.

Изображеніе характеровъ въ Гецѣ также вовсе не Шекспировское. Англичане въ своемъ поклоненіи Шекспиру заходятъ такъ

далеко, что у нихъ каждый мастерски изображенный характеръ есть Шекспировскій, но подобное сужденіе совершенно несостоятельно, когда рѣчь идетъ о Софоклѣ, Расинѣ, Гете. Каждый поэтъ имѣетъ свой пріемъ для изображенія характеровъ, и мы не находимъ въ Гецѣ даже и слѣдовъ Шекспировскаго пріема; дѣйствующія въ немъ лица весьма ясно обнаруживаютъ предъ нами свои вѣщныя характеристическія свойства, но они не раскрываютъ намъ, какъ у Шекспира, своей сокровенной внутренней жизни,—мы знаемъ ихъ, насколько они высказываются въ своихъ рѣчахъ, въ своихъ поступкахъ, но не знаемъ ихъ мыслей, ихъ самообольщеній, не знаемъ тѣхъ сокровенныхъ и обыкновенно весьма сложныхъ и весьма запутанныхъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій, которые часто бываютъ не совсѣмъ ясны даже и для самихъ дѣйствующихъ лицъ и которые въ Шекспировскихъ лицахъ такъ мастерски осящуются выраженіемъ волнующихъ ихъ страстей. Для большей ясности приведемъ примѣръ: Вейслингенъ вмѣстѣ и честолюбивъ, и нерѣшителенъ, благонамѣренъ и слабъ. Голосъ дружбы пробуждаетъ въ немъ угрызеніе совѣсти и побуждаетъ его дѣйствовать сообща съ Гецомъ. Онъ клянется, что никогда нога его больше не будетъ въ епископскомъ дворцѣ, но потомъ также легко увлекается тщеславіемъ, какъ предъ этимъ легко увлекся благородными стремленіями, не выдерживаетъ искушенія и опять обращается противъ своего друга. Жена, для которой онъ всѣмъ пожертвовалъ, обманываетъ его и наконецъ отравляетъ; участь его не возбуждаетъ ни въ комъ сожалѣній, и онъ умираетъ съ чувствомъ презрѣнія къ самому себѣ. Мы видимъ здѣсь только одни поступки, но не можемъ себѣ объяснить ихъ; предъ нами загадка, а не дѣйствительная жизнь, не характеръ,—собственно самаго характера художникъ не воспроизводитъ предъ нами и мы должны его отгадывать. Но задача художника не въ томъ, чтобъ ставить загадки, и Шекспиръ въ своихъ лучшихъ созданіяхъ, воспроизводя предъ нами дѣйствія своихъ характеровъ, въ тоже время вводитъ насъ, такъ сказать, въ самую глубь ихъ душевныхъ колебаній. Сравните Вейслингена съ подобными же колеблющимися характерами, какъ напр. Ричардъ II, король Іоаннъ, Гамлетъ, и вы увидите, что тутъ различіе не въ степени совершенства изображенія, а различіе въ самомъ пріемѣ.

Языкъ Геца также вовсе не Шекспировскій. Онъ силенъ, ясенъ, въ немъ много живописности, драматичности, но онъ не имѣетъ той плодovitости мысли и той глубины, производящей даже нѣкоторую неясность, того обилія идей, какъ-бы тѣснящихъ одна другую, что составляетъ характеристическое свойство Шекспировскаго языка и доходить у него иногда до такихъ размѣровъ, что становится даже недостаткомъ. Онъ не обилень, не расточителень на образы, какъ языкъ Шекспира, и—что весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе замѣчательно, что Гецъ есть произведеніе юности,—мы находимъ въ немъ полное отсутствіе всякаго рода риторическихъ украшеній, полное отсутствіе образности, которая бы служила сама для себя цѣлью.

Гецъ есть первенецъ романтической школы, или, правильнѣе сказать, первенецъ тѣхъ стремленій, которыя породили романтическую школу. Вліяніе его было велико. Онъ далъ толчокъ Вальтеру Скоту и опредѣлилъ направленіе его историческаго таланта, который измѣнилъ наше пониманіе прошлаго и придалъ исторіи новую жизнь. Онъ возбудилъ почти всеобщій интересъ къ вѣкамъ феодализма и рѣшилъ судьбу французской трагедіи въ нѣмецкой литературѣ. Что же касается до его вліянія на драматическое искусство, то оно, по моему мнѣнію, было скорѣе вредно, чѣмъ полезно, и это произошло главнымъ образомъ по той причинѣ, что было упущено изъ виду различіе между одраматизированной хроникой и драмой.

Вредное вліяніе Геца состоитъ въ томъ, что съ тѣхъ поръ стали придавать чрезмѣрную важность мѣстнымъ краскамъ и стали смѣшивать историческій элементъ съ драматическимъ. Это замѣчаніе, полагаю, ясно безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій для каждаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ нѣмецкими или французскими произведеніями романтической школы. Гете писалъ вовсе не драму,—онъ драматизировалъ извѣстную эпоху и поэтому понятно, что мѣстныя краски имѣли для него первостепенную важность. Привлекательность, съ какой онъ выполнилъ эту задачу, вовлекла другихъ въ подражаніе и мѣстныя краски стали принадлежностью такихъ произведеній, гдѣ онѣ совершенно излишни; мало атого, критики до такой степени прониклись ихъ важностью, что даже усиливались доказывать, что и Шекспиръ также великій исто-

рический живописецъ, и совершенно упустили изъ виду, что мѣстные краски имѣютъ значеніе только для критикующей и ученой публики, а не для сердца и не для воображенія, что онѣ составляютъ принадлежность исторіи, но никакъ не драмы. Напудренный царикъ съ кошелькомъ и коротенькая шпага не мѣшали Макбету приводить зрителей въ трепетъ ужасающимъ паденіемъ души, погрязшей въ преступленіяхъ, и если историческая вѣрность костюма усиливаетъ для насъ впечатлѣніе, производимое Макбетомъ, то это потому, что мы стали уже чрезчуръ критиканы и требуемъ исторической точности тамъ, гдѣ истинные цѣнители, въ вѣкъ истиннаго драматическаго искусства, ничего иного не требовали, кромѣ страстей. Достаточно самаго поверхностнаго взгляда на драматическую литературу, чтобъ убѣдиться, какъ сильно (и совершенно неумѣстно) преобладаетъ вліяніе исторіи какъ въ обработкѣ, такъ равно и въ выборѣ драматическихъ сюжетовъ.

Какъ изображеніе эпохи, Гецъ полонъ жизни и достигаетъ своей цѣли, но нельзя не признать, что въ немъ осьмнадцатое столѣтіе мѣстами рѣзко вторгается въ шестнадцатое, что и послужило для Гегеля основаніемъ отрицать высокую оригинальность этого произведенія. «Истинно художественное произведеніе должно быть совершенно свободно отъ подобныхъ невыдержекъ оригинальности, такъ какъ оригинальность произведенія и состоитъ именно только въ томъ, чтобъ оно было совершенно цѣльнымъ созданіемъ такого ума, который беретъ предметъ, какъ онъ есть самъ по себѣ и его воспроизводитъ въ его цѣлостности и въ той неразрывной связи, въ какой предметъ развивается самъ изъ себя, не привлекая, не примѣшивая при этомъ къ нему ничего, что ему не принадлежитъ. Если въ произведеніи встрѣчаются такія сцены и такіе мотивы, которые не истекаютъ сами собой изъ самаго предмета, а привлекаются къ нему извнѣ, то эти сцены и мотивы составляютъ нѣчто случайное, соединенное съ предметомъ только чрезъ посредство третьяго субъекта (т. е. автора), и вслѣдствіе отсутствія въ нихъ внутренней необходимой связи съ предметомъ нарушается цѣлостность произведенія. Такъ напр. произведеніе Гете «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» чрезвычайно восхваляется за его высокую оригинальность. Въ этомъ произведеніи Гете, дѣйстви-

тельно, очень смѣло отвергъ и поправъ все, что тогдашними эстетическими теоріями признавалось за непреложное правило, но самое выполненіе нельзя назвать истинно-оригинальнымъ. Въ этомъ юношескомъ произведеніи видна бѣдность матеріала, такъ что въ немъ встрѣчаются многія черты и цѣлыя сцены, которыя не выработаны изъ самаго матеріала произведенія, а взяты авторомъ изъ интересовъ того времени, въ которое онъ писалъ, и присоединены къ матеріалу внѣшнимъ образомъ. Напр. содержаніе сцены между Гецомъ и монахомъ Мартиномъ, котораго личность намекается на Лютера, взято авторомъ изъ современнаго ему настроенія Германіи, когда жалѣли монаховъ, что они не смѣютъ пить вина, терпятъ лишенія, должны выполнять обѣты цѣломудрія, послушанія. Въ этой сценѣ монахъ Мартинъ восторгается рыцарской жизнью Геца. «Вы возвращаетесь, обремененные добычей непріятели, и припоминаете: того я свергъ съ коня, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выстрѣлить, того я зарубилъ вмѣстѣ и съ конемъ его, — потомъ подъѣзжаете къ вашему замку, и васъ встрѣчаетъ жена....» При этихъ словахъ монахъ утираетъ слезы и потомъ пьетъ за здоровье жены Геца. Не съ такими мыслями начиналъ Лютеръ свое поприще, — онъ былъ благочестивый монахъ; у него было совершенно иное глубоко религіозное созерцаніе, которое онъ вынесъ изъ чтенія твореній Августина.

«Подобнымъ же образомъ, — продолжаетъ Гегель, — въ одной изъ слѣдующихъ сценъ авторъ выводитъ педагогическія воззрѣнія своего времени. Тогда въ Германіи, благодаря въ особенности трудамъ Базедова, шла рѣчь о томъ, что дѣтей обучаютъ многому такому, что для нихъ совершенно непонятно, и что истинный методъ обученія долженъ сообщать дѣтямъ знаніе предметовъ, а не знаніе названій. Сынъ Геца Карлъ обучается совершенно такъ, какъ обучали дѣтей во времена юности Гете, — онъ говоритъ отцу: «Якстгаузенъ есть селеніе и замокъ на Якстѣ, и двѣсти лѣтъ уже составляетъ наслѣдственную собственность господъ фонъ-Берлихингеновъ.» — «А знаешь ли ты господина фонъ-Берлихингена?» спрашиваетъ отецъ. Мальчикъ становится въ тупикъ, — оказывается, что при всей своей учености онъ не знаетъ собственнаго отца. Вслѣдъ затѣмъ отецъ замѣчаетъ: «Я зналъ всѣ тропинки,

дороги и броды прежде, нежели узналъ имя рѣки, селенія и замка.» ¹⁾

Если разсматривать Геца относительно времени, когда онъ былъ написанъ, то онъ возбуждаетъ въ насъ удивленіе своей силой, смѣлостью, оригинальностью, — онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя своимъ появленіемъ составляютъ эпоху въ литературѣ. Въ настоящее время, принимаясь его читать, какъ произведеніе великаго Гете, читатель едвали не найдетъ его ниже своихъ ожиданій, но для того времени, когда онъ появился, онъ былъ невиданное «великолѣпное чудовище», которое ниспровергало всѣ существующія правила. Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, можно судить изъ слѣдующаго отзыва о немъ Виланда въ «Нѣмецкомъ Меркуріи»: «въ этомъ произведеніи три единства оскорблены постыднымъ образомъ, это — не трагедія и не комедія, это — чудовище, но чудовище великолѣпное, очаровательное.»

Дѣйствіе въ этомъ произведеніи идетъ такъ быстро, что рѣшительно не даетъ вамъ перевести духа, и поѣтому при первомъ чтеніи многое отъ васъ ускользаетъ, вы не можете вполне насладиться его красотами, но когда вы станете его вновь перечитывать, васъ поразитъ полнота жизни въ его быстро смѣняющихся, сжатыхъ, краткими штрихами набросанныхъ сценахъ. Какъ поразительно хороша напримѣръ эта сцена, которою начинается пятый актъ (эта сцена выброшена во второй передѣлкѣ), когда Адельгейда является въ цыганскомъ таборѣ. Снѣжная метель, — въ тускломъ свѣтѣ пылающихъ костровъ движутся мрачныя лица, — Адельгейда стоитъ объята ужасомъ, и въ то время, какъ ей гадаютъ старая цыганка, молодой цыганъ бросаетъ на нее пламенные взоры своими дикими, сверкающими глазами, — Адельгейда приходитъ въ страхъ отъ этихъ взоровъ, — вся сцена предъ вами какъ будто живая, и въ тоже время она такъ сжата, обрисована такими краткими штрихами, что я не помню, чтобъ мнѣ въ какомъ-либо произведеніи встрѣчалась подобная сжатость и краткость *).

¹⁾ HEGEL's *Vorlesungen über die Aesthetik*, I, p. 382.

²⁾ Въ Вейнберговской изданіи сочиненій Гете въ русскомъ переводѣ, «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» помѣщенъ во второмъ томѣ, пер. М. П. Погодина.

ГЛАВА III.

Вецларъ.

Весной 1772 г. пріѣхалъ Гете въ Вецларъ съ написаннымъ уже Гецомъ въ портфель и съ дикими, безпорядочными мыслями въ головѣ. Весьма курьезно то мѣсто въ его автобіографіи, гдѣ онъ говоритъ о своей жизни въ Вецларѣ,—оно вполне объясняетъ намъ, какъ онъ выполнилъ задачу написать исторію своей юности. Припоминая, что въ Вецларѣ былъ онъ влюбленъ въ Шарлоту, что здѣсь пережилъ онъ своего Вертера, мы не можемъ не улыбнуться, читая эти строки: «Жизнь моя въ Вецларѣ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но она можетъ имѣть нѣкоторый интересъ, если читатель дозволитъ мнѣ сдѣлать краткій очеркъ исторіи Каммергерихта, чтобъ дать ему понятіе въ какое неблагопріятное время я туда пріѣхалъ.» Вотъ что значитъ писать автобіографію, когда человѣкъ уже пережилъ почти даже и самыя воспоминанія о своей юности и утратилъ совершенно всякое сочувствіе къ тому, что ее волновало. Какими глазами посмотрѣлъ бы тотъ юноша Гете, который жилъ въ Вецларѣ, на чудака, которому пришла бы фантазія замѣтить, что улыбка Шарлоты очень можно предпочесть исторію Каммергерихта; но тотъ Гете, который писалъ свою автобіографію, можетъ-быть только съ трудомъ могъ даже и припомнить, какъ улыбалась Шарлота. Біографу трудно возстановить этотъ эпизодъ въ истинномъ его видѣ. Къ счастью, въ послѣднее время вышла, наконецъ, въ свѣтъ давно возвѣщенная и давно ожидаемая переписка между Гете и Кестнеромъ. Эта переписка составляетъ богатѣйшій источ-

никъ, какой только мы имѣемъ, для ознакомленія съ юностью Гете,—она дастъ намъ возможность провѣрить автобіографію, объяснить, пополняетъ ее.

Въ Вецларѣ были въ то время два зданія, имѣющія для насъ особый интересъ: Имперскій Каммергерихтъ и *Das teutsche Haus*. Этотъ Каммергерихтъ было апелляціонное судилище для всей Имперіи, нѣчто въ родѣ общегерманской канцеляріи. Представьте себѣ общегерманскую канцелярію. Какъ извѣстно, канцеляріи нигдѣ не имѣютъ быстроты желѣзныхъ дорогъ, а въ Германіи даже и желѣзныя дороги страдаютъ мѣшкотностью. Вецларскій Каммергерихтъ представлялъ такое хаотическое скопленіе дѣлъ, какое едва ли когда гдѣ-нибудь существовало. Когда Гете пріѣхалъ въ Вецларъ, въ Каммергерихтъ было двадцать тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ и всего только семнадцать законовѣдовъ для ихъ рѣшенія. Эти законовѣды рѣшали въ годъ среднимъ числомъ не болѣе шестидесяти дѣлъ, тогда какъ вдвое большее количество ежегодно прибывало новыхъ. Нѣкоторые дѣла ожидали рѣшенія уже болѣе полутора столѣтія. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это судилище на прямой и въ высшей степени практическій умъ Гете.

Das teutsche Haus принадлежалъ ордену Тевтонскихъ рыцарей, *Teutsche Ritter*, столь знаменитыхъ въ средневѣковой Германіи. Съ ревностью миссіонеровъ и съ доблестью рыцарей сражались въ былыя времена эти воины-священники въ черныхъ латахъ и въ бѣлыхъ мантияхъ, и завоевали себѣ обширную террицію и громадное вліяніе; но потомъ ихъ постигла та же участь, какъ и другіе рыцарскіе ордена. Вся сила ихъ заключалась въ ихъ энергіи; но по мѣрѣ успѣховъ слабѣла энергія, по мѣрѣ возрастанія матеріальнаго богатства бѣднѣло богатство духовное, блекла слава ихъ дѣяній, и они стали наконецъ тѣмъ, чѣмъ неизбежно становятся всѣ корпораціи: въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, они находились въ такомъ же состояніи, какъ и рыцари Мальтійскаго ордена, у нихъ была еще собственность въ различныхъ частяхъ Германіи, и въ нѣкоторыхъ городахъ было нѣчто въ родѣ управительскихъ домовъ, гдѣ заправлялись дѣла ордена и собирались доходы съ его владѣній. Эти дома носили названіе *das teutsche Haus*. Такой домъ былъ и въ Вецларѣ.

Amtmann, или главноуправляющій этого дома, былъ нѣкто Негг Буфф, на котораго мы и намѣрены обратить вниманіе читателя, не потому, чтобъ Негг Буфф самъ по себѣ заслуживалъ особеннаго вниманія, не ради его самого, а ради старшей дочери его Шарлоты, такъ какъ эта Шарлота и есть героиня вецларскаго эпизода въ жизни Гете.

Не одинъ этотъ домъ напоминалъ въ то время въ Вецларѣ о древнемъ рыцарствѣ. Гете нашелъ тамъ веселое общество, которое представляло изъ себя шутовскую пародію рыцарства. Члены этого общества назывались рыцарями Круглаго Стола и носили разные рыцарскія прозвища, какъ напр. С. Аманъ Настоячивый, Евстафій Благоразумный, Любомирскій Храбрый и пр. Основателемъ этого общества былъ Августъ Фридрихъ Гуз, секретарь Брауншвейгскаго посольства, разгульный малый, большой фантазеръ, но не безъ свѣтлыхъ проблесковъ ума; впоследствии онъ со всѣмъ спился и умеръ отъ пьянства. Въ основанномъ имъ обществѣ самъ онъ назывался рыцарь Куся, а Гете окрестилъ названіемъ: *Götz von Berlichingen der Redliche*, — Гецъ Честный. Въ написанномъ имъ подражаніи Вертеру ¹⁾ есть сцена, которая представляетъ общество рыцарей Круглаго Стола пирующимъ въ трактирѣ, одинъ изъ рыцарей начинаетъ пѣть французскую пѣсню и при этомъ Гецъ восклицаетъ: «Ты—нѣмецкій рыцарь и поешь чужеземныя пѣсни.» Другой рыцарь спрашиваетъ Геца: «Какъ далеко подвинулся памятникъ, который вы созидаете для вашего предка?» Гецъ отвѣчаетъ: «Мой памятникъ быстро подвигается впередъ. Онъ будетъ, я полагаю, хорошей пощечиной и мастерамъ и ихъ подмастерьямъ» (*Ein Stück, das Meister und Gesellen auf's Maul schlägt*).

Объ этомъ обществѣ рыцарей круглаго стола и объ его буфонствахъ Гете говоритъ только, что въ первое время это его очень забавляло, но потомъ надоѣло и онъ снова впалъ въ меланхолію. «Я перезнакомился со многими,—говоритъ Вертеръ,—но не нашелъ для себя общества. Не знаю, что во мнѣ особенно привлекательнаго

¹⁾ *Mauren oder der junge Werther, Ein Trauerspiel aus dem Illyrischen. 1775.*

находятъ люди, — они ищутъ моего знакомства, лѣзутъ ко мнѣ, и мнѣ это тяжело, такъ какъ моя дорога и ихъ почти совсѣмъ не сходятся.» Въ письмахъ Кестнера, относящихся къ этому времени, мы находимъ весьма любопытное описаніе, каковъ былъ Гете въ то время и какое впечатлѣніе производилъ онъ на своихъ знакомыхъ, когда еще слава не окружала его своимъ ореоломъ и не ослѣпляла его почитателей.

«Этой весной пріѣхалъ сюда изъ Франкфурта нѣкто Гете, по званію Doctor juris, 23 лѣтъ, единственный сынъ весьма богатаго отца. Желаніе отца было, чтобъ онъ занялся здѣсь судебной практикой, но его собственныя намѣренія совершенно иныя, — онъ намѣренъ заняться изученіемъ Гомера, Пиндара и прочимъ, что укажутъ ему его умъ и сердце.

«Какъ только онъ пріѣхалъ, здѣшніе beaux esprits распространили о немъ слухъ, какъ о своемъ собратѣ, возвѣстили, что онъ сотрудникъ новаго франкфуртскаго Gelehrte Zeitung и между прочимъ философъ, любящій общество, и постарались войти съ нимъ въ близкія сношенія. Такъ какъ я не принадлежу къ этому классу людей или, лучше сказать, такъ какъ я вообще мало вращаюсь въ обществѣ, то познакомился съ Гете уже позднѣе и притомъ совершенно случайно. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ beaux esprits, секретарь посольства Готтеръ, уговорилъ меня однажды отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ деревню Гарбенгеймъ, наше обыкновенное мѣсто прогулки. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я Гете. Онъ лежалъ навзничъ на травѣ подъ деревомъ, кругомъ его стояли: эпикуреецъ (Гузъ, великій геній), стоикъ (Кильмансегге) и еще третій, нѣчто среднее между двумя первыми (Дг. Кенигъ). Гете разговаривалъ съ ними и, какъ казалось, былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Говорилось о многомъ и частью о вещахъ довольно интересныхъ. Впрочемъ на этотъ разъ я вынесъ о немъ только то мнѣніе, что это не дюжинный человѣкъ. Вы знаете, какъ я не скоръ на приговоры. Я сразу увидалъ, что у него есть умъ и живое воображеніе; но этого было для меня недостаточно, чтобъ цѣнить его очень высоко.

«Прежде чѣмъ рассказывать дальнѣйшее мое знакомство съ нимъ, постараюсь обрисовать его, какимъ онъ оказался, когда я узналъ его ближе.

«У него большія способности, это—въ полномъ смыслѣ гений и притомъ это—человѣкъ съ характеромъ; у него чрезвычайно живое воображеніе и поэтому онъ обыкновенно выражается образами и сравненіями. Онъ и самъ сознаетъ, что выражается неточно, но надѣется, что съ годами научится и мыслить и выражаться точнѣе.

«У него пылкія чувства, но въ тоже время онъ имѣетъ большую власть надъ собой. Образъ мыслей у него благородный, совершенно свободный отъ всякихъ предразсудковъ; онъ поступаетъ такъ, какъ считаетъ нужнымъ по своему разумнію, не заботясь о томъ, нравятся ли это другимъ, согласно ли это съ модой, допускается ли общепринятыми правилами. Ему ненавистно всякое принужденіе.

«Онъ любитъ дѣтей и находитъ большое удовольствіе проводить съ ними время. Онъ страненъ, *bizarre*; въ его манерѣ держать себя и вообще въ его наружномъ видѣ есть нѣкоторыя вещи, которыя могутъ дѣлать его не совсѣмъ пріятнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣтямъ, женщинамъ и многимъ изъ насъ онъ очень нравится.

«Къ женскому полу онъ питаетъ очень большое уваженіе.

«In principle онъ еще не твердъ, но у него есть стремленіе привести свой образъ мыслей въ твердую систему. Чтобы дать понятіе объ его образѣ мыслей, скажу вамъ, что онъ очень уважаетъ Руссо, но не поклоняется ему слѣпо. Онъ не то, что называютъ православнымъ, и это не изъ гордости, не *par orgueil*, и не потому, чтобы хотѣлъ изъ себя корчить нѣчто особенное. Объ нѣкоторыхъ важныхъ предметахъ онъ высказывается только не многимъ и не любитъ разочаровывать другихъ въ ихъ идеяхъ. Хотя и ненавидитъ скептицизмъ, но стремится къ истинѣ, къ полному разъясненію для себя нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, и хотя думаетъ, что нѣкоторые важнѣйшіе уже окончательно для него разъяснились, но, сколько я замѣтилъ, этого еще нѣтъ. Въ церковь не ходитъ, не бываетъ у причастія, рѣдко молится,—я не доволенъ лицемеріемъ, говоритъ онъ, чтобы это дѣлать. Временами кажется, что онъ по нѣкоторымъ вопросамъ какъ будто окончательно установился, а временемъ оказывается совершенно противоположное. Христіанскую религію онъ очень уважаетъ, но только

не въ томъ ея видѣ, въ какомъ намъ ее представляютъ наши теологи. Онъ вѣритъ въ будущую жизнь, въ лучшее существованіе. Онъ стремится къ истинѣ; но больше цѣнитъ чувство истины, чѣмъ ея демонстрацію.

«Онъ уже многое сдѣлалъ, многое изучилъ, многое прочелъ. и еще больше продумалъ и прорезонировалъ. Главный его предметъ— изящныя науки и искусства или, правильнѣе сказать, всѣ науки за исключеніемъ только такъ-называемыхъ хлѣбныхъ.»

Съ боку письма Кестнеръ приписалъ: «Я хотѣлъ описать его. но вижу, что это потребуетъ много работы, потому что о немъ многое есть что сказать. Однимъ словомъ это въ высшей степени замѣчательный человѣкъ.»

Далѣе еще приписка: «Я никогда бы не кончилъ, еслибы вздумалъ его вполнѣ описать.»

Готтеръ, о которомъ упоминается въ началѣ письма, былъ молодой человѣкъ весьма образованный, съ которымъ Гете близко сошелся послѣ многократныхъ преній объ искусствѣ и критикѣ. «Что говорить древніе объ этихъ важныхъ предметахъ,—пишетъ Гете въ своей автобіографіи,—я еще за нѣсколько лѣтъ до этого прочелъ хотя и не послѣдовательно, урывками, но весьма внимательно. Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Лонгинъ, ни одинъ изъ нихъ не былъ мною забытъ, но всѣ они не принесли мнѣ никакой пользы, такъ какъ они предполагаютъ извѣстную опытность, которой я не имѣлъ. Они ввели меня въ міръ, безконечно богатый художественными произведеніями, показали мнѣ достоинства превосходныхъ поэтовъ и ораторовъ, отъ которыхъ до насъ дошли по большей части только одни имена, и въ концѣ концовъ привели меня къ тому убѣжденію, что для того, чтобъ мыслить о предметахъ, необходимо прежде собрать ихъ большой запасъ, и что для того, чтобъ судить о своихъ собственныхъ способностяхъ и о способностяхъ другихъ людей, мы должны прежде сами что-либо произвести или даже потерпѣть неудачу. Много хорошаго узналъ я изъ древней литературы, но это было знаніе школьное, книжное, а не живое. Знаменитѣйшіе ораторы образовались жизнью и объ нихъ, какъ о художникахъ, нельзя иначе разсуждать, какъ говоря въ тоже время и о ихъ личныхъ свойствахъ. Тоже замѣчаемъ мы и у поэтовъ, только въ меньшей степени. Во всякомъ

случаѣ природа и искусство соприкасаются между собой не иначе, какъ чрезъ жизнь, и такимъ образомъ всѣ мои изслѣдованія привели меня въ конечномъ результатѣ опять къ тому же, т. е. что надо изучать внутреннюю и внѣшнюю природу и въ подражаніи ей признать ее самое руководителемъ.»

Чтобъ вполне оцѣнить это мѣсто, мы должны припомнить, что въ то время въ Германіи почти безраздѣльно господствовало направленіе, видѣвшее въ художественномъ творествѣ только способность осуществлять въ своихъ произведеніяхъ извѣстные правила, такъ что поэтъ былъ ни что-иное, какъ только наиболѣе совершенный критикъ. Лессингъ съ благородной откровенностью признается, что всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ своей критической прозорливости. Шиллеръ, какъ извѣстно, задержалъ полетъ своего генія тѣмъ, что крылья своего пегаса отяготилъ Кантовской философій. Даже и самъ Клопштокъ страдалъ излишкомъ критицизма. Конечно, Гете менѣе чѣмъ кто-либо былъ способенъ презрѣть богатой опытностью прошедшаго и признать невѣжество истиннымъ пьедесталомъ поэта, но въ тоже время онъ по самой природѣ своей былъ до такой степени художникъ, что не могъ не сознать недостаточность абстрактныхъ теорій для художественнаго творчества, которое должно быть выраженіемъ дѣйствительной жизни.

Въ это время Гете сообщая съ Готтеромъ перевелъ Гольдсмитовъ «Deserted Village» и вслѣдствіе убѣжденій Готтера помѣстилъ нѣсколько мелкихъ своихъ стихотвореній въ Бойевомъ альманахѣ. «Чрезъ это — говоритъ Гете — вошелъ я въ сношеніе съ кружкомъ людей ¹⁾ молодыхъ и талантливыхъ, которые впоследствии совершили столь многое и на столь различныхъ путяхъ. Бюргеръ, Воссъ, Гёльти, два графа Стольберга и нѣкоторые другіе сгруппировались около Клопштока, и въ этомъ постоянно расширявшемся поэтическомъ кружкѣ образовалось особое направленіе. Какъ назвать это направленіе, не придумаю соотвѣтствующаго

¹⁾ Дюшперъ въ своихъ Studien высказываетъ сомнѣніе, чтобъ связь Гете съ Геттингенской школой началась еще во время пребыванія его въ Вецларѣ. Впрочемъ это обстоятельство не имѣетъ особенной важности.

слова. Его можно охарактеризовать словами «потребность независимости», которая обыкновенно возникает въ мирное время, т. е. тогда именно, когда, собственно говоря, и нѣтъ зависимости. Въ военное время люди терпѣливо переносятъ грубое насилие, страдаютъ физически, экономически, но не чувствуютъ себя нравственно оскорбленными, не считаютъ угнетеніе позорнымъ, для себя, не видятъ ничего постыднаго подчиняться требованію времени, терпѣливо переносятъ страданія и отъ враговъ и отъ друзей, имѣютъ желанія, но не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ стремленій. Въ мирное же время, напротивъ, духъ свободы проявляется въ людяхъ съ особенной силой, и чѣмъ люди свободнѣе, тѣмъ больше они хотятъ свободы, не хотятъ терпѣть надъ собой ничего, что бы ихъ стѣсняло, и не хотятъ, чтобъ кто-либо былъ стѣсненъ. Это высокое, иногда доходящее даже до болѣзненности, чувство въ лучшихъ душахъ принимаетъ форму требованія справедливости. Такой духъ и направленіе обнаруживались тогда повсюду; угнетенныхъ было немного, но хотѣли, чтобъ и эти немногіе были свободны отъ угнетенія, вслѣдствіе чего завязалось нѣчто въ родѣ нравственной борьбы между индивидуумами и правительствомъ, частные лица стали вмѣшиваться въ правительственныя дѣйствія, и это вмѣшательство, имѣвшее вначалѣ столь похвальныя цѣли, привело потомъ къ неисчислимымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Вольтеръ надѣлалъ много шуму своимъ заступничествомъ за семейство Каласъ и чрезъ это заслужилъ себѣ особое уваженіе. Еще большее впечатлѣніе произвела въ Германіи война Лафатера съ ланфохтомъ. Одушевляемое стремленіемъ къ добру и получивъ образованіе, которое подготовляло къ прохожденію государственной службы, молодое поколѣніе принялось съ юношескимъ пыломъ контролировать дѣйствія правительственныхъ органовъ, сдѣлалось чѣмъ-то вродѣ надсмотрщиковъ надъ чиновниками, и приближалось уже время, когда драматурги и романисты стали предпочтительно искать своихъ злодѣевъ между министрами и вообще официальными лицами. Отсюда возникъ полу-воображаемый, полу-дѣйствительный міръ дѣйствія и воздѣйствія, породившій вполнѣ періодическую литературу, которая, прикрываясь требованіями справедливости, дозволяла себѣ самыя рѣзкія, заносчивыя обвиненія и подстрекательства и производила дѣйствіе тѣмъ болѣе сильное, что успѣла увѣрить

публику, будто она есть верховный судъ, — безразсудное заблужденіе! Никакая публика никогда не имѣла исполнительной власти, и въ раздробленной Германіи мнѣніе публики никогда не приносило никому ни пользы, ни вреда.»

То было время глубокаго броженія въ Европѣ; зачинались уже вѣянія, приведшія къ французской революціи, въ Германіи революціонный духъ сталъ переходить за порогъ кабинетовъ и аудиторій и началось нѣчто въ родѣ литературнаго и философскаго возстанія подъ предводительствомъ Лессинга, Клопштока, Канта, Гердера, Гете. Власть повсюду подвергалась нападеніямъ, потому что повсюду она оказывалась или слабой, или тиранической. Дерзкая рука сорвала наконецъ величественный парикъ Людовика XIV и такъ долго скрываемая имъ плѣшь обнажилась во всей своей наготѣ. Никто уже болѣе не вѣрилъ въ величіе этого *grand monarque*, и менѣе всѣхъ Гете, который въ то время уже написалъ Геца и благоговѣлъ предъ Гомеромъ и Шекспиромъ. «Избавь меня отъ книгъ!—пишетъ Гете-Вертеръ, — не нуждаюсь я больше ни въ какихъ руководителяхъ, для меня излишни всякія возбужденія и подстрекательства, сердце мое и такъ бьетъ чрезъ край, мнѣ нужна скорѣе колыбельная пѣснь, и я нашелъ ее въ Гомерѣ. Какъ часто убаюкиваетъ онъ мою бунтующую кровь!» Переписка съ Кестнеромъ подтверждаетъ давно уже существовавшее мнѣніе, что въ Вертерѣ есть многое изъ собственной жизни Гете,—она свидѣлствуетъ, что Гете въ то время былъ подверженъ по временамъ глубокому упадку духа, который сопровождался самымъ страстнымъ возбужденіемъ. Онъ любилъ уединеніе, много читалъ, рисовалъ ландшафты. «Чудная веселость — пишетъ Вертеръ — низошла мнѣ въ душу, свѣтлая, какъ весеннее утро, которымъ я теперь наслаждаюсь. Я одинокъ и счастливъ моимъ одиночествомъ; эти мѣста какъ будто нарочно созданы именно для такихъ душъ, какъ моя. Я такъ счастливъ и до такой степени всецѣло погружаюсь въ чувство невозмутимо спокойнаго наслажденія бытіемъ, что даже мои занятія страдаютъ отъ этого,—не могу рисовать, не могу взять карандаша въ руки, а между тѣмъ чувствую, что никогда не былъ я въ такой степени художникъ, какъ теперь.

«Когда туманъ начнетъ подниматься надъ долиной и лучи вос-

ходящаго солнца озарять вершины деревъ лѣсной чащи, гдѣ царствуетъ непроницаемая игла, во святилище которой только изрѣдка украдкой кое-гдѣ проникають лучи свѣта, отправляюсь я на берегъ ручья, ложусь въ высокую траву,—кругомъ меня тысячи безконечно разнообразныхъ травокъ, среди которыхъ копошатся несмѣтные рои разнообразнѣйшихъ червячковъ и мушекъ, и всѣ эти мелкія созданія становятся тогда такъ близки моему сердцу, тогда я чувствую присутствіе Всемогущаго, который насъ создалъ по своему образу, ощущаю всеобъемлющую любовь Того, который царитъ въ вѣчной радости, согрѣвая и питая свои созданія.... О! еслибъ ты зналъ, мой другъ, какъ тогда становится свѣтло; въ эти минуты весь міръ и все небо — здѣсь, въ моей душѣ, какъ образъ той, которую любишь, и часто въ эти минуты мной овладѣваетъ жажда творчества, и я говорю самъ себѣ: еслибъ я могъ выразить, вдохнуть въ полотно ту жизнь, которая такъ горячо обхватываетъ меня, то я произвелъ бы твореніе, которое отразило бы въ себѣ мою душу, какъ моя душа отражаетъ въ себѣ безконечнаго Бога!»

Образъ Фредерики неотступно преслѣдовалъ Гете. Чтобъ забыть его, ему нужна была новая любовь. «Когда я былъ мальчикомъ,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Зальцману, — посадилъ я вишневое дерево и съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ оно росло; въ первый годъ морозъ обиль цвѣтъ и я долженъ былъ ждать плодовъ до другаго года, но опять напрасно: вишни мои были поѣдены птицами; на третій годъ ихъ поѣла гусеница, потомъ оборвалъ ихъ жадный сосѣдъ, потомъ поѣлъ червь.... но когда у меня опять будетъ садъ, я опять посажу вишневое дерево.» Такъ онъ и жилъ; «переходя отъ одной любви къ другой, онъ былъ постояненъ только въ своемъ непостоянствѣ.» ¹⁾ Новый предметъ любви, котораго образъ затмилъ собою образъ Фредерики, былъ ни кто другой, какъ Шарлота Буфъ, о которой мы упоминали выше. Еще за два года до пріѣзда Гете въ Вецларъ, у нея умерла мать и поэтому всѣ заботы о маленькихъ братьяхъ и сестрахъ и все домашнее хозяйство лежали на ней. Ей было всего шестнадцать

¹⁾ Monckton Milnes.

лѣтъ, но у ней было много здраваго ума, много терпѣнія, способностей, и молодость не мѣшала ей съ успѣхомъ исполнять ея трудныя обязанности. Два года уже была она невѣстой Кестнера, который служилъ секретаремъ при Ганноверскомъ посольствѣ. Жениху ея было двадцать четыре года; это былъ человѣкъ ровнаго характера, регулярнаго образа жизни, даже нѣсколько формалистъ, но при этомъ мыслящій, образованный, добрый и великодушный, какъ это свидѣтельствуетъ его переписка, вообще человѣкъ весьма достойный, и мы не должны его смѣшивать съ Вертеровскимъ Альбертомъ, несмотря на все сходство ихъ положенія. Мы уже видѣли, какъ Гете познакомился съ Кестнеромъ; теперь расскажемъ, какъ познакомился онъ съ Лоттой. ¹⁾ Мы советуемъ читателю взять Вертера и сравнить рассказъ, какъ Вертеръ познакомился съ Лоттой, съ слѣдующей выпиской изъ письма Кестнера къ одному пріятелю:... «9-го іюля (1772 г.) былъ я съ моею невѣстой на одномъ сельскомъ балѣ, гдѣ былъ также и Гете. Я не могъ ѣхать въ одно время съ другими и пріѣхалъ туда уже послѣ. Невѣста же моя отправилась туда прежде меня въ болѣшомъ обществѣ. Въ одномъ экипажѣ съ ней ѣхалъ Гете. Онъ тутъ только въ первый разъ ее увидѣлъ. У него много познаній, онъ много изучалъ природу, стремясь постичь ея красоты, какъ физическія, такъ и нравственныя. Ни одна изъ здѣшнихъ женщинъ ему не нравилась. Но Лотхенъ съ перваго же разу обратила на себя его вниманіе. Она еще молода; у нея нѣтъ правильной красоты (я очень хорошо знаю, что красота неимѣетъ правилъ, но таковъ общепринятый способъ выраженія), тѣмъ не менѣе наружность ея чрезвычайно привлекательна; взглядъ у нея свѣтлый, точно весеннее утро, а въ этотъ день она была особенно весела, такъ какъ очень любитъ танцы. Одѣта она была чрезвычайно просто. Гете съ перваго же разу замѣтилъ, что она умѣетъ чувствовать красоты природы и оцѣнилъ ея неподдѣльный юморъ, или, правильнѣе сказать, не юморъ, а веселый ея нравъ. Онъ не зналъ, что она уже не свободна. Я пріѣхалъ часами двумя позднѣе ихъ. Въ обществѣ мы съ невѣстой держимъ себя, какъ близкіе друзья,

¹⁾ Лотта, Лотхенъ — уменьшительныя отъ Шарлоты.

ходящаго солнца озарять вершины деревъ лѣсной чащи, гдѣ царствуетъ непроницаемая игла, во святилище которой только изрѣдка украдкой кое-гдѣ проникають лучи свѣта, отправляюсь я на берегъ ручья, ложусь въ высокую траву,—кругомъ меня тысячи безконечно разнообразныхъ травокъ, среди которыхъ копошатся несмѣтные рои разнообразнѣйшихъ червячковъ и мушекъ, и всѣ эти мелкія созданія становятся тогда такъ близки моему сердцу, тогда я чувствую присутствіе Всемогущаго, который насъ создалъ по своему образу, ощущаю всеобъемлющую любовь Того, который царитъ въ вѣчной радости, согрѣвая и питая свои созданія.... О! еслибъ ты зналъ, мой другъ, какъ тогда становится свѣтло; въ эти минуты весь міръ и все небо — здѣсь, въ моей душѣ, какъ образъ той, которую любишь, и часто въ эти минуты мной овладѣваетъ жажда творчества, и я говорю самъ себѣ: еслибъ я могъ выразить, вдохнуть въ полотно ту жизнь, которая такъ горячо обхватываетъ меня, то я произвелъ бы твореніе, которое отразило бы въ себѣ мою душу, какъ моя душа отражаетъ въ себѣ безконечнаго Бога!»

Образъ Фредерики неотступно преслѣдовалъ Гете. Чтобъ забыть его, ему нужна была новая любовь. «Когда я былъ мальчикомъ,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Зальцману, — посадилъ я вишневое дерево и съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ оно росло; въ первый годъ морозъ обиль цвѣтъ и я долженъ былъ ждать плодовъ до другаго года, но опять напрасно: вишни мои были поѣданы птицами; на третій годъ ихъ поѣла гусеница, потомъ оборвалъ ихъ жадный сосѣдъ, потомъ поѣлъ червь.... но когда у меня опять будетъ садъ, я опять посажу вишневое дерево.» Такъ онъ и жилъ; «переходи отъ одной любви къ другой, онъ былъ постояненъ только въ своемъ непостоянствѣ.» ¹⁾ Новый предметъ любви, котораго образъ затмилъ собою образъ Фредерики, былъ ни кто другой, какъ Шарлота Буфъ, о которой мы упоминали выше. Еще за два года до пріѣзда Гете въ Веймаръ, у нея умерла мать — отъ этому всѣ заботы о маленькихъ братьяхъ и сестрахъ и домашнее хозяйство лежали на ней. Ей было

¹⁾ Monckton Milnes.

не болѣе. Гете этотъ день былъ чрезвычайно веселъ (что съ нимъ довольно рѣдко, по большей же части онъ бываетъ задумчивъ); Лотхенъ совершенно очаровала его, и очаровала тѣмъ болѣе, что нисколько объ этомъ не заботилась и веселилась съ полнымъ увлеченіемъ. На другой день не обошлось безъ того, чтобъ Гете не освѣдомился о ея здоровьи. Наканунѣ онъ видѣлъ ее веселой дѣвушкой, которая любитъ танцы, развлечения, а теперь онъ увидалъ ее съ другой стороны, въ домашнемъ ея быту, гдѣ она особенно очаровательна.»

Судя по этому описанію, Лотхенъ была въ своемъ родѣ прелестное созданіе. Она не получила особеннаго образованія, въ ней не было ничего особенно поэтического, и, прибавимъ къ этому, она вовсе не была та сентиментальная дѣвушка, какой описывается героиня Вертера; это была прямодушная, скромная, веселая, простосердечная нѣмочка, неоцѣнимая хозяйка, общавшая быть превосходной женой. Гете съ перваго же дня знакомства влюбился въ нее. Вотъ что говоритъ самъ ея женихъ: «Нельзя сказать про нее, чтобъ она была то, что называютъ *une beauté*, принимая это выраженіе въ обыкновенномъ его смыслѣ; но въ моихъ глазахъ она—красавица, и во всякомъ случаѣ она—очаровательная дѣвушка, способная увлечь за собой цѣлый рой поклонниковъ, и молодыхъ и старыхъ, и серьезныхъ и важныхъ, и умныхъ и глупыхъ, и т. д. Она умѣетъ сразу дать почувствовать своимъ обожателямъ, что имъ одно спасенье: или бѣгство отъ нея, или ея дружба. Изъ числа ея обожателей я упомяну объ одномъ, который замѣчательнѣе всѣхъ и притомъ онъ до сихъ поръ имѣетъ на нее вліяніе. По годамъ это — молодой человѣкъ 23 лѣтъ, но по своимъ познаніямъ, по умственному развитію и по опытности это уже зрѣлый мужъ необыкновеннаго ума и замѣчательной твердости характера. Родители его думаютъ, что онъ у насъ, въ Вецларѣ, занимается судебной практикой, а на самомъ дѣлѣ онъ совершенно погрузился въ изученіе природы, въ стремленіе къ истинѣ, читаетъ Гомера, Пиндара. Онъ имѣетъ обезпеченное состояніе и ему нѣтъ надобности заботиться о средствахъ къ существованію. Совершенно случайно, и уже много времени спустя по пріѣздѣ въ Вецларъ, познакомился онъ съ Лотхенъ и нашелъ въ ней свой идеалъ женщины. Въ первый разъ онъ по-

знакомился съ ней въ обществѣ, гдѣ она очень веселилась; потомъ узналъ ее и съ другой, лучшей ея стороны, въ домашнемъ ея быту, однимъ словомъ, сдѣлался ея поклонникомъ. Не могъ онъ долго оставаться въ неизвѣстности, что она ему кромѣ дружбы ничего дать не можетъ. Держала она себя по отношенію къ нему примѣрнымъ образомъ. При такомъ совпаденіи сердечныхъ влеченій вскорѣ мы съ нимъ коротко узнали другъ друга и между нами завязались самыя крѣпкія узы дружбы. Хотя онъ и видѣлъ, что не можетъ имѣть никакихъ надеждъ относительно Лотхенъ и на самомъ дѣлѣ отрекся отъ всякихъ надеждъ, но не смотря на весь свой умъ и на всю свою гордость не могъ совладать съ собой и заглушить свою страсть. По своимъ качествамъ онъ весьма оцѣненъ для дѣвушки и особенно для дѣвушки впечатлительной и умѣющей цѣнить достоинства въ людяхъ. Лотхенъ вела себя по отношенію къ нему такъ, что не подавала ему и тѣни надежды, и онъ не могъ не удивляться ея умѣнью держать себя. Онъ совершенно утратилъ спокойствіе духа. Было нѣсколько памятныхъ мнѣ сценъ, и эти сцены кончались всегда тѣмъ, что Лотхенъ еще болѣе выигрывала въ моихъ глазахъ, а онъ становился мнѣ еще болѣе дорогъ. Не разъ случалось, что я не могъ надивиться, до чего страсть можетъ доводить даже такого сильнаго человѣка, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ обнаруживалъ большую твердость характера. Мнѣ было жаль его. Не разъ разгаралась во мнѣ внутренняя борьба. Я не въ силахъ, думалъ я, сдѣлать ее столь счастливой, какъ онъ, но въ тоже время я не могъ помириться съ мыслью утратить ее. Последнее взяло верхъ. Въ Лотхенъ я все время ни разу не замѣчалъ ни малѣйшаго признака колебанія.»

Слѣдующій отрывокъ также изъ письма Кестнера бросаетъ еще болѣе ясный свѣтъ на всю эту исторію. «Мои отношенія къ Лотхенъ не заходятъ далѣе тѣхъ обязательствъ, какія принимаетъ на себя честный человѣкъ, когда оказываетъ дѣвушкѣ предпочтеніе предъ другими, даетъ ей замѣтить, что и отъ нея желаетъ того же, и получаетъ въ отвѣтъ даже не только предпочтеніе, но и знаки полнаго расположенія. По моему мнѣнію подобныя отношенія обзываютъ честнаго человѣка, тѣмъ болѣе, когда они длятся уже годы. Къ этому надо прибавить, что мы съ Лотхенъ объяснились

другъ другу съ полной откровенностью и часто откровенно говорили между собой о своихъ чувствахъ, что доставляетъ намъ большое удовольствіе, но при этомъ — никакихъ обѣтовъ, никакихъ клятвенныхъ завѣреній.» Отсутствіе всякаго рода формальностей, какими обыкновенно закрѣпляются отношенія между женихомъ и невѣстой, дѣлало положеніе Кестнера еще болѣе труднымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какое трудное положеніе для всѣхъ трехъ! Какое требовалось высокое благородство характеровъ, чтобы при подобномъ положеніи мелкая ревность ни разу не возвысила голоса и все время, безъ малѣйшаго перерыва, между дѣйствующими лицами сохранились самыя дружественныя искреннія отношенія! Нельзя не признать, что эта драма даетъ намъ самое высокое понятіе о великодушіи и благородствѣ Кестнера и объ обаятельной личности Гете. Увѣренный въ честности своего друга и въ вѣрности своей невѣсты, Кестнеръ ни разу не нарушилъ близкихъ искреннихъ отношеній ни малѣйшимъ намекомъ, ни малѣйшимъ признакомъ ревности. Гете былъ постоянно въ домѣ Лотхенъ. Приходъ его всегда былъ праздникомъ для дѣтей, которыя обыкновенно окружали его и заставляли рассказывать себѣ разныя исторіи. Вообще къ дѣтямъ Гете всегда выказывалъ большую любовь, но на этотъ разъ окружавшія его дѣти были для него вдвойнѣ милы, потому что это были сестры и братья Лотхенъ.

Была еще одна личность въ Вецларѣ, на которой мы должны остановить наше вниманіе,—иѣкто Іерусалемъ, сынъ Риддагсгаузенскаго аббата, ¹⁾ красивый, бѣлокурый юноша съ кроткими голубыми глазами и съ меланхолическимъ выраженіемъ лица. Онъ состоялъ секретаремъ при Брауншвейгскомъ посольствѣ и слѣдовательно былъ товарищемъ Гуэ. Лессингъ почтилъ его своей дружбой и впоследствии издалъ его философскія статьи ²⁾ съ своимъ

¹⁾ Риддагсгаузенскій аббатъ—не католикъ, какъ можно подумать по титулу, а протестантъ. Самый монастырь былъ уничтоженъ еще за два столѣтія предъ этимъ, но титулъ аббата былъ оставленъ и съ нимъ соединались нѣкоторые доходы.

²⁾ Вотъ заглавія этихъ статей: 1) Языкъ не могъ быть сообщенъ первому человеку посредствомъ чуда. 2) О природѣ и происхожденіи общихъ и абстрактныхъ понятій. 3) О свободѣ. 4) О Мендельсоновой теоріи чувственныхъ наслажденій. 5) О смѣшанныхъ чувствованіяхъ.

предисловіемъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ Лессингъ въ этомъ предисловіи: «Въ бытность свою въ Вольфенбюттелѣ онъ подружился со мной. Не долго пользовался я его дружбой, но я не знаю человѣка, который бы въ столь короткое время успѣлъ внушить мнѣ столь сильную къ себѣ привязанность. Правда, я его зналъ собственно только съ одной стороны, но съ такой, которая, по моему мнѣнію, даетъ полное основаніе заключить обо всѣхъ остальныхъ. Я видѣлъ въ немъ сильное стремленіе къ знанію и большую способность преслѣдовать истину до самыхъ послѣднихъ ея результатовъ. Это былъ умъ, способный къ хладнокровному наблюденію и въ тоже время одушевленный такимъ пылкимъ стремленіемъ къ истинѣ, котораго не могли охладить никакія препятствія. Сколько чувства, сердечной теплоты и энергіи было въ этомъ молодомъ изслѣдователѣ, въ какой высокой степени соединялъ онъ въ себѣ всѣ лучшія качества человѣка, — другіе болѣе близкіе къ нему друзья знаютъ это еще лучше, чѣмъ я.»

Меланхолическое настроеніе духа нерѣдко наводило его на мысль о самоубійствѣ, — онъ много думалъ объ этомъ и оправдывалъ самоубійство съ точки зрѣнія своей философской теоріи. Вслѣдствіе несчастной страсти къ женѣ одного изъ своихъ друзей, припадки меланхоліи у него усилились и мысль о самоубійствѣ стала возвращаться съ большей настоятельностью. Исходъ этой страсти мы расскажемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь ограничимся только замѣчаніемъ, что этотъ юноша принадлежалъ къ кругу Вецларскихъ знакомыхъ Гете, но близкихъ отношеній между нимъ и Гете никогда не было, ни теперь въ Вецларѣ, ни прежде въ Лейпцигѣ, гдѣ они были въ одно время студентами. Причиной этому была малообщительность Іерусалема, его сосредоточенность въ самомъ себѣ. Впрочемъ какъ бы то ни было, но знакомство съ нимъ дало для Гете матеріалъ, которымъ онъ воспользовался для своего Вертера.

Несчастная страсть Іерусалема представляетъ, повидимому, большое сходство съ несчастной страстью Гете, и поэтому можно было бы ожидать, что между ними установятся самыя тѣсныя отношенія. Но дѣло въ томъ, что, собственно говоря, сходство это едвали только не виѣшнее и страсть Гете едвали можно назвать

несчастной. Она служила для него богатым источником наслаждения; это не была страсть глубокая, всепоглощающая, а скорѣе такъ сказать воображаемая, которая обхватывала только поэта, а не человѣка. Лотхенъ раздражила его поэтическое воображеніе; ея красота, открытый, веселый нравъ, любящій характеръ, привлекательныя манеры, все это очаровало его, а романичность ея положенія еще болѣе возвышала въ его глазахъ ея очаровательность, и при этомъ, хотя и безсознательно, но онъ чувствовалъ, что можетъ съ полной безопасностью предаться чувствамъ, которыя она въ немъ возбуждала. Я увѣренъ, что еслибъ Лотхенъ была свободна, то онъ бѣжалъ бы отъ нея, какъ бѣжалъ отъ Фредерики. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ онъ былъ доволенъ тѣмъ, что она не могла ему принадлежать, — онъ былъ неспокоенъ, недоволенъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже несчастливъ, онъ искренно вѣрилъ, что отчаянно влюбленъ въ Лотхенъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого вовсе не было и онъ былъ только влюбленъ въ свои собственныя чувства: значеніе этихъ словъ легко пойметъ каждый, кто болѣе или менѣе близко знакомъ съ свойствами поэтическихъ натуръ.

Такъ прошло лѣто. Въ августѣ Гете ѣздилъ на короткое время въ Гиссенъ, чтобъ видѣться съ профессоромъ Гёпфнеромъ, который былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ *Frankfurter Gelehrten Anzeigen*. По своей страсти принимать на себя incognito, Гете явился къ профессору въ видѣ скромнаго застѣнчиваго студента, и ему не трудно было ввести профессора въ заблужденіе, такъ какъ они были знакомы между собой только по перепискѣ. Произошла комическая сцена, кончившаяся тѣмъ, что застѣнчивый студентъ бросился наконецъ въ объятія профессора, воскликнувъ: «я — Гете!» Въ Гиссенѣ Гете встрѣтилъ Мерка и уговорилъ ѣхать съ нимъ въ Вецларъ, чтобъ познакомиться съ Лотхенъ. Читая «Автобіографію», можно подумать, что Меркъ не высоко оцѣнилъ достоинства Лотхенъ, но совсѣмъ иное свидѣтельствуемъ намъ его переписка. Вотъ что писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей: «J'ai trouvé aussi l'amie de Goethe, cette fille, dont il parle avec tant d'enthousiasme dans toutes ses lettres. Elle

mérite réellement tout ce qu'il pourra dire du bien sur son compte.» ¹⁾ Меркъ, какъ видно, скрылъ отъ Гете свое истинное мнѣніе и досадилъ ему, дѣлая видъ, будто въ его глазахъ имѣетъ болѣе привлекательности «Юнонинъ образъ» одной изъ подругъ Лотхенъ, на которую онъ указывалъ своему другу какъ на дѣвушку, которая заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ Лотхенъ, и притомъ свободна. Что Гете въ то время оскорбился такимъ мнѣніемъ своего друга, это — въ порядкѣ вещей; но странно, что, припоминая въ старческіе годы этотъ періодъ своей жизни, онъ и тутъ не оцѣнилъ чисто дружескихъ чувствъ, которыя въ этомъ случаѣ одушевляли Мерка, и сравнилъ Мерка съ Мефистофелемъ. Впрочемъ хотя Гете и оскорбился въ то время замѣчаніями своего друга, но эти замѣчанія произвели свое дѣйствіе и ускорили развязку. Положеніе Гете съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе невозможнымъ. Наконецъ онъ рѣшился порвать ихъ и отправиться съ Меркомъ въ путешествіе по Рейну. И дѣйствительно, пора было уже кончить,—какъ ни фиктивна была страсть Гете, фикція легко могла наконецъ стать дѣйствительностью и превратиться въ дѣйствительную пламенную страсть; положеніе было весьма опасное, надо было кончить, а другаго средства кончить не было, какъ бѣжать.

Уѣзжая изъ Вецлара, Меркъ условился съ Гете, что тотъ присоединится къ нему въ Кобленцѣ. Слѣдующіа выписки изъ дневника Кестнера напомнятъ читателю другой эпизодъ изъ жизни Гете, когда онъ уѣхалъ изъ Лейпцига, не простясь съ Кетхенъ. Онъ не любилъ «сценъ» и избѣгалъ прощальныхъ свиданій, которыми обыкновенно такъ дорожатъ влюбленные.

«10-го сентября, 1772. — Сегодня Гете обѣдалъ со мной въ саду; я не зналъ, что это въ послѣдній разъ.... Вечеромъ онъ былъ у Лотхенъ. Между нами тремя завязался разговоръ о будущей жизни. Разговоръ объ этомъ началъ не онъ, а Лотхенъ. Мы условились, что кто умретъ прежде, тотъ долженъ сообщить оставшимся въ живыхъ свѣдѣнія о загробной жизни. Гете былъ весьма грустенъ,—онъ зналъ, что завтра утромъ его уже не будетъ въ Вецларѣ.

¹⁾ Briefe aus dem Freundeskreise von Goethe. Herder, Merck, p. 59.

«11-го сентября, 1772.—Сегодня, въ семь часовъ утра, Гете уѣхалъ не простясь. Онъ прислалъ мнѣ записку и книги. За нѣсколько времени до этого онъ говорилъ, что намѣренъ поѣхать въ Кобленцъ, гдѣ его долженъ ожидать Меркъ, и что уѣдетъ внезапно, безъ всякихъ прощаній. Но хотя я и ожидалъ, что онъ уѣдетъ, тѣмъ неменѣе я вовсе не былъ приготовленъ къ этому и извѣстіе объ его отъѣздѣ глубоко поразило меня. Когда я поутру возвратился домой изъ Диктатуры, меня встрѣтили словами: «вотъ это сегодня въ 10 часовъ принесли вамъ отъ доктора Гете.» Уѣхалъ! подумалъ я, увидавъ книги и записку,—предчувствіе мое оправдалось и я былъ глубоко огорченъ. Вскорѣ потомъ пришелъ ко мнѣ Гансъ ¹⁾ спросить меня, дѣйствительно ли Гете уѣхалъ. Потомъ явилась горничная отъ тайной совѣтницы Лангенъ и объявила отъ имени своей барыни, что это со стороны г-на Гете «весьма неприличный поступокъ— уѣхать такимъ образомъ, не простившись.» Лотхенъ поручила на это сказать г-жѣ Лангенъ: «кто же виноватъ, что вы не воспитали лучше вашего племянника.» Чтобъ удостовѣриться окончательно въ отъѣздѣ Гете, Лотхенъ послала къ нему бывший у нея его ящикъ, но посланный не нашелъ его дома. Въ срединѣ дня тайная совѣтница Лангенъ прислала сказать, что она «напишетъ къ матери г-на Гете о неприличномъ поступкѣ ея сына.» Дѣти только и твердили: «Докторъ Гете уѣхалъ!» Въ полдень видѣлъ я г. фонъ-Борна, который сопровождалъ Гете верхомъ до Брунфельса. Гете рассказывалъ ему дорогой о разговорѣ, который происходилъ между нами наканунѣ, и былъ весьма грустенъ. По полудни я отдалъ Лотхенъ записку отъ Гете. Она была очень огорчена его отъѣздомъ, и когда читала записку, слезы навернулись у ней на глазахъ. Но въ тоже время она была довольна, что онъ уѣхалъ, такъ какъ не могла отвѣчать на его любовь. Между нами только и разговоровъ было что о немъ; я ни о чемъ другомъ думать не могъ. Одинъ неразумительный господинъ вздумалъ порицать его поступокъ,—я заступился за него, и заступился съ большимъ жаромъ. Потомъ я написалъ ему, что произошло по его отъѣздѣ.»

¹⁾ Одинъ изъ братьевъ Лотхенъ.

Какъ ярко это безыскусственное описаніе обрисовываетъ предъ нами дѣйствительное положеніе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ эпизодѣ! Женихъ и невѣста огорчены отъѣздомъ друга. Дѣти горюютъ, что ихъ Гете уѣхалъ. Приведенный отрывокъ изъ дневника Кестнера удостовѣряетъ насъ, что вся эта исторія при всѣхъ ея странностяхъ и при всѣхъ опасностяхъ, какія она представляла, вовсе не была плодомъ болѣзненного сентиментализма. Еслибъ Гете былъ дѣйствительно тотъ сентиментальный Вертеръ, котораго онъ описалъ въ романѣ, то у него не хватило бы силъ покончить такъ, какъ онъ покончилъ,—онъ сдѣлалъ бы тоже, что сдѣлалъ Вертеръ, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. Замѣтьте при этомъ, какая достойная личность этотъ Кестнеръ по сравненію съ холоднымъ Вертеровскимъ Альбертомъ, — какое требовалось высокое благородство характера, чтобъ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ, не обрадоваться отъѣзду соперника и на радостяхъ не забыть, что теряешь друга. Кестнеръ знаетъ, что его другъ ему соперникъ,—мало этого, онъ такъ высоко цѣнитъ своего соперника, что даже сомнѣвается, въ состояніи ли доставить Лотхенъ то счастье, какое, по его мнѣнію, можетъ доставить ей этотъ соперникъ, и при всемъ этомъ не радуется его отъѣзду, а, напротивъ, скорбитъ объ отсутствіи друга.

Вотъ записка отъ Гете, о которой упоминается въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ дневника Кестнера:

«Я уѣхалъ, Кестнеръ. Когда вы получите эту записку, меня уже здѣсь не будетъ. Прилагаемую записку передайте Лотхенъ. Я былъ совсѣмъ укрѣпившись духомъ, но вчерашній нашъ разговоръ разорвалъ мнѣ сердце на части. Я теперь ничего не могу вамъ сказать, кромѣ только: прощайте! Еслибъ я еще минуту пробылъ съ вами подольше, я бы не выдержалъ. Теперь я одинъ и завтра уѣзжаю. О! моя бѣдная голова.»

Вотъ его записка къ Лотхенъ:

«Конечно я надѣюсь возвратиться, но когда, Богъ знаетъ. Лотта, каково было у меня на сердцѣ при твоихъ словахъ! Вѣдь я зналъ, что вижу васъ въ послѣдній разъ. Нѣтъ, не въ послѣдній, но все-же я завтра уѣзжаю. Я уѣхалъ. Какой духъ навелъ васъ на этотъ разговоръ. Онъ вызывалъ меня излить всѣ мои чувства. Ахъ! Всѣ мои мысли были тогда тутъ, на землѣ,

были о томъ, что эту руку я пѣлаю въ послѣдній разъ, въ эту комнату не возвратиться мнѣ болѣе, вашъ добрый отецъ въ послѣдній разъ проводить меня. Теперь я одинокъ и могу плакать; я покидаю васъ счастливыми и остаюсь въ вашихъ сердцахъ. Я увижу васъ еще, но не завтра, а не-завтра значитъ никогда. Скажи малюткамъ, онъ уѣхалъ! Больше не могу.»

ГЛАВА IV.

Приготовленія къ Вертеру.

Гете пустился въ путь пѣшкомъ по направленію къ Лану, а багажъ свой отправилъ прямо въ Кобленцъ, въ домъ къ г-жѣ Ларошъ, гдѣ долженъ былъ ожидать его Меркъ. Дорога шла берегомъ рѣки. Тихая-сладостная грусть овладѣла теперь его сердцемъ и онъ задумчиво подвигался по дорогѣ. Раскрывавшіеся предъ нимъ живописные ландшафты наконецъ привлекли его вниманіе и въ немъ снова возродилось давнишнее желаніе сдѣлаться живописцемъ. Способностей къ живописи у него вовсе не было, а между тѣмъ желаніе сдѣлаться живописцемъ часто посѣщало его и на этотъ разъ было такъ сильно, что онъ даже задумался, не слѣдуетъ ли ему посвятить себя живописи, и пришелъ къ тому, что надо наконецъ этотъ вопросъ рѣшить окончательно разъ навсегда. Странный способъ придумалъ онъ для рѣшенія. Предъ нимъ текла рѣка, мѣстами скрываясь, мѣстами проглядывая промежъ ивъ. Онъ вынулъ перочинный ножъ изъ кармана, ввялъ его въ лѣвую руку и бросилъ въ рѣку, задумавъ при этомъ, если увидить, какъ ножъ упадетъ въ воду, то сдѣлаться живописцемъ, а если ножъ упадетъ за ивами, такъ что его не будетъ видно, то навсегда оставить эту мысль. Случилось такъ, что полученный имъ отвѣтъ былъ не менѣе загадоченъ, чѣмъ отвѣты древнихъ оракуловъ: какъ ножъ падалъ въ воду, онъ не

видалъ за ивами, но ясно видѣлъ, какъ всколыхнулась вода при его паденіи,—и такимъ образомъ задуманный имъ вопросъ остался нерѣшеннымъ. ¹⁾

Онъ продолжалъ свой путь пѣшкомъ до Эмса; здѣсь сѣлъ онъ въ лодку и вскорѣ глазамъ его предсталъ старый Рейнъ. Въ своей «Автобіографіи» съ особеннымъ чувствомъ упоминаетъ онъ о великолѣпномъ мѣстоположеніи Оберланштейна и въ особенности о великолѣпномъ замкѣ Эренбрейтштейнъ. Въ Кобленцѣ семейство Ларошъ приняло его самымъ радушнымъ образомъ; оно было уже предупреждено Меркомъ о его приѣздѣ. Въ короткое время Гете совершенно освоился въ этой прекрасной семьѣ; литература сближала его съ матерью, серьезный умъ и веселость—съ отцомъ, юность и поэзія—съ дочерьми. Г-жа Ларошъ, первая любовь Виланда, была авторъ романа въ Ричардсоновскомъ вкусѣ, подъ заглавіемъ: *Die Geschichte des Fräuleins von Sternheim*. Шеферъ замѣчаетъ, что гостепріимство, съ какимъ она принимала Гете, Мерка и другихъ, было, быть можетъ, не совсѣмъ безкорыстно, не совсѣмъ чуждо мысли приобрѣсть благосклонныхъ критиковъ для своего романа. Если дѣйствительно таковы были ея намѣренія, то относительно Гете они увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Гете помѣстилъ разборъ ея романа въ *Frankfurter Gelehrten Anzeigen*. Чему обязана была г-жа Ларошъ этой любезностью со стороны поэта, самой ли себѣ или прелестямъ своей дочери Максимилианы, исторія умалчиваетъ, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что сердце юнаго критика было неравнодушно къ чернымъ глазамъ дочки. Максимилиана Ларошъ играетъ роль въ *Вертеръ* подъ именемъ M-lle В.; но еще болѣе интересуется она насъ, какъ

¹⁾ Этотъ способъ вопрошать судьбу напоминаетъ намъ рассказъ Руссо въ *Confessions* (Livr. VI), какъ онъ бросилъ камень въ дерево, задумавъ, если попадетъ, значитъ будетъ спасенъ, а если не попадетъ, то будетъ въ аду. «Ce qui véritablement n'était pas difficile, car j'avais eu le soin de le choisir fort gros et fort près; depuis lors je n'ai plus douté de mon salut.» Не по воспоминанію ли объ этой выходкѣ Руссо бросилъ Гете въ рѣку свой ножъ? *Confessions* появились въ 1768 г., т. е. за четыре года до того времени, когда Гете совершалъ свое странствованіе изъ Вецлара въ Ланъ. Впрочемъ изъ одного письма его къ г-жѣ Фокъ-Штейнъ надо, повидимому, заключить, что онъ читалъ *Confessions* въ первый разъ не прежде, какъ въ 1782 г.

будущая мать Беттины. Молодые люди, какъ кажется, весьма умильно поглядывали другъ на друга, бѣтали, сантиментальничали, а Лотхенъ какъ будто и не существовало на свѣтѣ. Читатель не долженъ удивляться этому, не долженъ забывать, какая подвижная натура у нашего поэта. Минутами онъ несчастливъ, но только минутами,—въ немъ жизнь бьетъ чрезъ край, сила воли и чрезвычайная воспримчивость къ новымъ впечатлѣніямъ ограждаютъ его вѣчно-дѣятельную натуру отъ подобного потрясенія, какое убило Вертера,—его не задавило горе, что Лотхенъ его принадлежитъ другому, и онъ остался доступенъ новымъ самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, и серьезнымъ, и веселымъ. Каково было въ то время его душевное состояніе, объ этомъ между прочимъ, можетъ свидѣтельствовать намъ сарказмъ, юморъ его произведеній: *Pater Brey* и *Satyros*, которые хотя и не имѣютъ сами по себѣ никакихъ особенныхъ достоинствъ, но замѣчательны, какъ продукты Вертеровскаго періода. Кромѣ того, чтобъ убѣдиться въ справедливости моихъ замѣчаній, обратите вниманіе, въ какомъ настроеніи духа совершаетъ онъ поѣздку по Рейну, куда отправляется въ обществѣ Мерка и его семейства: «ручьи, долины, плоды, зелень, утесы, лѣса, поля, горы, виноградники, мрачные опустѣлые замки, полуразвалившіеся, пощѣдѣлыя ихъ стѣны, покрытыя новой свѣжей зеленью», Рейнфельсъ, С. Горъ, Бахарахъ, Бингенъ, Эльфельдъ, Биберихъ, все приводитъ его въ восторгъ, — онъ всецѣло, беззаботно погружается въ наслажденіе природой, жизнь для него какъ будто праздничный лѣтній день.

Возвратясь во Франкфуртъ, онъ занялся юриспруденціей, литературой, рисованіемъ. Какъ разъ въ это время пріѣхали на франкфуртскую ярмарку странствующие итальянцы съ гипсовыми моделями древнихъ статуй, что тогда было большой рѣдкостью. Гете накупилъ цѣлую коллекцію этихъ статуй,—ихъ видъ воскресилъ въ немъ впечатлѣніе, какое онъ нѣкогда ощутилъ въ Мангеймѣ, когда въ первый разъ увидалъ модели древнихъ произведеній. Говоря о художественныхъ его занятіяхъ, мы должны замѣтить, что теперь преимущественное вниманіе его привлекала Голландская живопись. Онъ сталъ рисовать мертвую природу. Съ особенной гордостью упоминаетъ онъ объ одномъ изъ этихъ ри-

сунковъ, и что же это былъ за рисунокъ, какъ бы вы думали?— изображение черепаховой ручки перочиннаго ножа, обдѣланной въ серебро! У него Гецъ Фонъ Берлихингенъ въ портфелѣ, а онъ находить удовольствіе рисовать ручку перочиннаго ножа!

Теперь онъ занимался юриспруденціей съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ когда-либо. Старикъ отецъ находилъ удовольствіе перебирать вмѣстѣ съ нимъ разные юридическіе акты и, довольный его прилежаніемъ, снисходительно смотрѣлъ на прочія занятія «этого страннаго человѣка», какъ онъ его называлъ, и нельзя сказать, чтобъ несправедливо. Литературныхъ проектовъ у юнаго поэта было теперь очень много; кромѣ того *Francfurt Journal* часто давалъ ему поводъ къ выраженію своихъ мнѣній по разнообразнымъ вопросамъ, и литературнымъ, и богословскимъ, и даже политическимъ. Весьма замѣчательно слѣдующее мѣсто въ одной изъ его статей, которая была имъ написана въ это время въ отвѣтъ на сѣтованія, что у нѣмцевъ нѣтъ отечества, нѣтъ патриотизма. «У насъ есть мѣсто на землѣ, гдѣ мы спокойно пребываемъ съ предметами нашей собственности, есть поле, которое насъ питаетъ, домъ, который укрываетъ насъ отъ непогоды, — развѣ это не отечество? Какъ будто тысячи тысячъ людей во всѣхъ государствахъ не довольствуются этимъ отечествомъ? И развѣ они не счастливы въ этой ограниченной сферѣ? Къ чему же тщетная погоня за такимъ чувствомъ, которое для насъ и недоступно и невозможно, которое и было и есть только у нѣкоторыхъ народовъ и притомъ только въ извѣстныя эпохи, какъ результатъ совпаденія многихъ счастливыхъ обстоятельствъ? Римскій патриотизмъ! Избави насъ Богъ отъ него. Это для насъ великанъ. Мы тогда не нашли бы стула, чтобъ сѣсть, постели, гдѣ бы могли улечься». Въ это время онъ занимался также переработкой своего Геца. Перечитывая рукопись, онъ нашелъ, что погрѣшилъ не только противъ единства времени и мѣста, но и противъ единства плана. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ:

«Такъ какъ я принялся за работу, не составивъ пепередъ твердаго плана, далъ волю своему воображенію и вполне предался своимъ стремленіямъ, то хотя сначала я и держался предмета довольно твердо и первые акты вышли въ удовлетворительной степени соответствующими тому, чѣмъ быть должны, но въ концѣ

меня безсознательно увлекло странное чувство. Созерцая прелестный образъ Адельгейды, я просто влюбился въ него, — перо мое безсознательно увлекалось ею, интересъ къ ея судьбѣ взялъ перевѣсъ надъ всѣмъ прочимъ, и такъ какъ Гецъ въ концѣ мало является на сценѣ и показывается только для того, чтобъ принять несчастное участіе въ крестьянской войнѣ, то весьма естественно, что образъ прелестной женщины совершенно вытѣснилъ изъ головы автора образъ Геца, и авторъ, сбрасывая съ себя цѣпи, налагаемыя искусствомъ, думалъ открыть этимъ себѣ новое поле. Я скоро увидалъ этотъ недостатокъ или, лучше сказать, это заслуживающее порицанія излишество, такъ какъ моя поэтическая натура всегда отличалась тѣмъ свойствомъ, что единство было для нея потребностью. Отложивъ въ сторону и жизнеописаніе Геца и германскія древности, я исключительно сосредоточилъ все вниманіе на своемъ собственномъ произведеніи и старался сдѣлать его наивозможно болѣе историческимъ и народнымъ, выбросивъ изъ него то, что было дѣломъ вымысла или увлеченія; при этомъ мнѣ пришлось многимъ пожертвовать, такъ какъ влеченія чувства должны были въ этомъ случаѣ уступить требованіямъ художественности. Такъ напр. я очень дорожилъ сначала той сценой, когда Адельгейда является ночью въ цыганскомъ таборѣ, но потомъ убѣдился, что ее надо выбросить. Точно также подробно выставленные въ четвертомъ и пятомъ актѣ отношенія между Францомъ и его женой я нашелъ нужнымъ сократить и оставить только главные черты.

«Первую рукопись я оставилъ безъ измѣненій. Она и до сихъ поръ сохраняется у меня въ первоначальномъ своемъ видѣ. Я принялся писать вновь и работалъ такъ усердно, что въ нѣсколько недѣль было готово совсѣмъ вновь передѣланное произведеніе. Работа шла тѣмъ скорѣе, что я вовсе не имѣлъ намѣренія ее когда-либо печатать и смотрѣлъ на нее какъ на приготовительное упражненіе, которое потомъ должно было послужить для новой болѣе тщательной и болѣе совершенной обработки.

«Когда я сообщилъ мои планы Мерку, онъ сталъ смѣяться надо мной. «Зачѣмъ эти безконечные передѣлки? говорилъ онъ; отъ передѣлки произведеніе дѣлается уже другимъ и рѣдко дѣлается лучше; надо выпустить его въ свѣтъ, какъ оно есть, по-

смотреть, какое дѣйствіе оно произведетъ и тогда приняться за новое. Будь во время у изгѣроди, говоритъ пословица, если хочешь высушить свое бѣлье. Замедленіе и откладываніе только дѣлаютъ человека нерѣшительнымъ.» Въ отвѣтъ на это замѣчаніе я представлялъ ему, какъ это будетъ для меня непріятно, если книгопродавцы откажутся издать работу, которая столь дорога моему сердцу, а между тѣмъ этого надо ожидать, потому что и въ самомъ дѣлѣ, какое же довѣріе могутъ они имѣть къ такому писателю, какъ я, молодому, безъ имени, и притомъ съ такими дерзкими притязаніями. Когда страхъ печататься во мнѣ постепенно ослабѣлъ, я хотѣлъ-было издать мою комедію: *Die Mitschuldigen*, но не нашелъ ни одного издателя. Это обстоятельство возбудило въ моемъ другѣ меркантильный духъ. Онъ пришолъ въ тому заключенію, что мы должны сами печатать. По его расчетамъ выходило, что издатели должны получать большія выгоды, и дѣйствительно отъ нѣкоторыхъ изданій выгоды весьма велики, но нерѣдко случается, что отъ другихъ изданій и также отъ разнымъ торговымъ случайностямъ они терпятъ и убытки. Впрочемъ какъ бы то ни было, но дѣло было рѣшено: я долженъ былъ доставить бумагу, Меркъ — озаботиться печатаніемъ. Дѣло закипѣло живо, и я не безъ удовольствія увидалъ мое писаніе въ опрятныхъ корректурныхъ листахъ, — оно дѣйствительно оказывалось какъ будто лучше, чѣмъ я самъ о немъ думалъ. Въ короткое время печатаніе было кончено и экземпляры разосланы въ разные мѣста. Произведеніе мое произвело впечатлѣніе и вскорѣ обратило на себя общее вниманіе. По ограниченности нашихъ сношеній мы не могли разсылать экземпляры съ достаточной скоростью и во всѣ мѣста, гдѣ они требовались, вслѣдствіе чего въ скоромъ времени появилась перепечатка, сдѣланная безъ нашего вѣдома. Такъ какъ деньги за разсылаемые экземпляры получались не сейчасъ же, а я тогда еще не былъ полнымъ хозяиномъ и касса моя была не въ цвѣтущемъ состояніи, то хотя мое произведеніе и возбудило общее вниманіе и даже похвалы, тѣмъ не менѣе я находился въ положеніи весьма затруднительномъ, мнѣ не чѣмъ было заплатить за бумагу, съ помощью которой я познакомилъ свѣтъ съ моимъ талантомъ. Меркъ, который въ подобныхъ дѣлахъ былъ вообще гораздо находчивѣе, чѣмъ я, не пере-

ставалъ питать самыя лучшія надежды и утверждалъ, что дѣла наши въ скоромъ времени придутъ въ лучшій порядокъ, но я не видѣлъ, чтобъ ожиданія его оправдывались».

То, что Гете говоритъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ Геца при первой передѣлкѣ, не совсѣмъ вѣрно. Изъ сравненія первоначальнаго текста Геца съ текстомъ передѣлки оказывается, что эти измѣненія были весьма незначительны и состояли главнымъ образомъ въ исключеніи двухъ сценъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Адельгейда. Еще болѣе большая невѣрность, доходящая даже до несправедливости, оказывается въ томъ мѣстѣ «Автобіографіи», гдѣ говорится о пріемѣ, какой сдѣлалъ Гету Гердеръ. Въ *Посмертныхъ Бумагахъ* Гердера мы находимъ ясныя свидѣтельства, что Гердеръ весьма высоко цѣнилъ Геца. Въ письмѣ къ своей невѣстѣ онъ говоритъ: «Чтеніе Геца доставитъ вамъ нѣсколько часовъ самаго высокаго наслажденія, вы найдете въ этомъ произведеніи необыкновенную чисто германскую силу, глубину, истинность, хотя мѣстами оно скорѣе только задумано (nur gedacht), чѣмъ выполнено.» Очень вѣроятно, что въ письмѣ къ Гете онъ относился къ Гету болѣе критически и можетъ быть даже, по своему обыкновенію, трактовалъ его нѣсколько педагогически; но не менѣе вѣроятно также, что, критикуя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ письмѣ и сильно хвалилъ его, какъ это можно заключить изъ отвѣтнаго письма къ нему отъ Гете. «Ваше письмо было для меня утѣшеніемъ—отвѣчалъ ему Гете. Я цѣню мое произведеніе гораздо ниже, чѣмъ вы. Ваше заключеніе, что Шекспиръ меня совершенно испортилъ и т. д., я признаю вполне справедливымъ; однимъ словомъ мое произведеніе надо растопить, очистить и перелить вновь. Когда все это будетъ сдѣлано, оно вновь предстанетъ на вашъ судъ.» Мнѣ довольно близко знакомы отношенія авторства къ критицѣ, и я считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что по мѣрѣ того, какъ Гете болѣе вдумывался въ письмо Гердера, удовольствіе отъ заключающихся въ немъ похвалъ слабѣло, а раздраженіе отъ порицанія усиливалось. Я самъ испыталъ, что даже критика, которая въ первую минуту возбуждаетъ въ авторѣ чувство благодарности, можетъ потомъ принять въ его глазахъ совершенно иной характеръ, представиться ему несправедливой, и чувство благодарности можетъ постепенно смѣ-

ниться неудовольствіемъ и даже раздраженіемъ противъ критика. Что Гете поразмысливъ нашелъ замѣчанія Гердера не совсѣмъ вѣрными, хотя въ первую минуту вполне согласился съ ними, — это явствуетъ отъ того, что обѣщанная имъ передѣлка осталась безъ выполненія.

Гецъ при первомъ появленіи изумилъ, поразилъ публику. Духъ свободы, презрѣніе къ французскому классицизму, оригинальность, смѣлость, сила, доставили ему торжество по всей Германіи. И публика салоновъ, и публика полпивныхъ единогласно признали его образцовымъ произведеніемъ. Подражанія появлялись одно за другимъ съ поразительной быстротой, театральныя помостки оглашались звуками рыцарскаго оружія, книжныя полки ломились подъ тяжестью воскрешаго къ новой жизни феодализма.

Гете рассказываетъ слѣдующій весьма забавный анекдотъ. Является къ нему книгопродавецъ и съ самодовольнымъ видомъ челоуѣка, придумавшаго нѣчто весьма дѣльное и важное, предлагаетъ ему написать еще двѣнадцать сочиненій въ родѣ Геца, обѣщая за это хорошее вознагражденіе. Это предложеніе было на самомъ дѣлѣ весьма великодушно, такъ какъ книжное дѣло въ то время находилось въ такомъ состояніи, что самовольныя перепечатки распространялись повсюду безпрепятственно и Гецъ при всемъ успѣхѣ не принесъ автору ни малѣйшей денежной выгоды. Замѣтимъ притомъ, что предложеніе книгопродавца было вѣрнымъ выраженіемъ ожиданій публики. Какъ скоро писатель получаетъ успѣхъ въ какомъ-либо родѣ произведеній, онъ долженъ продолжать въ томъ же родѣ, если хочетъ поддержать свою репутацію. Публика уже составила о немъ мнѣніе, уже отнесла его къ извѣстному рязряду и не расположена отступить отъ разъ произнесеннаго ею приговора, а между тѣмъ если писатель начнетъ повторяться, то неразсудительная публика разразится возгласами о «бѣдности» его таланта. Ни одинъ писатель не повторялся такъ мало, какъ Гете. Не въ характерѣ его творчества, сдѣлавъ статую, отливать ее потомъ на разные манеры изъ различнаго матеріала. Онъ жилъ, мыслилъ, страдалъ, — и потому только писалъ, что у него было пережитое, продуманное, выстраданное, что требовало выраженія. Разъ выразивъ то, что пережилъ, онъ уже болѣе къ тому не возвращался. Истинный художникъ въ этомъ отношеніи походитъ

на шпю, не станеть онъ облекаться въ кожу, которую уже разъ износилъ и сбросилъ, — онъ творить подъ вліяніемъ побужденій извнутри, а не подъ вліяніемъ требованій извнѣ. Гете былъ въ полномъ смыслѣ художникъ, его творчество никогда не знало недостатка въ матеріалѣ или бѣдности матеріала, всѣ его произведенія шли прямо изъ жизни.

Гецъ есть величайшее произведеніе періода Sturm und Drang. Какъ я уже выше замѣтилъ, то было время неопредѣленныхъ, дикихъ надеждъ, стремленій къ древней германской жизни и вмѣстѣ какого-то болѣзненного сентиментализма. Гете былъ великимъ представителемъ и лѣтописцемъ этого времени, — въ его произведеніяхъ оно выразилось вполне въ обоихъ своихъ направленіяхъ и вслѣдъ за необузданнымъ Гецемъ появился мечтательный Вертеръ. Надо замѣтить однако, что оба эти произведенія хотя и представляютъ намъ вѣрное выраженіе двухъ главныхъ направленій того времени, но тѣмъ неменѣе они стоятъ далеко выше тогдашнихъ сумасбродствъ, они суть идеальное выраженіе эпохи и такъ же свободны отъ ея болѣзненности, какъ самъ Гете былъ свободенъ отъ слабостей своихъ современниковъ. Вильксъ говорилъ про себя, что никогда не былъ Вилькитомъ. Точно также и Гете никогда не былъ Вертеромъ. Чтобъ вполне оцѣнить, какое разстояніе отдѣляло Гете и его произведенія отъ сентиментальныхъ его современниковъ и ихъ произведеній, для этого надо изучить характеры нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, какъ напр. Якоби, Клингера, Вагнера, Ленца, или прочесть нѣкоторыя изъ такихъ произведеній, какъ напр. Вольдемаръ: тогда сдѣлается вполне яснымъ, почему Гете съ отвращеніемъ отвернулся отъ подобныхъ произведеній, когда спустя нѣсколько лѣтъ взгляды его уяснились и стремленія получили опредѣленность; тогда сдѣлается вполне понятнымъ, какая разница между гениемъ, который идеализируетъ духъ своего времени, и между талантомъ, который только льститъ ему. ¹⁾

То была дѣйствительно странная эпоха; ея беспокойство было болѣзненное, ея бредни—болѣзненные симптомы. Письяма, мемуары,

¹⁾ Карлъ Грюнъ очень вѣрно выразился о Гете и его современникахъ: «Гете былъ вмѣстѣ и больной и медикъ, современники же его были больные и ничего большаго.»

романы свидѣлствуютъ намъ, каково было сумасбродство того времени; мы находимъ въ нихъ такое сентиментальное самоуглубленіе, которое одно въ состояніи возбудить въ здоровомъ человѣкѣ отвращеніе и къ чувству, и къ самонизученію. Даже благороднѣйшія чувства такъ искажаются, что кажутся совершенно искусственными, поддѣльными, а многія вовсе не благородныя принимаютъ видъ самой приторной невинности. О природѣ иначе и не говорится, какъ съ какимъ то истерическимъ энтузіазмомъ. Слезы и восторгъ расточаются на каждомъ шагу при малѣйшемъ поводѣ. Въ Кобургѣ сентиментальные глупцы основываютъ орденъ Милосердія и Очищенія. Лехсенрингъ, котораго Гете осмѣялъ въ своемъ *Pater Breu*, заводитъ тайное общество подъ названіемъ Орденъ Чувствительности, и нѣжныя души считаютъ особой честью принадлежать къ нему. Дружба боготворится, возводится на фантастическій, чудовищный пьедесталъ; братская любовь соединяетъ любящія души не прочными узами привязанности и взаимныхъ услугъ, а совершенно воображаемыми узами какого-то «духовнаго общенія», откуда возникла, какъ остроумно выразился Жанъ Поль, «всемирная любовь ко всѣмъ людямъ и животнымъ — кромѣ рецензентовъ». То была скептическая эпоха. Все существующее подвергалось вопросу. Однимъ словомъ, даже и браку не было пощады и не могло быть отъ такихъ людей, которые считали первой заповѣдью гениальнаго человѣка: любить ближняго и жену его. Это были болѣзненные симптомы и общественный организмъ очевидно находился не въ порядкѣ, — кризисъ былъ неминуемъ и разныя сумасбродства какъ въ другихъ сферахъ, такъ и въ литературѣ, были его предвѣстниками. Причина этой болѣзни — въ отсутствіи вѣры. И въ религій, и въ философіи, и въ политикѣ, и въ нравственности, осьмнадцатое столѣтіе во всемъ тщеславилось отрицаніемъ и невѣріемъ. Старая вѣра, такъ долго дѣлавшая Европейскую жизнь органически единой, разслабла и получила наконецъ отъ Лютера смертельный ударъ; послѣ этого удара она утратила уже свое всемирное значеніе, она не была уже живой, дѣятельной вѣрою, господство ея кончилось, но ея мѣсто, какъ всеобъемлющей управляющей силы, оставалось незанятымъ — новой вѣры еще не было. Французская революція была такимъ же кризисомъ въ этомъ органическомъ разстройствѣ, каковымъ до нея была реформація, толь-

ко въ другихъ сферахъ мысли. Рядомъ съ этимъ громаднымъ кризисомъ обнаруживаются другіе, меньшіе. Одинъ и тотъ же протестантскій духъ возстаетъ противъ преданія во всемъ, и въ нравственности, и въ литературѣ, и въ воспитаніи. Все обычное, все установленное по преданію подвергается отрицанію. Классики утрачиваютъ авторитетъ, является доктрина прогресса, провозглашается превосходство новой литературы предъ древней, искусство признается прогрессивнымъ, традиціонные пути воспитанія отвергаются и требуется проложеніе новыхъ, старые методы оказываются неудовлетворительными для требованій новаго времени, абсолютное право утрачиваетъ всякую вѣру, индивидуумъ провозглашаетъ себя свободнымъ, требуетъ свободы мысли, свободы дѣйствія, — свобода становится лозунгомъ столѣтія.

Сказаннаго нами достаточно, чтобъ дать понятіе, каково было настроеніе умовъ въ то время, и чтобъ судить, въ какой степени Вертеръ былъ выраженіемъ этого настроенія. Переходя къ самому Вертеру, мы должны прежде всего замѣтить, что между этимъ романомъ и жизнью его автора столь тѣсная связь, что матеріалъ романа и есть собственно ни что иное какъ эпизодъ изъ жизни автора. Поэтому возвратимся опять къ тому времени, когда Гете оставилъ Вецларъ и, пользуясь перепиской его съ Кестнеромъ, прослѣдимъ образованіе матеріала, изъ котораго созданъ Вертеръ.

Гецъ появился въ печати весной 1773 г.; осенью 1772 оставилъ Гете Вецларъ и возвратился домой во Франкфуртъ. Письма его къ Кестнеру и Шарлотѣ полны страстныхъ изліяній и нѣжныхъ воспоминаній. Причудливая орфографія этихъ писемъ и отсутствіе въ нихъ всякой грамматики не должны удивлять насъ: такое уже было тогда время, что орфографическая и грамматическая правильность считалась пошлой мелочью, недостойной вниманія гениальнаго человѣка. Но та глубоко любящая симпатичная натура, какой вѣетъ отъ этихъ писемъ, принадлежитъ самому Гете, а не его времени, и еслибъ мы нуждались въ свидѣтельствахъ, какой дѣйствительно это былъ глубоко любящій человѣкъ, то мы могли бы сослаться на эти письма, и въ особенности на тѣ изъ нихъ, которыя были писаны къ младшему брату Шарлоты, Гансу. Впрочемъ эти свидѣтельства для насъ совершенно излишни и мы ограничимся только тѣми письмами, которыя объясняютъ намъ от-

ношенія Гете къ Кестнеру и Шарлотѣ. «Да благословитъ васъ Богъ, милый Кестнеръ,—такъ говорится въ одномъ изъ первыхъ писемъ,—скажите Лоттѣ, что мнѣ часто приходитъ въ голову, что я могу забыть ее, но потомъ опять возвращаюсь къ старому, и со мной дѣлается еще хуже чѣмъ когда-либо.» Онъ тоскуетъ, ему бы хотѣлось опять сидѣть у ногъ Лотты, играть съ ея маленькими братьями и сестрами, слова его дышатъ меланхолическимъ настроеніемъ духа, въ которомъ столько же поэзіи, сколько и скорби,—если мысль о самоубійствѣ и приходитъ ему по временамъ, то мимолетно, въ связи съ другими мыслями, которыя пробѣгаютъ въ его головѣ. Въ «Автобіографіи» мы находимъ весьма замѣчательное мѣсто, которое весьма хорошо изображаетъ тогдашнее его душевное состояніе: «У меня тогда была большая коллекція оружія и въ томъ числѣ очень красивый кинжалъ. Ложась спать, я клалъ кинжалъ подлѣ постели, и прежде чѣмъ тушить свѣчу, дѣлалъ пробы, смогу ли запустить его въ грудь хоть дюйма на два, но пробы мои каждый разъ были неудачны, такъ что наконецъ я расхохотался надъ самимъ собой, бросилъ всѣ ипохондрическія бредни и рѣшился жить.» Онъ былъ душевно разстроенъ, а самоубійство было тогда въ модѣ, вотъ и все; серьезной же мысли о самоубійствѣ онъ вовсе не имѣлъ и предполагать это, значить совершенно не понимать его. Даже и въ первое время по отъѣздѣ изъ Вецлара у него не было серьезной мысли покончить съ жизнью, а когда онъ писалъ Вертера, въ то время онъ давно уже освободился даже и отъ поэтическихъ своихъ воздыханій по небытію. Въ октябрѣ 1772 г. доходитъ до него слухъ, что его Вецларскій другъ, Гуэ, застрѣлился. «Напишите мнѣ скорѣй о Гуэ,—пишетъ онъ къ Кестнеру,—я уважаю такой поступокъ и жалѣю человѣчество... Филистеры могутъ себѣ, сколько имъ угодно, предаваться своимъ табачнымъ разглагольствованіямъ и конечно не преминутъ воскликнуть: ну вотъ вамъ! Впрочемъ я надѣюсь, что мои друзья обо мнѣ никогда не получатъ подобнаго извѣстія.» Въ немъ было слишкомъ много жизни, чтобъ мысль о смерти могла быть для него чѣмъ инымъ, кромѣ временнаго поэтическаго настроенія, которое услаждало его горе. «Я былъ въ Гамбургѣ и тамъ снова полюбилъ жизнь, увидя, сколько радости можетъ доставить столь превосходнымъ людямъ появ-

леніе такого несчастнаго существа какъ я.» 7-го ноября пріѣхалъ онъ неожиданно въ Вецларъ вмѣстѣ съ Шлоссеромъ и пробылъ тамъ до 10 числа; все это время онъ былъ въ лихорадочномъ, восторженномъ состояніи. Возвратясь домой, онъ писалъ Кестнеру: «Да, Кестнеръ, пора мнѣ было побывать въ Вецларѣ. Вчера вечеромъ въ головѣ моей бродили мысли такіа дурныя, достойныя висѣлицы... Но какъ только вспомню, съ какой любовью, сверхъ моего ожиданія, приняли меня въ Вецларѣ, я успокоиваюсь. Признаюсь, я ѣхалъ туда съ беспокойнымъ духомъ,—несчастія такъ часто постигали меня. Я ѣхалъ туда съ сердцемъ, полнымъ самой искренней горячей любви, а какая это адская мука, милый Кестнеръ, когда не находишь отвѣта на то, съ чѣмъ пріѣхалъ. Но къ счастью я могу сказать: дай вамъ Богъ долгую жизнь, такую, какъ были для меня эти два дня.»

Слухъ о самоубійствѣ Гуэ оказался ложнымъ: но вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, уже не ложное, о самоубійствѣ Іерусалема. Гете пишетъ по этому случаю къ Кестнеру:

«Несчастный Іерусалемъ! Какая неожиданныя, ужасная вѣсть. Меня это глубоко поразило. Несчастный! Они виновники этого несчастія, да, они, діаволы, паскудные люди, живущіе одной мерзостью тщеславія, погрязшіе въ изувѣрствѣ, проповѣдующіе идолопоклонство, не дающіе жить природѣ, они насилуютъ, губятъ добрыя силы. Чтобъ ихъ всѣхъ чортъ побралъ! Они ему братья. Если проклятый святоша... не виноватъ, да проститъ мнѣ Богъ, что я желаю ему сломить себѣ шею..... Бѣдный юноша! Разъ, возвращаясь съ прогулки, я встрѣтилъ его гуляющимъ при лунномъ свѣтѣ и подумалъ: онъ влюбленъ. Лотта вѣрно еще не забыла, какъ я тогда смѣялся надъ этимъ. Богъ знаетъ, можетъ быть одиночество сгубило его сердце,—семь лѣтъ я его зналъ,¹⁾ но мнѣ мало случалось говорить съ нимъ; при отъѣздѣ я взялъ у него книгу, и буду хранить ее всю жизнь, какъ память о немъ.»

Въ числѣ другихъ невѣрностей мы встрѣчаемъ въ «Автобіографіи» значительную невѣрность также и относительно Вертера. Гете

¹⁾ Т. е. семь лѣтъ съ того времени, какъ онъ въ первый разъ встрѣтился съ Іерусалемомъ въ Лейпцигѣ.

говорить въ «Автобіографіи», что, получивъ извѣстіе о самоубійствѣ Іерусалема, онъ сейчасъ же принялся писать Вертера. Извѣстіе это онъ получилъ въ октябрѣ 1772 г.,—въ ноябрѣ сообщилъ ему Кестнеръ описаніе послѣднихъ дней Іерусалема, а между тѣмъ Вертеръ былъ написанъ не прежде, какъ въ срединѣ и концѣ 1773 г. Въ дѣйствительности душевное состояніе Гете было вовсе не таково, какъ оно описывается въ «Автобіографіи». Вотъ что онъ писалъ въ декабрѣ 1772 г. «Только-что собирался спросить васъ, пріѣхала ли Ленхенъ ¹⁾, какъ получаю письмо, что она уже пріѣхала. Если бъ я тамъ былъ, то всѣ ваши рѣчи оказались бы совершенно излишни; крѣпко насолилъ бы я всѣмъ тамошнимъ портнымъ и, полагаю, полюбилъ бы Ленхенъ еще болѣе чѣмъ Лотту. Судя по портрету, она должна быть очень милая дѣвушка, гораздо лучше чѣмъ Лотта, если даже не совершенно... а я теперь свободенъ и жажду любить. Надо попытаться пріѣхать, впрочемъ едвали это къ чему поведетъ. Я опять во Франкфуртѣ, опять съ новыми планами, съ новыми грезами,—ничего этого не было бы, будь у меня предметъ любви.» Не дальше какъ въ январѣ онъ уже, какъ кажется, успѣлъ найти «предметъ любви», по крайней мѣрѣ вотъ что пишетъ онъ въ концѣ января: «Скажите Лоттѣ, что здѣсь есть дѣвушка, которую люблю всѣмъ сердцемъ,—будь у меня намѣреніе жениться, я предпочелъ бы ее рѣшительно всѣмъ. Она также родилась 11 января. ²⁾ Вотъ были бы двѣ пары! Какъ знать волю Божию.» Я раздѣляю мнѣніе Вигофа, что здѣсь идетъ рѣчь объ Аннѣ-Антуанетѣ Герокъ, родственницѣ Шлоссера, которая была страстно влюблена въ Гете и отъ которой поэтъ заимствовалъ нѣкоторыя черты для своей Миньоны. Ясно, что въ это время Гете уже не очень сильно страдалъ меланхоліей. «Какъ хорошо кататься на конькахъ,—я вчера встрѣтилъ и проводилъ солнце, кружась на льду. Есть у меня и другія удовольствія, о которыхъ впрочемъ не могу сообщить. Порадуйтесь,—я теперь почти столь же счастливъ, какъ могутъ быть счастливы люди, которые любятъ другъ друга, какъ вы,—я теперь такъ же

¹⁾ Сестра Шарлоты.

²⁾ День рожденія Лотты.

богатъ надеждами, какъ только могутъ быть богаты влюбленные, — я даже уже прочувствовалъ нѣсколько пѣсенъ и тому подобное. Кланяется вамъ моя сестра, кланяется моя красавица, кланяются мои боги.» Хотя образъ Лотты и не покидаетъ его, хотя по временамъ пламенные мечты и влекутъ его попрежнему въ Teutsche Haus, но онъ далекъ отъ отчаянiя, не изнываетъ въ тоскѣ, занимается передѣлкой Геца, хлопочетъ съ Меркомъ о напечатанiи своего произведенiя, посѣщаетъ кружокъ знакомыхъ, весьма веселыхъ, гдѣ между прочими лицами фигурируетъ и Анна Антуанета Герокъ, какъ мы видимъ это изъ письма, писаннаго въ февралѣ 1773 г., т. е. мѣсяцъ спустя послѣ того письма, гдѣ онъ упоминаетъ о своей красавицѣ. Мы находимъ въ этомъ письмѣ слѣдующее мѣсто: «На Пасху пришлю вамъ чудовищную новость ¹⁾. Моя красавица кланяется Лоттѣ. По характеру она очень схожа съ Ленхенъ; сестра говоритъ, что у нея и профиль такой же, какъ у Ленхенъ. Еслибъ мы такъ же другъ друга любили, какъ вы! Я называю ее моей милой женой, такъ какъ на дняхъ мы играли въ лоттерею и я ей достался въ мужья.» Антуанетъ Герокъ было тогда всего пятнадцать лѣтъ. Мы будемъ говорить о ней дальше, въ VI главѣ.

Между тѣмъ приближался день, когда Лотта должна была выдти за мужъ и уѣхать изъ Вецлара. Гете проситъ Ганса, когда Ленхенъ уѣдетъ, писать ему по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы не прерывалась связь его съ Teutsche Haus, хоть уже тамъ и не будетъ «главной жемчужины». Онъ спрашиваетъ у Кестнера позволенiя заказать обручальные кольца. «Я весь вашъ, — пишетъ онъ Кестнеру, — но съ этого дня я не горю болѣе желаньемъ видѣть ни васъ, ни Лотту. Какъ только наступитъ день свадьбы, портретъ ея исчезнетъ изъ моей комнаты и появится опять не прежде, какъ когда я услышу, что она уже мать, — тогда наступитъ новая эпоха, тогда я буду любить уже не ее, а ея дѣтей, хотя отчасти можетъ быть и ради ея, но это ничего, и если вы пригласите меня въ крестные отцы, духъ мой сугубо вселится въ вашего сына, и онъ сойдетъ съ ума отъ дѣвушки

¹⁾ Геца.

похожей на его мать.» Въ это письмо была вложена слѣдующая записка къ Лоттѣ. «Я бы желалъ, чтобъ память обо мнѣ не покидала васъ, какъ это кольцо. Милая Лотта, много пройдетъ времени, прежде чѣмъ мы увидимся, вы будете тогда съ кольцомъ на рукѣ, а я, какъ всегда, вашъ... Тутъ не приберу слова, не знаю какъ назвать. Вы знаете меня.» Послѣ свадьбы онъ писалъ къ Кестнеру: «Да благославить васъ Богъ. Вы поразили меня. На Страстной пятницѣ думалъ я совершить похороны—похоронить портретъ Лотты; но онъ остался на стѣнѣ попрежнему, и останется такъ, пока не умру. Будьте счастливы. Поклонитесь отъ меня вашему ангелу и Ленхенъ. Желаю Ленхенъ быть второю Лоттой и столь же счастливой, какъ она. Я теперь какъ будто въ безводной пустынѣ: мои волосы мнѣ тѣнь, моя кровь—утоляющій жажду ключъ.» Получивъ цвѣты отъ свадебнаго букета, онъ прикалываетъ цвѣтокъ къ шляпѣ и въ меланхолическомъ настроеніи духа отправляется странствовать по дорогѣ въ Дармштадтъ, стараясь забыть свою скорбь. Онъ страдаетъ, но тѣмъ не менѣе страсть его къ Шарлотѣ есть только поэтическая страсть, какъ это ясно свидѣтельствуется слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Кестнеру, которое было написано вскорѣ послѣ свадьбы:» Кестнеръ! имѣлъ ли я когда къ вамъ чувство человѣческой зависти? не имѣть же къ вамъ духовной зависти я бы не могъ, еслибъ даже былъ ангеломъ безъ плоти и крови. Я долженъ вамъ открыть тайну. Надо, чтобъ вы ее знали и помнили. Когда я полюбилъ Лотту, и полюбилъ, какъ вы знаете, отъ всего сердца, Борнъ говорилъ со мной объ этомъ, какъ обыкновенно говорятъ люди о подобныхъ вещахъ. «Еслибъ я былъ К., мнѣ бы это не очень понравилось. Чѣмъ это можетъ кончиться? Ты ее совсѣмъ отобьешь у него.» И тому подобное. На это я ему отвѣчалъ вотъ этими самыми словами,—это было утромъ, въ его комнатѣ. «Я такъ глупъ, что считаю эту дѣвушку непохожей на другихъ; если я обманулъ въ ней, если она—тоже, что и всѣ дѣвушки, если К. для нея только орудіе, чтобъ успѣшнѣе завлекать другихъ своими прелестями, то та минута, какъ только бы я это замѣтилъ, какъ только бы наши отношенія стали иныя, была бы послѣдней минутой нашего знакомства», и я клялся Борну, что это такъ. Между нами будь сказано, безъ всякаго хвастовства, я нѣсколько смыслю

въ женщинахъ, а вы знаете, какія чувства имѣлъ я къ ней, и теперь имѣю, и къ ней, и ко всему, что напоминаетъ мнѣ ее, и эти чувства не покинутъ меня до конца жизни. Послѣ этого посудите, какъ сильно я завидую и буду завидовать вамъ, потому что или я дуракъ, что трудно допустить, или же она—самая тонкая обманщица, или же она и есть именно та Лотта, о которой мы говоримъ.» Нѣсколько дней спустя онъ писалъ: «моя бѣдная жизнь окаменѣла въ безплодный утесъ. Этимъ лѣтомъ я все потерялъ. Меркъ, сестра, вы, всѣ оставили меня. Теперь я совершенно одинокъ.»

Около этого же времени сестра его Корнелія, которую онъ такъ нѣжно любилъ, вышла за мужъ, что было для него большой потерей, которую не легко было замѣнить, тѣмъ болѣе, что это случилось какъ разъ въ то время, когда у него и безъ того уже было столько утратъ: Ленхенъ вышла замужъ, Меркъ уѣхалъ, Клеттенбергъ умерла. Въ работѣ искалъ онъ утѣшенія своему горю и составлялъ разные планы будущихъ произведеній. Къ этому времени, по всей вѣроятности, принадлежить планъ драмы Магометъ, какъ это доказываетъ Шеферъ, опираясь на тотъ фактъ, что «Пѣснь Магомета» помѣщена въ Бейеровомъ альманахѣ за 1774 г.; въ «Автобіографіи» же эта работа ошибочно отнесена къ позднѣйшему времени. Гете оставилъ намъ подробное изложеніе плана этой драмы. Въ основаніи ея лежала мысль, дѣйствительно грандіозная. Онъ хотѣлъ одраматизировать въ ней тотъ печальный фактъ, довольно обыкновенный въ жизни гениальныхъ людей, что гений, стремясь осуществить великую идею, «входитъ для этого въ общеніе съ людьми низшаго разряда, вынужденъ спускаться до ихъ уровня, чтобъ имѣть на нихъ вліяніе, и, поступаясь такимъ образомъ своимъ великимъ цѣлями, кончаетъ тѣмъ, что измѣняетъ имъ. Въ примѣръ этому онъ избралъ Магомета, подробно изучилъ его жизнь и его ученіе. Онъ видѣлъ въ немъ не обманщика, а человѣка совершенно искренняго. Драма начиналась гимномъ, который Магометъ поетъ одинъ, ночью подъ открытымъ небомъ. Сначала онъ поклоняется безчисленнымъ звѣздамъ какъ богамъ; показывается на небѣ Юпитера, и молибы его обращаются исключительно къ нему, какъ къ царю звѣздъ; появляется шѣсяцъ и онъ всѣмъ сердцемъ устремляется къ новому богу; всходитъ солнце,

освѣжаетъ его утомленныя силы, и мольбы его устремляются къ нему. Но внутреннее чувство его не удовлетворено, духъ его стремится вознестись еще выше къ единому, вѣчному, безконечному, который создалъ всѣ эти чудныя, но конечныя созданія, и звѣзды, и луну, и солнце. «Я писалъ этотъ гимнъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Онъ потерянь, но мнѣ не трудно было бы написать его вновь,—онъ могъ бы служить хорошей кантатой; въ такомъ случаѣ надо было бы представить, какъ я первоначально и предполагалъ, что его поетъ предводитель каравана, окруженный своей семьей и цѣлымъ племенемъ,—что дало бы возможность ввести въ кантату различные голоса и хоръ.»

Обратясь такимъ образомъ къ поклоненію единому Богу, Магометъ сообщаетъ свои чувства друзьямъ. Жена его и Али дѣлаются его ревностными послѣдователями. Во второмъ актѣ Магометъ старается распространить новую вѣру въ своемъ племени, причемъ Али выказываетъ большую даже ревность, чѣмъ самъ учитель. Тутъ обнаруживается различіе въ характерахъ между Али и Магометомъ. Начинается ссора, доходитъ до открытой борьбы, и Магометъ вынужденъ бѣжать. Въ третьемъ актѣ Магометъ побѣждаетъ враговъ, дѣлаетъ свою религію общественной, очищаетъ Каабу отъ идоловъ; видя невозможность достигнуть своихъ цѣлей силой, онъ прибѣгаетъ къ хитрости,—земное въ его характерѣ растетъ и усиливается, божественное слабѣетъ, затемняется. Въ четвертомъ актѣ онъ совершаетъ завоеванія; его ученье становится для него болѣе предлогомъ, чѣмъ цѣлью; онъ дѣйствуетъ, не разбирая средствъ, совершаетъ жестокости; наконецъ одна женщина, которой мужа онъ казнилъ, отравляетъ его. Въ пятомъ актѣ онъ чувствуетъ, что отравленъ,—обнаруживаетъ чрезвычайное величіе духа, въ немъ пробуждается лучшая его натура,—онъ очищаетъ свое ученье, укрѣпляетъ государство и умираетъ.

«Таковъ былъ планъ этой драмы; онъ долго занималъ мой умъ, такъ какъ мнѣ, по обыкновенію, необходимо было предварительно нѣсколько разработать въ головѣ идею произведенія, и только тогда уже я принимался за выполненіе. Я хотѣлъ здѣсь выразить, что можетъ гений совершить надъ людьми силой характера и ума, что онъ при этомъ выигрываетъ и теряетъ въ сво-

емъ величіи. Многія пѣсни, которыя должны были войти въ драму, были написаны. Изъ нихъ сохранилась только одна и вошла въ число моихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Пѣснь Магомета». Эту пѣсню долженъ былъ пѣть Али въ честь своего учителя, когда тотъ находился на высшей точкѣ успѣха и близка уже была перемѣна, которая должна была произойти въ немъ послѣ отравы.»

Какъ жаль, что Гете не написалъ этой драмы! Изъ всѣхъ плановъ, которые были имъ задуманы и потомъ оставлены безъ выполненія, ни одинъ не возбуждаетъ въ насъ столько сожалѣнія. Величіе, глубина идеи, приспособленность сюжета для самаго тонкаго психологическаго разоблаченія тайнъ нашей природы,—все это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало генію Гете и давало ему полный просторъ высказаться во всемъ своемъ величіи. Сколькими «Клавиго» и «Стеллами» готовы были бы мы пожертвовать ради одной такой драмы!

Максимиліана Ларошъ, о которой мы уже упоминали выше, вышла въ это время замужъ за франкфуртскаго купца Брентано, который былъ много старше ея. Онъ былъ уже вдовецъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Гете сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ этой семьѣ. Il joue avec les enfans—пишетъ Меркъ—et accompagne le clavecin de Madame avec la basse. Mr. Brentano, quoique assez jaloux pour un italien, l'aime et veut absolument, qu'il frequente la maison.» Мужъ нуждался въ его присутствіи, часто обращаясь къ нему, какъ къ судѣѣ, въ ссорахъ своихъ съ женой; жена также часто избирала его судьей въ ссорахъ съ мужемъ. Впрочемъ для жены его посѣщенія нужны были еще и по другимъ причинамъ: «il a la petite Madame Brentano à consoler sur l'odeur de l'huile, du fromage et des manières de son mari,» —такъ говоритъ Меркъ. Эти нѣжные отношенія къ семейству Брентано продолжались всю осень и всю зиму; въ тѣ времена они могли не возбуждать никакихъ особыхъ сомнѣній или подозрѣній, но писателю нашего времени, говоря о подобныхъ отношеніяхъ, трудно воздержаться отъ болѣе тонкой пронипательности. Впрочемъ что касается до меня, то я вполне вѣрю тому, что самъ Гете говоритъ объ этихъ отношеніяхъ, а онъ говоритъ вотъ что: «Мои прежнія отношенія къ Максѣ Ларошъ продолжались и послѣ ея замужества; это были отношенія брата къ сестрѣ. Мы съ ней были однолѣтниками и изъ

всѣхъ ея франкфуртскихъ знакомыхъ я былъ единственный, въ которомъ находили отголосокъ потребности ея души, вынесенныя ею изъ прежней жизни. Мы относились другъ къ другу съ полнымъ дѣтскимъ довѣріемъ, но тутъ не было ничего страстнаго, хотя мнѣ и было очень тяжело видѣть, что она никакъ не можетъ сжиться съ своимъ новымъ положеніемъ.» Но хотя тутъ и не было ничего страстнаго, тѣмъ неменѣе не подлежитъ сомнѣнію, что это были отношенія до нѣкоторой степени сентиментальныя и опасныя. Вотъ что писалъ онъ къ г-жѣ Якоби: «Теперь мы довольны и счастливы, насколько это возможно для насъ. Я говорю *мы*, потому съ 15 генваря нѣтъ такой стороны въ моемъ существованіи, въ которой бы я чувствовалъ себя одинокимъ. Судьба, съ которой я такъ часто ссорился, стала теперь въ моихъ глазахъ прекрасной и мудрой; и въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ она отняла у меня сестру, это еще ея первый даръ, который можетъ мнѣ служить вознагражденіемъ за понесенную утрату! Макса все тотъ же ангелъ; своими простыми и драгоценными качествами она привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца, и то чувство, которое я къ ней питаю и которое можетъ послужить для ея мужа поводомъ къ ревности, составляетъ теперь все счастье моей жизни. Брентано славный малый, съ открытымъ, прекраснымъ характеромъ и не безъ ума; дѣти у нихъ живые, веселые, славные ребята.» Мать Гете рассказывала Беттинѣ, какъ ея сынъ красовался предъ Максимилианой. Этотъ рассказъ весьма забавенъ. Было ясное, морозное утро. У матери были гости. Вбѣгаетъ Вольфгангъ и предлагаетъ матери отправиться вмѣстѣ съ гостями на Майнъ. «Вы никогда не видали, какъ я бѣгаю на конькахъ, а погода теперь такая хорошая! — Я надѣла свой малиновый мѣховый салопъ (такъ передаетъ Беттина рассказъ матери), у котораго сзади былъ длинный шлейфъ, а спереди — золотыя застѣжки, и мы отправились. Сынъ мой, какъ стрѣла, скользилъ по льду между другими. Щеки его разгорѣлись отъ воздуха. Пудра осыпалась съ темныхъ его волосъ. Онъ весело подбѣжалъ къ экипажу, гдѣ я сидѣла, и привѣтливо улыбался. Что тебѣ надо? спросила я. — Вамъ не холодно въ экипажѣ, — сказалъ онъ; дайте мнѣ вашъ бархатный салопъ! — Развѣ ты хочешь его надѣть? — А почему же нѣтъ. — Я сняла салопъ. Онъ накинулъ его на себя и, подобравъ шлейфъ

на руку, пустился по льду. Онъ въ эту минуту походилъ на сына боговъ. О! еслибъ вы видѣли, Беттина, какъ онъ былъ хорошъ. Я отъ восторга захлопала въ ладоши. Никогда не забуду, какъ скрылся онъ подъ мостовой сводъ и потомъ выскользнулъ изъ другаго свода. Ваша мать, Беттина, была тогда тутъ, и все это онъ дѣлалъ, чтобъ ей понравиться.»

Какъ видитъ читатель, нашъ поэтъ былъ далекъ отъ мысли о самоубійствѣ!

То же самое подтверждаетъ намъ и написанная имъ около этого времени сатира подъ заглавіемъ «*Götter, Helden und Wieland*» (Боги, герои и Виландъ). Онъ говоритъ объ этой сатирѣ въ письмѣ къ Кестнеру, которое было написано въ маѣ 1774 г.; слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что она была имъ написана въ этомъ же году нѣсколько ранѣе мая. «Моя грубая шутка надъ Виландомъ произвела болѣе шуму, чѣмъ я ожидалъ. Какъ я слышалъ, Виландъ отнесся къ этой шуткѣ какъ нельзя лучше, и я чувствую себя неправымъ.» Въ кругу друзей Гете распространено было мнѣніе, что Виландъ въ своихъ произведеніяхъ осовремениваетъ, искажаетъ, обезображиваетъ греческихъ боговъ и героев. Однажды въ воскресенье, послѣ обѣда, овладѣло молодымъ поэтомъ желаніе что-нибудь драматизировать, какъ это съ нимъ нерѣдко случалось, и онъ за бутылкой бургонскаго, не вставая съ мѣста, написалъ всю пьесу. Друзья пришли въ восторгъ отъ его произведенія. Онъ послалъ его къ Ленцу, который былъ тогда въ Страсбургѣ, и тотъ сталъ настаивать, что его слѣдуетъ немедленно же напечатать. Сначала Гете колебался, но потомъ согласился, и сатира появилась въ свѣтъ въ Страсбургѣ. Публикѣ оставались совершенно неизвѣстны обстоятельства, которымъ этотъ сатирическій фарсъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, — она не знала, что онъ вовсе и не предназначался даже для печати, и была до нѣкоторой степени скандализирована рѣзкостью сарказма. Въ дѣйствительности же со стороны Гете не было въ этомъ случаѣ никакого злаго умысла. Увлечшись порывомъ остроумія, онъ напалъ на поэта, котораго, говоря вообще, очень любилъ, и Виландъ не принялъ къ сердцу его сарказмовъ и рекомендовалъ сатиру въ Нѣмецкомъ Меркуріѣ, какъ образецъ софистическаго остроумія. Это напоминаетъ намъ, какъ Сократъ, осмѣянный Аристо-

фаномъ, явился на сцену, чтобъ публика видѣла самый оригиналъ, осмѣиваемый софистомъ. «*Götter, Helden und Wieland*» дѣйствительно представляютъ намъ весьма забавный фарсъ и подъ маской буфонства мы находимъ въ нихъ многія весьма здравыя и тонкія критическія замѣчанія. Надо замѣтить, что весь сарказмъ Гете направленъ только на то, что герои Виланда вовсе не героичны, тогда какъ въ то время съ различныхъ сторонъ Германіи громко раздавались голоса, упрекавшіе Виланда въ безправственности, въ отступничествѣ отъ христіанства и даже въ атеизмѣ. Лафатеръ приглашалъ христіанъ молиться за него, какъ за страшнаго грѣшника; теологи запрещали своимъ послѣдователямъ читать его произведенія; каеэдры гремѣли противъ него. Въ 1773 г. Клопштокова школа пришла въ крайнее негодованіе противъ его безнравственности и въ день рожденія Клопштока сожгла его произведенія ¹⁾. Гнѣвъ Гете былъ совершенно иного рода. Онъ не видѣлъ въ произведеніяхъ Виланда ничего опаснаго для нравственности, но Виландовы боги и герои казались ему не болѣе, какъ *petits maitres* въ парикахъ и атласныхъ штанахъ, съ розовыми щеками и со всѣми свойственными пяти-метрамъ ужимками и кривляньями, и онъ негодовалъ на подобное искаженіе древней языческой жизни.

«Я не стану васъ осуждать — писалъ Гете къ Кестнеру въ августѣ 1773 г.—за то, что вы возвращаетесь въ свѣтъ и водите знакомство съ людьми, которые принадлежатъ къ высшему кругу и занимаютъ высокія мѣста. Овязи съ сильными міра всегда выгодны, если кто умѣетъ пользоваться ими въ мѣру. Я уважаю порохъ, потому что онъ даетъ мнѣ возможность достать птицу съ воздушнаго пространства, а все прочее, что порохъ дѣлаетъ, для меня какъ-бы и не существуетъ. Вы умѣете цѣнить благородство и полезность и, какъ молодой человѣкъ, должны надѣяться, должны стремиться достигъ лучшаго положенія въ обществѣ, хотя бы даже ради вашей жены. Поэтому, ради Бога, дѣйствуйте такъ, какъ вамъ говоритъ ваше сердце, не заботьтесь о пересудахъ и зажмите ваше сердце какъ для хулителей, такъ и

¹⁾ Gervinus, IV, p. 285.

для Лестеповъ.... О, Кестнеръ! мнѣ теперь такъ хорошо, — хотя васъ и нѣтъ подлѣ меня, но вы—со мной и, какъ всегда, дороги моему сердцу. Кружокъ благородныхъ людей, вотъ самое лучшее изъ всего, чего я когда-либо достигалъ. А мой милый Гецъ! Я полагаюсь на его добрую натуру, онъ будетъ долговѣченъ. Онъ—человѣческое дитя, много у него недостатковъ, но все-таки это дитя—одно изъ лучшихъ. Многимъ сильно не понравятся его одѣяніе и нѣкоторыя его угловатости, однако я получилъ уже столько похвалъ, что даже удивляюсь. Не думаю, чтобъ я могъ опять въ скоромъ времени написать что-нибудь подобное. А между тѣмъ я работаю.»

Кестнеръ, приглашая его пріѣхать въ Ганноверъ, писалъ ему, что тамъ онъ можетъ занять видное мѣсто. Отвѣтъ Гете весьма замѣчательнъ. «Мой отецъ не былъ бы противъ того, чтобъ я вступилъ въ иноземную службу, и у меня нѣтъ никакихъ надеждъ или расчетовъ, которые бы меня здѣсь удерживали, но, милый Кестнеръ, мои способности и мои силы мнѣ очень нужны для самого себя,—я привыкъ дѣйствовать по своему влеченію, а съ этимъ нельзя служить ни у какого государя.» Это было писано въ Рождество 1773 г. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ этого письма, какъ онъ поступилъ на службу Веймарскаго герцога; но, какъ мы увидимъ далѣе, онъ сдѣлалъ это съ полнымъ сознаніемъ своего долга и своихъ силъ.

Для насъ важно знать, къ какому именно времени относится первое знакомство Гете съ Веймарскими принцами. Въ «Автобіографіи» Гете говоритъ, что это случилось въ декабрѣ 1774 г., а между тѣмъ корреспонденція Кнебеля несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что это было не въ декабрѣ, а въ февралѣ. Трудно, конечно, объяснить себѣ, какъ могла память до такой степени измѣнить Гете, чтобъ онъ ошибочно соединилъ въ своихъ воспоминаніяхъ столь важное въ его жизни событіе съ первымъ своимъ знакомствомъ съ Лили; но корреспонденція Кнебеля не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. 11 февраля пріѣхалъ къ нему Кнебель съ визитомъ и сообщилъ ему, что Веймарскіе принцы Карлъ-Августъ и Константинъ, желаютъ его видѣть. Гете отправился. Веймарскіе принцы, особенно Карлъ-Августъ, только-что предъ этимъ прочитавшій Геца, приняли его съ лестнымъ

вниманіємъ. Онъ остался у нихъ обѣдать. Новые знакомые взаимно произвели другъ на друга самое пріятное впечатлѣніе. Принцы отправились въ Майнцъ и Гете общалъ къ нимъ пріѣхать туда. Отецъ Гете, какъ старый истый франкфуртецъ, держалъ себя вдали отъ царственныхъ особъ и, узнавъ о новомъ знакомствѣ своего сына, скептически покачивалъ головой. День или два по отъѣздѣ принцевъ, Гете отправился вслѣдъ за ними въ Майнцъ и прогостилъ тамъ у нихъ нѣсколько дней. Это были его первыя сношенія съ высокостоящими лицами.

Въ маѣ получилъ онъ радостную для него вѣсть, что Лотта уже стала матерью и что новорожденный, въ честь его, названъ Вольфгангомъ. 16-го іюня онъ писалъ къ Лоттѣ: «Въ скоромъ времени пришло я къ вамъ друга, который очень походитъ на меня, и, я надѣюсь, вы хорошо его примете; имя его—Вертеръ; онъ есть и былъ... впрочемъ онъ вамъ все самъ объяснить....»

Приведенные факты взяты изъ безспорныхъ документовъ и безспорно свидѣтельствуютъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя намъ о Вертерѣ «Автобіографіей», невѣрны. Не отчаяніе объ утратѣ Шарлоты, не мучительныя мысли о самоубійствѣ вызвали Вертера къ жизни. Эта исторія самоубійства не была для автора средствомъ избавиться отъ мысли наложить на себя руку. Если хотите, все это были нити, болѣе или менѣе вплетшіяся въ процессъ происхожденія Вертера; тѣмъ неменѣе, однако, несомнѣнные факты удостовѣряютъ насъ, что хотя Вертеръ и взятъ авторомъ изъ собственной жизни, но былъ писанъ уже въ то время, когда былъ пережитъ. Къ тому же заключенію приходимъ мы даже и независимо отъ фактовъ, а priori, если взглянемъ на вопросъ съ точки зрѣнія условій истинно-художественнаго творчества. Поэтъ можетъ «освободить свою грудь отъ опаснаго матеріала», изливъ этотъ матеріалъ въ художественное произведеніе, но во всякомъ случаѣ онъ необходимо долженъ предварительно пережить то, что изображаетъ, — долженъ предварительно побѣдить свои страсти, совладать съ тревожащими его мыслями, и только тогда уже можетъ онъ облечь свои страсти и мысли въ пластическое выраженіе, — не можетъ онъ писать, когда глаза его полны слезъ, не можетъ пѣть, когда грудь его разрывается отъ вздоховъ и рыданіе заглушаетъ его голосъ. Чтобъ излить свою скорбь въ пѣсни, онъ

долженъ предварительно осилить эту скорбь, стать выше ея. Художникъ—не рабъ, а господинъ; онъ властвуетъ надъ страстями, а не страсти надъ нимъ. Художественное творчество принимаетъ въ свое святилище великія скорби міра, но само оно не есть скорбь. Моментъ творчества наступаетъ для художника только тогда уже, когда буря миновала, когда громовыя тучи смѣнились спокойными массами облаковъ, когда уже сквозь облачныя массы проглянуло солнце и озарило ихъ своими лучами. Страданіе въ печали есть только страданіе и ничего болѣе; оно есть чувство, а не художественность. Гете не могъ писать Вертера, прежде чѣмъ пережилъ Вертеризмъ. Если Вертеръ, какъ онъ говоритъ, есть его «исповѣдь» и, какъ исповѣдь, облегчилъ его душу, то не могъ же онъ исповѣдаться прежде, чѣмъ раскаялся, и не могъ раскаяться прежде, чѣмъ пережилъ заблужденіе.

Вертеръ былъ написанъ весьма быстро. «Я совершенно уединился,—разсказываетъ Гете, —не принималъ даже друзей и даже въ самомъ себѣ устранилъ все, что не имѣло съ Вертеромъ непосредственной связи. Такимъ образомъ, послѣ продолжительной внутренней подготовки я написалъ Вертера въ четыре недѣли; до этого у меня ничего не было написано, ни общаго плана и никакой отдѣльной части.» Объ этомъ затворничествѣ Гете Меркъ пишетъ: «Le grand succès, que son drame a eu, lui tourne un peu la tête. Il se detache de tous ses amis et n'existe que dans les compositions, qu'il prepare pour le public».

Намъ интересно знать въ точности, когда именно писался Вертеръ. Какъ уже мы выше замѣтили, собственныя воспоминанія Гете въ этомъ случаѣ очевидно ошибочны. Его утвержденіе, будто онъ написалъ Вертера въ четыре недѣли и что до этого у него не было ничего написано, ни общаго плана и никакой отдѣльной части, еще болѣе запутываетъ вопросъ. Но если мы признаемъ, что память въ этомъ случаѣ измѣнила ему, и, отложивъ его воспоминанія, обратимся исключительно къ письмамъ, которыя были имъ писаны въ то время, то придемъ къ заключенію, что въ умѣ ли только или на бумагѣ, но общій планъ произведенія былъ имъ сдѣланъ еще въ 1772 г., по полученіи извѣстія о смерти Іерусалема, и что въ слѣдующемъ году онъ работалъ по временамъ надъ выполненіемъ этого плана. Въ іюнѣ 1773 г. онъ

писалъ Кестнеру: «Я мечтаю, кое-какъ волочу свою жизнь, пишу пьесы, повѣсти и тому подобное.» Въ іюлѣ онъ писалъ: «въ утѣшеніе богамъ и людямъ я работаю надъ художественнымъ воспроизведеніемъ своего собственнаго положенія. Я знаю, что скажетъ Лотта, увидавъ это произведеніе, и знаю, что отвѣчу ей.» Въ оригиналѣ стоитъ слово *Schauspiel*, т. е. пьеса, драма; Виговъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ подъ словомъ *Schauspiel* Гете разумѣлъ собственно не драму, а такое произведеніе, въ которомъ выводится предъ публику, *zur Schau*, положеніе самого автора. Въ сентябрѣ того же года Гете писалъ: «Когда я пишу, вы всегда при мнѣ. Теперь я работаю надъ романомъ, но работа подвигается очень медленно.» Въ ноябрѣ г-жа Якоби увѣдомляла Гете, что получила романъ, — въ рукописи безъ сомнѣнія, — и что онъ доставляетъ ей большое наслажденіе. Въ февралѣ 1774 г. Меркъ писалъ: «Je prévois qu'un roman, qui paraîtra de lui à Raques, sera aussi bien reçu que son drame.» Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобъ произведеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенныхъ мѣстахъ изъ писемъ, могло быть какое-либо иное, а не Вертеръ, и поэтому считаемъ несомнѣннымъ, что указанія «Автобіографіи» совершенно ошибочны.

Въ сентябрѣ 1774 г. Гете послалъ Лоттѣ рукописный экземпляръ Вертера и при этомъ писалъ къ ней: «Лотта! Читая эту тетрадку, ты поймешь, какъ она дорога мнѣ. Этотъ экземпляръ мнѣ дорогъ, какъ будтобы онъ былъ единственный на свѣтѣ. Онъ долженъ принадлежать тебѣ, Лотта; я цѣловалъ его сотни разъ, держалъ его въ заперти, чтобъ никто не могъ и прикоснуться къ нему. О, Лотта! Я прошу тебя, не показывай этой рукописи никому, кромѣ Мейера; она появится въ свѣтѣ не прежде, какъ на Лейпцигской ярмаркѣ. Я желаю бы, чтобъ ты прочла ее особо, Кестнеръ особо, и чтобъ потомъ каждый изъ васъ написалъ мнѣ словечко. Лотта, прощай.»

ГЛАВА V.

Вертеръ.

Aujourd'hui l'homme désire immensément, mais il veut faiblement: эти слова Гизо могутъ служить превосходнымъ эпиграфомъ для Вертера. Содержаніе Вертера двойственно: оно заключаетъ въ себѣ отчасти исторію самого автора и отчасти исторію одного изъ его друзей. Исторія Іерусалема послужила для Гете рамкой, въ которую онъ вмѣстилъ то, что имъ было самымъ пережито. Многія подробности романа почерпнуты имъ изъ длиннаго письма Кестнера, которое было писано вскорѣ послѣ смерти Іерусалема. Мы приведемъ здѣсь вкратцѣ содержаніе этого письма; оно можетъ служить какъ-бы введеніемъ къ роману. Іерусалемъ былъ склоненъ къ меланхоліи и очень грустилъ во все время своего пребывания въ Вецларѣ. Высшій дипломатическій кругъ не принялъ его въ свою среду, хотя по положенію своему онъ могъ имѣть на это совершенно справедливыя притязанія; посланникъ, у котораго онъ состоялъ секретаремъ, былъ съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ, и наконецъ, въ довершеніе всѣхъ огорченій, онъ влюбился въ жену своего друга. Подавленный горемъ, онъ избѣгалъ общества, любилъ ночныя прогулки при лунномъ свѣтѣ и однажды проблуждалъ въ лѣсу цѣлую ночь. Жизнь велъ онъ одинокою, ни съ кѣмъ не дѣлилъ своего горя, никому изъ друзей не сообщалъ причинъ своей грусти и искалъ развлеченія въ чтеніи плохихъ романовъ того времени; кромѣ того онъ читалъ трагедіи, какія только ему попадались, англійскихъ писателей, преимущественно наиболѣе мрачныхъ, и также различныя философскія со-

чиненія, — писалъ разныя статьи и между прочимъ статью о самоубійствѣ. Вообще, вопросъ о самоубійствѣ очень занималъ его. Мендельсоновъ *Phaedon* ¹⁾ была его любимая книга. Когда въ Вецларѣ распространился слухъ о самоубійствѣ Гуэ, онъ оправдывалъ поступокъ, замѣтилъ только, что едвали Гуэ на это способенъ. За нѣсколько дней до своей смерти онъ разсуждалъ со Шлейнцемъ о самоубійствѣ и между прочимъ сказалъ: «А вѣдь это очень скверно, однако, если выстрѣлъ неудаченъ!» Остальное мы передадимъ собственными словами Кестнера. Разсказъ Кестнера очень хорошъ по своей обстоятельности и простотѣ, которая какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ характеру описываемой исторіи.

«Прошлый вторникъ приходитъ онъ съ недовольнымъ видомъ къ больному Кильмансэггу. На вопросъ Кильмансэгга, чтó съ нимъ? онъ отвѣтилъ: лучше, чѣмъ бы желалъ. Этотъ день онъ много говорилъ о любви, чего съ нимъ никогда не бывало, говорилъ также о *Frankfurter Zeitung*, который съ нѣкотораго времени сталъ ему больше нравиться, чѣмъ прежде. Послѣ обѣда въ этотъ же день (вторникъ) онъ былъ у секретаря Г... и до 8 часовъ вечера игралъ съ нимъ въ тарокъ. Анхенъ Брандтъ была тутъ. Іерусалемъ проводилъ ее до дому. Провожая ее, онъ нѣсколько разъ ударилъ себя по лбу и нѣсколько разъ повторилъ: кто же первый умретъ, — кто первый будетъ на небѣ! Анхенъ шутила надъ его возгласами. Онъ условливался съ ней, чтобъ она на небѣ дала ему мѣсто подлѣ себя, и прощаясь сказалъ ей: Итакъ рѣшено. Я на небѣ буду подлѣ васъ.

«Въ среду онъ не обѣдалъ дома, вопреки обыкновенію, а отправился обѣдать въ Кронпринцъ, гдѣ былъ праздникъ, и пригласилъ туда съ собой секретаря Г... Послѣ обѣда онъ вмѣстѣ съ Г... пошелъ къ нему, чтобъ видѣться съ его женой. Подали кофе. Іерусалемъ сказалъ г-жѣ Г...: «въ послѣдній разъ пью я кофе съ вами.» Г-жа Г... приняла эти слова за шутку и отвѣчала въ шутливомъ тонѣ. Потомъ Іерусалемъ оставался одинъ у Г...; что тамъ происходило, неизвѣстно, но въ этомъ, вѣроятно, и ле-

¹⁾ Припомнимъ, что Гете въ Страсбургѣ занимался разборомъ этой книги и сравнивалъ ее съ Федономъ Платона.

жить ключъ къ разгадкѣ того, что было послѣ. — Вечеромъ, когда уже начинало темнѣть, Іерусалемъ пришелъ въ Гербенгеймъ, вошелъ въ гостиницу, спросилъ: есть ли кто въ комнатѣ на верху? Ему отвѣчали, что никого нѣтъ. Онъ пошелъ на верхъ, потомъ скорѣй вернулся внизъ, вышелъ на дворъ гостиницы, послѣ нѣсколькихъ минутъ вернулся назадъ и отправился въ садъ. Тамъ онъ оставался довольно долго. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Наконецъ опъ вернулся изъ саду, быстрымъ шагомъ прошелъ мимо хозяйки и ушелъ. Все это онъ дѣлалъ молча.

«Въ это же время, или нѣсколько позднѣе, между Г... и его женой произошло что-то особенное. Г... сообщилъ по секрету одной дамѣ, съ которой друженъ, что имѣлъ непріятность съ женой насчетъ Іерусалема и что жена его потребовала, чтобъ онъ отказалъ Іерусалему отъ дома, что онъ и исполнилъ на слѣдующій же день, написавъ ему объ этомъ записку.

[Для непрерывности разсказа я вставляю здѣсь отрывокъ изъ другаго письма Кестнера: «Ходятъ темныя слухи, идущіе будто бы отъ самого Г..., что когда Іерусалемъ былъ у Г.... въ послѣднюю среду предъ своей смертію, Г.... на нѣкоторое время отлучался къ посланнику. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что его жена необыкновенно серьезна, а Іерусалемъ необыкновенно тихъ. Это показалось ему весьма страннымъ и подозрительнымъ. Когда Іерусалемъ ушелъ, Г... задумался, что бы это могло значить; въ немъ родилось подозрѣніе, что въ его отсутствіе случилось что-то нехорошее, такъ какъ онъ вообще подозрителенъ и ревнивъ. Желая испытать жену, онъ сказалъ ей съ спокойнымъ и веселымъ видомъ: «я нѣсколько разъ обѣдалъ у Іерусалема, не падо ли и намъ пригласить его обѣдать.» Г-жа Г... отвѣчала на это, что звать Іерусалема обѣдать не слѣдуетъ, что напротивъ имъ надо прекратить всякія съ нимъ сношенія. При этомъ она объяснила мужу, что поведеніе Іерусалема заставляетъ ее избѣгать случаевъ видѣться съ нимъ, и при этомъ сочла долгомъ разсказать, что произошло между ней и Іерусалемомъ въ отсутствіе мужа. Іерусалемъ бросился предъ ней на колѣни и сталъ объясняться въ любви. Она пришла въ негодованіе отъ такого поступка, стала ему выговаривать и пр., и пр. Это объясненіе г-жи Г... съ мужемъ кончилось тѣмъ, что она потребо-

вала отъ мужа, чтобъ тотъ отказалъ Іерусалему отъ дома, объявила, что она болѣе не можетъ и не хочетъ его видѣть, не хочетъ даже слышать о немъ. На другой же день утромъ Г... послалъ записку къ Іерусалему» и пр....]

«Въ ночь съ середины на четвергъ Іерусалемъ всталъ около 2 часовъ, разбудилъ слугу, сказалъ, что не можетъ спать, что чувствуетъ себя не хорошо, велѣлъ растопить каминъ, сталъ пить чай. Потомъ, повидимому, ему стало лучше.

«Въ четвергъ утромъ секретарь Г... прислалъ къ Іерусалему записку. Дѣвушка, принеся записку, не хотѣла ждать отвѣта и ушла. Іерусалемъ въ это время брился. Около 11 часовъ онъ послалъ слугу съ запиской къ Г..., но Г... не принялъ записки, сказалъ, что ему не надо никакого отвѣта, что всякая переписка между нимъ и Іерусалемомъ совершенно излишня, такъ какъ каждый день выдаются въ диктатурѣ. Когда слуга принесъ назадъ записку пераспечатанной, Іерусалемъ бросилъ ее на столъ и сказалъ: хорошо! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ показать слугѣ, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго). Обѣдалъ онъ дома, ѣлъ очень мало. Только немного поѣлъ супу. Около часу онъ послалъ слугу съ записками ко мнѣ и къ посланнику. Въ запискѣ къ посланнику онъ просилъ прислать ему жалованье за текущій (или за будущій) мѣсяцъ. Когда принесли ко мнѣ записку, меня не было дома, слуги моего также. Іерусалемъ между тѣмъ вышелъ изъ дому и вернулся около четверти четвертаго. Когда слуга подалъ ему назадъ записку ко мнѣ, онъ спросилъ, почему тотъ не отдалъ записку дѣвушкѣ, если никого болѣе нѣтъ дома. Слуга отвѣтилъ, что не рѣшился этого сдѣлать, такъ какъ записка не запечатана. «Напрасно — сказалъ Іерусалемъ, — тутъ нѣтъ никакихъ секретовъ,» и опять послалъ слугу ко мнѣ съ этой запиской. На этотъ разъ слуга счелъ себя вправѣ прочесть записку и отдалъ ее мальчику, который у меня прислуживаетъ. Было около половины четвертаго, когда я получилъ записку. Вотъ ея содержаніе: «По случаю предстоящей мнѣ поѣздки, осмѣливаюсь просить васъ одолжить мнѣ ваши пистолеты.» — Такъ какъ я тогда ничего не зналъ о томъ, что описано мной выше въ этомъ письмѣ, и не зналъ вовсе мыслей Іерусалема о самоубійствѣ, такъ какъ никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ особен-

ныхъ сношеній, то нисколько и не затруднился послать ему пистолеты.

«Слуга увидалъ изъ записки, что господинъ его собирается куда-то ѣхать. Потомъ самъ Іерусалемъ сказалъ ему, что ѣдетъ, и велѣлъ, чтобъ къ шести часамъ слѣдующаго утра все было готово къ отъѣзду и чтобъ къ этому времени пришелъ нарикмахеръ. Слуга ничего не зналъ, какъ, куда и за чѣмъ онъ ѣдетъ; и такъ какъ вообще онъ не имѣлъ обыкновенія сообщать слугѣ о своихъ намѣреніяхъ, то въ томъ это и не возбуждало никакихъ подозрѣній. Всѣ догадки слуги ограничивались предположеніемъ: «Не хочетъ ли мой господинъ удрать тайкомъ въ Брауншвейгъ, а меня бросить здѣсь.» Пистолеты посланы были къ ружейному мастеру, чтобъ тотъ зарядилъ ихъ пулями.

«Все время послѣ обѣда Іерусалемъ занимался у себя одинъ, рылся въ бумагахъ, ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ это слышали живущіе внизу въ томъ же домѣ. Потомъ онъ выходилъ нѣсколько разъ изъ дому, уплатилъ разные мелкіе долги, послалъ слугу съ парой манжетовъ сказать купцу, что эти манжеты ему не нравятся, при этомъ далъ слугѣ деньги на случай, если купецъ пожелаетъ лучше получить деньги, чѣмъ взять назадъ манжеты, какъ это и случилось.

«Около семи часовъ пришелъ къ нему учитель итальянскаго языка. Учитель нашелъ его въ неспокойномъ, раздраженномъ состояніи. Онъ жаловался на ипохондрію и на разныя разности, упомянулъ при этомъ, что самое лучшее отправиться на тотъ свѣтъ. Итальянецъ ревностно убѣждалъ его, что въ такомъ состояніи духа надо искать утѣшеніе въ философіи и т. п. Іерусалемъ отвѣчалъ итальянцу, что это не такъ легко сдѣлать, какъ онъ думаетъ, что ему хотѣлось бы остаться одному и прочее въ томъ же родѣ. Итальянецъ продолжалъ настаивать, что ему необходимо разсѣяніе, необходимо пойдти куда-нибудь въ общество и пр. Іерусалемъ сказалъ, что онъ намѣренъ куда-нибудь пойдти. Видъ пистолетовъ, лежавшихъ на столѣ, нѣсколько смутилъ итальянца. Онъ оставилъ Іерусалема около половины девятаго и отправился къ Кильмансэггу. У Кильмансэгга онъ только и говорилъ что объ Іерусалемѣ, о разстроенномъ его состояніи, но объ опасе-

ніяхъ, которыя возбудилъ въ немъ видъ пистолетовъ, не сказалъ ни слова: онъ боялся, что его опасенія возбудятъ только смѣхъ.

«Когда слуга вошелъ къ Іерусалему въ комнату, чтобъ снять съ него сапоги, тотъ сказалъ ему, что намѣренъ еще выйти изъ дому, что въ дѣйствительности и сдѣлалъ. Многіе видѣли, какъ онъ скорыми шагами ходилъ по улицамъ, нахлобучивъ шляпу на глаза и ни на кого не обращая вниманія. Видѣли также, какъ онъ нѣсколько времени стоялъ у рѣки въ такой позѣ, какъ будто хотѣлъ броситься въ воду. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ.

«Около девяти часовъ онъ вернулся домой, сказалъ слугѣ, чтобъ тотъ подбавилъ дровъ въ каминъ, такъ какъ еще не скоро ляжетъ спать, напомнилъ, чтобъ все было готово къ отъѣзду къ шести часамъ утра и велѣлъ себѣ подать бутылку вина. Такъ какъ Іерусалемъ всегда былъ очень точенъ, то, чтобъ не проспать и въ точности исполнить приказаніе, слуга легъ спать не раздѣваясь.

«Оставшись одинъ, Іерусалемъ, какъ надо предполагать, занялся приготовленіями къ смерти. Онъ изорвалъ всю свою переписку и побросалъ подъ столъ. Я видѣлъ подъ столомъ кучу рваной бумаги. Онъ написалъ два письма, одно къ роднымъ, другое къ секретарю Г...; полагаютъ, что онъ кромѣ того оставилъ письмо къ посланнику Геффлеру, который его по всей вѣроятности уничтожилъ. Письма эти лежали на письменномъ столѣ. Медикъ видѣлъ на другой день утромъ, что на этомъ столѣ лежало письмо къ родственникамъ. Вотъ его содержаніе, какъ мнѣ передалъ д-ръ Гельдъ, который его самъ читалъ: «Отецъ, мать, сестры, зять, простите вашему несчастному сыну и брату. Господи, благослови ихъ.»

«Въ письмѣ къ Г... онъ проситъ прощенія, что нарушилъ спокойствіе и счастье его семейной жизни, поселилъ несогласіе и пр., что его чувства къ г-жѣ Г... были сначала совершенно чисты и пр. Говорятъ, что это письмо заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ три листа и кончается слѣдующей строкой: «Первый часъ. Въ той жизни мы свидимся.» Надо предполагать, что, окончивъ это письмо, онъ сейчасъ же и застрѣлился.»

Это событіе произвело въ Вецларѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Даже люди, едва разъ видѣвшіе Іерусалема, были глубоко потрясены его кончиной; особенно сильное участіе выказывали женщины къ судьбѣ несчастнаго юноши. Вертеръ нашелъ уже подготовленную публику.

Имѣя въ виду этотъ матеріалъ, посмотримъ теперь, что сдѣлалъ изъ него Гете. Вертеръ представленъ человѣкомъ, который еще не умѣетъ владѣть собой, который воображаетъ, что его безпредѣльныя стремленія суть вѣрный признакъ его великаго превосходства; это одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ весьма остроумно кто-то замѣтилъ, что, взявъ въ руки громадную кисть, они уже считаютъ себя великими художниками. Онъ смѣется надъ всѣмъ, что только имѣетъ хотя видъ признаннаго правила, и надъ правилами искусства, и надъ обычаями, которыми обставлена наша ежедневная жизнь, — онъ ненавидитъ порядокъ, правильность во всемъ, и въ рѣчи, и въ письмѣ, и въ одѣяніи, и въ занятіяхъ, однимъ словомъ ненавидитъ все, что не есть произволъ. Какъ замѣчаетъ Гервинусъ, онъ отвращается отъ взрослыхъ и обращается къ дѣтямъ, потому что тѣ ни въ чемъ не прекословятъ ему, отъ истины обращается къ поэзіи и въ поэзіи отъ свѣтлаго, яснаго Гомеровскаго міра обращается къ туманному міру Оссіана. Энтузіазмъ къ Оссіану составляетъ характеристическое свойство той эпохи. Нѣмцы того времени видѣли въ Оссіановской реторикѣ высшее опоэтизированіе природы. Старикъ Джонсонъ очень мѣтко замѣтилъ, что писать по-Оссіановски можно сколько угодно, стоитъ только отпустить себя поводамъ. Дѣйствительно, подобное писаніе и возможно только для ума съ отпущенными поводьями. Безграничное предоставленіе себя своимъ влеченіямъ, пренебреженіе къ указаніямъ разсудка и здраваго смысла, въ этомъ и состоитъ главная характеристическая черта Вертеровской эпохи.

Вертеръ—не Гете. Вертеръ гибнетъ, потому что несчастливъ, а несчастливъ потому, что слабъ. Гете же «господинъ самъ себѣ.» Увидавъ опасность, онъ избѣгаетъ ея,—онъ отстраняется отъ любимой женщины, какъ скоро замѣчаетъ, что положеніе его становится опаснымъ. Но хотя Вертеръ и не Гете, въ немъ есть часть самого Гете. Это очевидно какъ по многимъ подробностямъ, такъ

и по языку и по самому его характеру. Гетевское въ Вертерѣ есть именно тоже самое, что мы находимъ и въ Вейслингенѣ, въ Клавиго, въ Фаустѣ, въ Фернандо, въ Эдуардѣ, въ Мейстерѣ, въ Тассо. Ни одинъ критикъ, конечно, не скажетъ, чтобъ всѣ эти лица были одно и то же лицо въ различной только драпировкѣ; но ни одинъ критикъ также не откажется признать, что всѣ они принадлежать, такъ сказать, къ одному и тому же роду: это—люди съ сильными желаніями и слабой волей, колеблющіеся впечатлительныя натуры, неспособныя достичь самообладанія. Гете принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые постоянно колеблются, потому что очень впечатлительны, но у которыхъ колебаніе не есть слабость: они колеблются, но устоятъ ихъ всегда на той именно стезѣ, которую указываетъ имъ воля. Гете былъ не только впечатлителенъ, у него было нѣжное сердце; суровость была для него невозможна, но онъ былъ способенъ къ рѣшимости. Ему стоило только въ воображеніи отрѣшиться отъ свойственной ему рѣшительности, чтобъ найти въ самомъ себѣ оригиналъ Вертера.

Изображая самого себя, человѣкъ почти никогда не высказывается вполне. Наша нравственная природа имѣетъ свою скромность. Какъ ни сильно бываетъ въ насъ побужденіе излить то, что сокрыто въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ нашей души, какъ ни велико испытываемое нами наслажденіе при созиданіи изображеній самихъ себя, мы невольно кое-что умалчиваемъ, какъ будто боимся совершенно отождествить себя съ своимъ созданіемъ. Едвали что можетъ сильнѣе затронуть наше самолюбіе, какъ когда мы слышимъ притязаніе, что насъ совершенно поняли. Вотъ почему мы не встрѣчаемъ писателей, чьихъ произведенія были бы точнымъ изображеніемъ ихъ самихъ. Байронъ былъ человѣкъ крайне слабый, совершенно лишенный самообладанія, а между тѣмъ герои его—люди сильные; Гете же былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ людей, а между тѣмъ герои его—игрушки обстоятельствъ. Замѣтимъ однако, что Гете изображалъ также и такихъ героевъ, въ которыхъ олицетворялась другая сторона его существа — твердая и сильная воля, и поэтому въ его произведеніяхъ встрѣчаются противоположныя личности, такъ напр. Гецъ и Вейслингенъ, Карлосъ и Клавиго, Жарно и Мейстеръ, Антоній и Тассъ, Капи-

танъ и Эдуардъ, и разрисованные болѣе темными красками Мефистофель и Фаустъ.

Теперь Вертеръ мало читается, особенно въ Англіи, гдѣ онъ имѣлъ несчастье появиться въ крайне дурномъ переводѣ. Я читалъ его въ первый разъ въ англійскомъ переводѣ и просто получилъ къ нему отвращеніе. Мнѣніе мое измѣнилось, когда мнѣ случайно попался Испанскій переводъ, но я не прежде вполне оцѣнилъ его красоты и проникся къ нему удивленіемъ, какъ когда прочиталъ въ оригиналѣ. По стилю это произведеніе образцовое; по ясности, свѣтлости образовъ, по полнотѣ жизни, по изящной простотѣ оно не имѣетъ себѣ ничего подобнаго во всей нѣмецкой литературѣ. Слогъ Вертера состоитъ какъ будто изъ непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ гармоническихъ музыкальных аккордовъ. Вертеръ написанъ прозой, но такой прозой, которая выполняетъ всѣ условія поэзіи. Языкъ этой прозы гармониченъ, какъ звуки падающихъ водъ,—отъ него вѣетъ какой то сладостной меланхоліей, которая напоминаетъ вамъ осенній вечеръ.

Планъ Вертера чрезвычайно простъ и выполненъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Всѣ малѣйшія подробности, замѣчаетъ Мармье, такъ расположены и такъ обставлены, что вы ясно читаете въ нихъ исторію страданій больной души. Вертеръ удаляется въ уединеніе, надѣется излечить себя, уже предвкушаетъ спокойную невозмутимо счастливую жизнь. Весна. Онъ живописецъ и поэтъ. Свѣжее утро и прохладные весенніе вечера дѣйствуютъ на него успокоительно, укрѣпляютъ его силы. По цѣлымъ часамъ просиживаетъ онъ, читая и мечтая, на любимомъ мѣстѣ подъ липами. Съ нимъ неразлучны карандашъ и Гомеръ. Все интересуетъ его,—и старая женщина, которая приноситъ ему кофе, и дѣти, играющія кругомъ него, и рассказы о бѣдномъ семействѣ. Спокойная тихая жизнь видимо исцѣляетъ его. Встрѣчается онъ съ Шарлотой и новая страсть обхватываетъ его душу. Спокойствіе исчезаетъ, кончается тихая, однообразная жизнь. Въ физическихъ упражненіяхъ старается онъ заглушить голосъ страсти. Одинъ день не походитъ уже болѣе на другой: то онъ въ восторгѣ, полонъ надеждъ, то овладѣваетъ имъ мрачное отчаяніе. Наступаетъ зима: холодно, печально, мрачно. Надо ему ѣхать. Онъ уѣзжаетъ, снова

досѣщаетъ общество. Но общество противно ему, невыносимо по своей монотонности и пустотѣ, — своей дворянской спѣсью оно оскорбляетъ въ немъ чувство собственнаго достоинства и онъ опять возвращается въ свой мирный уголокъ, гдѣ нѣкогда чувствовалъ себя столь счастливымъ. Здѣсь онъ находитъ ту же Шарлоту, тѣхъ же дѣтей, тѣ же любимыя имъ рощи и луга, но не находитъ уже прежняго спокойствія. Жизнь становится ему въ тягость, лучшія его надежды рушились, и онъ налагаетъ на себя руку.

Розенкранцъ, принадлежащій къ числу тѣхъ критиковъ, которые повсюду откапываютъ такой скрытый смыслъ, какой самому автору и въ голову никогда не приходилъ, высказываетъ мнѣніе, будто Гете выказалъ великое искусство тѣмъ, что сдѣлалъ своего Вертера дипломатомъ, такъ какъ дипломатъ есть необходимо Scheinthuier (притворщикъ). Но это совершенно ложно. Гете выставилъ Вертера именно такимъ, какимъ нашелъ его.

Вертеръ совершенно искрененъ. Художественность Гете и состоитъ именно въ истинности. Какъ художникъ, Гете такъ великъ, что самыя незначущія, повидимому, мелочи дѣйствительной жизни получаютъ у него глубокое значеніе. Припомните, напримѣръ, тѣ сцены въ романѣ, когда Шарлота рѣжетъ хлѣбъ дѣтямъ, или когда она на балу, или когда дѣти окружаютъ Вертера и просятъ у него сахару, — тутъ нѣтъ ничего изобрѣтеннаго, ничего придуманнаго, тутъ все до крайности просто, такъ просто, что своей простотой, безыскусственностью, вызвало даже насмѣшки со стороны нѣкоторыхъ англійскихъ критиковъ, для которыхъ поэзія есть напыщенность, а не воспроизведеніе дѣйствительности. Вся красота и вся художественность Вертера состоитъ не въ событіяхъ (событія такъ просты, что какой-нибудь Дюма способенъ даже презрительно пожать плечами и прійти въ удивленіе отъ скудной изобрѣтательности автора), а въ воспроизведеніи дѣйствительной жизни. Да и что такое истинная художественность, какъ не воспроизведеніе дѣйствительности?¹⁾

¹⁾ L'art n'est qu'une forme», говоритъ Жоржъ Зандъ. Къ сожалѣнію, рѣдко встрѣчаются критики, которые были бы достаточно проникнуты этой истинной. Вотъ что говоритъ Гете и никто, конечно, не станетъ оспаривать, что его мнѣніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ вѣсъ. «Не хотѣть понять той простой истины, что самая высокая, единственная задача искусства есть изображеніе (Gestaltung)»

Впечатлѣніе, произведенное Вертеромъ, было громадно. Вотъ какъ говорить о Вертерѣ Карлейль: «Невыразимое не спокойство духа, неясныя стремленія души, рвущейся на свободу, грустное, тоскливое недовольство,—таково было общее состояніе умовъ въ то время, таково было и состояніе Гете и доходило у него почти до отчаянія. Всѣ переживали это состояніе духа, но выразить его могъ только одинъ Гете. Въ этомъ и состоитъ секретъ его популярности. Своимъ глубокочувствующимъ, глубоко воспринимавшимъ сердцемъ онъ въ тысячу разъ сильнѣе другихъ прочувствовалъ то, что было тогда общимъ чувствомъ, и силой своего творческаго дарованія, какъ поэтъ, далъ этому чувству видимую форму, далъ ему мѣстожителство, далъ имя, и въ созданномъ имъ образѣ современное ему поколѣніе увидѣло самого себя. Вертеръ есть ни что иное какъ выраженіе глухой глубокой скорби, которою страдали всѣ мыслящіе люди, принадлежавшіе къ поколѣнію Гете; Вертеръ есть общее страданіе, выраженіе общей душевной боли: вотъ почему такъ громко и такъ дружно отзывались на него голоса и сердца всей Европы. Правда, Вертеръ не указываетъ лекарства,—это совершенно иная и гораздо труднѣйшая задача, для которой требовались иные годы и болѣе высокое развитіе; но какъ истинное выраженіе общей скорби, онъ былъ общей радостію, и люди, усвоивая себѣ это выраженіе, чувствовали облегченіе на сердцѣ. Если даже Байроновское утомленіе жизнью, Байроновская тоска и безумное, бурное негодованіе, и дикія, совершенно нехудожественныя мелодіи, если даже этотъ Байронизмъ, который вовсе не былъ новостью для своего времени, а напротивъ былъ стариной и стариной изношенной, могъ такъ глубоко охватить столь многія сердца, то посудите, какъ сильно долженъ былъ дѣйствовать Вертеръ, который былъ для своего времени новымъ, дотошъ неслыханнымъ голосомъ, внезапно раздавшимся изъ невидимаго міра. Онъ былъ первымъ звукомъ той страшной жалобной пѣсни, которая потомъ облетѣла всѣ страны и до такой степени приковала къ себѣ слухъ людей, что они стали глухи ко всему другому. Вертеръ сталъ плотью и кровью цѣлой литературной эпохи, породилъ цѣлое поколѣніе сантиментальныхъ писателей, которые своими жалобами и воплями оглашали всѣ страны міра, пока не озарилъ ихъ болѣе свѣтлый лучъ или, какъ это бывало

въ худшихъ случаяхъ, пока не утомились и не заснули, и пока наконецъ не сдѣлалось для всѣхъ ясно, что жалобы и вопли—занятіе, совершенно безплодное. Эти плакальщики, погребальные хористы, шумливые и необузданные, сколько и слезливые, назывались въ Германіи *Kraftmänner*, сильные люди,—теперь они давно уже, какъ больныя дѣти, поплакали, покричали, да и успокоились.» ¹⁾

Никогда еще, быть можетъ, вымыселъ не производилъ такого сильного впечатлѣнія, не возбуждалъ такого сильного восторга, какъ Вертеръ. Люди, самые разнохарактерные, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ классамъ общества, были, такъ сказать, насквозь прохвачены имъ. Онъ сопровождалъ Наполеона въ Египетъ, проникъ даже въ Китай, гдѣ образы Шарлоты и Вертера облеклись въ фарфоръ. Въ Германіи онъ сталъ народной книгой, его продавали на улицахъ, для дешевизны печатали на самой дурной бумагѣ ²⁾.

Конечно, нашлись и противники, какъ напр. Лессингъ, который былъ свободенъ отъ болѣзни того времени и не терпѣлъ сентиментальничанья. «Неужели вы думаете — писалъ онъ — чтобы юноша, Грекъ или Римлянинъ, могъ бы такимъ образомъ и по такой причинѣ совершить самоубійство? Конечно, нѣтъ. Греки и Римляне умѣли остерегаться отъ крайностей любовныхъ увлеченій. Во времена Сократа не извинили бы даже и дѣвушкѣ подобное *ἐξ ἐρωτος κατὰ τὴν ἐκείνης τὴν τοῦ σώματος παρά φύσιν*. Подобныхъ карловъ-великановъ можетъ производить только христіанское воспитаніе, которое такъ превосходно умѣетъ превращать жизнен-

¹⁾ *Miscellanies*, vol. 1, p. 272.

²⁾ Во время путешествія своего по Италіи, Гете получилъ отъ одного молодого француза письмо, въ которомъ говорилось: «*Oui, Monsieur, je vous dois la meilleure action de ma vie, par conséquent, la racine de plusieurs autres, et pour moi votre livre est bon. Si j'avais le bonheur d'habiter le même pays, que vous, j'irai vous embrasser et vous dire mon secret; mais malheureusement j'en habite un, où personne ne croirait au motif, qui vient de me déterminer à cette démarche. Soyez satisfait, Monsieur, d'avoir pu à trois cents lieux de votre demeure ramener le coeur d'un jeune homme à l'honnêteté et à la vertu, toute une famille va être tranquille, et mon coeur jouit d'une bonne action.*»

ную потребность въ духовное совершенство. Еще одну небольшую главу въ концѣ, любезный Гете, и чѣмъ циничнѣе будетъ эта глава, тѣмъ лучше¹⁾. Изъ этихъ словъ очевидно, что Лессингъ ошибочно понималъ Вертера. Если Вертеръ застрѣлся, то причиною этому не крайность любовнаго увлеченія,—ему жизнь стала невыносима, потому что, независимо отъ несчастной любви, онъ самъ по себѣ былъ нравственно боленъ, а несчастная любовь была только искрой, произведшей взрывъ. Нельзя притомъ не удивиться, что такой замѣчательный ученый, какъ Лессингъ, могъ сдѣлать такую невѣрную ссылку на Грековъ и Римлянъ. Онъ забылъ, что у Софокла въ Антигонѣ несчастный любовникъ убиваетъ себя, потому что у него похищаютъ его возлюбленную. Онъ забылъ также, что стоики ввели въ Римъ въ моду кончать жизнь самоубійствомъ и что въ Александріи Епикурейцы основали даже «общество превращенія жизни» (*συντροφία νοσημενῶν*). Члены этого общества, пресытаясь всѣми наслажденіями жизни, собирались на пиршество,

Здѣсь кстати будетъ пригессти также слѣдующій анекдотъ: въ одномъ домѣ въ Неаполѣ, когда Гете сходилъ съ лѣстницы, подходитъ къ нему какой-то англійчанинъ съ слѣдующими словами: «Вы — авторъ Вертера, впрочемъ у меня нѣтъ свободнаго времени, я спѣшу; я не хочу повторять вамъ, что вы слышали уже отъ тысячи друиалъ; скажу вамъ только, что ваше произведеніе не такъ сильно на меня подѣйствовало, какъ на другихъ, но каждый разъ, какъ я подумаю, что требовалось для того, чтобъ написать подобное произведеніе, я прихожу въ восторгъ». Облегчивъ себя этимъ изліаніемъ, незнакомецъ пожелалъ Гете всего хорошаго и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

Подобный же анекдотъ рассказываетъ про себя Шиллеръ въ письмѣ къ Кернеру: «Входитъ ко мнѣ въ комнату какая то сморщенная фигура и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: я ли совѣтникъ Шиллеръ. Получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, незнакомецъ продолжалъ: «Я слышалъ, что вы здѣсь, и не могъ удержаться, чтобъ не видѣть автора Дона-Карлоса». — «Вашъ покорнѣйшій слуга — сказалъ я, — позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить? — «Я не имѣю счастья быть вамъ извѣстнымъ», — отвѣчалъ незнакомецъ, — мое имя Вульпіусъ». — «Очень вамъ благодаренъ за вашу любезность, но къ сожалѣнію мнѣ теперь нѣтъ времени». — «О, безпозвольте пожалуйста, я совершенно доволенъ тѣмъ, что васъ видѣлъ.» — *Briefwechsel*, 1, p. 105.

Такого же рода анекдотъ встрѣчается мы у Плинія: «*Nunquamne legisti Gaditanum quemdam Titi Livii nomine gloriae commotum advisendum eum ab ultimo terrarum orbe venisse, statimque ut viderat abiisse.*»—*Lib. II, Ep. III.*

¹⁾ Lessing: *Werke*, X, 225, письмо къ Эгенбергу.

глубокъ весело ходилъ кругомъ, и въ срединѣ оргіи пирующие спокойно полагали конецъ своему существованію,—это были своего рода воігёевъ, гдѣ гости приглашались не на чай и музыку, а на ужинъ и смерть.

Берлинскій аристархъ, Николай, человѣкъ прямой, но ограниченнаго ума и большой врагъ всякаго рода Schwärmerei, написалъ пародію на Вертера подъ заглавіемъ «Die Freuden des jungen Werther's» (радости молодого Вертера), въ которой осмѣивалъ сентиментализмъ: у него Вертеръ также стрѣляется, на немъ кровь, но только не его, а голубиная, потомъ онъ женится на Лоттѣ и «счастливо проводитъ съ ней остальную жизнь».

Въ отвѣтъ на эту пародію, Гете написалъ: Nicolai auf Werther's Grabe (Николай на могилѣ Вертера), которая однако, какъ онъ самъ говоритъ, была неудобна для печати. Впослѣдствіи это произведеніе было напечатано въ Nachträge zu Goethe's Werke, Lief. I, p. 12. Поклонники Вертера, конечно, не преминули воспылать сильнымъ негодованіемъ противъ Николай, не обращая никакого вниманія на то, что Николай не думалъ вовсе отрицать высокихъ достоинствъ Вертера, а только нападалъ на его тенденцію, въ чемъ совершенно сходилъ съ Лессингомъ. Притомъ его порицанія были не очень тяжеловѣсны по сравненію съ тѣми похвалами, которыя раздавались со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ публика проливала слезы, читая трагическую исторію Вертера, совсѣмъ иныя чувства волновали Кестнера и Шарлоту. Имъ было больно и оскорбительно, что ихъ такимъ образомъ выставили на показъ и притомъ въ искаженномъ видѣ. Разсказъ былъ во многихъ отношеніяхъ слишкомъ вѣренъ дѣйствительности, чтобъ можно было оставаться равнодушнымъ къ встрѣчающимся въ немъ уклоненіямъ отъ того, что было на самомъ дѣлѣ. Трудно было не признать, что подъ дѣйствующими лицами романа скрываются живые люди и кто именно эти люди, а между тѣмъ они выставлены въ романѣ не такими, какими были на самомъ дѣлѣ. Любопытная публика не долго оставалась въ невѣденіи, что въ основѣ романа лежитъ дѣйствительное событіе и кто именно лица, играющія роль въ этомъ событіи, — полной же истины она не знала и не могла знать: понятно, что это ставило Кестнеровъ въ непріятное и тяжелое положеніе. Они чувствовали себя оскорблен-

ными нескромностью своего друга, и может быть даже болѣе глубоко оскорбленными, чѣмъ находили нужнымъ это высказывать. Въ письмѣ, которое Кестнеръ писалъ къ Гете вскорѣ по полученіи Вертера, слышится голосъ оскорбленнаго друга, котораго гордость воздерживаетъ отъ полнаго изліянія своего гнѣва. Приведемъ отрывокъ изъ этого письма.

«Вашъ Вертеръ могъ бы доставить мнѣ большое удовольствіе, напоминая многія близко интересующія меня обстоятельства и сцены. Но, какъ онъ есть, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ далеко не доставляетъ мнѣ удовольствія. Вы знаете, я имѣю обыкновеніе прямо говорить, что у меня на душѣ.

«Что вы каждому лицу придали кое-что, ему не принадлежащее, и нѣсколько лицъ соединили въ одно,—я ничего не имѣлъ бы сказать противъ этого, если бы вы при этомъ сколько-нибудь прислушались къ голосу вашего сердца, а сердце ваше не позволило бы вамъ безславить живыхъ людей, которые послужили для васъ матеріаломъ. Вы хотѣли рисовать съ натуры, чтобъ ваши образы были вѣрны дѣйствительности, а между тѣмъ вы соединили въ вашихъ образахъ столько между собой противорѣчащаго, что цѣль ваша совершенно не удалась. Почтенный авторъ возмутится противъ такого приговора, но я взываю къ дѣйствительности, къ истинѣ, и утверждаю, что художникъ въ этомъ случаѣ не достигъ цѣли. Дѣйствительной Лоттѣ во многихъ случаяхъ дѣлается просто даже оскорбительнымъ видѣть себя въ Лоттѣ, которую вы изобразили. Я очень хорошо знаю, что ваша Лотта есть составное лице, но вѣдь и г-жа Г...., которую вы вплели въ Лотту, также неспособна къ тому, что вы приписали вашей героинѣ. И зачѣмъ это было нужно? Вѣрность природѣ и истинѣ вовсе этого не требовала. Иерусалемъ застрѣлился, то со стороны любимой имъ женщины не было того поступка, который всегда постыденъ для всякой женщины.

«Ваша Лотта имѣетъ многое, что принадлежитъ дѣйствительной Лоттѣ, такъ что ясно на нее указываетъ, а между тѣмъ дѣйствительной Лоттѣ, которой вы желаете быть другомъ..... впрочемъ, нѣтъ, не стану говорить, мнѣ уже и такъ тяжело отъ одной мысли объ этомъ. А мужъ Лотты,—вы называете его ва-

нимъ другомъ, и—то знаетъ Богъ—онъ дѣйствительно былъ вашъ другъ, — мужъ Лотты вмѣстѣ съ нею....

«Какое презрѣнное существо этотъ Альбертъ! Положимъ, что это вымышленное, а не скопированное лицо, но у него есть такія черты, общія съ извѣстнымъ оригиналомъ (внѣшнія только черты, благодаря Богу), что его легко могутъ принять за изображеніе извѣстнаго лица. И если уже вамъ этого непремѣнно хотѣлось, то зачѣмъ же было выставять Альберта такимъ пустоголовымъ? На для того ли ужъ, чтобъ покрасоваться на его счетъ и сказать: посмотрите, какой я молодецъ!»

Замѣчаніе Кестнера очевидно относится къ вопросу о нравственности въ дѣятельности литератора. Этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія. Мы не можемъ, конечно, отрицать, что художникъ долженъ брать свой матеріалъ изъ дѣйствительности, что онъ долженъ пользоваться переживаемымъ опытомъ для своей художественной дѣятельности и изображать характеры, дѣйствительно встрѣченные имъ въ жизни; но въ тоже время не можемъ мы также не признать, что онъ долженъ стараться изображать извѣданное имъ на опытѣ въ такихъ формахъ, чтобъ читающая публика не принимала вымыселъ за дѣйствительность и не приписывала бы дѣйствительнымъ лицамъ того, что эти лица не могутъ не отвергнуть съ негодованіемъ. Безспорно, что художнику очень трудно оставаться вѣрнымъ истинѣ и въ тоже время не быть болѣе или менѣе вѣроломнымъ по отношенію къ дѣйствительнымъ лицамъ, но какъ бы это ни было трудно, тѣмъ не менѣе это есть требованіе нравственности.

Гете былъ очевидно весьма пораженъ впечатлѣніемъ, какое произвела его книга на его друзей: «Мнѣ необходимо излить передъ вами, что у меня на сердцѣ, мои милые, мои сердитые! Что сдѣлано, того уже не воротить. Книга уже выпущена въ свѣтъ. Простите мнѣ, если можете. Подождите, прошу васъ, подождите съ вашими сѣтованіями. Я не сомнѣваюсь, что дѣйствительность въ короткое время обнаружитъ, до какой степени преувеличены ваши опасенія, и тогда сердца ваши будутъ въ состояніи правильнѣе оцѣнить невинную смѣсь истины и вымысла, заключающуюся въ этой книгѣ. Кестнеръ, милый адвокатъ! Ты все исчерпалъ, ты отнялъ у меня все, что только я могъ сказать въ свое оправданіе, но

я не знаю, — сердце мое имѣетъ еще сказать что-то, но теперь я не могу этого высказать. Я молчу, но на сердцѣ у меня сладостное предчувствіе, и я надѣюсь, что судьба все это такъ устроила именно для того, чтобъ еще болѣе закрѣпить соединяющіе насъ узы. Да, мои милыя, любовь меня привязываетъ къ вамъ крѣпкими узами, и я считаю себя должникомъ предъ вами и предъ вашими дѣтьми за тѣ непріятные часы, которыхъ причиною была моя..... назовите это, какъ хотите..... Когда гнѣвъ овладѣваетъ вашими сердцами, подумайте о томъ, мои милыя, подумайте, что прежній вашъ Гете по прежнему вашъ, и теперь даже больше вашъ, чѣмъ когда-либо».

Гнѣвъ друзей Гете скоро прошелъ. Кестнеръ увидѣли, что съ его стороны тутъ ничего не было, кромѣ неосторожности, и совершенно извинили ему, какъ это видно изъ письма Гете отъ 12-го ноября.

«Получилъ я твое письмо, Кестнеръ! Я теперь въ мастерской живописца, со вчерашняго дня сталъ рисовать масляными красками. Предо мной твое письмо, и я долженъ сказать тебѣ спасибо. Спасибо же, мой милый. Ты, какъ и всегда, все тотъ же добрый! — О! Еслибъ я могъ броситься къ тебѣ на шею, броситься къ ногамъ Лотты хоть на минуту, хоть на одну минуту, и тогда все, все разъяснилось бы, чего не разъяснишь никакими кипами исписанной бумаги. Ахъ вы невѣрующіе! или лучше сказать: маловѣрные! Еслибъ вы чувствовали, къ Вертеру хотя тысячную долю того, что къ нему чувствуютъ тысячи другихъ сердецъ, то не стали бы вы класть на счеты, чего онъ вамъ стоитъ. Прочти прилагаемую записку и напиши мнѣ скорѣй, что ты объ этомъ думаешь. Ты посылаешь мнѣ письмо Геннинга. Онъ не осуждаетъ, онъ оправдываетъ меня. Милый другъ Кестнеръ! Подожди немного, и ты будешь мной доволенъ. Я не согласился бы взять назадъ моего Вертера, еслибъ даже этого требовало спасеніе моей жизни. Вѣрь мнѣ, вѣрь въ меня, — если ты будешь терпѣливъ, твои опасенія, твои граватина, исчезнутъ какъ ночные призраки, и тогда... Въ теченіе года я общаю тебѣ самымъ лучшимъ, особеннымъ, окончательнымъ образомъ разсѣять, какъ сѣверный вѣтеръ разсѣваетъ туманъ, общаю я разсѣять всѣ подозрѣнія и недоразумѣнія, какія еще могутъ оставаться во вздорной публикѣ, хотя эта

публика и походить на стадо свиней. Вертеръ долженъ, долженъ жить. Вы его не чувствуете, — вы чувствуете только меня и себя, и то, что вамъ въ немъ приписывается, и что къ нему приплетаютъ непріятнаго для васъ и для другихъ. Если я живу, то я тебѣ этимъ обязанъ... ты не Альбертъ.... и также....

«Пожми отъ меня крѣпко руку Лотты, скажи ей: тысячи чистыхъ устъ произносятъ ее имя съ почтеніемъ, и это должно служить ей достаточнымъ вознагражденіемъ за непріятности, на которыя едва ли кто сталъ бы долго досадовать, если нѣтъ какихъ-либо особызъ обстоятельствъ, такъ какъ никто въ своей жизни не огражденъ отъ сплетней.

«Если вы великодушны, на меня болѣе не сердитесь, я приплю вамъ письма, вздохи, вопли объ Вертерѣ. Если вы мнѣ вѣрите, то повѣрьте, все будетъ какъ нельзя лучше, сплетни ничего не значуть, — прочтите со вниманіемъ письмо вашего философа, я цѣлую это письмо.

«А! ты не чувствуешь, какъ человѣкъ обнимаетъ тебя, утѣшаетъ тебя, — не чувствуешь, что твои достоинства, достоинства Лотты, составляютъ его единственное утѣшеніе въ горѣ, которое путаетъ васъ даже въ вымыслѣ. Лотта, прощай! Кестнеръ, любилъ меня и не мучь меня.»

Нельзя не признать, что Кестнеры имѣли полное основаніе быть недовольными на Гете. Всѣ ихъ знакомые приняли Вертера за ихъ изображеніе, и друзья выражали имъ по этому случаю свое соболѣзнованіе. Вотъ что Кестнеръ писалъ къ другу своему Геннингу, прося его стараться разсѣять ложные толки и возстановить дѣло въ истинномъ его свѣтѣ: «Въ первой части Вертера, Вертеръ есть самъ Гете, Лотта и Альбертъ написаны съ меня и съ моей жены. Многія сцены описаны совершенно вѣрно, какъ были въ дѣйствительности; впрочемъ и въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя измѣненія. Другія же сцены совершенно вымышлены, по крайней мѣрѣ такихъ сценъ никогда не было между нами. Чтобъ приготовить читателя ко второй части и къ смерти Вертера, Гете ввелъ въ первую часть многое, что по отношенію къ намъ составляетъ совершенный вымыселъ. Лотта никогда не была ни съ Гете, ни съ кѣмъ другимъ, въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какія тамъ описываются, и мы очень недовольны на него

за это, такъ какъ онъ къ этому вымыслу присоединилъ такія побочныя обстоятельства, которыя дѣйствительно были между нами и которыя всѣмъ извѣстны, вслѣдствіе чего и самый вымыселъ принимаютъ за вѣрное описаніе того, что между нами было. Онъ теперь жалѣетъ объ этомъ, но какая намъ польза отъ его сожалѣній? Правда, онъ очень уважаетъ мою жену, но это еще болѣе должно было побудить его остаться вѣрнымъ дѣйствительности, такъ какъ Лотта всегда была по отношенію къ нему столь благо-разумна и деликатна, что ни разу не дала ему повода заходить такъ далеко, какъ онъ это описываетъ въ первой части. Ея отношенія къ нему были всегда таковы, что должны были бы еще болѣе усилить мою любовь къ ней, еслибъ только это было возможно. Что мы съ ней были женихъ и невѣста, это никогда не было объявлено, хотя и не составляло тайны,—и сама она была слишкомъ стыдлива, чтобы кому-нибудь говорить объ этомъ. Притомъ между нами и не было никакихъ другихъ узъ, которыя бы насъ соединяли, кромѣ взаимнаго влеченія нашихъ сердецъ. Наша свадьба была уже передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Вецлара, спустя годъ послѣ отъѣзда Гете изъ Вецлара во Франкфуртъ, и полгода послѣ того, какъ умеръ дѣйствительный Вертеръ (Іерусалемъ). Чрезъ годъ послѣ нашей свадьбы родился нашъ первый ребенокъ. Онъ живъ и, благодаря Бога, радуется насъ. Вертеръ и по характеру и по образу мыслей очень походитъ на самого Гете. Лотта срисована съ моей жены. Альбертъ могъ бы быть потеплѣе. Вторая часть Вертера не имѣетъ съ нами ничего общаго.... Какъ только книга была отпечатана, Гете сейчасъ же прислалъ намъ экземпляръ,—онъ воображалъ, что мы придемъ въ восторгъ. Но мы сейчасъ же увидѣли, какія это можетъ имѣть послѣдствія, и ваше письмо подтвердило справедливость нашихъ опасеній. Я написалъ къ нему объ этомъ и высказалъ ему мое негодованіе. Только тогда понялъ онъ, что онъ сдѣлалъ, но книга была уже у книгопродавцевъ и онъ надѣялся, что опасенія наши неоправдаются.» Въ другомъ письмѣ къ Геннингу Кестнеръ пишетъ: «Вы не можете себѣ представить, что это за человѣкъ. Впрочемъ когда пылъ въ немъ нѣсколько стынеть, онъ еще доставитъ намъ много радостей.»

Этимъ заключаемъ мы исторію Вертера. Значеніе Вертера въ

жизни Гете столь велико, что мы считаемъ совершенно излишнимъ оправдывать длину нашего разсказа тѣмъ, что приведенная нами переписка бросаетъ весьма яркій свѣтъ на тотъ періодъ въ жизни нашего поэта, который въ «*Wahrheit und Dichtung*» представленъ весьма невѣрно.

28 Августа 1849 г. вся Германія праздновала столѣтній юбилей со дня рожденія Гете. Въ этотъ день у воротъ Вецлара, на Вертеровой площади (*Wertherplatz*), гдѣ Гете имѣлъ обыкновеніе отдыхать и мечтать, открытъ былъ памятникъ, обсаженный тремя рядами липъ. На памятникѣ надпись:

Ruheplatz des Dichters
Goethe,
Zu seinem Andenken frisch bepflanzt
Bei der jubelfeier am 28 aug. 1849.

ГЛАВА VI.

Литературный левъ.

Гете находился теперь на томъ именно пунктѣ авторской карьеры, который представляетъ опасное перепутье: можно было опасаться, что достигнувъ блистательнаго успѣха, молодой авторъ съ самонадѣянной поспѣшностью увлечется въ погоню за новыми лаврами, или же, вмѣсто того, чтобы стремиться быть великимъ, почіетъ на пожатыхъ лаврахъ въ самоуслажденіи своимъ величіемъ. Гете сумѣлъ избѣжать обѣихъ опасностей: онъ не увлекся въ погоню за славой и не почілъ на пожатыхъ лаврахъ. Сознавая, что образованіе его еще не кончено, онъ благоразумно воздержался отъ скороспѣлаго творчества, сталъ упражняться въ авторствѣ надъ малыми произведеніями и старался серьезными занятіями развить

свой умъ. Къ числу произведеній, вышедшихъ въ то время изъ-подъ его пера, принадлежатъ: *Clavigo, — Jahrmarktsfest zu Plundersweilen, — Prolog zu Bahri's Neuen Offenbarungen.*

Клавиго заставляетъ насъ еще разъ вернуться къ тому времени, когда Вертеръ еще не появлялся, и еще разъ взглянуть на Гете въ его Франкфуртскомъ кружкѣ, въ которомъ онъ провелъ лѣто 1774 г. (Вертеръ появился въ октябрѣ). Мы уже выше ниѣли случай упомянуть, что въ числѣ Франфуртскихъ знакомыхъ сестры Гете была нѣкто Антуанета Геронъ, которая привлекла на себя вниманіе молодого поэта. Веселый кружокъ имѣлъ обыкновеніе собираться разъ въ недѣлю на разнаго рода parties de plaisir. Въ одно изъ такихъ собраній рѣшено было установить свадебную лоттерей. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ Гете: «Рѣшено было каждую недѣлю бросать жеребій, и указанныя жеребьемъ пары должны были изображать собой не четы влюбленныхъ, какъ это было прежде, а мужей и женъ. Общество было того мнѣнія, что его члены достаточно свѣдуши, какъ должны держать себя любящіяся, но совершенно несвѣдуши и потому имѣютъ надобность поучиться, какъ должны держать себѣ въ обществѣ мужъ и жена. Принято было за правило, что мужъ и жена не должны въ обществѣ выставлять на показъ близкія между собой отношенія, не должны сидѣть другъ подлѣ друга, много разговаривать между собой, а тѣмъ болѣе не должны цѣловаться; притомъ они не только должны избѣгать всего, что могло бы возбудить въ нихъ недобѣріе другъ къ другу или повести къ какимъ-либо между ними непріятностямъ, но признано было заслуживающимъ высшей похвалы, если они умѣли сохранять между собой истинныя супружескія отношенія, нисколько не стѣсня другъ друга. Установивъ правила, общество приступило къ жеребью. Жеребій возобновлялся чрезъ каждые восемь дней, и шутка эта сопровождалась большою веселостью.» По странному случаю жеребій три раза сряду давалъ Гете одну и ту же жену. Послѣ третьяго раза общество единогласно рѣшило, что въ этомъ видѣнъ приговоръ неба, не подлежащій перерѣшенію, и потому Гете и его «супруга» должны быть освобождены отъ жеребья. Такъ какъ на этихъ собраніяхъ обыкновенно что-нибудь читалось вслухъ, то Гете однажды принесъ для чтенія, какъ свѣжую новость, «мемуаръ» Бо-

марше противъ Клавиго. По окончаніи чтенія завязался общій разговоръ о мемуарѣ, и «супруга» Гете сказала своему мужу: «Еслибъ я была твоей повелительницей, а не женой, то я попросила бы тебя сдѣлать изъ этого мемуара театральную пьесу; я нахожу, что мемуаръ даетъ для этого хорошій сюжетъ.»—«Чтобъ ты видѣла, моя милая, — отвѣчалъ Гете, — что можно быть вмѣстѣ и повелительницей и женой, я обещаю тебѣ написать въ теченіе недѣли театральную пьесу на этотъ сюжетъ и прочесть ее въ нашемъ обществѣ.» Присутствующіе нѣсколько удивились смѣлости обѣщанія, но Гете твердо рѣшился исполнить обѣщанное. «То, что въ подобной работѣ называется изобрѣтеніемъ, было для меня дѣломъ одной минуты. Молча сопровождалъ я домой мою супругу; на вопросъ, почему я такъ молчаливъ, я отвѣчалъ, что думаю о пьесѣ и уже наполовину обдумалъ, — я хотѣлъ этимъ показать ей мою готовность сдѣлать ей пріятное. Въ отвѣтъ на это она крѣпко пожала мнѣ руку и я поймалъ на лету поцѣлуй. «Ты не долженъ забывать своей роли, — воскликнула она, — люди говорятъ, что супругу неидетъ быть нѣжнымъ.»—«Пусть себѣ люди говорятъ, что хотятъ — отвѣчалъ Гете, — мы будемъ поступать по своему.»

Гете рассказываетъ, что еще до этого онъ прочелъ мемуаръ одинъ и нашелъ, что содержаніе его можетъ послужить хорошимъ сюжетомъ для драмы. Но мы полагаемъ, что еслибъ не описанное нами обстоятельство, то Клавиго едва ли бы былъ написанъ. Вся особенность этой пьесы состоитъ въ способѣ изображенія злаго характера. Гете наскучили обыкновенно встрѣчающіеся въ драмахъ злые характеры, которые изъ мести, изъ ненависти, или изъ какого-нибудь тривіальнаго побужденія, губятъ благороднаго человека, — онъ хотѣлъ представить въ Карлосѣ «свѣтлое, здоровое пониманіе вещей въ соединеніи съ истинной дружбой и привязанностью и подъ вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ.» Слѣдуя примѣрнѣ Шекспира, онъ включилъ въ свою драму буквальный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ мемуара, которые были драматичны, а развязку заимствовалъ изъ одной англійской баллады. ¹⁾

¹⁾ Такъ говоритъ самъ Гете. Но память въ этомъ случаѣ измѣнила ему.

Пьеса была готова еще до истечения недѣли, и общество приняло ее съ большими похвалами.

Мы находимъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ мемуарѣ. У Бомарше были двѣ сестры, которыя жили въ Мадридѣ. Одна изъ нихъ вышла тамъ за мужъ за архитектора, а другая, Марія, была помолвлена за молодого бѣднаго писателя Клавиго. Получивъ мѣсто, котораго давно уже добивался, Клавиго отказался отъ женитьбы. Узнавъ объ этомъ, Бомарше послѣдшилъ въ Мадридъ. У него была двойная цѣль: спасти репутацію своей сестры и отчасти устроить свои собственные дѣлишки. Онъ находитъ Клавиго, приводитъ его въ страхъ своимъ хладнокровнымъ мужествомъ и заставляетъ дать письменное признаніе въ дурномъ поступкѣ съ его сестрой. Боясь, чтобъ данное имъ письменное признаніе въ дурномъ поступкѣ не имѣло какихъ для него несприятныхъ послѣдствій, Клавиго проситъ примирить его съ Маріей и предлагаетъ на ней жениться. Бомарше соглашается, но какъ разъ предъ самой свадьбой узнаетъ, что Клавиго конспирируетъ противъ него, обвиняетъ его въ насилии и уже выхлопоталъ у правительства приказъ выслать его изъ Мадрита. Раздраженный такой низостью, Бомарше отправляется къ министрамъ, доводитъ дѣло до короля и наконецъ достигаетъ того, что Клавиго удаляютъ отъ должности. Вотъ вкратцѣ содержаніе мемуара. Онъ появился въ печати въ февралѣ 1774 г.; описываемое же въ немъ событіе совершилось въ 1764 г. Такимъ образомъ Клавиго, ставшій впоследствии замѣчательнымъ писателемъ, не только былъ выставленъ на позоръ ядовитымъ мемуаромъ Бомарше, но и могъ видѣть себя выведеннымъ на сцену на всѣхъ нѣмецкихъ театрахъ. Онъ былъ вице-президентомъ Мадридскаго общества любителей естественной исторіи, перевелъ Бюффона, издавалъ *Mercurio historico y politico de Madrid*, и умеръ въ 1806 г. Гете, по всей вѣроятности, когда писалъ свою драму, не зналъ о томъ, что Клавиго еще живъ.

Интересно сравнить гетевского Клавиго съ мемуаромъ Бомар-

Развязка заимствована имъ не изъ англійской, а изъ старой нѣмецкой баллады: *Das Lied vom Hettin und der Magd*. См. Herder's Nachlass, I, 159.

ше. Поэтъ воспроизвелъ мемуаръ со всей точностью, насколько это позволяла драматическая форма. Чтеніе Клавиго убѣждаетъ насъ, что Гете поступилъ весьма благоразумно, отложивъ окончаніе своего Фауста (нѣкоторые отрывки были уже въ то время написаны) или Цезаря. Въ Клавиго внѣшняя обстановка нова, но жизненный опытъ тотъ же, что и въ первыхъ произведеніяхъ. Самъ Клавиго тотъ же Вейслингенъ. Такимъ и хотѣлъ выставить его поэтъ. «Я написалъ трагедію—пишетъ Гете къ Шенборну,—называется она «Клавиго»; я драматизировалъ въ ней современное происшествіе съ наивозможной простотой и вѣрностью дѣйствительности. Мой герой — нерѣшительный, полувеликій, полуничтожный человѣкъ, pendant къ Вейслингену, или, лучше сказать, тотъ же Вейслингенъ, только выставленный на первый планъ.» Характеръ Клавиго изображенъ весьма хорошо. Это человѣкъ слабый и вѣстѣ честолюбивый. Онъ стремится возвыситься въ обществѣ. Прежняя его любовь, составлявшая его счастье, когда онъ былъ юнъ и бѣденъ, теперь дѣлается для него помѣхой, — онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ писатель, сталъ любимцемъ при дворѣ, и мечтаетъ взять себѣ знатную жену. Хорошо также очерченъ Карлосъ. Своими безпощадными насмѣшками, онъ окончательно обрываетъ всѣ цвѣты, которые еще сохраняла въ глазахъ Клавиго его прежняя любовь. Марія — существо слабое, чувствительное, безцвѣтное; изъ всѣхъ женскихъ образовъ, созданныхъ Гете, это едва ли не самый слабый. Впрочемъ и въ Маріи мы находимъ черту, достойную поэта: когда кающійся Клавиго становится предъ ней на колѣни и умоляетъ ее о любви, она въ слезахъ бросается на шею къ сестрѣ и восклицаетъ: *Ach, Schwester! woher weiss er, dass ich ihn so liebe.*» (Ахъ, сестра! почему онъ знаетъ, что я такъ люблю его); Марія вѣдъ себя отъ радости, что Клавиго вернулся къ ней, но радость ея продолжается не долго. Демонъ честолюбія и язвительные сарказмы Карлоса (въ немъ видны зачатки Мефистофеля) снова смущаютъ Клавиго и снова отвращаютъ его отъ женитьбы, которая составляетъ помѣху его честолюбивымъ планамъ. Язвительно и мѣтко замѣчаетъ Карлосъ: «нѣтъ въ мірѣ существа болѣе ничтожнаго, какъ нерѣшительный человѣкъ, который колеблется между двумя чувствами, думая ихъ примирить». Онъ внушаетъ Клавиго мысль, что Бомарше можно засадить въ тюрьму; «это

будетъ пантомимнымъ выраженіемъ того, что ты не хочешь себя въ жены его сестры» — прибавляетъ Карлосъ совершенно въ мефистофелевскомъ тонѣ. Друзья сговариваются погубить Бомарше, ложнымъ предлогомъ выхлопатываютъ приказъ его арестовать, и Марія умираетъ съ горя отъ измѣны своего возлюбленнаго.

До этого пункта, т. е. до смерти Маріи, Гете строго держался мемуара Бомарше; пятый же актъ онъ добавилъ отъ себя, чтобъ приспособить пьесу къ сценѣ. Какъ ни великъ сценическій эффектъ этого акта, но нельзя не признать, что въ эстетическомъ отношеніи онъ бѣденъ и почти даже не выше посредственности. Еще Розенкрауцъ ¹⁾ замѣтилъ, что сцена встрѣчи Клавиго съ Бомарше придумана весьма неловко. Клавиго ищетъ Карлоса; слуга освѣщаетъ ему дорогу; онъ приказываетъ слугѣ не вести его по улицѣ, гдѣ живетъ семейство Бомарше, но слуга заводитъ его именно въ эту улицу, такъ какъ тутъ ближе имъ идти. Пятый актъ вообще по всему тону не соотвѣтствуетъ предъидущему, — онъ не вытекаетъ изъ предъидущаго, а какъ будто бы подшитъ къ пьесѣ.

Какъ театральная пьеса, Клавиго весьма интересенъ: положенія эффектны, исполнены истиннаго драматизма; ходъ пьесы простъ; живъ; языкъ силенъ, страстенъ. Но его нельзя подводить подъ мѣрку высокаго художественнаго творчества. Меркъ, принимавшій къ сердцу авторскую репутацію своего друга, не довольствовался сценическими достоинствами Клавиго и сказалъ Гете, что ему «не слѣдуетъ заниматься такими бездѣлками—это могутъ дѣлать другіе». Гете говоритъ, что Меркъ въ этомъ случаѣ заблуждался и въ первый разъ былъ несправедливъ къ нему. «Нельзя же совершенно выходить изъ круга понятій, уже установившихся между людьми; даже полезно кое въ чемъ согласоваться съ общимъ пониманіемъ. Еслибъ я написалъ дюжину такихъ пьесъ, какъ Клавиго (а это было бы не трудно при нѣкоторомъ поощреніи), то три или четыре изъ нихъ можетъ быть удержались бы на сценѣ.» Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ Гете. Меркъ могъ бы отвѣтить ему: «положимъ такъ; но вашъ геній способенъ на болѣе высокое творчество и не слѣдуетъ его расходовать

¹⁾ Goethe und seine Werke, p. 185.

на театральныя пьесы.» Впрочемъ хотя доводы, которые Гете приводитъ противъ замѣчанія Мерка, и неудовлетворительны, но, какъ мы уже выше замѣтили, по нашему мнѣнію, онъ хорошо дѣлалъ, что занимался подобными «бездѣлками». На Клавиго и другія произведенія этого періода слѣдуетъ смотрѣть какъ на этюды, которыми художникъ наполняетъ свой портфель, а не какъ на художественныя произведенія, предназначенныя блистать въ картинной галлерей. Потребность творчества была въ немъ чрезвычайно сильна, а между тѣмъ онъ сознавалъ, что еще не созрѣлъ для великаго художественнаго творчества, и потому необычайная его дѣятельность должна была расходоваться на мелкія произведенія.

Въ это время онъ началъ уже сознавать себя человѣкомъ, стоящимъ внѣ общаго уровня. Знаменитости того времени несли его знакомства. Въ числѣ ихъ мы можемъ упомянуть Клопштока, Лафатера, Базедова, Якоби, Стольберговъ. Знакомство его съ этими знаменитостями обыкновенно завязывалось перепиской и потомъ переходило въ личныя сношенія. Клопштокъ пріѣзжалъ во Франкфуртъ въ октябрѣ 1774 г., какъ разъ предъ появленіемъ Вертера. Гете видѣлся съ нимъ, читалъ ему отрывки изъ Фауста, бесѣдовалъ съ нимъ, катаясь на конькахъ. Но великій религіозный поэтъ былъ слишкомъ чуждъ стремленій своего юнаго соперника, чтобъ возымѣть къ нему то чувство привязанности, какое былъ способенъ питать къ такимъ людямъ на примѣръ, какъ Стольберги, и чтобъ внушить самому Гете особенно сильное къ себѣ сочувствіе.

Въ томъ же году, въ іюнѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до Клопштока, пріѣзжалъ во Франкфуртъ Лафатеръ. Его знакомство съ Гете началось перепиской по поводу Пасторскихъ писемъ (*Briefe des Pastors*). То былъ вѣкъ писемъ. Письма предназначались для многочисленныхъ читателей и переходили изъ рукъ въ руки. Лафатеръ, работавшій въ то время надъ своей Физиогномикой, имѣлъ обыкновеніе просить у знакомыхъ ихъ портреты, а также изображенія Спасителя, какъ онъ представляется ихъ воображенію. Живописецъ, снимавшій для него портретъ съ Гете, послалъ ему портретъ извѣстнаго въ то время негодяя Бардта вмѣсто Гете, но Лафатеръ не дался въ обманъ и съ перваго же взгляду сказалъ, что портретъ не можетъ быть пох (жъ) наори-

гиналь. Впрочемъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Гете, то также остался не доволенъ его фізіономіей, даже пришелъ въ изумленіе и воскликнулъ: Bist's (ты ли это)? — Ich bin's (я самый)! отвѣчалъ Гете, и они бросились другъ другу въ объятія. Тѣмъ не менѣе однако знаменитый фізіономистъ былъ недоволенъ фізіономіей поэта, и Гете утѣшалъ его, что «такъ какъ Богу и природѣ угодно было сдѣлать его такимъ, какъ онъ есть, то ему, Лафатеру, ничего болѣе не остается, какъ удовольствоваться этимъ». Надо замѣтить, что Гете и Лафатеръ были въ то время гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ какъ это можно заключить изъ словъ самого Гете. Отзывъ Гете о Лафатерѣ писанъ былъ уже много лѣтъ спустя, когда Лафатеръ впалъ въ суевѣрный догматизмъ и своей теологической софистикой уже оттолкнулъ отъ себя многихъ изъ своихъ друзей.

Лафатеръ — весьма замѣчательная личность того времени, представляющая намъ соединеніе религіозной нетерпимости съ поддѣльнымъ сентиментализмомъ. Онъ былъ человѣкъ талантливый и даже не безъ проблесковъ гениальности, но тщеславіе губило всѣ его способности. Какъ онъ самъ себя изображаетъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ ¹⁾, онъ, еще будучи ребенкомъ, обнаруживалъ такія качества, которые ясно указывали, какой человѣкъ изъ него выйдетъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ у него было совершенно своеобразное понятіе о Богѣ, какъ это нерѣдко бываетъ у дѣтей, и онъ находился съ своимъ Богомъ въ самомъ тѣсномъ общеніи; товарищи его дѣтскихъ игръ возбуждали въ немъ гнѣвъ и состраданіе къ себѣ своимъ невѣдѣніемъ Бога и неимѣніемъ потребности въ Богѣ. Онъ просилъ у Бога чудесъ, и Богъ ему не отказывалъ: исправлялъ его ученическія упражненія, скрывалъ отъ людей его недостатки и обнаруживалъ предъ ними его добродѣтельные дѣла. И въ самомъ дѣлѣ Лафатеръ былъ большой лицемеръ. Гете говоритъ про него, что «онъ съ самаго дѣтства былъ лжецъ, и чтобы пріобрѣсти вліяніе, готовъ былъ унижаться до самой пошлой лести.» Вмѣстѣ съ льстивой, вкрадчивой смирен-

¹⁾ Gessner, *Biographie Lavater's.*

ностью въ немъ соединялось властолюбіе ханжи. Первые его произведенія произвели большое впечатлѣніе. Въ 1769 г. онъ перевелъ Палингенезію Боннета (Bonnet) и присоединилъ къ ней примѣчанія, написанныя въ духѣ религіознаго сентиментализма, который пришелся тому времени совершенно по вкусу. Припомнимъ, что въ то время Гомеръ и поэзія первобытныхъ временъ воскресали къ новой жизни, вѣра въ поэтическое вдохновеніе составляла первую догму; поэтому стремленіе къ возрожденію апостольскаго духа было явленіемъ весьма естественнымъ, и вѣра въ религіозное вдохновеніе должна была найти себѣ ревностныхъ послѣдователей. Я уже выше имѣлъ случай говорить о сентиментальномъ сумасбродствѣ того времени. Вотъ какъ прелестная графиня Брандони писала къ Лафатеру, посылая ему свои подвязки: «O toi chéri pour la vie, l'âme de mon âme! Ton mouchoir, tes cheveux, sont pour moi ce que mes jarretières sont pour toi» и т. д. въ томъ же тонѣ. Не забудьте, что это писалось къ духовному лицу. Другая почитательница Лафатера писала къ нему: «О! еслибы я могла лежать на твоей груди во время святой вечерней тишины, — о мой ангелъ!» и пр. Такого рода сентиментальничанье было тогда въ большомъ ходу; всѣ взаимно оплакивали другъ друга.

Лафатеръ былъ въ первомъ блескѣ своей славы, когда произошла описанная нами встрѣча его съ Гете во Франкфуртѣ. Поэтъ почувствовалъ сильное къ нему влеченіе. Причина этому заключалась не только въ оригинальности Лафатера, но также и въ томъ обстоятельствѣ, что въ религіозномъ чувствѣ этихъ людей было нѣчто общее. Я говорю: въ религіозномъ чувствѣ; что же касается до вѣры, то между ними общаго ничего не было и быть не могло. Каковы были религіозныя чувства Гете, мы можемъ судить по отношеніямъ его къ дѣвицѣ фонъ Клеттенбергъ; каковы же были его религіозныя мысли, намъ свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующее письмо его къ Пфеннингеру, другу Лафатера: «Повѣрь мнѣ, — пишетъ Гете, — придетъ время, когда мы поймемъ другъ друга. Ты говоришь со мной какъ съ невѣрующимъ, который хочетъ все понять, требуетъ на все доказательствъ, не имѣетъ никакой опытности. Но ты совершенно превратно понимаешь, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Рукопись, которую

я напѣреваюсь въ скоромъ времени тебѣ прислать, объяснить тебѣ многое. Не менѣ ли я скромнѣ, чѣмъ вы, въ моихъ требованіяхъ относительно пониманія и доказательства? Не та ли же у меня опытность, что и у васъ? Можетъ быть я глупо дѣлаю, что не выражаюсь вашими словами, чтобъ потрафить на васъ. Можетъ быть мнѣ слѣдовало бы изложить вамъ чисто экспериментальную фізіологію моего внутренняго бытія, и тогда вы увидѣли бы, что я—человѣкъ и поэтому не могу иначе чувствовать, какъ чувствуютъ другіе люди, и что всѣ несогласія между нами суть только несогласія въ словахъ и происходятъ единственно вслѣдствіе того, что я чувствую при другихъ комбинаціяхъ чѣмъ вы, и вслѣдствіе этого даю отношеніямъ ко мнѣ предметовъ другія названія, чѣмъ какія вы имъ даете. Это всегда было источникомъ нескончаемыхъ споровъ и всегда такъ будетъ. А ты меня все угощаешь разными свидѣтельствами! Къ чему мнѣ они? Нужны ли мнѣ какія свидѣтельства въ томъ, что я существую? въ томъ, что я чувствую! Я люблю и цѣню свидѣтельства, насколько они показываютъ мнѣ, какъ прежде меня тысячи или одинъ чувствовали то, что меня ободряетъ и укрѣпляетъ. Мнѣ все равно, будетъ ли это слово человеческое или слово божеское, — я одинаково отъ всей души бросаюсь на шею къ тому, въ комъ вижу своего брата, будетъ ли это Моисей, пророкъ, евангелистъ, апостолъ, Спиноза или Макиавель! Каждому изъ нихъ я одинаково могу сказать: любезный другъ! Нѣкоторыя частности ты чувствовалъ сильно и хорошо, но цѣлое также не умѣщалось въ твоей головѣ, какъ не умѣщается въ моей!»

Не даромъ Гете упомянулъ о Спинозѣ! Все это письмо, повидному, есть не болѣе какъ перифраза того мѣста изъ Этики, гдѣ великій мыслитель, предвосхищая новую психологію, говоритъ, что «каждый человѣкъ судитъ о предметахъ сообразно съ расположеніемъ своего мозга, или, лучше сказать, принимаетъ представленія своего воображенія за дѣйствительные предметы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго (замѣтимъ мимоходомъ), что между людьми возникало такъ много споровъ и что всѣ эти споры привели къ скептицизму. Человѣческія тѣла во многихъ отношеніяхъ схожи между собой, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются

одно отъ другаго, и вслѣдствіе этого одному кажется добромъ то, что другому кажется зломъ, одинъ видитъ безпорядокъ тамъ, гдѣ другой видитъ порядокъ, одному пріятно то, что другому непріятно *)».

Я не стану прерывать рассказъ подробнымъ разсмотрѣніемъ, какое вліяніе имѣло на Гете изученіе Спинозы; приведенныя мѣста изъ письма Гете къ Пфеннингеру и изъ Спинозовой Этики достаточно свидѣлствуютъ, каково было это вліяніе. Контрастъ между христіанствомъ Лафатера и христіанствомъ дѣвицы фонъ Клеттенбергъ обратилъ на себя вниманіе Гете и вызвалъ его на размышленія. Отчасти онъ соглашался и съ тѣмъ и съ другимъ, но вполнѣ не былъ согласенъ ни съ однимъ изъ нихъ. Вотъ какъ примирялъ онъ вѣру съ знаніемъ: «Въ вѣрѣ главное есть вѣрованіе, а во что мы вѣримъ, это рѣшительно все равно. Вѣра есть великое чувство увѣренности въ настоящемъ и будущемъ, и эта увѣренность истекаетъ изъ довѣрія къ величайшему, всемогущему, непостижимому существу. Сущность вѣры состоитъ въ непоколебимости довѣрія къ высшему существу, а что мы думаемъ объ этомъ существѣ, это рѣшительно все равно и зависитъ отъ прочихъ нашихъ способностей, а также отъ обстоятельствъ, въ которыхъ живемъ. Знаніе же прямо противоположно вѣрѣ; здѣсь главное заключается не въ самомъ знаніи, а въ томъ, что мы знаемъ, какъ хорошо и какъ много мы знаемъ. Поэтому о знаніи можно спорить, такъ какъ оно способно исправляться, расширяться, суживаться, но о вѣрѣ спорить нельзя.»

Общество Лафатера было столь привлекательно для Гете, что когда Лафатеръ уѣзжалъ изъ Франкфурта, Гете сопровождалъ его внизъ по Рейну до Эмса. Путешествіе это совершилось самымъ пріятнымъ образомъ. Стояла прекрасная лѣтняя погода. ПUTE-

*) «Quae omnia satis ostendunt, unumquemque pro dispositione cerebri de rebus judicasse, vel potius imaginationis affectiones pro rebus acceptasse. Quare non mirum est (ut hoc etiam obiter notemus) quod inter homines tot, quod experimur, controversiae ortae sint ex quibus tandem Scepticismus. Nam quamvis humana corpora in multas conveniant, in plurimis tamen discrepant, et ideo id quod uni bonum alteri malum videtur; quod uni ordinatum, alteri confusum; quod uni gratum, alteri ingratum est.» — *Ethicas, pars I, Append.*

шественники бесѣдовали о разныхъ религіозныхъ предметахъ, и Лафатеръ оживлялъ бесѣду своей веселостью. Возвратясь во Франкфуртъ, Гете нашелъ здѣсь другую знаменитость, которая привлекла къ себѣ его вниманіе. Это былъ Базедовъ, педагогическій реформаторъ. Едвали между всѣми знаменитостями того времени можно было найти личность, болѣе противоположную Лафатеру, какъ Базедовъ. Лафатеръ былъ красивъ, опрятенъ, любезенъ, льстивъ, вкрадчивъ, набоженъ; Базедовъ же былъ дуренъ до безобразія, неряшливъ до крайности, саркастиченъ, небреженъ въ обращеніи, невѣрующъ. Одинъ стремился возстановить апостольское христіанство, а другой не могъ воздержаться отъ сарказма, какъ только заходила рѣчь о Библии, Троицѣ или вообще о христіанской вѣрѣ.

Базедовъ родился въ 1723 г. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ онъ отличался необузданностью и неряшливостью, и уже на школьной скамьѣ обнаруживалъ сильное отвращеніе отъ всего, что походило на систему или методъ. Занятія его были отрывочны, беспорядочны, обнимали всѣ предметы, какъ будто онъ готовилъ себя разомъ на всѣ поприща. Онъ убѣжалъ изъ дому и нанялся въ лакеи къ одному помѣщику. Познакомясь съ доктриной Руссо о естественномъ состояніи человѣка, онъ примѣнилъ эту доктрину къ воспитанію,—писалъ безконечное множество разныхъ сочиненій или, правильнѣе сказать, разныхъ повтореній одного и того же,—шумѣлъ такъ сильно, что люди волей или неволей, а должны были его слушать,—взывалъ къ народу о помощи своимъ филантропическимъ цѣлямъ,—собиралъ приношенія съ филантроповъ и легко-вѣрныхъ,—нападалъ на всѣ существующія установленія и между прочимъ на христіанскія вѣрованія,—вообще обнаружилъ большую неутомимость, замѣчательную энергію и вмѣстѣ съ этимъ поразительное, многостороннее невѣжество. Много надѣлалъ онъ шума на своемъ вѣку. Въ частной же своей жизни онъ походилъ на неугомонную свинью, вкусившую отъ филантропін и свободы мысли.

Какъ ни былъ этотъ характеръ противоположенъ характеру Гете, тѣмъ неменѣе онъ имѣлъ для Гете большую привлекательность, какъ предметъ изученія. Знаніе людей пріобрѣтается не безъ нѣкоторыхъ жертвъ. Чтобы удовлетворить своей любознательности, Гете приходилось вдыхать въ себя табачный дымъ и

выслушивать сарказмы неряшливаго педагога. Табачный дымъ онъ переносилъ терпѣливо; на анти-христіанскія же выходки своего собесѣдника онъ отвѣчалъ не менѣе отчаянными парадоксами. «Непозволительно было упустить—говоритъ онъ—такой случай, столь благопріятный если не для просвѣщенія, то по крайней мѣрѣ для упражненія ума, и я вновь пустился въ путь по Рейну вмѣстѣ съ Базедовымъ, поручивъ наиболѣе нужныя дѣла отцу и друзьямъ». Базедовъ курилъ дорогой безъ перерыва и говорилъ безъ усталости. На пути встрѣтился имъ Лафатеръ, и они втроемъ посѣщали помѣщичьи замки, преимущественно тѣ, гдѣ были дамы, такъ какъ женскій полъ принималъ литературныхъ львовъ съ особеннымъ радушіемъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что Гете ошибочно говоритъ, будто во время этого путешествія дамы забрасывали его вопросами о Вертерѣ. Вертеръ появился въ свѣтъ не прежде какъ въ октябрѣ; путешествіе же Гете вмѣстѣ съ Лафатеромъ и Базедовымъ было раньше, хотя въ нашемъ разсказѣ оно и стоитъ послѣ появленія Вертера. Впрочемъ хотя Гете и ошибочно рассказываетъ о любопытствѣ дамъ насчетъ Вертера, тѣмъ неменѣе мы охотно ему вѣримъ, что во время этого путешествія дѣти окружали его съ просьбой разсказать имъ что-нибудь. Гете велъ себя во время этой поѣздки со всей эксцентричностью, какъ подобаетъ «геніальному человѣку». «Мы съ Базедовымъ—разсказываетъ онъ,—какъ будто соревновали между собой, кто будетъ вести себя наиболѣе неприличнымъ образомъ.» Весьма характеристиченъ разсказъ Гете, какъ, утомясь танцами, побѣжалъ онъ изъ танцевальной залы въ комнату Базедова, чтобъ продолжать прежде начатый споръ. Комната была наполнена дымомъ; въ ней трудно было дышать по причинѣ спертатаго воздуха. Филантропъ по обыновенію лежалъ одѣтый на постели и диктовалъ писцу. Какъ только Гете вошелъ, сейчасъ же завязался горячій споръ, — поспоривъ, юноша опять побѣжалъ въ танцевальную залу къ своей очаровательной дамѣ, а Базедовъ снова принялся диктовать.

Философская пытливость и увлеченіе забавами, неутомимое теоризированіе и чувственныя наслажденія, все это соединялось у Гете вмѣстѣ, таково было тогда его настроеніе. «Я доволенъ,—говорилъ онъ Лафатеру,—я счастливъ, я это чувствую; но между тѣмъ вся суть моего счастья заключается въ неопредѣленномъ

стремленіи къ чему-то, чего у меня нѣтъ и въ чемъ я не отдаю себѣ яснаго отчета.» Этого «что-то» не могли ему дать ни благочестивыя проповѣди Лафатера, ни саркастическія проповѣди Базедова. Весьма рельефно и забавно характеризуетъ онъ въ «Dinê zi Koblenz» свое отношеніе къ обѣимъ этимъ личностямъ. «Пророкъ справа, пророкъ слѣва, а посрединѣ дитя міра» —

Prophete rechts, Prophete links,
Das Welt-Kind in der Mitten. —

Одинъ пророкъ (Лафатеръ) объясняетъ сельскому священнику откровеніе Іоанна и рассказываетъ ему топографическія подробности о небесномъ Іерусалимѣ; дитя же міра въ это время занимается семгой

«— War indess nicht weit gereist,
Hatte ein Stück Salmen aufgespeist».

Другой пророкъ изумляетъ танцовальнаго учителя своими аргументами о бесполезности крещенія, а дитя міра между тѣмъ ѣстъ цыпленка

«— Behaglich unterdessen
Hatt' einen Habnen aufgefressen».

Не могла удовлетворить томившихъ его стремленій и новая дружба его съ Якоби. Онъ могъ до нѣкоторой степени симпатизировать сантиментальной мечтательности и философско-религиознымъ стремленіямъ Якоби, такъ какъ не былъ свободенъ отъ Вертеризма той эпохи, — могъ раздѣлять восторженность своего друга отъ лунныхъ ночей на тихомъ Рейнѣ и прямо изъ сердца изливать предъ нимъ свои новыя пѣсни; но какъ ни были крѣпки узы дружбы, представлявшейся ему вѣчнымъ союзомъ двухъ душъ, тѣмъ неменѣе въ немъ не переставала работать внутренняя сила, не дававшая ему покоя, метавшая его изъ стороны въ сторону, и эта внутренняя требга могла затихнуть не прежде, какъ когда новый жизненный опытъ произвелъ новую метаморфозу въ его

развитіи. Предъ нами еще юноша съ пылыми неустановившимися стремленіями, а не зрѣлый мужъ, уже установившійся въ своихъ цѣляхъ.

Якоби былъ совершенно счастливъ своей дружбой съ Гете. Онъ видѣлъ въ Гете человѣка, о которомъ давно тосковало его сердце и который своимъ вліяніемъ можетъ поддержать и направить его. «Чѣмъ болѣе я вдумываюсь,—писалъ онъ Виланду, — тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что никакія описанія не могутъ дать понятія объ этомъ необыкновенномъ созданіи Божіемъ тому, кто его не видѣлъ и не слышалъ. Достаточно пробыть съ нимъ одинъ часъ, чтобъ убѣдиться, что смѣшно даже предполагать, чтобъ онъ могъ думать и дѣйствовать иначе, чѣмъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ думаетъ и дѣйствуетъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ въ немъ не могло быть измѣненій къ лучшему, — онъ способенъ совершенствоваться, подобно тому какъ распускается цвѣтокъ, какъ зрѣетъ сѣмя, какъ вырастаетъ дерево.»

Такое впечатлѣніе производилъ тогда Гете на всѣхъ его знавшихъ. Вотъ что писалъ о немъ въ то время Гейнце, авторъ «*Ardinghello*», въ письмѣ къ Глейму: «Съ нами былъ Гете; это—красивый юноша двадцати пяти лѣтъ; въ немъ все съ головы до пятки говоритъ о силѣ и геніи; сердце его переполнено чувствъ; у него огненный духъ съ орлинымъ полетомъ. Во всей исторіи литературы я не знаю человѣка, который бы въ такіе молодые годы представлялъ столь полную и законченную геніальность.» — Трудно въ этомъ образѣ юного Аполлона узнать того холоднаго, величественнаго министра, юпитерски возсѣдавшаго на своемъ Веймарнскомъ тронѣ, какимъ большинство привыкло представлять себѣ Гете; но мы не должны забывать, что Гете не только былъ пылкій, страстный юноша, жаждавшій жизни и смѣло довѣрившійся силѣ своихъ орлиныхъ крыльевъ, — это былъ истый уроженецъ Рейна; кровь играла въ немъ, какъ рейнское вино. Это не былъ уроженецъ сѣвера, въ которомъ кровь сгущалась бы пивомъ. Между юнымъ Гете и Гердеромъ такая же разница, какъ между бутылкой рейнвейна и фляжкой баварскаго пива.

Томившія юношу стремленія нашли себѣ удовлетвореніе въ Спинозѣ, насколько это возможно для стремленій юности. Въ

библіотека отца Гете была небольшая книжка, написанная противъ Спинозы,—одно изъ тѣхъ пошлыхъ опроверженій, которыя были порождены непониманіемъ философской системы великаго Еврея. «Эта книга произвела на меня мало впечатлѣнія, — говоритъ Гете,—я всегда ненавидѣлъ полемику; меня всегда болѣе интересовало знать, что думаетъ мыслитель, чѣмъ знать, что, по мнѣнію другихъ, онъ долженъ былъ бы думать.» Однако чтеніе этой книжки побудило его еще разъ прочесть статью о Спинозѣ въ Диксіонерѣ Байля, и онъ нашелъ, что эта статья весьма плоха, какова она и на самомъ дѣлѣ. Если о достоинствѣ философской системы слѣдуетъ судить по ея плодамъ, то философія, за которую говорила столь великая и столь добродѣтельная жизнь, какъ жизнь Спинозы, не можетъ заслуживать — думалъ Гете—того воля проклятій, какой вызвалъ противъ себя Спиноизмъ. Онъ досталъ себѣ Opera Posthuma и принялся ихъ изучать. Чтобъ судить, какой плодъ принесло это изученіе, послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ ученикъ: «Якоби сообщилъ мнѣ свои мысли, шедшія у него прямо изъ сердца. Глубоко былъ я тронутъ, когда съ безграничнымъ ко мнѣ довѣріемъ раскрылъ онъ мнѣ самыя сокровенныя потребности и стремленія своей души. Представшее предо мной удивительное сочетаніе потребностей души, страстей, идей, могло въ то время только возбудить во мнѣ предчувствіе того, что впослѣдствіи могло сдѣлаться для меня яснымъ. Къ счастью я былъ уже въ то время если еще не готовъ, то по крайней мѣрѣ подготовленъ къ пониманію; я въ то время успѣлъ уже до нѣкоторой степени усвоить себѣ выводы и мысли необыкновеннаго человѣка, и хотя это усвоеніе было неполно, отрывочно, но я уже чувствовалъ его плоды. Необыкновенный человѣкъ, столь могущественно на меня подѣйствовавшій и столь глубоко повліявшій на весь мой образъ мыслей, былъ Спиноза. Тщетно озирался я кругомъ, ища средствъ къ развитію своего страннаго существа, какъ наконецъ попалась мнѣ въ руки «Этика» Спинозы. Что вычиталъ я изъ этого произведенія и что при этомъ внесъ изъ самого себя, я не могъ отдать себѣ въ томъ никакого отчета, но я чувствовалъ, что мои страсти улеглись и предо мной открывался новый, великій, свѣтлый взглядъ на чувственный и нравственный міръ. Но что особенно приковывало меня къ этому произведенію,

это—безграничное безкорыстіе, которымъ дышало въ немъ каждое изреченіе. Это удивительное изрѣченіе: «истинно любящій Бога не долженъ требовать, чтобы и Богъ его любилъ,» ¹⁾ въ связи съ предшествующими положеніями, на которыхъ оно основано, и въ связи со всѣми истекающими изъ него послѣдствіями, совершенно завладѣло всѣмъ моимъ существомъ. Безкорыстіе во всемъ, самое полное безкорыстіе и въ любви и въ дружбѣ, стало для меня высшимъ наслажденіемъ, стало моимъ верховнымъ правиломъ, которое я непрестанно стремился осуществлять въ моихъ дѣйствіяхъ, и это смѣлое, высказанное мною въ послѣдствіи изрѣченіе: «если я тебя люблю, что тебѣ въ этомъ?» вылилось у меня прямо изъ сердца. Не надо впрочемъ забывать при этомъ, что самое тонкое общеніе и происходитъ именно при контрастѣ. Всеуравнявающее, невозмутимое спокойствіе Спинозы представляло поразительный контрастъ съ моими порывистыми, неуговорными стремленіями; «его математическій методъ былъ прямо противоположенъ поэтическому настроенію моихъ мыслей и чувствъ»; и самая его точность, которая считается мало пригодной для нравственныхъ вопросовъ, возбуждала во мнѣ энтузіазмъ и дѣлала меня его восторженнымъ поклонникомъ. Умъ и сердце, чувство и разумъ ищутъ себѣ сродственниковъ и эта потребность производить союзъ самыхъ различныхъ между собой существъ. Во мнѣ въ то время все еще бродило, кипятилось при постоянномъ дѣйствіи и воздѣйствіи. Францъ Якоби былъ первый, предъ которымъ я раскрылъ мой внутренній хаосъ; въ глубинѣ его души также шла неустанная работа. Онъ принялъ къ сердцу мое довѣріе, отвѣчалъ мнѣ такимъ же довѣріемъ и старался обратить меня на свой путь. Въ немъ также жизнь сказывалась въ невыразимыхъ стремленіяхъ; онъ также не хотѣлъ искать удовлетворенія своимъ стремленіямъ въ чужой помощи, а стремился найти это удовлетвореніе въ самомъ себѣ, выработать его изъ самого себя. Что сообщалъ онъ мнѣ о своемъ душевномъ состояніи, я не понималъ и тѣмъ болѣе не могъ понять, что даже и мое собственное состояніе было для

¹⁾ Ethics, lib. V, ch. XIX: «Qui Deum amat, conari non potest, ut Deus ipsum contra amet.»

меня совершенно непонятно. Онъ былъ далеко впереди меня не только вообще въ философскомъ развитіи, но даже и въ изученіи Спинозы, и старался направить и просвѣтить мои смутныя стремленія.»

Какъ ни высоко было уваженіе Гете къ Спинозѣ, но онъ никогда не изучалъ его систематически. Математическая форма, въ которую великій философъ облекъ свои мысли, была почти непреодолимымъ препятствіемъ къ систематическому изученію для такого нетерпѣливаго, непостояннаго и нематематическаго ума какъ Гете. Но и несистематическое изученіе можетъ быть весьма плодотворно; и одно слово, упавшее на плодородную почву, можетъ принести богатую жатву. Читателю, конечно, случалось самому испытать, какъ сильно можетъ дѣйствовать на юный умъ даже отрывочная, случайно попавшаяся мысль какого-нибудь писателя, поражающая своей новизной и глубиной, и какое страстное желаніе можетъ она возбудить къ ближайшему ознакомленію съ писателемъ. На меня самого чрезвычайно сильно подѣйствовало въ юности одно случайно попавшееся изрѣченіе Спинозы, и я до сихъ поръ не только помню, какой великій сдѣлало оно переворотъ во всемъ моемъ образѣ мыслей, но помню даже, на какомъ именно мѣстѣ страницы стоитъ оно въ той книгѣ, гдѣ я его прочелъ въ первый разъ. Достаточно было нѣсколькихъ идей Спинозы, чтобъ опредѣлить направленіе Гете. Онъ собственно никогда не имѣлъ цѣлью изучить философскую систему Спинозы; онъ изучалъ Спинозу не болѣе, какъ сколько это было нужно чтобъ почерпнуть изъ него матеріалъ, который потомъ въ его умѣ перерабатывался и переливался въ новыя формы. Для него Спиноза былъ тѣмъ же, чѣмъ Кантъ для Шмаллера, съ той только разницей, что Шмаллеръ изучалъ Канта систематически и пытался систематически воспроизвести его ученіе.

Одновременно съ изученіемъ Спинозы работала въ Гете потребность уяснить себѣ христіанство. Подъ влияніемъ дѣвицы фонъ-Клеттенбергъ въ немъ установилось сильное влеченіе къ Моравскимъ братьямъ; онъ видѣлъ въ нихъ возрожденіе первобытнаго христіанства, съ обыкновенной своей впечатлительностью принялся изучать ихъ исторію, ихъ доктрины, и уже подавалъ нѣкоторые надежды на полное обращеніе, какъ вдругъ энтузіазмъ его

охлаждѣлъ, когда предъ нимъ раскрылась бездна, отдѣлявшая его отъ нихъ. «Меня отшатнуло отъ Моравскихъ братьевъ, какъ и отъ многихъ другихъ достойныхъ христіанъ, именно то самое, — говоритъ Гете, — что неоднократно было уже причиной раскола въ самой церкви. Одна сторона утверждала, что чрезъ грѣхопаденіе человѣческая природа заразилась зломъ до самаго корня, такъ что въ ней не осталось даже никакихъ слѣдовъ добра, и что, слѣдовательно, человѣкъ долженъ отказаться отъ всякаго упованія на свои собственные силы и долженъ всего ожидать только отъ Благодати. Другая же сторона, признавая наследственное несовершенство человѣка, утверждала, что тѣмъ не менѣе человѣческая природа имѣетъ прирожденное ей сѣмя добра и что это сѣмя, съ помощью Божіей благодати, можетъ разрастаться въ радостное древо духовнаго блаженства. Это послѣднее убѣжденіе незамѣтнымъ для меня образомъ глубоко проникло въ мою душу, между тѣмъ какъ я и словомъ и письмомъ исповѣдывалъ противное, и это совершилось во мнѣ такъ безсознательно, что я даже никогда и не ставилъ себѣ ясно этой дилеммы.»

Но какъ ни сильно было въ немъ внутреннее разнорѣчіе съ тѣми или другими религіозными мнѣніями, ничто не могло, какъ говоритъ онъ самъ, похитить у него любовь къ Св. Писанію и къ Основателю христіанства. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ самъ выработалъ для себя свое собственное христіанство, и такъ какъ все, охватывавшее его душу, неизбѣжно принимало поэтическую форму, ему пришло на мысль создать эпопею изъ легенды о странствующемъ Евреѣ. «Легенда говоритъ, что въ Іерусалимѣ жилъ сапожникъ по имени Агасферъ. Типомъ Агасфера мнѣ послужилъ мой Дрезденскій сапожникъ. Я придалъ ему, насколько умѣлъ, духъ и юморъ Ганса Сакса, и облагородилъ его любовью ко Христу. Работая у открытой двери своей мастерской, Агасферъ любилъ переговариваться съ прохожими, шутить съ ними. Нетолько сосѣди и другіе прохожіе охотно пробавлялись предъ его мастерской, но даже Фарисеи и Саддукеи, проходя мимо, вступали съ нимъ въ разговоръ, и самъ Спаситель, сопровождаемый учениками, часто останавливался у его дверей. Хотя сапожникъ былъ исключительно поглощенъ мірскими цѣлями, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ сильное расположеніе къ Спасителю,

и это расположеніе выражалось главнымъ образомъ въ томъ, что, не понимая великаго человѣка, онъ старался обратить его къ своему образу мыслей. Онъ очень настоятельно уговаривалъ Христа перемѣнить свой образъ жизни, не шлаться по странѣ въ сопровожденіи толпы тунеядцевъ, не привлекать къ себѣ народъ въ пустыню и не отвлекать его отъ работъ; онъ очень усердно убѣждалъ Христа, что толпа всегда склонна къ безпорядкамъ и что изъ его образа дѣйствій ничего хорошаго выйти не можетъ. Въ отвѣтъ на это Спаситель старался объяснить ему въ притчахъ свои намѣренія и цѣли, но безуспѣшно. Между тѣмъ какъ Христосъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе и принималъ характеръ общественнаго дѣятеля, благодушный ремесленникъ высказывался все сильнѣе и рѣзче, доказывалъ, что если такъ будетъ продолжаться, то неминуемо произойдутъ безпорядки и смуты и самъ Христосъ будетъ вынужденъ объявить себя главой партіи, хотя и невозможно, чтобъ таково было его намѣреніе. Когда потомъ совершился извѣстный намъ ходъ событій, когда Христосъ былъ уже арестованъ и осужденъ, входитъ въ мастерскую Агасфера Іуда, повидимому измѣнившій своему учителю, и съ отчаяніемъ, съ горькими жалобами, рассказываетъ о своей неудачѣ. Онъ говоритъ, что былъ твердо убѣжденъ, также какъ и другіе лучшіе изъ учениковъ, что Христосъ объявитъ себя правителемъ и главой народа, говоритъ, что, видя неодолимое колебаніе учителя, хотѣлъ силой заставить его дѣйствовать рѣшительно, ¹⁾ и съ этой цѣлью побудилъ духовенство къ такимъ мѣрамъ, на которыя оно само до тѣхъ поръ не рѣшалось,—а ученики между тѣмъ не оставались безоружны, и по всей вѣроятности все кончилось бы какъ нельзя лучше, еслибъ самъ учитель не отдалъ себя въ руки враговъ и не поставилъ чрезъ это своихъ учениковъ въ безнадѣжное положеніе. Агасфера не трогаетъ этотъ рассказъ; онъ осыпаетъ Іуду горькими упорами, и бѣдный экс-апостолъ вѣшается.

¹⁾ Такое новое объясненіе этой странной исторіи противорѣчитъ всѣмъ преданіямъ, но совершенно согласно съ человѣческой природой. Оно было принято архіепископомъ Ватли (Whately), которому его обыкновенно и приписываютъ, и послужило темой для произведенія Горна (Horne): Judas Iscariot.

Когда Иисуса ведутъ на казнь мимо мастерской сапожника, тутъ происходитъ извѣстная сцена легенды: страдалецъ изнемогаетъ подъ тяжестью креста и Симонъ Киренаикскій вынужденъ нести за него крестъ. Въ это время Агасферъ выходитъ изъ мастерской. Простонародье не склонно къ состраданію при видѣ несчастныхъ, страдающихъ по собственной винѣ; онъ въ этихъ случаяхъ склонно увлекаться неумѣстной прямою и обыкновенно отягчаетъ страданія своими укорами. Такъ поступилъ и Агасферъ. Онъ приближается къ учителю, напоминаетъ ему свои прежнія предостереженія, которыя теперь превращаются въ обвиненія, въ укору, и эти укору тѣмъ сильнѣе, что истекаютъ изъ искренняго расположенія къ страдальцу. Учитель ничего не отвѣчаетъ. Въ эту минуту Вероника покрываетъ лице учителя полотенцемъ, поднимаетъ полотенце вверхъ, и Агасферъ видитъ на немъ ликъ учителя, но не страдающій ликъ, а просвѣтленный, сіяющій небесной жизнью. Изумленный этимъ явленіемъ, онъ опускаетъ глаза. Въ это время раздаются слова: «ты будешь странствовать по землѣ, пока не узришь меня въ этомъ образѣ.» Агасферъ остается нѣкоторое время недвижимъ отъ изумленія. Придя въ себя, онъ видитъ, что всѣ уже прошли на мѣсто казни, и улицы Іерусалима пусты. Несчастнымъ сапожникомъ овладѣваетъ безпокойство, тоска, и онъ начинаетъ свои странствія.»

Этотъ планъ не былъ выполненъ. Гете долго не оставлялъ его; даже еще во время путешествія по Италіи думалъ за него приняться, но, какъ это съ нимъ часто бывало, остался только при одномъ намѣреніи, потому что тутъ къ внутреннимъ стремленіямъ не приходило изъ жизни пережитого стимула, который далъ бы этимъ стремленіямъ образность.

Въ это время занималъ его еще другой планъ, который также заслуживалъ тщательной разработки. «Общая всѣмъ людямъ участь падаетъ наибольшей тяжестью на тѣхъ, чьи умственные силы развиваются ранѣе и шире. Человѣкъ вырастаетъ подъ надзоромъ родителей и родственниковъ; его окружаютъ братья, друзья, хорошіе знакомые; онъ любитъ и его любятъ; но ничто не помогаетъ, и рано или поздно наступаетъ время, когда онъ вынужденъ искать опоры въ самомъ себѣ. Само Божество, повидимому, поставило себя къ людямъ въ такое положеніе, что не всегда, по

прошлой минѣ не всегда въ нужную минуту, можетъ дать откликъ обращающемуся къ нему съ довѣріемъ и любовью. Минѣ еще въ довольно ранней молодости случалось часто всматривать, какъ въ трудную минуту какъ говорятъ: «Медикъ, помогай самъ себѣ!» и минѣ часто приходилось съ глубокой скорбью сознавать, что я одинокъ (*ich trete die Keime allein*). Озираясь кругомъ, какъ установить свою самостоятельность, я нашелъ, что самая прочная для меня основа — мой творческій талантъ. Стремленіе къ творчеству уже въ теченіе многихъ лѣтъ не оставляло меня въ покоѣ ни на одну минуту. Видѣнное днемъ грезилось минѣ ночью, и какъ только я открывалъ глаза, минѣ видѣлся въ цѣломъ или въ частяхъ новый чудный продуктъ творчества. Обыкновенно я писалъ рано по утру. Но также по вечерамъ и поздней ночью, когда вино и общество приводили меня въ возбужденное состояніе, отъ меня могли требовать, чего хотѣли: стоило только предложить минѣ предметъ, имѣвшій какую-либо характеристическую особенность, и я живо принимался за дѣло и живо приводилъ его къ концу. Разсуждая объ этомъ природномъ моемъ дарѣ, я увидѣлъ, что онъ мною ли мой собственный, что ничто внѣшнее не можетъ ни благоприятствовать, ни препятствовать ему, — слѣдовательно, заключилъ я, онъ и долженъ быть основой моего существованія. Эти мысли пренратились въ образъ, — минѣ предстала древняя мифологическая фигура Прометей, который, отдѣляясь отъ боговъ, населить міръ изъ своей мастерской. Я сознавалъ ясно, что, не уединясь нѣ самого себя, невозможно произвести ничего важнаго. Мои проназвденія, принятые съ большою похвалою, были плодомъ уединенія. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ къ міру въ болѣе широкія отношенія, у меня не было недостатка ни въ творческой силѣ, ни въ потребности творчества, но меня затрудняло выполненіе, потому что я собственно не владелъ вполне ни прозой, ни стихомъ, и при каждой новой работѣ долженъ былъ начинать сначала и дѣлать оцѣты. Избѣгая при этомъ всякой помощи со стороны людей, даже отстраняя отъ себя всякую помощь, я такимъ образомъ, подобно Прометею, уединился даже отъ боговъ, и это совершилось весьма естественно, такъ какъ мой характеръ и мой образъ мыслей были таковы, что когда какое-нибудь стремленіе овладѣвало мной, то совершенно поглощало или исключало всѣ

прочія. Мнѣ Prometheus жилъ во мнѣ. Я скроилъ древнюю титанскую одежду на свой ростъ и, не задумываясь, принялся писать произведение, въ которомъ изображалось, въ какихъ отношеніяхъ состоялъ Prometheus къ Зевсу и другимъ богамъ, между тѣмъ какъ созидалъ людей въ своей мастерской, оживлялъ ихъ съ помощью Минервы и основывалъ такимъ образомъ третью династію.... Въ это странное произведение должно было войти, какъ монологъ, стихотвореніе, получившее извѣстность въ нѣмецкой литературѣ, потому что послужило для Лессинга поводомъ высказаться противъ Якоби по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ относительно мышленія и чувства. ¹⁾

Мы имѣемъ отъ этого произведенія только одинъ отрывокъ, но этотъ отрывокъ такъ хорошъ, что нельзя не пожалѣть, что произведение осталось неконченнымъ. Подобно торсу Тезея, онъ хотя и не удовлетворяетъ васъ, но свидѣтельствуетъ о величіи художника. Глубоко задуманное, богатое мыслями, простое по изложенію, это произведение не было бы празднымъ изображеніемъ давно отжившаго вѣрованія, — оно представило бы намъ образчикъ примѣненія древнихъ символовъ для выраженія новыхъ идей.

Между гетевскимъ Prometeumъ и Prometeumъ Эсхила нѣтъ никакого сходства. Греческій Титанъ гордится своимъ поступкомъ:

Εὐὼν ἐὼν τιχρτον, οὐχ ἀνίσταμαι

«Да, я это сдѣлалъ, и открыто признаюсь въ томъ.» Но, гордясь своимъ поступкомъ, онъ въ тоже время скорбитъ, ропщетъ на несправедливость тирана, испускаетъ вопли отъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Вся трагедія Эсхила есть выраженіе скорби. Титанъ съ первыхъ же словъ оглашаетъ воздухъ громкими воплями, взываетъ къ божественному Ээиру, къ быстрокрылымъ Вѣтрамъ, къ Ключамъ, къ смѣющимся Волнамъ океана, къ всемірной матери — Землѣ, къ всевидящему Оку — Солнцу,

¹⁾ Гете намекаетъ здѣсь на споръ о Спинозѣ между Якоби и Лессингомъ. Этотъ споръ побудилъ Якоби написать «Ueber die Lehre des Spinoza», — произведение слабое, но въ свое время оно надѣлало много шума.

всѣхъ призываетъ въ свидѣтели, что онъ, богъ, страдаетъ. И начинается и кончается онъ жалобными воплями. Въ заключительныхъ словахъ онъ скорбитъ о мукахъ настоящаго и о мукахъ въ будущемъ:

Αι, αὖ το παρὼν τὸ τέτυχόμενον
Πῶμα στενάχῳ.

Таковъ античный Титанъ. Но отъ Гетевскаго титана вы не услышите ропота. Онъ гордъ, но не рисуется своей гордостью. Его гордость несокрушима, недосягаема. Онъ презираетъ Зевса, потому что знаетъ, что есть и надъ Зевсомъ высшая сила — Судьба. «Прочь! восклицаетъ онъ,—я не слуга вассалу!»

Geh! ich diene nicht Vassallen!

Въ этомъ отношеніи Гетевскій Прометей походитъ на Шеллеевскаго Прометея ¹⁾, который на предостереженіе Меркурія о предстоящихъ бѣдствіяхъ отвѣчаетъ спокойно и величественно: «Можетъ быть эти бѣдствія такъ велики, что ихъ мысль даже и не измѣрить, — но они пройдутъ.» Онъ убѣжденъ, что они пройдутъ: въ этомъ убѣжденіи его сила. Онъ знаетъ, что царству тираніи наступитъ конецъ и ждетъ этого конца.

Эсхилевскій Прометей также знаетъ, что Зевсъ падетъ,—онъ предвидитъ свое освобожденіе и въ этомъ предвидѣніи рѣшается переносить свою участь, насколько можетъ, такъ какъ «напрасно было бы бороться противъ Судьбы.» Но хотя онъ и знаетъ, что наступитъ конецъ страданіямъ, хотя философія и учитъ покоряться судьбѣ, тѣмъ неменѣе онъ издаетъ жалобные вопли. Это — истый грекъ. У Гомера даже Марсъ, получивъ рану, кричитъ отъ боли. Весь Софокловъ Филоклетъ наполненъ воплями отъ физическихъ страданій. Въ глазахъ грековъ жалобные вопли не были признакомъ слабости.

Могутъ замѣтить намъ, что у Эсхила Прометей во все продол-

¹⁾ Shelley: Prometheus Unbound.

женіе первой сцены ненарушимо сохраняет молчаніе, — его приковываютъ къ скалѣ, Тиранъ осыпаетъ его оскорбленіями, Вулканъ выказываетъ состраданіе, но онъ не удостоиваетъ отвѣтомъ ни того, ни другаго. Все время—ни вздоха, ни слова, ни жеста. Онъ не выказываетъ ни презрѣнія къ оскорбленіямъ, ни благодарности за состраданіе. Только уже въ слѣдующей сценѣ, когда остается одинъ, взываетъ онъ къ Землѣ, Воздуху, Океану. Эта смѣна жертваго молчанія страстными воплями чрезвычайно эффектна. Но эта эффектность не была преднамѣренна со стороны поэта, а есть случайность. Молчаніе Прометея въ первой сценѣ есть только сценическая необходимость, какъ я объ этомъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе ли эвриемическихъ стремленій, руководившихъ конструкціей греческихъ пьесъ, какъ это утверждалъ Группе ¹⁾ и вслѣдъ за нимъ Бодѣ ²⁾, — или же, что вѣроятнѣе, вслѣдствіе экономическаго разсчета относительно актеровъ, какъ это утверждалъ Геппертъ ³⁾, во всякомъ случаѣ фактъ таковъ, что въ пьесахъ Эсхила никогда на сценѣ не появляется болѣе двухъ говорящихъ лицъ. Изъ этого одно только незначительное исключеніе въ Хоефорѣ, гдѣ произноситъ нѣсколько словъ третье говорящее лицо, Пиладъ. Ученые затруднялись, какъ объяснить распредѣленіе ролей въ Прометей. Въ прологѣ протагонистъ представляетъ Тирана, девторогонистъ—Вулкана, самъ же Прометей по необходимости молчитъ, потому что за него некому говорить. Тутъ и возникаетъ трудность: если Прометей необходимо долженъ былъ молчать въ прологѣ, то какъ же объяснить, что онъ вдругъ начинаетъ говорить, какъ только остается одинъ? Велкеръ ⁴⁾ предполагаетъ, что Прометей былъ нарисованный и что по окончаніи пролога протагонистъ становился сзади нарисованнаго Прометея и говорилъ оттуда. Германъ ⁵⁾ соглашается съ этимъ объясненіемъ, но Шеманъ ⁶⁾ доказываетъ, что оно весьма неудовлетворительно. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но во всякомъ

¹⁾ Gruppe: *Ariadne, oder die tragische Kunst der Griechen*, p. 143.

²⁾ Bode: *Geschichte der hellen. Dichtkunst*, III, p. 233.

³⁾ Geppart: *Altgriechische Bühne*, p. 58.

⁴⁾ Welcker: *Opusc.*, II, p. 146.

⁵⁾ Hermann: *Trilogie*, p. 30.

⁶⁾ Schömann: *Prometheus*, p. 85.

случаѣ молчаніе Прометея въ прологѣ вынуждено сценической необходимостью, а не есть слѣдствіе настрѣнія поэта представить Прометея непоколебимо-мужественнымъ. Это подтверждаютъ также сѣтованія и вопли Прометея въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы, особенно въ сценѣ съ Меркуріемъ, гдѣ онъ въ своихъ сѣтованіяхъ переходитъ всякую мѣру.

Шеллеевскій Прометей не ослабѣваетъ ни на минуту. Въ немъ олицетворяется высокій идеалъ страданія: «переносить бѣдствія, которымъ надежда не видитъ конца; переносить обиды, которыя ужаснѣе смерти и ночи; презирать всемогущую силу; любить и терпѣть; надѣяться, пока надежда изъ самаго своего крушенія создаетъ предметы чаянія; никакихъ колебаній; не смущаться, не каяться.»

Это—величественно; но гетевскій Прометей еще величественнѣе: онъ знаетъ, что онъ—богъ, и что пока онъ вѣренъ самому себѣ, ничто не потрясетъ, не нарушитъ того, что есть достояніе его жизни и дѣятельности. «Не отнять вамъ у меня то, что—мое. Охраняйте то, что—ваше. Это—мое, а это—ваше, и мы совершенно отдѣльны.»—Эпиметей: какъ же велико это твое?—Прометей: «мое есть то, что есть моя дѣятельность.» Въ этихъ словахъ поразительно выражена глубокая истина. Богоподобная энергія возможна только въ творчествѣ. Мы—то, что можемъ творить. Наше могущество измѣряется нашей пластической способностью. Поэтому праздность, недѣятельность боговъ, возбуждаетъ въ Прометей неизмѣнное, глубокое презрѣніе: «Завѣсь свое небо, Зевсъ, облаками и иглой и, подобно мальчику, обрывающему головки чертополоха, обрушь свои силы на дубы и горныя вершины, но оставь мнѣ мою землю, мою хижину, которую не ты построилъ, — мой очагъ и его свѣтлый огонь, которому ты завидуешь. Я не знаю подъ солнцемъ ничего презрѣннѣе васъ, боги! Ваше величіе нищенски пытается вынужденными жертвами и молитвами. Подохли бъ вы всѣ съ голода, еслибъ дѣти и нищіе не были непроходимо глупы! Кто помогъ мнѣ противъ своеволія титановъ? Кто спасъ меня отъ смерти, отъ рабства? Не оно ли само все совершило, мое сердце, пылающее священнымъ огнемъ? И неужели оно, обманутое, будетъ возсылать благодарственные мольбы тому, кто тамъ на верху спитъ! Неужели я стану поклоняться тебѣ, Зевсъ! за что?

Облегчилъ ли ты когда скорбь страждущаго? Осушилъ ли когда слезы скорбящаго? Не всемогущее ли время и не вѣчная ли судьба сдѣлали меня мужемъ? Не они ли мнѣ господа и тебѣ господа? Здѣсь пребываю я и создаю людей по своему образу. Они будутъ, какъ я, страдать, плакать, наслаждаться и радоваться, и будутъ презирать тебя, какъ я тебя презираю!»

ГЛАВА VII.

Лили.

«Я весьма счастливъ тѣмъ, что многіе съ разныхъ сторонъ моего отечества заходятъ въ мой уголъ иногда мимоходомъ, а иногда и на продолжительное время, хотя, по правдѣ сказать, между этими посѣтителями часто попадаются люди ничтожные, невыносимые. Мы только тогда сознаемъ, что мы существуемъ, когда видимъ себя въ другихъ (*man weiss erst dass man ist, wenn man sich in Andern wiederfindet*).» Такъ писалъ Гете къ графинѣ Августѣ фонъ Стольбергъ, съ которой у него завязалась чрезъ переписку одна изъ тѣхъ романтическихъ дружбъ, какія нерѣдко встрѣчаются въ жизни знаменитыхъ людей. Эта переписка представляетъ одно изъ наиболѣе характеристическихъ свидѣтельствъ, каковъ былъ Гете въ то время, — она исправляетъ, объясняетъ «Автобіографію». Мы находимъ здѣсь описаніе чувствъ Гете къ Лили, которую, какъ онъ признавался Экерману, онъ любилъ такъ сильно, какъ никогда не любилъ ни одной женщины. «Это дѣйствительно была первая женщина, которую я любилъ истинно и глубоко. Я могу даже сказать, что она была не только первая, но и послѣдняя моя любовь; сердечныя привязанности, испытанныя мною въ послѣдующей жизни, были, по сравненію съ этой привязанностью, легки и поверхностны.» ¹⁾ Изъ всѣхъ свидѣтельствъ самого Гете

¹⁾ «Gespräche», II, p. 299.

о своихъ чувствахъ это свидѣтельство наиболѣе вызываетъ насъ на прямое отрицаніе. Мы готовы были бы даже усомниться, дѣйствительно ли Гете это говорилъ, еслибъ насъ не удерживало отъ сомнѣнія то соображеніе, что подобныя отзѣвы о своемъ прошломъ часто дѣлаются въ разговорахъ вскользь, не придавая имъ особаго значенія, и Гете могъ легко такъ выразиться, тѣмъ болѣе что, вспоминая въ преклонныхъ лѣтахъ о чувствахъ, волновавшихъ его юность, не могъ онъ не относиться къ этимъ чувствамъ съ особенной нѣжностью. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но справедливость этихъ словъ чрезвычайно сомнительна. Я не вижу никакихъ признаковъ, чтобъ онъ когда-нибудь любилъ Лили болѣе, чѣмъ Фредерику, и мы увидимъ далѣе положительныя свидѣтельства, что его любовь къ госпожѣ фонъ-Штейнъ и къ своей женѣ была и глубже, и прочнѣе. «Моя любовь къ Лили — говорилъ онъ Экерману, — имѣла нѣчто столь особенное и нѣжное, что даже вліяла на слогъ моего разсказа о той мучительно-счастливой эпохѣ. Когда вы будете читать четвертую часть моей «Автобіографіи», вы увидите, что эта любовь нисколько не походила на любовь, описываемую въ романахъ.»

Теперь четвертый томъ «Автобіографіи» предъ глазами всѣхъ, и надо имѣть особый даръ провидѣнія, чтобъ найти въ немъ какіе-либо слѣды глубокой страсти. Еще никогда ни одинъ поэтъ не описывалъ такъ холодно любовной исторіи. Разсказъ нисколько не согрѣтъ чувствомъ. Любовныя воспоминанія имѣютъ ту особенность, что въ нихъ оживаютъ мельчайшія подробности въ живой непрерывной связи, а между тѣмъ въ разсказѣ Гете вы не только не замѣчаете этой особенности, но вамъ даже трудно прослѣдить ходъ исторіи. Автобіографъ, повидимому, охотно пользуется малѣйшимъ предлогомъ прервать разсказъ какими-нибудь общими разсужденіями или описаніемъ другихъ лицъ. Онъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ «о юношѣ, о которомъ идетъ рѣчь»; о своей возлюбленной онъ говоритъ въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Волнующія его чувства вы должны искать между строками.

Дѣйствительно, любовь, описанная въ четвертой части «Автобіографіи», нисколько не походитъ на любовь въ романахъ. До какой бы степени безумія романистъ ни доводилъ идеалъ страсти, вы всегда найдете въ романѣ ту истину, что любить значитъ

отдать любви и тѣло, и душу, и умъ, и сердце, всѣ наши желанія и цѣли, и наше честолюбіе, и нашу мудрость,—значить слить свое бытіе съ другимъ бытіемъ, очищаясь, возвышаясь чрезъ это сліяніе, — любить значитъ найти душу, родную своей душѣ, и пуститься вмѣстѣ съ ней въ странствіе по опаснымъ пропастямъ и запутаннымъ стезямъ жизни, взаимно поддерживая при опасностяхъ, взаимно поощряя другъ друга при встрѣчѣ препятствій, радуясь общей радостью, когда открывается свѣтлая широкая дорога, указывающая вдали желанное мѣсто покоя, къ которому мы всѣ стремимся въ этомъ мірѣ.

Въ чувствахъ Гете къ Лили не было ничего подобнаго. Тревожное счастье, пережитое имъ въ этой любви, истекало не изъ того чувства, которое человѣкъ ощущаетъ, беззавѣтно отдаваясь любимому существу. Лили, шестнадцатилѣтній ребенокъ, съ неодолимой прелестью дѣвичьей красоты, съ гордымъ сознаніемъ своего могущества, увлекла непостоянное сердце поэта въ сѣти страстныхъ желаній, но не коснулась его души, какъ намъ это покажетъ весь ходъ этой исторіи.

Анна Елизавета Шёнemannъ, ставшая безсмертною подъ именемъ Лили, была дочь богатаго франкфуртскаго банкира, который жилъ со всею блистательною обстановкой магнатовъ финансоваго міра. Ей было шестнадцать лѣтъ, когда Гете въ нее влюбился. Это — возрастъ многозначительный. Это почти возрастъ Фредерики, Лотты, Антуанеты, Максимилианы, т. е. возрастъ наружныхъ прелестей красоты, свѣжести, имѣющихъ обаятельное очарованіе, чего никто отрицать не станетъ, какъ-бы глубоко ни сознавалъ высокія преимущества развитой женщины. Этотъ возрастъ поэтиченъ, но у него нѣтъ глубины, нѣтъ полноты характера. Представьте себѣ высокопарящій умъ автора Геца, Фауста, Прометея, Странствующаго Еврея, Магомета, въ общеніи съ умомъ шестнадцатилѣтней дѣвушки!

Лили была дѣвушка совершенно обыкновенная, — молодая, красивая, привлекательная, кокетливая. Вскорѣ послѣ того, какъ завязалось ихъ знакомство, въ одну изъ тѣхъ сладостныхъ минутъ, когда въ приливѣ тщеславнаго самолюбія любящіеся гордо исповѣдуютъ другъ другу свои недостатки (не безъ того, впрочемъ, чтобъ при этомъ не указать и на свои достоинства), Лили

разсказала Гете исторію своей жизни, говорила ему, какъ пуста была эта жизнь, какъ хотѣла она испробовать надъ нимъ свои чары и какъ понесла наказаніе, сама попалась въ сѣти. Армида сама запуталась въ сѣтяхъ Ринальда, но Ринальдъ послѣдовалъ за нею въ ея заколдованный садъ скорѣе изъ любопытства, изъ жажды приключеній, чѣмъ изъ любви.

Въ ихъ общественномъ положеніи была значительная разница. Элегантное общество банкира было совсѣмъ не подстать дикому юношѣ, который природѣ принадлежалъ всѣми мыслями, который мечталъ о неограниченной свободѣ. Балы и концерты были ему совсѣмъ не по вкусу. «Представьте себѣ, если можете,—пишетъ онъ Августѣ фонъ-Стольбергъ,—представьте себѣ: Гете въ галунахъ, франтъ съ головы до ногъ, среди блеска свѣчъ и люстръ, въ шумномъ обществѣ, прикованный къ карточному столу парой прекрасныхъ глазъ, разсѣянно рыскающій по собраніямъ, концертамъ, баламъ, съ легкомысленной вѣтренностью волоочащійся за привлекательной блондинкой, — таковъ теперешній карнавальныи Гете!» Вотъ какъ изображаетъ онъ въ пѣсни очаровательность Лили и свое томленіе:

«Ахъ! зачѣмъ ты меня такъ неодолимо влечешь въ этотъ блестящій свѣтъ? Не былъ ли я, добрый юноша, совершенно счастливъ въ моемъ ночномъ уединеніи, когда запершись въ своей комнатѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, я мечталъ,—мечталъ о золотыхъ часахъ безпредѣльнаго счастья и находилъ твой свѣтлый образъ глубоко въ моей груди. А теперь ты держишь меня за карточнымъ столомъ въ блестящей залѣ? Предо мной — невыносимыя лица! Не манятъ меня болѣе весенніе цвѣты полей. Гдѣ ты, мой ангелъ, тамъ и весна, и любовь! гдѣ ты, тамъ и природа!»

Въ противоположность этому, вотъ какъ изображаетъ Гете себя въ письмѣ къ Августѣ: «Но здѣсь есть еще другой, въ сѣромъ бобровомъ кафтанѣ, въ шелковомъ темноцвѣтномъ платкѣ и въ сапогахъ,—который предчувствуетъ весну въ февральскомъ воздухѣ, которому скоро откроется его любимый широкій міръ, который вѣчно живетъ внутри самого себя, вѣчно полонъ стремленій, вѣчно работаетъ, то облачается въ пѣсни невинныя чувства юности, то облачается въ драмы сильныя корни жизни, изображаетъ на свой манеръ

мѣломъ на сѣрой бумагѣ своихъ друзей, свое мѣстопробываніе свою любимую домашнюю утварь, который несправляется направо и налѣво, что думаютъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, потому что онъ, работая, постоянно растеть, потому что не стремится ни къ какому идеалу, а частью борясь, частью играя, даетъ свободно развиваться своимъ чувствамъ въ умственные силы.» Въ этихъ словахъ звучитъ искренняя струна. Рожденный для поэзіи, а не для того, чтобъ волочить свою жизнь по бальнымъ заламъ и бѣгать за красивенькой блондушкой кокеткой, которая кокетничала и съ нимъ и съ другими, онъ чувствовалъ, что эта его страсть есть просто глупость. Но когда человѣкъ это чувствуетъ, то «хотя кунидонъ и ударилъ его по плечу, я ручаюсь, что его сердце еще здорово.» Онъ боролся съ своей страстью. Эта борьба вылилась въ пѣснь..

«О сердце, мое сердце! Что случилось съ тобой? Что тебя такъ смущаетъ? Что за новая жизнь въ тебѣ? Не узнаю я тебя. Все, что ты любило, все, къ чему стремилось, для тебя болѣе не существуетъ. Пропали и сила твоя и твой покой. Ахъ! какъ это съ тобой сдѣлалось?

«Безпредѣльно властвуютъ надъ тобой юная красота, милый образъ, взглядъ свѣтлый и добрый! Тщетно силюсь я уйти изъ-подъ этой власти, напрягаю силы, бѣгу, но увы! путь мой неизмѣнно приводитъ меня къ ней.

«Не въ силахъ разорвать я чародѣйственныя путы, въ которыхъ противъ воли моей держитъ меня красавица, и я долженъ, повинуваясь ей, жить въ ея заколдованномъ кругу. Какая великая во мнѣ перемѣна! Любовь, любовь, оставь меня!»

Лили кокетничала съ нимъ; одно время ея кокетство, повидимому, охладило его страсть, но она съумѣла снова ее возжечь. Она поступала съ нимъ точно такъ же, какъ онъ самъ нѣкогда поступалъ съ бѣдной Кетхенъ, и какъ нѣкогда онъ драматизировалъ пережитое въ *Laune des Verliebten*, такъ и теперь драматизировалъ свой новый жизненный опытъ въ *Erwine und Elmire*, гдѣ кокетство любовницы доводитъ любовника до отчаянія. Это было предостереженіемъ для Лили, и предостереженіе, повидимому, не осталось безъ дѣйствія.

Въ это время Гете страдалъ не только отъ легкомыслія своей

возлюбленной, но также и отъ глубокомыслия родителей обѣихъ сторонъ. Бракъ его съ Лили не могъ быть желателенъ ни для той, ни для другой семьи. Для дочери банкира желали другой партіи, надѣялись, что она чрезъ бракъ войдетъ въ богатое или знатное семейство. Поэтъ принадлежалъ къ фамиліи весьма почтенной, но незнатной, и не могъ быть желаннымъ женихомъ для банкирской дочки. Притомъ гордаго стараго совѣтника не очень радовала перспектива имѣть невѣсткой элегантную свѣтскую даму. Корнелія, хорошо зная своего отца, зная его педантичную чопорность, горячо возставала противъ этого брака; Меркъ, Креспель, Горнъ и другіе друзья были также рѣшительно противъ него. Но всѣ попытки разлучить любящихся только еще болѣе скрѣпляли ихъ любовь.

Нѣкто дѣвица Дельфъ взяла на себя устранить препятствія и согласить родителей. «Какъ приступила она къ дѣлу, какъ удалось ей устранить препятствія, я ничего не знаю,—однажды вечеромъ вошла она къ намъ и возвѣстила, что родители согласны. «Дайте другъ другу руки»—воскликнула она полу-истерическимъ, полу-повелительнымъ тономъ. Я подошелъ къ Лили и протянулъ ей руку. Безъ колебанія, но и безъ торопливости, медленно, подняла она свою руку и положила въ мою. Съ глубокимъ вздохомъ бросились мы другъ другу въ объятія, — мы оба были сильно взволнованы». Формальнаго обрученія, какъ кажется, не было. Данное родителями согласіе, повидимому, нисколько не измѣнило чувствъ ни друзей, ни родственниковъ, и чѣмъ ближе было къ браку, тѣмъ болѣе бракъ казался невозможнымъ. Какъ скоро прошли первые порывы радости, самая уже мысль о бракѣ должна была смущать Гете, — его должно было тяготить различіе между его общественнымъ положеніемъ и положеніемъ его невѣсты. Въ это время пріѣхали во Франкфуртъ два графа Стольберга и предложили Гете сдѣлать поѣздку въ Швейцарію. Гете не отклонилъ случая разстаться съ невѣстой, — онъ хотѣлъ «испытать, можетъ ли жить безъ Лили.»

Прежде чѣмъ слѣдовать за нимъ въ Швейцарію, намъ необходимо нѣсколько оглянуться назадъ и остановиться на нѣкоторыхъ біографическихъ подробностяхъ, которыя были нами опущены, чтобъ не прерывать разсказа о Лили. По утру онъ за-

нимался поэзіей, въ срединѣ дня — юриспуденціей. Поэзія была отдохновеніемъ для его сердца, — онъ искалъ въ ней убѣжища отъ тяжести невыносимыхъ сомнѣній. «Еслибъ я не писалъ драмъ, я бы совершенно пропалъ,» — пишетъ онъ Августъ фонъ-Стольбергъ. Въ числу этихъ драмъ принадлежала *Stella*, за которую книгопродавецъ предлагалъ ему двадцать талеровъ, какъ это мы узнаемъ изъ письма Мерка. Вотъ каково было тогда состояніе литературы. Автору двухъ самыхъ популярныхъ въ то время произведеній предлагаютъ двадцать талеровъ за пяти-актную драму. Бѣдняга Шиллеръ былъ счастливъ, когда ему платили за его историческія сочиненія и за переводы мемуаровъ отъ пяти до осьми талеровъ за листъ въ шестнадцать страницъ.

Я не нахожу въ *Стеллѣ* никакихъ слѣдовъ біографическаго элемента. Можетъ быть это и было причиной, почему драма вышла такъ слаба. Это—самое бѣдное произведеніе великаго поэта, хотя оно также не имѣло недостатка въ критикахъ, видѣвшихъ въ немъ твореніе великаго художника. Сюжетъ драмы — старая исторія графа фонъ-Глейхенъ и его двухъ женъ. Фернандо бросаетъ жену и привязывается къ Стеллѣ. Особенность положенія состоитъ въ томъ, что Фернандо бросаетъ свою жену, Сесилію, безъ всякой уважительной причины, даже не переставая ее любить. Онъ имѣетъ всѣ основанія уважать и любить ее, какъ мать своего ребенка, какъ женщину добродѣтельную и самыхъ высокихъ правилъ; но онъ бѣжитъ отъ нея, какъ трусъ, и бросается въ объятія другой болѣе страстной женщины, которая даетъ ему восторги страсти въ замѣнъ тихихъ радостей супружеской любви. Сесилія и Стелла встрѣчаются и узнаютъ, что обѣ онѣ любятъ одного человѣка.

Положеніе Фернандо весьма драматично. Предъ нимъ съ одной стороны долгъ въ образѣ благородной, страдающей жены и въ образѣ любимой дочери, а съ другой стороны—страсть въ образѣ очаровательной любовницы. Но Гете плохо совладалъ съ этимъ положеніемъ. Фернандо слабъ, колеблется, внушаетъ презрѣніе къ себѣ своей слабостью, и вообще въ изображеніи этого характера не замѣчается особенной силы. Такъ какъ я не могу совѣтовать читателю прочесть эту драму, то приведу встрѣчающіяся въ ней два художественныя мѣста. Весьма мѣтко слѣдующее замѣчаніе:

«Мы, женщины, вѣримъ мужчинамъ. Въ минуты страсти они обманываютъ самихъ себя, какъ же намъ не быть обманутыми.»

Хорошо также то мѣсто, когда Фернандо возвращается къ Стеллѣ послѣ долгаго отсутствія, и Стелла, ласкаясь къ нему, говоритъ: «Какъ люблю я тебя: я не въ силахъ даже упрекнуть тебя за огорченія, которыя ты мнѣ причиняешь!» — Фернандо (*младя ея волосы*). Не посѣдѣла ли ты отъ горя? Хорошо, что у тебя волосы такіе свѣтлые... кажется у тебя волосы не падали! (*вынимаетъ гребень, — волосы спадаютъ внизъ, — онъ обнимаетъ ихъ кругомъ своей руки и восклицаетъ:*) Попалъ опять Ринальдо въ старыя сѣти!»

Живописцы такъ часто жалуются на недостатокъ сюжетовъ, — отчего бы кому-нибудь изъ нихъ не попробовать свои силы на этомъ сюжетѣ.

Первоначально эта драма, называвшаяся «*Schauspiel für Liebenden*», кончалась романтическимъ двоеженствомъ. Фернандо готовъ бѣжать съ Сесиліей, готовъ возвратиться къ своему долгу, но въ это время Сесилія, изъ состраданія къ несчастному положенію Стеллы, если Фернандо ее броситъ, рѣшается пожертвовать своими супружескими правами и удѣлить часть этихъ правъ Стеллѣ. Фернандо обнимаетъ обѣихъ, восклицая: Моя! моя! — и занавѣсъ падаетъ.

Эта развязка возбудила сильныя порицанія. Въ пьесѣ видѣли намѣреніе оправдать двоеженство. Публика смутно сознавала, что подобная развязка не разрѣшаетъ трудности положенія, а скорѣе даже смѣшна. Еще менѣе удовлетворительна другая развязка, которая впослѣдствіи была придѣлана къ пьесѣ, когда ее давали въ Веймарѣ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ помѣщена она въ собраніи сочиненій Гете. Фернандо, будучи не въ силахъ покинуть ни Стеллу, ни жену, застрѣливается; но это не значитъ разрѣшить трудность, — это не болѣе, какъ бѣгство отъ труднаго положенія.

Въ 1798 г. появился въ Англіи плохой переводъ Стеллы, подавшій Каннингу мысль написать свою превосходную карриатуру *The Rovers* (гуляки), которая хорошо извѣстна читателю *Antijacobin'a*. Къ числу забавныхъ мѣстъ этой пародіи принадлежитъ знаменитый объѣтъ дружбы:

«Матильда. Какая мысль пришла мнѣ внезапно въ голову! Полянемся въ вѣчной дружбѣ!»

«Сесилія. Будемъ жить вмѣстѣ.»

Въ дѣйствительности это мѣсто представляетъ только весьма незначительное измѣненіе оригинала:

«Стелла. Сударыня! какая мысль приходитъ мнѣ въ голову. Будемъ взаимно другъ для друга тѣмъ, чѣмъ вы должны бы были быть для меня! Будемъ жить вмѣстѣ!—Вашу руку! Съ этой минуты я васъ не покину!»

Кромѣ Стеллы, онъ, какъ кажется, въ это время работалъ надъ Фаустомъ, написалъ оперу *Claudine von Villa Bella*, нѣсколько статей для лафатеровой Физиогномики и нѣсколько разныхъ мелкихъ стихотвореній.

Стольберги, съ которыми Гете отправился въ Швейцарію, были горячіе поклонники Клопштока; это два образчика тогдашней «геніальности», состоявшей въ пренебреженіи всякими правилами и приличіями. Они ненавидѣли тирановъ, жившихъ только въ ихъ воображеніи, оскорбляли мирныхъ гражданъ своими постоянными выходками въ духѣ измышленнаго ими «естественнаго состоянія», удивляли чувствительныхъ гражданъ своими высокими идеями о дружбѣ. Меркъ былъ безжалостенъ къ нимъ въ своихъ сарказмахъ и предостереженіяхъ. Онъ не могъ переварить мысли, что Гете отправляется путешествовать съ этими *Burschen*. Но въ то время еще и въ самомъ Гете было много «діавольщины», которая по временамъ выказывалась наружу, и поэтому дикія выходки его спутниковъ не совсѣмъ были ему не по сердцу, хотя онъ и не могъ не усомниться въ ихъ правотѣ, когда они, не довольствуясь нарушеніемъ всѣхъ другихъ приличій, вздумали наконецъ купаться въ городѣ подъ открытымъ небомъ. Юноши нагишомъ подъ лучами солнца, — тутъ нѣтъ ничего противнаго природѣ, пусть себѣ старые дураки оскорбляются и стыдливо потупляютъ глаза! Однако въ дуракахъ оказалось столь сильное нерасположеніе къ наготѣ, что камни посыпались на дѣтей природы, и хотя этотъ родъ критики не измѣнилъ взгляда дѣтей природы, но чувствительно повліялъ на ихъ поведеніе.

Какъ истинные геніи, дико, причудливо, весело проводили они время. Стаканы, изъ которыхъ пилось здоровье любовницы одного

изъ Стольберговъ, разбивались въ дребезги объ стѣну, потому что, послѣ выполненія ими такого высокаго назначенія, не было устъ, достойныхъ къ нимъ прикоснуться; впрочемъ этотъ геройскій поступокъ много утратилъ изъ своего величія, когда на слѣдующее утро пришлось подводить итоги трактирнаго счета. Мы не будемъ останавливаться на этомъ путешествіи. Упомянемъ только, что Гете воспользовался этой поѣздкой, чтобы посѣтить Карла Августа и сестру свою Корнелію. Съ Карломъ Августомъ онъ видѣлся въ Карлсруэ, гдѣ тотъ былъ занятъ приготовленіями къ своей свадьбѣ съ принцессой Луизой. Принцъ очень просилъ поэта посѣтить его въ Веймарѣ. Свиданіе же его съ сестрой Корнеліей замѣчательно тѣмъ, что Корнелія горячо отговаривала его отъ женитьбы на Лили. «Я ничего не общалъ, — говоритъ Гете, — но не могу не признаться, что она меня убѣдила. Я оставилъ ее съ тѣмъ именно загадочнымъ чувствомъ въ сердцѣ, которымъ обыкновенно питается страсть, потому что Купидонъ, даже взмахивая уже крыльями чтобъ улетѣть, все-еще ловить надежду.» Образъ Лили посѣщалъ его среди восхитительныхъ сценъ швейцарской природы! «Еслибъ я, милая Лили, тебя не любилъ, какое великое наслажденіе доставилъ бы мнѣ этотъ видъ! Но, моя Лили, еслибъ я тебя не любилъ, что было бы, что было бы съ моимъ счастьемъ?» Образъ Лили привязывалъ его къ родинѣ. Отецъ давно уже желалъ отправить его въ Италію, и теперь думалъ объ этомъ болѣе, чѣмъ когда-либо, видя въ этомъ лучшее средство разлучить его съ Лили. «Но Ломбардія и Италія — пишетъ поэтъ. — были страны мнѣ совершенно чуждыя, Германія же, моя старая знакомая, дорога была мнѣ; въ ней жили самыя близкія моему сердцу надежды; признаюсь, — то, что такъ долго охватывало все мое существо, составляло еще для меня необходимый элементъ, отъ котораго я не могъ отрѣшиться. Золотое сердечко, которое въ одинъ изъ счастливыхъ часовъ Лили повѣсила мнѣ на шею, было еще на мнѣ, и съ той же ленточкой, — и я покрывалъ его поцѣлуями.»

Возвратясь во Франкфуртъ, онъ узналъ, что друзья Лили въ его отсутствіе употребляли всѣ усилія, чтобъ поколебать ея вѣрность и побудить ее къ разрыву, доказывая ей между прочимъ, и не безъ основанія, что его отсутствіе явно свидѣтельствуетъ о

его холодности. Но Лили осталась непоколебима и объявила даже, что готова съ нимъ уѣхать въ Америку. То мѣсто «Автобіографіи», гдѣ идетъ рѣчь о готовности Лили ѣхать въ Америку, представляетъ замѣчательный образчикъ любви, которая «не походила на любовь въ романахъ» и которая, какъ говорить «Автобіографія», придала особый цвѣтъ ея разсказу. «Именно то самое, что должно было бы оживить мои надежды, подѣйствовало на нихъ въ совершенно обратную сторону. Отеческій домъ, находившійся всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дома, гдѣ она жила, былъ для меня привлекательнѣе, чѣмъ отдаленная, неизвѣстная мнѣ заморская страна.» Это напоминаетъ намъ изреченіе Гиббона о своей первой любви: «какъ любовникъ, я вздыхалъ, но какъ сынъ я повиновался.»

Онъ былъ беспокоенъ и несчастливъ въ это время. Оторваться отъ Лили не хватало у него рѣшимости, а между тѣмъ онъ недостаточно ее любилъ, чтобъ на ней жениться. Онъ ревновалъ ее къ окружающимъ, огорчался ея холодностью, то охлаждалъ, то опять увлекался при первомъ ея нѣжномъ взглядѣ. Минутами какъ будто возвращались прежніе счастливые дни, но потомъ счастье опять исчезало. Свое нерасположеніе къ окружающимъ Лили онъ выразилъ въ поэмѣ «Lili's Park». Медвѣдь, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, есть онъ самъ.

Въ искусствѣ искалъ онъ утѣшенія и началъ писать трагедію Эгмонтъ, которая была кончена уже много лѣтъ спустя, въ Италіи. Это произведеніе требовало большаго спокойствія духа, чѣмъ какимъ онъ пользовался въ то время.—Спѣшу покончить съ этимъ эпизодомъ, — среди колебанія онъ неуклонно приближался къ развязкѣ, которую можно было предвидѣть. Бракъ не состоялся, Гете опять сталъ свободенъ, но не былъ счастливъ этой свободой. Сердце его страдало. Онъ тосковалъ по Лили,—тосковалъ, потому что любить было потребностью его натуры, а не потому, чтобъ онъ дѣйствительно нашелъ въ Лили женщину, способную раздѣлить съ нимъ жизнь. Онъ простаивалъ ночи подъ ея окнами, завернувшись въ плащъ, и возвращался довольный, когда ему случалось увидать въ окнахъ ея тѣнь. Разъ, въ одну изъ такихъ ночей, слышитъ онъ, что она поетъ за фортепіано. Сердце его забилось. Онъ прислушивается. Она поетъ его пѣсню:

Warum ziehst du mich unwiderstehlich
Ach! in jene Pracht?...

(Ахъ! Зачѣмъ ты меня такъ неодолимо влечешь въ этотъ
блестящій свѣтъ?...)

Эта пѣснь была имъ написана въ счастливые дни любви. Скоро голосъ Лили замолкъ. Она встала изъ-за фортепіано и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, нисколько не подозревая, что происходило въ это время подъ окномъ.

Въ сентябрѣ проѣзжалъ чрезъ Франкфуртъ, по дорогѣ въ Веймаръ, Карлъ Августъ съ своей молодой женой. Онъ видѣлся съ Гете и настоятельно приглашалъ его пріѣхать къ нему въ Веймаръ. Это обстоятельство случилось какъ нельзя болѣе кстати и положило рѣшительный конецъ мучительнымъ колебаніямъ поэта. Взаимное влеченіе, успѣвшее въ короткое время установиться между принцемъ и поэтомъ, желаніе посмотрѣть на большой свѣтъ, желаніе оставить Франкфуртъ, — все это вмѣстѣ побудило Гете принять приглашеніе. Тщетно отецъ старался отговорить его. Отецъ не любилъ, чтобъ простые граждане входили съ принцами въ близкія отношенія, — онъ помнилъ исторію Вольтера съ Фридрихомъ Великимъ, и видѣлъ въ этой исторіи указаніе, что подобныя отношенія неизбѣжно кончаются или немилостью или рабской угодливостью. Однако, поупорствовавъ, онъ вынужденъ былъ согласиться, и Гете навсегда оставилъ отеческій кровъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1775—1779.

Quis novus hic nostris suscepit sedibus hospes?
Quem use ore ferens! quam forti pectore et armis!
Credo equidem, nec vana fides, genus esse Deorum.

Virgil.

Tolle Zeiten hab'ich erlebt und hab'nichtermangelt
Selbst auch thöricht zu seyn, wie es die Zeit mir gebot.

(Безумное время я пережилъ и самъ не имѣлъ недостат-
ка въ безуміи, какъ этого требовало время).

ГЛАВА I.

Веймаръ въ осьмнадцатомъ столѣтіи.

7 ноября 1775 г. пріѣхалъ двадцатилѣтній Гете въ небольшой городокъ на берегахъ Ильма. Не предчувствовалъ этотъ городокъ, что принимаетъ гостя, который одаритъ его безсмертной славой Германскихъ Аѳинъ.

Не велико мѣсто занимаетъ на картѣ Саксенъ-Веймарское герцогство; но,—какъ замѣчаетъ историкъ германскихъ дворовъ ¹⁾, и замѣчаетъ справедливо,—послѣ Берлинскаго, не было въ Германіи двора, которымъ бы нація такъ гордилась, какъ Веймарскимъ! Фридрихъ Великій и Вольфгангъ Гете одарили свои мѣстопробыванія ореоломъ безсмертной славы. Намъ необходимо составить себѣ ясное понятіе, что былъ тогда Веймаръ, а иначе будетъ непонятна внѣшняя обстановка жизни нашего поэта.

Klein ist unter den Fürsten Garmaniens freilich der meine,
Kurz und schmal ist sein Land, mässig nur was er vermag.

(Незначителенъ мой государь между германскими государями,
не велика его земелька, не велики его средства).

Такъ воспѣваетъ Гете Карла Августа въ поэмѣ, которая дѣ-

¹⁾ VENE: *Geschichte der Deutschen Höfe seit der Reformation*, vol. XXVIII, p. 3.

ласть честь имъ обоимъ. Въ географіи Веймаръ и въ то время занималъ такое же незначительное мѣсто, какъ теперь; но мы, англичане, имѣемъ основаніе гордиться знаніемъ, что и народъ, занимающій незначительное мѣсто на земномъ шарѣ, можетъ имѣть въ мірѣ великое значеніе. Мы знаемъ, кромѣ того, что Аѳины, имя которыхъ Веймаръ гордится имѣть своимъ прозвищемъ, — ничтожная точка на европейской картѣ, имѣвшая какихъ-нибудь двадцать тысячъ населенія, но это населеніе состояло изъ свободныхъ гражданъ, которые не только умѣли распространить свое владычество отъ Эвбеи до Фракійскаго Босфора, но и въ литературѣ, и въ философіи, и въ искусствѣ оставили неподражаемые образцы, предъ которыми благоговѣть цивилизованный міръ. Чтобъ вполне оцѣнить вліяніе Германскихъ Аѳинъ, намъ необходимо знать, какъ незначительно въ самомъ дѣлѣ было Саксенъ-Веймарское герцогство, какъ скудны были его средства, какъ скуденъ былъ доходъ великодушнаго герцога, какъ этотъ великодушный герцогъ продавалъ евреямъ брилліантовые кольца и другія фамилійныя драгоценности, чтобъ дать средства какому-нибудь бѣдному поэту или артисту продолжать свои занятія. Я потому упоминаю здѣсь вскользь объ этихъ фактахъ, чтобъ не подумали, что духъ сарказма руководилъ моимъ перомъ при изложеніи нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, которыя читатель встрѣтитъ въ слѣдующей попыткѣ представить ему точное изображеніе, что такое былъ Веймаръ и его дворъ.

Веймаръ — древній городъ на Ильмѣ, небольшой рѣчкѣ, которая беретъ начало въ Тюрингенскихъ лѣсахъ и впадаетъ въ Заалу у Іены. Рѣчка эта такъ мала, что по ней могутъ плавать развѣ только однѣ утки, но въ дождливое время года она поднимается отъ южныхъ потоковъ и выходитъ изъ береговъ. Городокъ красиво расположенъ въ долинѣ, на высотѣ до осьмисотъ футовъ надъ уровнемъ моря. «Веймаръ есть собственно Вейнмаръ, — тутъ былъ рынокъ, снабжавшій виномъ Іену и окрестности. Другіе же говорятъ, что настоящее его имя: Вейнмайеръ и объясняютъ его значеніе тѣмъ, что здѣсь въ древнія времена впервые положено было начало разведенію виноградниковъ.» ¹⁾

¹⁾ *Topographia superioris Saxoniae Thuringiae, etc.*, 1650, p. 168.

На первый взгляд Веймаръ походитъ скорѣе на село, окруженное лѣсомъ, чѣмъ на столицу, имѣющую свой дворъ со всей придворной обстановкой. Это—городокъ тихій, скромный; постройка въ немъ древняя, но не имѣетъ той живописности, которая плѣняетъ вашъ глазъ въ большей части старинныхъ нѣмецкихъ городовъ. Его дома свѣтло кофейнаго и яблочнаго цвѣта съ круто-отлогими остроконечными крышами не имѣютъ никакихъ затѣйливыхъ украшеній. Путешественникъ не находитъ здѣсь тѣхъ капризовъ архитектурной фантазіи, той странной смѣси разнообразныхъ стилей, которая столь пріятно поражаетъ его въ другихъ старинныхъ городахъ Германіи. Тѣмъ неменѣе, спокойныя, скромныя улицы города и красивыя дорожки, по которымъ снуютъ столь же скромные обыватели, имѣютъ свою привлекательность, но чтобъ оцѣнить эту привлекательность, надо здѣсь пожить нѣкоторое время. Конечно, видъ Веймара теперь не тотъ, что былъ въ то время, когда пріѣхалъ туда Гете, но мы можемъ приблизительно возстановить въ нашемъ воображеніи его тогдашнюю наружность. Замѣтимъ прежде всего, что тогда еще были цѣлы городскія стѣны; ворота съ опускающимися рѣшетками еще говорили о временахъ феодализма. Внутри этихъ стѣнъ стояло до шести или семисотъ домовъ, по большей части весьма старинныхъ; въ нихъ жило семи тысячное населеніе, по большей части весьма некрасивое. Городскія ворота строго охранялись. Каждый проѣзжающій безъ исключенія, — ѣхалъ ли онъ въ телѣгѣ или въ каретѣ, все равно, — долженъ былъ заносить свое имя въ книгу; даже Гете, министръ и фаворитъ, не могъ избѣжать этой стѣснительной формальности, какъ мы узнаемъ изъ одного письма его къ г-жѣ фонъ-Штейнъ, гдѣ онъ даетъ ей наставленіе выѣхать изъ города одной и встрѣтить его за воротами, чтобъ не сдѣлалось извѣстнымъ, что они поѣхали вмѣстѣ. Въ воскресные дни, во время церковной службы, по всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ церкви, протягивались цѣпи чтобъ прекратить всякое движеніе. Обычай этотъ отчасти сохранился и до настоящаго времени, но съ той разницей, что теперь прохожіе безъ церемоніи шагаютъ черезъ цѣпи. По ночамъ на улицахъ было весьма не безопасно, не потому, чтобъ было много грабителей, а потому, что вамъ на каждомъ шагу угрожала опасность сломить себѣ шею въ какой-нибудь ямѣ; мысль

освѣтить улицы не приходила еще въ голову Тюрингцамъ. Въ 1685 г. были въ первый разъ освѣщены площадями лондонскія улицы, Германія же еще въ 1775 г. не рѣшалась на подобное нововведеніе. Веймаръ еще въ 1854 г. не зналъ, что такое газовое освѣщеніе, и его скромные обыватели въ вечернее время съ трудомъ пробирались по улицамъ при тускломъ свѣтѣ масляныхъ фонарей, развѣшанныхъ кое-гдѣ на веревкахъ, перекинутыхъ черезъ улицы. Понятно послѣ этого, что въ 1775 г. Веймаръ не зналъ даже и этого удобства ¹⁾.

Герцогскій дворецъ, занимающій теперь три стороны четырехугольника и дѣйствительно заслуживающій называться дворцомъ, былъ еще грудой мусора, когда пріѣхалъ Гете. Герцогская чета жила въ *Fürstenhaus*, стоящемъ насупротивъ дворца. Паркъ еще не существовалъ. На его мѣстѣ былъ *Welsche Garten*, садъ въ Версальскомъ вкусѣ, съ обстриженными деревьями, съ четырехугольными грядами, съ каналами, мостиками, съ Вавилонской спиральной башней, называвшейся *Schnecke*, гдѣ обыватели собирались слушать музыку и наслаждаться пуншемъ и пряниками. Налѣво отъ этого сада была поросль, — родоначальникъ теперешняго парка, а далѣе шелъ лѣсъ, простиравшійся вплоть до Верхняго Веймара.

Саксенъ-Веймаръ въ то время не имѣлъ ни торговли, ни фабрикъ, ни политической, ни торговой, ни даже теологической жизни. Припомнимъ, что эта часть Саксоніи была родиной и первымъ убѣжищемъ протестантизма. Всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Веймара стоитъ Вартбургъ, гдѣ Лютеръ скрывался подъ именемъ дворянина Георга, переводилъ Библію и бросалъ черпильницей въ чорта. До сихъ поръ еще на торговой площади Веймара цѣлы два дома, изъ оконъ которыхъ Тецель возвѣщалъ о своихъ индульгенціяхъ и потомъ Лютеръ громилъ индульгенціи своимъ огненнымъ краснорѣчіемъ. Памятники религіозной борьбы еще цѣлы, но сама

¹⁾ Въ декретѣ, изданномъ въ Касселѣ въ 1775 г., встрѣчается такая статья: «Какъ только ночью ударить въ набатъ, каждый домохозяинъ обязанъ выставить зажженный фонарь, чтобъ народу было не темно идти по улицѣ.»—Викерманн, *Deutschland in 18-ten Jahrhundert*, I, p. 370.

борьба давно уже замерла, огонь давно уже совершенно погасъ, и можетъ быть теперь не найдется ни одного европейскаго города, гдѣ бы теологія была такъ смиренна, такъ невозмутимо спокойна. Зубчатые стѣны Вартбурга до сихъ поръ живописно возвышаются надъ прекрасной Тюрингенской долиной, до сихъ поръ тысячи странниковъ посѣщаютъ комнату Лютера, но въ томъ же самомъ Вартбургскомъ замкѣ, кромѣ комнаты, гдѣ Лютеръ боролся съ чортомъ, показываютъ также посѣтителямъ пиршественную залу Миннезингеровъ, гдѣ происходили между ними состязанія, *Sängerkrieg*. Этотъ контрастъ можно было бы продолжить далѣе. Можно было бы указать, какъ на символическое выраженіе интеллектуальнаго состоянія Саксенъ-Веймара, на тотъ фактъ, что между тѣмъ какъ оставшаяся отъ Лютера святыня только сохранялась, зала же Миннезингеровъ была восстановлена съ большимъ даже блескомъ, чѣмъ какой имѣла первоначально. Лютеранская теологія слабѣла въ умахъ по мѣрѣ того, какъ знаменитое чернильное пятно исчезало подъ перочинными ножами посѣтителей; миннезингерство же, которымъ нѣмцы такъ гордятся, получало съ каждымъ днемъ новыя почести и поклоненія. И эти поклоненія не заключались только въ возрожденіи старины. Ежегодно собирались въ Вартбургѣ члены знаменитой семьи Баховъ, которая бѣжала изъ Венгріи въ первое время реформациі, поселилась въ Саксоніи и дала міру, кромѣ великаго Себастьяна Баха, много замѣчательныхъ музыкантовъ. Семья эта была слишкомъ многочисленна, чтобъ жить вмѣстѣ въ одномъ городѣ, и поэтому между членами ея было условлено собираться ежегодно въ Вартбургѣ. Этотъ обычай, существовавшій до самаго конца 18-го столѣтія, не только представлялъ странное зрѣлище семьи, состоявшей не менѣе чѣмъ изъ ста двадцати музыкантовъ, но и служилъ поводомъ къ небывалымъ до того времени музыкальнымъ празднествамъ. Празднества эти начинались религіозными гимнами, которые пѣлись хоромъ; потомъ артисты избирали темой какую-нибудь народную пѣсню и импровизировали на нее разныя варіаціи. Эти импровизаціи назывались *Quolibets*. Многіе писатели считаютъ ихъ родоначальницами нѣмецкой оперы.

Теологическій огонь давно уже потухъ въ Тюрингіи. Въ Веймарѣ, гдѣ нѣкогда проповѣдывалъ Лютеръ, явился другой проповѣдникъ, Гете. Въ старинной церкви хранится портретъ Лютера,

который рисовалъ другъ его Лука Кранахъ; портретъ этотъ пользуется большимъ уваженіемъ, но на одинъ портретъ Лютера вы насчитаете сотни портретовъ Гете. Не Лютеръ, а Гете царитъ здѣсь въ умахъ; не въ теологіи, а въ поэзіи слава Веймара. Здѣсь нѣтъ великолѣпныхъ церквей, нѣтъ живописныхъ старинныхъ построекъ, нѣтъ никакихъ видимыхъ образовъ, которые бы напоминали вамъ о временахъ давнопрошедшихъ; здѣсь на первомъ планѣ предъ вами прелестный, тихій, привѣтливый паркъ,—на первомъ планѣ онъ и въ воспоминаніяхъ. Кому случалось проводить счастливые часы, блуждая по извилистымъ дорожкамъ и тѣнистымъ аллеямъ этого парка, кому случалось любоваться разнообразными его красотами въ лѣтнее время, поразительными контрастами его красокъ въ позднюю осень, тотъ пойметъ, какъ могъ Гете довольствоваться жизнью въ такомъ маленькомъ городкѣ. Этотъ паркъ былъ преимущественно созданіемъ самого Гете; онъ играетъ весьма важную роль въ его жизни, поэтому мы не можемъ ограничиться однимъ только упоминаніемъ о немъ и считаемъ нужнымъ представить нѣсколько подробное его описаніе.

Паркъ начинается къ югу отъ дворца. Тутъ нѣтъ ни стѣнъ, ни желѣзныхъ рѣшетокъ, ни стражей, ни привратниковъ,—когда хотите, и въ лунную ночь, и на утренней зарѣ, можете гулять здѣсь такъ же свободно, какъ еслибъ это было ваше собственное помѣстье. Предъ вами пространство въ нѣсколько миль; ступайте смѣло, паркъ выведетъ васъ въ желтѣющія хлѣбныя поля и вы не встрѣтите нигдѣ никакихъ преградъ. Если вы войдете отъ воротъ замка, то у васъ направо будетъ извилистая дорожка, ведущая къ великолѣпной Бельведерской аллеѣ каштановыхъ деревьевъ, которая тянется на двѣ мили отъ новой улицы до лѣтняго Бельведерскаго дворца. Лѣтомъ она васъ привлекаетъ своей прохладной тѣнью, а въ осеннее время плѣняетъ вашъ взоръ своими золотыми деревьями. Она приведетъ васъ къ Бельведерскому саду, который имѣетъ свой превосходный паркъ. Въ этомъ паркѣ сходятся Веймарцы наслаждаться свѣжимъ воздухомъ, что они дѣлаютъ совершенно на свой манеръ, приправляя свѣжій воздухъ дурнымъ пивомъ, сомнительнымъ кофе и отвратительнымъ табакомъ.

Если же, вмѣсто того чтобъ повернуть въ Бельведерскую ал-

лею, вы захотите углубиться внутрь парка, то предъ вами предстанетъ такое множество дорожекъ, что вы затруднитесь выборомъ. Перейдемъ Stern Brücke, мостикъ, ведущій въ паркъ отъ дворца. Повернувъ направо, мы пойдёмъ мимо величественныхъ деревъ: здѣсь въ лѣтнее время «кроткій ручеекъ нашептываетъ мечтающимъ вершинамъ свою тихую мелодію.» Этотъ путь выведетъ насъ на широкую дорогу, которая идетъ къ верхнему Веймару. Дорога окаймлена лугомъ, который заливается рѣчкой Ильмъ. Мы придемъ по ней къ Гетеву Gartenhaus. О немъ послѣ. Обогнемъ лугъ, перейдемъ второй мостъ и направимся по тѣнистой дорожкѣ, окруженной живописными группами деревьевъ. Предъ вами величественныя сосны, буковые деревья, покрытыя мѣстами темнозеленымъ мхомъ, что еще болѣе увеличиваетъ блескъ ихъ серебристой коры,—плакучія березы съ ихъ легкой изящной формой, чинары, вязы, каштаны, рябина, устѣянная коралловыми кистями, ярко красующимися на фонѣ темно-голубаго неба. Съ одной стороны эта дорожка окаймляется крутымъ обрывомъ, устѣяннымъ поросшими мхомъ камнями. По другой ея сторонѣ течетъ Ильмъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста, который мы только-что перешли, стоитъ Borkenhaus, отшельничья хижина, которую Гете построилъ ко дню рожденія герцогини и которая потомъ была любимымъ мѣстопребываніемъ герцога. Эта хижина имѣетъ всего двадцать футъ длины и четырнадцать футъ ширины, вся построена изъ дерева и обложена древесной корой. Она стоитъ среди деревъ, прислонясь къ утесу, и окружена деревянной галлереей, на которую ведутъ деревянные ступени. Здѣсь жилъ Карлъ Августъ въ уединеніи, довольный тѣмъ, что можетъ избѣжать этикета и утомительныхъ удовольствій маленькаго двора; здѣсь купался онъ въ Ильмѣ, занимался государственными дѣлами, которыя, конечно, не имѣли значенія въ европейской политикѣ, но это нисколько не уменьшало ихъ важности въ его глазахъ, — и переговаривался телеграфическими знаками съ своимъ поэтомъ, домъ котораго отсюда былъ видѣнъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ проживалъ Карлъ Августъ въ этой хижинѣ, состоявшей изъ одной комнаты, которая служила ему и столовой, и конференцъ-залой, и кабинетомъ, и спальней.

Отъ Borkenhaus идетъ небольшая каменная лѣстница къ искус-

ственной руинѣ, а отсюда узкая извилистая дорожка приводитъ васъ къ каменному памятнику. Этотъ памятникъ представляетъ любопытное свидѣтельство, какъ слагаются народные мѣны. Онъ состоитъ изъ античной колонны, кругомъ которой обвивается змѣя, готовясь пожрать лежащія на верху колонны жертвенные хлѣбы. Надпись на памятникѣ гласитъ: *Genio loci. Weimarsche plebs*, незнакомая ни съ *Виргиліемъ*, ни съ древними символами, а между тѣмъ чувствуя потребность объяснить себѣ значеніе этого памятника, создала на его счетъ особую легенду. Эта легенда, подобно большей части легендъ, выросла неизвѣстно какъ и откуда, быстро и незамѣтно, какъ растутъ грибы; она повѣствуетъ, что тутъ нѣкогда жилъ громадный змѣй, который наводилъ ужасъ на весь Веймаръ, пока наконецъ одинъ хлѣбопекъ не придумалъ слѣдующее средство погубить чудовище: онъ подложилъ змѣю ядовитые хлѣбы, змѣй отравился и благодарный народъ соорудилъ этотъ памятникъ въ честь находчиваго хлѣбопека. *Et voilà, comme on écrit l'histoire!*..

Я не стану болѣе утомлять читателя прогулкой по парку ¹⁾. Чтобы оцѣнить его прелести, надо въ немъ быть, а всякія описанія будутъ недостаточны. Прибавлю только, что лѣтній Бельведерскій дворецъ соединяется съ Веймаромъ каштановой аллеей; а отъ Веймара идетъ тѣнистая дорога *Webicht* къ лѣтнему замку *Tiefurt*. Этотъ замокъ занимаетъ чрезвычайно маленькое пространство; паркъ при замкѣ весьма не великъ, но живописенъ: въ немъ течетъ рукавъ *Ильма*. Верхній этажъ замка представляетъ настоящій лабиринтъ маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ нѣкоторыя столь малы, что, прислонясь къ одной стѣнѣ, вы можете достать рукой до другой стѣны. Тутъ жила герцогиня *Амалія*.

«Пятьдесятъ лѣтъ прожилъ я здѣсь,—говорилъ Гете Экерману,—гдѣ ни бывалъ я на своемъ вѣку! Но я всегда былъ радъ, когда возвращался въ Веймаръ.» Иностранецъ удивится, что могло придавать Веймару такую привлекательность, но если онъ не

¹⁾ Читатель можетъ найти болѣе подробное описаніе въ прекрасной книгѣ *Стара (Stahr): Weimar und Jena*. Я многое у него заимствовалъ для моего описанія.

много поживетъ здѣсь, то секретъ скоро ему раскроется. Немалую привлекательность доставляютъ Веймару его окрестности. Въ семи миляхъ отъ него — Эттерсбургъ съ дворцомъ, паркомъ, лѣсами; въ шести миляхъ Барка съ прелестной долиной, которая представляетъ привлекательное мѣсто для прогулки любящимъ ходить пѣшкомъ; немного подалѣе Іена съ очаровательной долиной, съ которой виднѣется сумрачный городъ, прославленный столь многими громкими именами. Іена была для науки тѣмъ же, чѣмъ Веймаръ былъ для поэзіи. Грисбахъ, Паулусъ, Баумгартенъ-Крузіусъ, Данцъ преподавали здѣсь теологію; Шеллингъ, Фихте, Гегель, Рейнгольдъ, Фрисъ преподавали философію; Лоденъ, Гюфеландъ, Окенъ, Дёберейнеръ—естественныя науки; Людеръ, Шульцъ и другіе — исторію. Шлегели и Гумбольдты также озарили этотъ городокъ блескомъ своей славы. Неподалеку отъ Іены—Ильменау, Эйзенахъ, Тюрингенскіе лѣса, долина Заалы,—все это такія мѣстности, которыя могутъ удовлетворить самаго взыскательнаго странствующаго.

Ознакомясь съ главными чертами мѣстности, мы остановимъ теперь вниманіе на характеристическихъ чертахъ времени, чтобы составить себѣ по возможности полное понятіе, въ какой атмосферѣ жилъ Гете. Описаніе тогдашняго Веймара было для меня дѣломъ не совсѣмъ легкимъ по недостатку источниковъ, но еще несравненно труднѣе для меня представить читателю картину тогдашняго общества. Замѣчательно, что пѣмцы, такъ много пишущіе о всевозможныхъ предметахъ, не имѣютъ ни одного сочиненія, которое бы знакомило васъ съ нравами и домашней жизнью того времени. Сочиненій о Гете безчисленное множество, но между ними вы не находите ни одного, которое бы знакомило васъ съ внѣшними условіями его жизни.

Припомнимъ, что мы—въ половинѣ 18-го столѣтія. Французская революція еще только собиралась съ силами, еще двадцать лѣтъ должно было пройти до ея взрыва. Широкая, глубокая пропасть отдѣляетъ насъ отъ того времени. Нѣтъ предмета, который бы намъ объ этомъ не свидѣтельствовалъ. Начнемъ съ науки. Достаточно сказать, что химія въ то время еще не существовала. Правда, богатый матеріалъ былъ уже готовъ, но то, что дѣлаетъ науку наукой, способность предвидѣнія, основанная на точномъ

знаніи, еще не существовала, и алхимія продолжала фигурировать между ратоборствовавшими тогда между собой гипотезами. Гете занимался во Франкфуртѣ изысканіемъ «дѣвственной земли». Многіе еще усердно работали надъ открытіемъ философскаго камня. Въ 1787 г. сообщаетъ Семлеръ берлинской академіи свое открытіе, будто золото образуется въ какой-то соли, если эту соль держать въ теплѣ и постоянно сохранять въ ней влажность,—академія поручаетъ Клапроту рассмотреть соль, и тотъ дѣйствительно находитъ въ ней золото, но увы! оказывается, что это золото подмѣшено туда слугою Семлера. Вѣкъ, невѣрующій въ религію, былъ крайне легковѣренъ въ наукѣ. Несмотря на всѣ труды энциклопедистовъ, несмотря на все религіозное и философское «просвѣщеніе», несмотря на Вольтера и Ла-Метри, такіе люди, какъ графъ С. Жерменъ и Калиостро, могли находить тысячи легковѣрныхъ,—Казанова могъ убѣдить герцогиню д'Юрже, что можетъ возвратить ей молодость и оплодотворить ее дѣйствіемъ луны. Въ 1774 г. Месмеръ приводилъ въ удивленіе Вѣну чудесами животнаго магнетизма. Тайныя общества массоновъ и иллюминатовъ, съ ихъ мистическими церемоніями и химерическими надеждами, съ ихъ стремленіями къ открытію философскаго камня и къ усовершенствованію человѣчества, процвѣтали въ Германіи повсемѣстно и имѣли адептовъ во всѣхъ слояхъ общества.

Естественно, что комфортъ, удобства жизни не могли не быть бѣдны при такой скудости научнаго образованія. Столбовыя дороги встрѣчались только въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Пруссія не знала шоссе до 1787 г. Попадались мѣстами столбы, указывавшіе дорогу, но помилыхъ столбовъ еще не было. Политическая мудрость того времени соображала такимъ образомъ, что чѣмъ долѣ путешественникъ пробудетъ въ странѣ, тѣмъ болѣе оставить въ ней денегъ, и поэтому не находила нужнымъ заботиться о доставленіи путешественникамъ удобныхъ и скорыхъ средствъ передвиженія. Между тѣмъ какъ въ Англіи уже болѣе столѣтія существовали почтовые кареты, въ Германіи путешественники не находили другаго экипажа кромѣ открытой телѣги съ досчатымъ, ничѣмъ не обитымъ сидѣньемъ. Рессорные дилижансы появились въ Германіи не прежде 1800 г., и притомъ, что это были за дилижансы еще не далѣе, какъ двадцать лѣтъ тому

назадъ, какъ это безъ сомнѣнія припомнятъ многіе изъ читателей. При такихъ удобствахъ не могло быть, конечно, и рѣчи о скорости сообщенія. Въ 1754 г. «легкій дилижансъ» шелъ изъ Манчестера въ Лондонъ четыре дня съ половиной. Въ 1763 г. между Эдинбургомъ и Лондономъ дилижансъ ходилъ разъ въ мѣсяцъ и совершалъ переѣздъ въ двѣнадцать или четырнадцать дней, между тѣмъ какъ на нашей памяти, когда еще не было желѣзной дороги, дилижансы совершали этотъ переѣздъ въ двое сутокъ. Не забудьте, что англичане — народъ по преимуществу занятой, дѣятельный, вѣчно торопящійся. Какова же послѣ этого должна была быть скорость сообщеній въ Германіи! Нѣмцы, какъ извѣстно, народъ неторопливый, не дорожитъ временемъ, — они съ гордостью говорили, что у нихъ, по крайней мѣрѣ на самыхъ проѣзжихъ дорогахъ, рѣдко заставляютъ васъ ждать лошадей болѣе часу. Почта ходила пять англійскихъ миль въ часъ съ четвертью. Письмо шло изъ Берлина во Франкфуртъ девять дней, между тѣмъ какъ въ 1854 г. для этого требовалось не болѣе сутокъ. Изъ переписки Гете съ г-жею фонъ-Штейнъ мы видимъ, что извѣстіе о смерти Фридриха Великаго дошло не прежде, какъ черезъ недѣлю, и притомъ только какъ слухъ. «Вы теперь должны знать въ Веймарѣ навѣрное, правда ли это?» пишетъ Гете. Понятно, что при такихъ удобствахъ сообщенія мало было охотниковъ путешествовать и путешествія совершались по большей части верхомъ. Что же касается до ночлеговъ, до постоянныхъ дворовъ, гостинницъ, то тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо удобствахъ при рѣдкости путешественниковъ и при общемъ отсутствіи всякаго домашняго комфорта.

До какой степени простиралось тогда отсутствіе всякаго комфорта, всякихъ удобствъ жизни, можно видѣть изъ мемуаровъ того времени и изъ подобныхъ изданій, какъ напримѣръ Модный журналъ Бертуха. Хорошіе замки, плотно затворяющіеся двери, комоды съ легко выдвигающимися ящиками, сколько-нибудь сносные ножи, рессорныя повозки, постели сколько-нибудь сносныя для христіанина не-нѣмца, до сихъ поръ еще составляютъ рѣдкость въ Тюрингіи. Послѣ этого понятно, что въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь, когда о водосточныхъ трубахъ еще и не мечтали, а почта была еще не болѣе какъ призракъ, домашняя

обстановка не имѣла многого, что въ настоящее время считается первой необходимостью. Меблировка даже въ дворцахъ была чрезвычайно проста. Въ домахъ богатыхъ гражданъ столы и стулья были изъ простой ели. Красное дерево появилось не прежде конца 18-го столѣтія. Зеркала появились еще позднѣе. Стулья обивались грубой зеленой матеріей; этой же матеріей покрывались столы. Ковры же только теперь начинаютъ мерещиться нѣмцамъ, какъ весьма соблазнительная роскошь. Огня занавѣшивались шерстяными гардинами въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда хозяинъ отваживался на такую роскошь. Бресла вовсе не были въ употребленіи; допускались только дѣдовскія кресла, предназначавшіяся для сѣдыхъ волосъ и для преклонныхъ лѣтъ.

Salon de reception, или гостиная, въ которой принимались высокочтимые гости, имѣла особый праздничный видъ. Изъ нея изгонялось все будничное. На окнахъ висѣли занавѣсы, на стѣнахъ—фамиліные портреты или какія-нибудь другія произведенія туземнаго таланта. На столахъ красовались фарфоровыя чашки, вазы, невозможные пастушки и весьма аллегорическія собачки. Здѣсь принимались почетные гости, и какое бы время дня ни было, ихъ непременно чѣмъ-нибудь угощали. Этотъ обычай непременно накормить чѣмъ-нибудь гостя, напоминающій отчасти старинное гостепріимство и отчасти трактиръ, существовалъ и въ Англіи еще въ недавнее время и, можетъ быть, до сихъ поръ еще существуетъ въ провинціальныхъ городахъ.

Излишекъ употреблялся въ то время на ѣду и питье, а не на изящество внѣшней обстановки, какъ это обыкновенно дѣлается теперь. Только дворяне высшаго ранга щеголяли золотыми табакерками; даже трость съ золотымъ набалдашникомъ считалась необыкновенной роскошью. Тогдашніе франты довольствовались серебряными часами. Только знатныя дамы носили золотые часы на тяжелыхъ цѣпочкахъ, но эти часы были драгоценностью, переходившей изъ рода въ родъ. Чтобъ представить наглядно всю разницу между тогдашней и теперешней обстановкой домашней жизни, обратите вниманіе на теперешнюю обыденную сервировку,—предъ вами серебро, стекло, фарфоръ, а тогда даже дворянство ѣло изъ оловянной посуды. Серебряный чайный сервизъ считался въ тѣ времена царской роскошью.

Нравы того времени были грубы и просты. Слуги обѣдали за однимъ столомъ съ господами и участвовали въ грубыхъ забавахъ своихъ господъ. Повиновеніе родителямъ поддерживалось въ то время со всей строгостью и родительская власть нерѣдко прибѣгала къ помощи розги или плети. Даже братья имѣли почти отеческую власть надъ своими сестрами. Вообще положеніе женщины въ то время было таково, что наши теперешнія дамы не могутъ не придти въ негодованіе при одной мысли объ этомъ. Надъ ней не только тяготѣло иго отца, мужа, брата, но и само общество несравненно болѣе стѣсняло ее своими предразсудками, чѣмъ теперь. Женщина, принадлежавшая къ обществу, считавшемуся мало-мальски порядочнымъ, не могла выйти одна изъ дому; куда бы она ни шла, въ церковь ли, въ магазинъ ли, гулять ли, ее всюду сопровождала служанка.

Разговорный языкъ былъ тогда крайне грубъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и англійская литература того времени. Слѣдующая сцена въ Вильгельмѣ Мейстерѣ даетъ наглядное понятіе, каковы были нравы въ то время: *Die schöne Seele* (прекрасная душа) рассказываетъ въ своихъ признаціяхъ (не забудьте, что рѣчь идетъ о высшемъ, знатномъ обществѣ), какъ однажды вечеромъ собралось общество и начали играть въ фанты,—одинъ изъ фантовъ состоялъ въ томъ, что кавалеръ, которому онъ достанется, долженъ сказать что-нибудь любезное каждой изъ присутствующихъ дамъ; кавалеръ, которому достался фантъ, шепчетъ что-то на ухо одной дамѣ, а та въ отвѣтъ на это даетъ ему пощечину, и съ такой силой, что пудра съ головы кавалера залѣпляетъ глаза Прекрасной Души; Прекрасная Душа протираетъ глаза и видитъ, что супругъ означенной дамы стоитъ съ обнаженной саблей и успѣлъ уже ранить обидчика; между противниками неизбежно произошла бы дуэль въ присутствіи дамъ, еслибъ одного изъ нихъ не удалили изъ комнаты.

Для полноты предъидущаго описанія я считаю излишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя указанія, какъ дорого стоила жизнь въ то время. Мы далѣе увидимъ, что Карлъ Августъ платилъ Шиллеру ежегодную пенсію въ 200 талеровъ, что его камергеръ, Секедорфъ, получалъ въ годъ жалованья 600 талеровъ, а Гете въ качествѣ совѣтника посольства—1,200 талеровъ. Но чтобъ по-

нять значеніе этихъ цифръ, намъ необходимо знать, какъ дороги были тогда жизненныя потребности. Изъ переписки Шиллера съ Кернеромъ мы видимъ, что Шиллеръ платилъ за верховую лошадь въ день шесть грошей, переписка листа рукописи въ шестнадцать страницъ стоила полтора гроша, переписка всего Донъ-Карлоса стоила только одинъ талеръ шестнадцать грошей. За меблированную квартиру изъ двухъ комнатъ съ спальней Шиллеръ платилъ за четверть года 17½ талеровъ (Шарлота Кальбъ пишетъ Жанъ-Полю въ ноябрѣ 1796 г., что квартира ей за четверть года будетъ стоить 10 талеровъ). Слугъ, который въ случаѣ надобности исполнялъ также должность секретаря, Шиллеръ платилъ 6 талеровъ за четверть года. Вотъ какъ Шиллеръ сводилъ свои счета: «Мытье бѣлья, прислуга, бритье, все это платится по четвертямъ года и каждый изъ этихъ предметовъ обходится не дороже двухъ талеровъ, такъ что, выражаясь круглыми цифрами, въ годъ мнѣ достаточно 450 талеровъ.» Когда уже онъ былъ женатъ и у него подростали дѣти, онъ писалъ: «Съ осьюю стами талеровъ я могу прожить въ Іенѣ очень хорошо, — *recht artig.*»

Не роскошно жили веймарцы. Понятно, что провинціальный городокъ, служившій мѣстопробываніемъ двору, долженъ былъ представлять рѣзкій контрастъ между придворной жизнью и жизнью простаго люда. Простой народъ, лѣнивый, тяжелый, некрасивый, невѣжественный, но добродушный, счастливый и честный, питался чернымъ хлѣбомъ и сосисками. Выше его стоялъ образованный классъ, состоявшій изъ чиновниковъ, артистовъ, профессоровъ; еще выше — аристократія. До 1825 г. только одно дворянство могло занимать ложи въ театрѣ, такъ что когда іенскіе студенты наводили партеръ, то веймарскимъ гражданамъ приходилось или удаляться домой или отвоевывать у студентовъ мѣста въ партерѣ и галерей. Но и по перестройкѣ театра въ 1825 г. граждане допускались только въ ложи лѣвой стороны; правая же сторона исключительно предоставлялась однимъ только фонамъ. Такъ продолжалось до 1848 г.; съ этого же революціоннаго года публика безразлично получила доступъ во всѣ мѣста.

Веймарскій дворъ не имѣлъ ни великолѣпія, ни блеска, ни историческаго, ни политическаго значенія, которыя обыкновенно

соединяются съ понятіемъ о дворѣ. Но подобно тому какъ за игорнымъ столомъ играющихъ волнуетъ не столько величина ставки, сколько колебаніе фортуны, такъ и въ придворной жизни мы находимъ ту же борьбу честолюбій и самолюбій, все равно, будетъ ли ихъ поприще могущественная имперія или маленькое герцогство. Саксенъ-Веймаръ имѣлъ такой же дворъ, какъ императорскій, только въ меньшихъ размѣрахъ; у него были свои министры, своя армія, свои камергеры, пажы, своя придворная челядь. Герцогская милость или немилость такъ же возвышала и понижала величіе людей, какъ улыбка или нахмуренная бровь могущественнаго автократа. Постоянная армія изъ шестисотъ человѣкъ съ кавалеріей изъ пятидесяти гусаръ имѣла свое военное министерство съ министромъ, секретарями, чиновниками. ¹⁾

Въ Веймарѣ преобладалъ дворянскій элементъ. Поэтому, несмотря на все вліяніе Карла-Августа и несмотря на то, что при немъ окружали замѣчательные люди, тамъ, собственно говоря, не было никакой публики для художника. Нѣкоторые придворные болѣе или менѣе кокетничали съ искусствомъ, нѣкоторые дѣйствительно знали его цѣну, но большинство было рѣшительно нерасположено къ *beaux-esprits*. Когда въ 1778 г. герцогиня Амалия отправилась путешествовать въ сопровожденіи Мерка, то весь Веймаръ громко говорилъ: «Она, конечно, поймаетъ на дорогѣ и привезетъ съ собой какого-нибудь *bel-esprit*.» Впрочемъ безпристрастіе требуетъ замѣтить, что, — какъ мы уже это отчасти видѣли выше и какъ увидимъ далѣе, — геніальничанье тогдашнихъ *beaux-esprits* было таково, что нерасположеніе къ нимъ фоновъ было не совсѣмъ неосновательно.

Гете нашелъ въ Веймарѣ кружокъ, но не нашелъ публики. Этотъ фактъ имѣетъ глубокое значеніе. Поэтъ не имѣлъ недостатка въ друзьяхъ и почитателяхъ, восторгавшихся его твореніями, но у него не было націи. Въ Германіи не было публики въ то время, какъ нѣтъ ея тамъ и теперь. Какъ теперь, такъ и

¹⁾ Чтобъ это не показалось слишкомъ комичнымъ, напомнимъ читателю, что у одного изъ германскихъ государей (Graf von Limburg-Styrum) вся армія состояла изъ гусаръ, а именно: изъ одного полковника, шести офицеровъ и двухъ рядовыхъ.

тогда, Германія была ни что иное, какъ собраніе городовъ, но не нація. Чтобы вполне оцѣнить значеніе этого факта, взглянемъ на противоположный фактъ, обратимся къ Греціи, къ Риму. И греческая и римская исторія одинаково свидѣтельствуютъ намъ, что художественная дѣятельность подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и вообще всякая дѣятельность человѣка во всѣхъ сферахъ. Исторія говоритъ намъ, что для достиженія высокаго совершенства необходимо, чтобы нація сотрудничала индивидуальной геніальности. Для развитія науки необходимо, чтобы наука перестала быть дѣломъ немногихъ, а сдѣлалась бы общимъ дѣломъ, служила бы на пользу всѣхъ; въ непрестанномъ давленіи неудовлетворенныхъ нуждъ находить она энергическій стимулъ и ей высшая награда есть удовлетвореніе этихъ нуждъ. Тоже и въ искусствѣ. Аѳинскимъ художникамъ сотрудничалъ весь аѳинскій народъ; въ этомъ и заключается одна изъ причинъ, почему аѳинское искусство достигло такого высокаго совершенства, которое никогда не было превзойдено. Тамъ искусство не было дѣломъ только немногихъ, не было потребностью немногихъ; оно было общей потребностью, общимъ наслажденіемъ всѣхъ. Тамъ трофеи искусства не прятались въ галлерейхъ и музеяхъ; ими наслаждался, ихъ критиковалъ цѣлый народъ. Тамъ каждый свободный гражданинъ, какъ говорилъ Аристотель, былъ съ юныхъ лѣтъ критикъ искусства. Софокль писалъ для всего аѳинскаго народа и ему рукоплескалъ весь аѳинскій народъ. Театръ былъ открытъ для всѣхъ свободныхъ гражданъ. Произведенія Фидія, Праксителя, Скопаса, Мирона были выраженіемъ національных вѣрованій, удовлетворяли стремленіямъ національнаго духа. Художественными галлерейми служили храмы, площади, общественные сады, аллеи. Государственное казначейство щедро награждало художниковъ. Богачи не прятали великихъ произведеній въ свои галлерей, но обогащали ими общее достояніе. Граждане Кинды соглашались лучше платить тяжелый налогъ, чѣмъ разстаться съ своей Венерой. Когда въ Аѳинахъ послышался ропотъ противъ издержекъ на постройку Парѳенона, Периклъ заставилъ замолчать недовольныхъ, угрожая построить Парѳенонъ на собственной счетъ и выставить на немъ свое имя.

Старъ превосходно изобразилъ, какое значеніе имѣетъ въ искусствѣ подобное сотрудничество народа. Онъ сравниваетъ вліяніе на

искусство средневѣковой публичности, когда великіе живописцы и скульпторы выставляли свои произведенія въ соборахъ, ратушахъ, на площадяхъ, гдѣ постоянно толпился народъ,—съ вліяніемъ на него нашей теперешней публичности, когда искусство прячется въ частныя галлерей и въ музеи, закрытые по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ¹⁾).

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Вліяніе искусства на народъ сказывается въ томъ поразительномъ фактѣ, что Греція и Римъ всегда умѣли безошибочно цѣнить истинно великихъ художниковъ,—тамъ посредственность, умѣющая поддѣлаться подъ вкусъ немногихъ или подъ минутный, преходящій вкусъ толпы, не ставилась поперекъ дороги истинно великимъ дарованіямъ. Не кому иному, а юному Фидію поручили аѳиняне создать Паренонъ и аѳинскую Палладу. Еслибъ Фидій былъ Англичанинъ, поручило ли бы ему англійское правительство Веллингтонову статую или парламентское зданіе? Великіе художники Греціи и Италіи, наиболѣе чтимые ихъ современниками, остались самыми великими и въ глазахъ потомства. Безошибоченъ приговоръ публики, когда эта публика есть интеллигенція цѣлаго народа.

ГЛАВА II.

Веймарскія знаменитости.

Вдовствующая герцогиня Амалия. Д-ца Гехгаузенъ. Виландъ. Эйзидель.
Корона Шретеръ. Бертухъ. Музеусъ. Сакендорфъ. Герцогиня Луиза. Карлъ
Августъ. Графиня Вертеръ. Г-жа фонъ-Штейнъ. Кнебель. Гердеръ.

Въ предыдущей главѣ я старался представить читателю общую картину Веймара и его обитателей. Теперь перейду къ частностямъ и постараюсь очертить главные лица, которыя будутъ фигурировать въ первые годы пребыванія Гете въ Веймарѣ.

¹⁾ Stahr: Torso, pp. 147—151.

Вдовствующая герцогиня Амалия была личность весьма интересная. Ея причудливость, суетность, страсть къ удовольствіямъ напоминали, что въ жилахъ ея брауншвейгская кровь, но съ этими качествами въ ней соединялся умъ не бѣдно одаренный, хорошо образованный, умѣвшій цѣнить людей съ дарованіемъ. Хотя она и была племянницей Фридриха Великаго, но не увлеклась модой, господствовавшей въ то время въ высшихъ сферахъ Германіи, не пренебрегла отечественной литературой изъ пристрастія къ французамъ. Въ наставники къ сыну избрала она Виланда и сдѣлала его своимъ другомъ. Шиллеръ, довольно скорый въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и не очень проницательный въ пониманіи женскихъ характеровъ, писалъ Кернеру послѣ перваго своего свиданія съ герцогиней: «Она не завоевала меня. Ея физіономія мнѣ не нравится. Умъ у нея чрезвычайно ограниченный. Ее ничто не интересуетъ, что не имѣетъ связи съ чувственностью. Ея дѣйствительная или напускная любовь къ музыкѣ, живописи и пр., имѣетъ своимъ источникомъ чувственность. Она сама сочиняетъ музыку, — написала музыку на Гетевского *Egwin und Elmige*. Говоритъ она мало, но въ ней то хорошо, что она не любитъ церемоніальности.» Нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Припомнимъ, что герцогиня Амалия умѣла цѣнить талантливыхъ людей, и талантливые люди находили удовольствіе въ ея обществѣ, — она училась по-гречески у Виланда, читала Аристофана, переводила Проперція, писала музыкальныя сочиненія, была довольно хорошей судья въ художественныхъ произведеніяхъ, бесѣдовала о политикѣ съ аббатомъ Райналемъ, о греческой и итальянской литературѣ съ Виллазономъ, среди разнообразныхъ развлеченій и занятій находила время наблюдать за воспитаніемъ своихъ сыновей и управляла своей страной съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Все это не говоритъ намъ, чтобъ она была «чрезвычайно ограниченного ума.» Что же касается до «чувственной подкладки», то замѣчаніе Шиллера совершенно вѣрно. Это видно изъ ея наружности; это свидѣлствуютъ и многія подробности ея веселой жизни. Біографы и панегирики обыкновенно опускаютъ подробности, — ихъ высоконастроенные періоды могутъ быть безразлично отнесены къ какому хотите лицу; они забываютъ, что только подробности могутъ дать намъ живое понятіе о человѣкѣ. Вотъ

какъ описываетъ герцогиню одинъ неизвѣстный путешественникъ ¹⁾. «Она небольшого роста, недурна собой, — умное выраженіе лица, брауншвейгскій носъ, красивыя руки и ноги, походка легкая и вмѣстѣ величественная; говоритъ хорошо, но скоро; вообще въ ней много пріятнаго и привлекательнаго..... Въ этотъ вечеръ былъ публичный маскарадъ въ ратушѣ, по гульдену за входъ. Дворъ пріѣхалъ въ восемь часовъ. Герцогиня была великолѣпна *en domino* и блестяла брилліантами. Она хорошо танцуетъ, легко и граціозно. Молодые принцы, одѣтые Зефиромъ и Амуромъ, танцовали также очень хорошо. Маскарадъ былъ многолюденъ, оживленъ, — много было хорошихъ масокъ. Была тутъ и банковая игра. Меньшая ставка—полгульдена. Герцогиня не ставила меньше талера и полулуидора, играла очень бойко и проиграла нѣсколько луидоровъ. Впрочемъ она занималась игрой не долго и весьма охотно танцевала съ каждой подходившей къ ней маской. Она оставалась въ маскарадѣ до трехъ часовъ, когда уже почти всѣ разѣхались.» Тотъ же путешественникъ рассказываетъ о другомъ маскарадѣ: «Герцогиня была одѣта *en reine Grèce*; костюмъ очень хорошъ и весьма шелъ къ ней. Маскарадъ былъ необыкновенно многолюденъ, блистателенъ и оживленъ. Много было іенскихъ студентовъ. Для послѣдняго маскарада герцогиня прислала мнѣ свой собственной костюмъ Савойярки. Я дѣлалъ свой туалетъ у графини Герцъ. Горничная графини причесала меня по-дамски. Молодой графъ Герцъ нарядился въ такой же костюмъ, какъ и я, и мы вмѣстѣ отправились во дворецъ, тамъ обѣдали, и потомъ вмѣстѣ съ дворомъ отправились въ маскарадъ, который продолжался до шести часовъ.»

Веселая герцогиня, умѣвшая такъ хорошо управлять своимъ герцогствомъ, мало заботилась о соблюденіи внѣшнихъ формальностей, соотвѣтствующихъ ея сану. Виландъ рассказываетъ, что она по временамъ вела совершенно «студенческій образъ жизни», особенно когда жила въ Бельведерѣ, гдѣ въ лунные вечера нерѣдко раздавались по саду студенческія пѣсни, не всегда вполнѣ приличныя. Однажды она отправилась изъ Тифурта на простой

¹⁾ Vohse: Geschichte der deutschen Höfe, vol. XXVIII, p. 60.

тѣлѣ въ сопровожденіи семи своихъ друзей; на дорогѣ ее застала буря, — она, нисколько не задумавшись, надѣла на себя зеленый кафтанъ Виланда и въ такомъ костюмѣ отправилась далѣе.

Ея письма, въ особенности письма къ матери Гете, отличаются большимъ чистосердечіемъ и совершенно чужды всякаго рода формализма. Въ одномъ изъ этихъ писемъ она извиняется, что давно не писала, говорить, что это произошло не по недостатку дружбы, а по недостатку новостей, и чтобы удостовѣрить Frau Aja, что не забыла ея, посылаетъ ей пару подвязокъ своей работы. «Liebe Frau Aja! — пишетъ она въ другомъ письмѣ, — трудно выразить, какую радость доставило мнѣ ваше письмо, и я не стану описывать вамъ моей радости, потому что истинныя чувства слишкомъ священны, чтобы ихъ можно было изобразить на бумагѣ. Вы знаете, милая матушка (liebe Mutter), какъ вы мнѣ дороги, — вы поймете, какъ безконечно радостно было мнѣ знать, что вы меня помните.» ¹⁾

Рядомъ съ герцогиней Амалией намъ представляется фигура ея фрейлины, веселой, маленькой, горбатой дѣвицы Гехгаузенъ, прозывавшейся въ пріятельскомъ кружкѣ Туснельдой. Трудно понять, почему этотъ бойкій, маленький *demon de bonne compagnie* могъ заслужить ния жены Арминія. Дѣвица Гехгаузенъ была любимицей Амалии и Карла Августа. Последний постоянно пикировался съ ней остротами, не всегда очень изысканными. Она оживляла общество своей веселостью, вела большую переписку съ разными знаменитостями, была очень расположена къ Гете и постоянно переписывалась съ его матерью. Особеннымъ ея расположеніемъ пользовался Карлъ Августъ, потому, быть можетъ, что постоянно досаждалъ ей своими шутками. Какъ образчикъ, до чего доходили иногда эти шутки, мы приведемъ слѣдующій анекдотъ, слышанный нами отъ г-жи фонъ-Гете, которая въ свою очередь

¹⁾ Приведу еще одно мѣсто изъ этихъ писемъ, какъ оно стоитъ въ оригиналѣ: «Ach Mutter, Mutter! — sie errathen wohl meine Gedanken! Was macht der alte Vater? er sollte ja nicht wohl sein. Grüßen sie ihn von mir und das tausendmal. Leben sie wohl, beste Mutter; behalten sie mich und denken fleissig an Ihre Freundin. — *Amalia*.

слышала его отъ своего тестя, непосредственно участвовавшего въ этой продѣлкѣ. Однажды вечеромъ Туснельда, по обыкновению, поднималась по лѣстницѣ, ведущей къ ея спальнѣ, какъ вдругъ у ней погасла свѣча. Она, нисколько не смутясь, продолжала идти далѣе, благополучно достигла коридора, куда выходила дверь изъ ея спальни, и стала ощупью искать дверь. Казалось, дверь найти было не трудно, но всѣ ея старанія были тщетны. Долго шарила она рукой по стѣнѣ, отыскивая замокъ двери; но, къ крайнему ея изумленію, двери нигдѣ не оказывалось. Наконецъ это смутило ее,—она пришла въ неизъяснимый страхъ, поспѣшно сошла внизъ и направилась къ комнатѣ герцогини. Герцогиня уже спала и комната ея была заперта. Туснельда постучалась,—никакого отвѣта. Тогда она снова отправляется вверхъ по лѣстницѣ, снова шарить по стѣнѣ, но опять безъ успѣха. Она была вѣ себя отъ страха и почти полузамерзла отъ холода, когда наконецъ загадка разъяснилась: Карлъ Августъ и Гете сняли двери ея спальни и задѣлали стѣну!

Виландъ основалъ журналъ «*Deutsche Mercur*», который былъ не безъ вліянія. Когда окончились его обязанности по воспитанію принца, онъ оставался при дворѣ, какъ многоцѣнный другъ герцогини, и принималъ участіе во всѣхъ ея развлеченіяхъ. Эйнзидель былъ сначала придворнымъ нажемъ, а потомъ, въ 1776 г., былъ сдѣланъ камергеромъ герцогини. Это былъ веселый, беззаботный эпикуреецъ, заслужившій себѣ прозваніе *ami* своимъ добродушіемъ и эксцентричностью. Его оригинальныя выходки служили постоянной нищей для разговоровъ. Онъ былъ немножко поэтъ и немножко музыкантъ, большой охотникъ до удовольствій и большой мастеръ ихъ изобрѣтать. Его имя встрѣчается на каждой страницѣ веймарской хроники того времени.

Съ именемъ Эйнзидела соединилась въ воспоминаніяхъ имя придворной пѣвицы (*Hofsängerin*), Короны Шрётеръ. Гете зналъ это прекрасное, высокоодаренное существо еще въ Лейпцигѣ, когда былъ тамъ студентомъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Веймаръ, онъ ѣздилъ съ герцогомъ на время въ Лейпцигъ, встрѣтилъ тамъ Корону и уговорилъ ее пріѣхать въ Веймаръ. Она была украшеніемъ веймарскихъ домашнихъ спектаклей, — ей первой суждено было исполнять роль Ифигеніи. *Als eine Blume zeigt sie sich der*

Welt (она—цвѣтокъ въ нашемъ мірѣ): такъ говорить о ней Гете въ томъ мѣстѣ своей поэмы *Mieding's Tod*, которое обезсмертило ее и Мидинга. Корона рисовала, пѣла, играла на театрѣ, основательно знала музыку, декламировала съ особеннымъ изяществомъ, — *die Musen schmückten sie mit jeder Kunst* (музы одарили ее всѣми дарами). Карлъ Августъ говорилъ, что она «хороша какъ мраморъ и холодна какъ мраморъ.» Гете такъ воспѣвалъ ее:

«Und hoch erstaunt seht ihr in ihr vereint
Ein Ideal, das Künstlern nur erscheint.»

(съ изумленіемъ видите вы въ ней соединеніе всего, что художникамъ только виднѣтся въ идеалѣ). Благодаря Римеру, существовало общераспространенное мнѣніе, будто Гете былъ въ связи съ Короною. Но Шель показалъ, что это совершенно невѣроятно. Я не только соглашаюсь съ мнѣніемъ Шеля, но и могу подтвердить его мнѣніе свидѣтельствомъ г-жи фонъ-Гете, которая рассказывала мнѣ, что ея тестъ съ особеннымъ жаромъ увѣрялъ ее, что никогда не имѣлъ страсти ни къ одной актрисѣ. Варнгагенъ фонъ-Энзе предполагаетъ, что Корона была втайнѣ повѣнчана съ Эйнзиделемъ; но если этого брака и не было, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они любили другъ друга, — это свидѣтельствуютъ сохранившіеся въ цѣлости письма Короны. Письма эти не изданы.

Секендорфъ, какъ и Эйнзидель, былъ также камергеръ, поэтъ и музыкантъ. Годъ спустя по пріѣздѣ Гете въ Веймаръ, онъ перевелъ Вертера на французскій языкъ (*Les souffrances du jeune Werther, par le B. S. de S. Erlangen, 1776*). Кромѣ того къ веселой компаніи герцогини Амаліи принадлежали: Боде, переводчикъ Смоллета; Бертухъ, казначей, переводчикъ Сервантеса; Музеусъ, страстный любитель садоводства, которому Веймаръ обязанъ своимъ прелестнымъ *Erholung* (мѣсто отдохновенія). Музеуса ежедневно можно было видѣть на спокойныхъ улицахъ Веймара съ чашкой кофе въ одной рукѣ и съ садовыми орудіями въ другой: такъ обыкновенно направлялся онъ къ любимому своему мѣсту уединенія. Часто также видали его, какъ онъ бесѣдовалъ съ *ex-bарабанщикомъ* Рюплеромъ, угощалъ его вдохновительнымъ шнапп-

сомъ, и тотъ ему раскрывалъ свой богатый запасъ легендъ и народныхъ повѣрій, изъ которыхъ онъ впоследствии составилъ свои знаменитыя *Volksmärchen*. У Музеуса было много юмора, и онъ часто снабжалъ своихъ веймарскихъ друзей забавными островами и каламбурами. Генрихъ Шмидтъ рассказываетъ о немъ слѣдующій анекдотъ: однажды послѣ продолжительной болѣзни пришелъ онъ обѣдать къ Шмидту; всѣ очень удивились его необыкновенно здоровому виду и онъ совершенно серьезно выслушивалъ комплименты, какъ наконецъ жена его не выдержала и рассказала, что онъ нарумянился ¹⁾).

Вотъ главные лица при дворѣ Амаліи. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о царствующей четѣ, — герцогъ Карлъ Августъ и герцогиня Луиза.

О герцогинѣ Луизѣ всѣ отзываются не иначе, какъ съ уваженіемъ. Она была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ людей, которые одинаково обнаруживаютъ высокое благородство характера какъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, такъ и въ самыхъ обыкновенныхъ мелкихъ подробностяхъ жизни. Королева прусская и герцогиня саксенъ-веймарская, это — двѣ высоко стоящія личности въ новѣйшей исторіи Германіи; обѣ онѣ противодействовали главному человѣку той эпохи, Наполеону, и самымъ своимъ противодействіемъ заслужили его уваженіе. Луиза была холоднаго темперамента, нѣсколько строгая въ соблюденіи этикета (не такъ, какъ герцогиня Амалія). До самой смерти носила она костюмъ, бывшій въ модѣ во времена ея молодости. Въ первые годы супружества нерѣдко дѣлала она сцены своему мужу, но въ теченіе всей жизни обнаруживала къ нему самое чистое, высокое чувство дружбы.

И онъ былъ достоинъ ея дружбы, хотя ей и могло быть иногда тяжело вслѣдствіе его страннаго и во многихъ отношеніяхъ противоположнаго ей характера. Когда ему было четырнадцать лѣтъ, Фридрихъ Великій отозвался о немъ, что изъ всѣхъ, извѣстныхъ ему принцевъ, онъ подаетъ наиболѣе надеждъ. И дѣйствительно, это былъ человѣкъ, хотя отчасти и неопредѣлен-

¹⁾ Schmidt, *Erinnerungen eines Weimarer Veteranen*, p. 21.

наго, но весьма замѣчательнаго характера. Онъ не теряетъ при болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ, а это качество не часто встрѣчается у государей. Его умѣнье цѣнить дарованія привлекало въ Веймаръ самыхъ замѣчательныхъ людей того времени; его высокія личныя качества умѣли ихъ удерживать тамъ. Государю легко окружить себя талантливыми людьми, но не легко удержать ихъ при себѣ, сохраняя за ними полную свободу развитія своихъ дарованій и полную свободу пользованія ими. Съ маленькими средствами Карлъ Августъ много сдѣлалъ для Германіи. Онъ отличался неутомимой дѣятельностью; не было уголка въ его владѣніяхъ, который бы ускользнулъ отъ его глазъ, и его непрестанно занимали заботы о благоденствіи народа. Недавно обнаруженная его корреспонденція свидѣтельствуетъ, какъ дѣятельно проявлялись въ поступкахъ интеллектуальныя его влеченія. Никто тогда въ Германіи не могъ сравниться съ нимъ въ простотѣ удовлетворявшаго его образа жизни, за исключеніемъ дорогаго ему друга, Гете, съ которымъ у него во многихъ главныхъ чертахъ дѣйствительно было много общаго. Я помню, что когда въ первый разъ увидалъ рядомъ ихъ бюсты, то меня поразило нѣкоторое фамиліное между ними сходство: Карла Августа можно принять за младшаго брата, — у него значительно меньше «идеальности», но онъ какъ будто принадлежитъ къ одной семьѣ съ поэтомъ. По отцамъ оба они тюрингской крови; матери же ихъ, Амалия и Frau Aja, — во многихъ отношеніяхъ родственныя натуры. И Карлъ Августъ, и Гете, оба были одинаково дѣятельнаго, здороваго, чувственнаго, страстнаго до удовольствій темперамента, но у Карла Августа не было того такта, который никогда не позволялъ Гете переходить предѣлы, за исключеніемъ, конечно, разгульнаго періода его жизни. У Карла Августа не было той нѣжности, той рыцарственности, которая дѣлала поэта столь привлекательнымъ для женщинъ. Онъ былъ остроуменъ, но его *bon-mots* по большей части были такого рода, что годились только для послѣбѣжденной мужской бесѣды, но никакъ не для гостинныхъ. Ничего не жалѣлъ онъ для составленія своей *Bibliotheka Erotica*. Весьма характеристиченъ тотъ фактъ, что когда Шиллеръ писалъ свою Орлеанскую дѣву, онъ воображалъ, что произведеніе Шиллера будетъ воспроизведеніемъ *la Pucelle*, и упрасивалъ свою любовницу, г-жу фонъ

Гейгендорфъ, не соглашались играть роль возстановленной дѣвственницы. Въ манерахъ у него было много солдатскаго; онъ былъ суровъ, неделикатенъ, повелителенъ. Въ обществѣ офицеровъ прусскаго гарнизона онъ чувствовалъ себя совершенно дома, но жизнь при иностранныхъ дворахъ была ему не по душѣ и онъ нерѣдко даже тяготился своимъ собственнымъ дворомъ. Вотъ какъ Гете описываетъ жизнь Карла Августа при брауншвейгскомъ дворѣ въ 1784 г.: «De son coté notre bon Duc s'ennuie terriblement, il cherche un interet, il n'y voudrait pas être pour rien, la marche très bien mesurée de tout ce qu'on fait ici le gene, il faut qu'il renonce ici à sa chère pipe et une fee ne pourroit lui rendre un service plus agréable, qu'en changeant ce palais dans une cabane de charbonnier» ¹⁾).

Въ декабрѣ 1775 г. писалъ онъ къ Гете, который былъ тогда въ Іенѣ (письмо это не напечатано): «Какъ бы желалъ я теперь вмѣстѣ съ тобой любоваться на восходъ и закатъ солнца. Здѣсь въ Готѣ я не вижу солнечнаго заката, — мнѣ его заволакиваетъ толпа придворныхъ, которые такъ комильфотны и исполняютъ свой «долгъ» съ такой ужасающей точностью, что я каждый вечеръ готовъ посылать себя ко всѣмъ чертямъ.» Любимымъ его препровожденіемъ времени было заниматься солдатами, или собаками, или уединяться съ своимъ поэтомъ разсуждать съ нимъ о философіи, толковать «о милыхъ вещахъ.» Онъ охотно смѣшивался съ народомъ. Однажды въ Ильменау онъ и Гете переодѣлись рудокопами, отправились въ рудокопню и тамъ проплясали всю ночь съ крестьянскими дѣвушками. Онъ любилъ странствовать верхомъ, ѣздилъ обыкновенно напрямикъ, не обращая вниманія ни на рвы, ни на камни, съ явной опасностью сломить себѣ шею. Его шутки съ придворными дамами доходили дотого, что ими оскорблялась его жена, болѣе, чѣмъ онъ, обращавшая вниманіе на свой санъ. Любилъ онъ шляться одинъ съ собаками, или въ сопровожденіи какого-нибудь веселаго спутника; нерѣдко прибѣгалъ къ вину, какъ къ возбуди-

¹⁾ Briefe an Frau von Stein, III, p. 85. Въ приведенной выпискѣ въ точности сохранена орфографія оригинала.

тельному средству; волочился за хорошенькими женщинами, не разбирая, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежали. Его суровый, повелительный тонъ нерѣдко былъ оскорбителенъ для его друзей, но не отчуждалъ ихъ отъ него. Часто своимъ поведеніемъ огорчалъ онъ своихъ почитателей, но при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ былъ прямой, хорошій человѣкъ. Умъ у него былъ живой. Сужденія его о людяхъ и вещахъ были здравы и смѣлы. Когда шелъ вопросъ о назначеніи Фихте профессоромъ въ Іену, одинъ изъ противниковъ этого назначенія представилъ Карлу Августу какое-то сочиненіе Фихте, которое считалъ достаточнымъ доказательствомъ, что подобному человѣку, какъ Фихте, нельзя поручить катедру. Карлъ Августъ прочелъ сочиненіе и назначилъ Фихте профессоромъ. У него были высокія цѣли и деспотическая воля, способная подчинять обстоятельства своимъ цѣлямъ. «Онъ постоянно стремился впередъ, — говорилъ о немъ Гете Эккерману; — какъ только узнавалъ что-либо хорошее новое, сейчасъ же усваивалъ себѣ. Какъ скоро ему что не удавалось, онъ сейчасъ же бросалъ это и объ этомъ болѣе не было и рѣчи. Я часто самъ затруднялся, какъ оправдать предъ нимъ ту или другую неудачу, но онъ переносилъ неудачу самымъ милымъ образомъ и сейчасъ же принимался за что-либо новое.»

Таковъ былъ Карлъ Августъ. Такъ его изображаютъ намъ письма того времени и отзывы о немъ тѣхъ, кто его зналъ. Онъ былъ осьмью годами моложе Гете и привязался къ нему, какъ къ брату. Мы увидимъ далѣе, какова была эта привязанность и каково было взаимное вліяніе ихъ другъ на друга. Случалось конечно, что и между ними скоплялись тучи, и у нихъ не обходилось безъ ссоръ, безъ неудовольствій, но когда же столь долговременная дружба обходилась безъ этого? Пятьдесятъ лѣтъ взаимной любви и самыхъ дружественныхъ отношеній несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ искренней ихъ привязанности другъ къ другу.

Между веймарскими знаменитостями видное мѣсто занимаетъ г-жа фонъ-Штейнъ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы поговоримъ о ней подробнѣе, а здѣсь замѣтимъ только, что она была Hofdame герцогини Амалии и въ теченіе многихъ лѣтъ была страстно любима Гете. Мы должны также упомянуть о графинѣ

фонъ-Вертеръ, которая была для Карла Августа тѣмъ же, чѣмъ баронесса фонъ-Штейнъ была для Гете. Какъ достовѣрно извѣстно, она была оригиналь той прелестной графини, которую поэтъ изобразилъ въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ, а ея мужъ былъ въ дѣйствительности даже еще эксцентричнѣе, чѣмъ эксцентричный графъ романа. О немъ рассказываютъ, что однажды, когда у него были въ гостяхъ герцогъ и разныя знаменитости, онъ одѣлъ нѣсколько человекъ крестьянъ въ свою графскую ливрею и вычернилъ имъ лица, чтобъ они походили на негровъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать о майорѣ фонъ-Кнебель, переводчикѣ Лукреція и Проперція. Это былъ прямой, честный республиканецъ, задушевный другъ Карла Августа и Гете, «филантропическій Тимонъ», какъ называлъ его Гердеръ. Непримирымъ врагъ всякаго рода лжи и притворства, онъ относился ко всему сатирически, но въ то же время былъ одушевленъ самой искренней любовью къ людямъ. Взглянувъ на его суровую, геніальную, сократическую фізіономію, вы чувствуете, что слово, сказанное этой независимой, прямой, глубоко-честной натурой, должно имѣть вѣсъ.

Я не упомянулъ еще о Гердерѣ. Онъ пріѣхалъ въ Веймаръ послѣ Гете и по его настоянію. Уваженіе, которымъ проникся къ нему страсбургскій студентъ, продолжалось неослабно; его причудливая раздражительность и страсть къ сарказму не оттолкнули отъ него юношу и не ослабили расположенія къ нему зрѣлаго мужа. Въ одномъ изъ ненапечатанныхъ писемъ къ герцогинѣ Амаліи, Гете проситъ герцогиню помочь Гердеру. У Гердера было очень большое семейство, а средства къ жизни были весьма ограничены. Герцогъ обѣщалъ позаботиться объ одномъ ребенкѣ; Гете проситъ Амалію позаботиться о другомъ. Не получая отвѣта, или, по крайней мѣрѣ, не получая такъ скоро, какъ ожидалъ, онъ вторично пишетъ къ Амаліи еще съ бѣльшей настоятельностью, и прибавляетъ, что если она, герцогиня, ничего не сдѣлаетъ для ребенка, то онъ, Гете, сдѣлаетъ изъ маленькихъ своихъ средствъ! Это происходило въ то именно время, когда Гердеръ былъ наиболѣе раздраженъ противъ Гете. Меркъ былъ правъ, говоря: «кто можетъ противостоять безкорыстію этого человека!»

ГЛАВА III.

Первыя разгульныя недѣли въ Веймарѣ.

Таково было общество, въ которое вступилъ Гете во всемя блескъ юности, красоты и славы. Греки говорили про юность, что она—«вѣстникъ Венеры». Красоту греки боготворили, какъ образъ истины. Слава всегда во все времена ослѣпляла глаза смертныхъ своимъ обаятельнымъ сіяніемъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что Гете побѣдилъ, имѣя такія могучія средства для побѣды! Даже герцогиня Амалия, столь предубѣжденная противъ него, потому что онъ осмѣялъ дорогаго ей Виланда, не могла устоять противъ обаянія его личности. Не могла она устоять при той искренности, съ какой преклонялась предъ всемъ, что носило печать гениальности. Нетолько блистательныя дарованія, но даже и самая распушенность молодого поэта имѣли на нея увлекающее, обаятельное дѣйствіе. То онъ приводилъ ее въ изумленіе какимъ-либо неслыханнымъ парадоксомъ, то вдругъ вскакивалъ со стула, начиналъ вертѣться, танцовать по комнатѣ, отпуская разныя шутки, и она хохотала до упаду. А Виландъ?—тотъ былъ побѣжденъ сразу. Впрочемъ пусть онъ говоритъ самъ за себя. Вотъ что писалъ онъ къ Якоби послѣ первой своей встрѣчи съ Гете: «Что скажу я тебѣ о Гете? Онъ съ первой же минуты совершенно завладѣлъ моимъ сердцемъ! За обѣдомъ я сидѣлъ съ нимъ рядомъ и совсѣмъ влюбился въ него! Вотъ все, что могу сказать тебѣ: съ сегодняшняго утра моя душа столь же полна Гете, какъ капля росы бываетъ полна утренними лучами солнца... Я надѣюсь, что это богоподобное созданіе пробудетъ съ нами долѣе, чѣмъ намѣревалось; если Веймару суждено совершить что-нибудь, то это совершить его присутствіе.» Эти слова дѣлають боль-

шую честь Виланду. Несторъ безъ зависти смотритъ на юнаго Ахиллеса. Глаза героя блестятъ гордостью, когда распознаютъ будущаго героя.

Побѣдителю Виланда и Амаліи не трудно было побѣдить остальныхъ. «Его появленіе въ Веймарѣ было подобно восходу звѣзды на небѣ,—говоритъ Кнебель;—всѣ поклонялись ему, особенно дамы.» Въ своемъ вертеровскомъ костюмѣ, въ который вскорѣ облекся и самъ герцогъ, онъ казался идеаломъ поэта. Голубой кафтанъ съ мѣдными пуговицами, кожаные штаны, сапоги съ отворотами, напудренные волосы и коса, весь этотъ костюмъ не возбуждаетъ въ насъ теперь никакихъ особенныхъ чувствъ, но въ тѣ времена при видѣ его сердце проникалось нѣжными романтическими чувствами. Этотъ костюмъ былъ освященъ Вертеромъ. Герцогъ не только самъ облекся въ него но и побуждалъ носить его своихъ окружающихъ. Только одинъ Виландъ былъ пощаженъ; онъ былъ уже слишкомъ старъ для подобнаго маскарада.

Чтобъ вполне оцѣнить вліяніе Гете не женщинъ, намъ надо перенестись къ чувствамъ и понятіямъ того времени,—мы должны припомнить, что то было время галантерейности, время «пудры, румянъ, мушекъ, *billets-doux*.»

Нѣмецкая распушенность нравовъ была не то, что французская; ея источникъ—не разгулъ сладострастія, а сентиментализмъ. Французская маркиза разставалась съ своимъ сердцемъ за ужиномъ съ шампанскимъ и *bons mots*; сердце же нѣмецкой графини размягчалось отъ сентиментальной болтовни при лунномъ свѣтѣ и отъ тетрадки стиховъ. Остроуміе и смѣлость,—вотъ батареи, противъ которыхъ не могла устоять француженка; но противъ нѣмки требовались другія батареи,—сонетъ, угроза самоубійствомъ. Чтобъ побѣдить француженку, для Лотаріо нужны были только веселость и бонтонность; но чтобъ побѣдить нѣмку, для этого требовались пламенные тирады, въ которыхъ бы выражалось презрѣніе ко всѣмъ существующимъ общественнымъ порядкамъ, требовалось попирать ногами всѣ существующія приличія. Излишне прибавлять, что въ то время бракъ по большей части былъ ничто иное какъ (употребляя извѣстельно остроумное выраженіе Софіи Арну) «таинство

предлюбодѣнія». Господствовавшій въ то время взглядъ на половыя отношенія давалъ чувствамъ большой просторъ. Даже добрый, простосердечный, серьезный Шиллеръ, котораго никто, конечно, не заподозрить въ нравственной распущенности, восхищался такою книгою какъ *Liaisons Dangereuses*, и удивлялся, почему бы женщины не должны были ее читать, а между тѣмъ эта книга въ глазахъ нашего времени позорить то общество, которое ее породило и рукоплескало ей. Но хотя Шиллеръ и восхищался *Liaisons Dangereuses*, его удивило поведеніе веймарскихъ дамъ. «Едвали здѣсь найдется одна (пишетъ онъ къ Кернеру), которая бы не имѣла любовныхъ приключеній; всѣ онѣ кокетки... Здѣсь нѣтъ ничего легче, какъ завязать какое-нибудь сердечное дѣло, отъ котораго, конечно, также легко и отвязаться.» — Въ то время, повидимому, рассуждали такимъ образомъ: на то и крылья у Эроса, чтобъ пользоваться ими и летать.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ настроеніи общества первые годы пребыванія Гете въ Веймарѣ были наполнены любовными похождениями, какъ впоследствии самъ Гете признавался въ этомъ Экерману. Страстный поклонникъ и любимецъ женщинъ, не могъ онъ не запутаться въ ихъ сѣтяхъ. Называютъ имена многихъ побѣдительницъ, въ томъ числѣ дѣвицу фонъ-Кальбъ, Корону Шретеръ и сестру Коцебу, Амалію; но я обязанъ замѣтить, что несмотря на самое тщательное изслѣдованіе, я не нашелъ никакого достаточнаго основанія утверждать, чтобъ которая-либо изъ этихъ особъ была дѣйствительно имъ любима, — и поэтому мы должны въ этомъ отношеніи ограничиться тѣмъ фактомъ, что онъ въ то время порядочно вѣтряничалъ, волочился за каждой парой хорошенькихъ глазъ и дѣлалъ это совершенно искренно, съ полнымъ увлеченіемъ, «вполнѣ вѣрилъ въ то, что говорилъ.» ¹⁾

Первые мѣсяцы онъ былъ совершенно увлеченъ новой жизнью. Благодаря ему, катанье на конькахъ сдѣлалось моднымъ удоволь-

¹⁾ «Ich log und trog mich bei allen hübschen Gesichtern herum, und hatte den Vortheil immer einen Augenblick zu glauben, was ich sagte». — такъ говоритъ онъ въ письмѣ къ г-жѣ фонъ-Штейнъ, vol. 1, p. 5.

ствіемъ. До того времени Веймаръ никогда и не видывалъ, чтобъ дворянинъ катался на конькахъ, а теперь это упражненіе, прославленное Клопштокомъ, вошло въ большую моду, благодаря смѣлой, привлекательной граціозности, какою отличался въ немъ Гете. Герцогиня въ короткое время достигла въ немъ совершенства. Кататься на *Schwausee* сдѣлалось страстью веймарскаго общества. По временамъ мѣсто катанья освѣщалось фонарями, факелами,—музыка, фейерверкъ оживляли сцену. «Мы здѣсь просто бѣснуемся,» пишетъ Гете къ Мерку. Виландъ въ то время иначе не называлъ Гете, какъ *Wüthig*, бѣшенный, и дѣйствительно онъ былъ точно бѣшенный. То носится онъ по льду, то прибѣжить къ Бертуху и, распустивъ свои длинные волосы, начать отплясывать вакхическій танецъ, то по цѣлымъ часамъ шляется съ герцогомъ по іенскому рынку, и что же они тамъ дѣлаютъ? хлопаютъ длинными бичами, кто кого лучше. Представьте себѣ герцога и поэта за такимъ занятіемъ на рыночной площади!

Карлъ Августъ былъ постояннымъ его товарищемъ и постояннымъ веселымъ участникомъ во всѣхъ его безумствахъ и продѣлкахъ. Всякая церемонность между ними отложена была въ сторону. Они вмѣстѣ обѣдали, часто спали въ одной комнатѣ, говорили другъ другу «ты.» «Гете никогда не уѣдетъ отсюда (пишетъ Виландъ), Карлъ Августъ безъ него не можетъ никуда—ни въ бродъ, ни въ воду. Дворъ или, правильнѣе сказать, дружба съ герцогомъ беретъ у него много времени, о чемъ нельзя не пожалѣть. Впрочемъ у этого необыкновеннаго богоподобнаго созданія все идетъ въ-прокъ.» Степенное веймарское общество было не мало скандализировано поведеніемъ двухъ друзей и ихъ товарищей. Они вели себя, какъ истые гени, совершенно въ духѣ періода «геніальничанья», вино на ихъ пирахъ пилось не иначе, какъ изъ череповъ (что дѣлывалъ и Байронъ съ своими друзьями въ разгульный періодъ своей жизни); различіе между моимъ и твоимъ для нихъ почти не существовало, платки и жилеты переходили отъ одного къ другому и никогда не возвращались. «Безконечный» было любимымъ эпитетомъ того времени: гени пили бесконечно, любили бесконечно и глотали бесконечныя сосиски.

Но поэтическая натура Гете скоро утомилась подобной жизнью. Балы, маскарады, катанье на конькахъ, охота, попойки, игра въ

кости, — вотъ что наполняло его жизнь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Онъ усталъ. Въ немъ сказалась потребность другой, болѣе простой жизни, которою онъ прежде жилъ, потребность общенія съ болѣе простыми людьми, — его манило наслажденіе природой и онъ уѣхалъ изъ Веймара въ Вальдекъ. Его душа какъ будто не участвовала въ шумной свѣтской жизни, которую велъ онъ въ Веймарѣ, и онъ теперь съ нетерпѣніемъ рвался изъ душнаго воздуха шумныхъ залъ на чистый воздухъ спокойнаго уединенія. При видѣ горъ, поросшихъ сосновымъ лѣсомъ, прошедшее ожило къ немъ, предъ нимъ предсталъ образъ Лили и наполнилъ сердце его тоской.

Герцогъ скучалъ по немъ, звалъ его навадъ въ Веймаръ, и Гете вернулся. Колеблясь, на что рѣшиться, — поступить ли на веймарскую службу, или возвратиться во Франкфуртъ, онъ сталъ между тѣмъ бывать, въ качествѣ посторонняго посѣтителя, въ засѣданіяхъ тайнаго совѣта. Что такое дворъ, онъ это уже извѣдалъ, а теперь хотѣлъ извѣдать, что такое правительство. «Я здѣсь какъ у себя дома, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ; — герцогъ съ каждымъ днемъ становится мнѣ болѣе дорогъ.» Предсказанія старика Гете не оправдались. Связь между его сыномъ и герцогомъ была совершенно иная, чѣмъ между Вольтеромъ и Фридрихомъ. Вольтеръ втайнѣ презиралъ стихотворство своего патрона, а патронъ втайнѣ презиралъ слабость Вольтера. Достаточно было нѣсколькихъ неосторожныхъ выраженій, чтобъ порвать соединявшую ихъ связь. Но связь между Гете и Карломъ Августомъ была изъ тѣхъ, которыя крѣпнута съ годами. Ошибочно было бы думать, что ихъ дружба была не болѣе какъ простое товарищество. У нихъ обоихъ были высокія стремленія; оба они были одарены сильной волей. Принцъ Генрихъ могъ про- бавляться въ обществѣ Фальстафа, Пистоля, Бардольфа и прочей компаніи, могъ трепать за подбородокъ Квикли, но это не мѣшало ему видѣть въ этомъ Квикли будущаго лорда Англіи. Карлъ Августъ и Гете были не такого рода люди, чтобъ ихъ могла поглотить вѣтряная, разсѣянная жизнь; минута дурачества зачастую заставляла ихъ за серьезнымъ, усерднымъ трудомъ. Вотъ что писалъ поэтъ, уединясь съ герцогомъ въ Ильменау:

Mein Karl und ich vergessen hier,
Wie seltsam uns ein tiefes Schicksal leitet.
Und ach! ich fühl's im Stillen werden wir
Zu neuen Scenen vörbereitet.

(Мой Карлъ и я,—мы забываемъ здѣсь, какъ чудно управляетъ нами таинственная судьба. Ахъ! я чувствую, здѣсь въ уединеніи мы подготовляемся къ новымъ сценамъ). Счастливые въ настоящемъ, они думали о будущемъ.

Герцогъ зналъ, что дѣлалъ, когда вопреки всѣмъ прецедентамъ, въ іюнѣ 1776 г., сдѣлалъ Гете тайнымъ совѣтникомъ посольства (Geheime Legations-Rath) и членомъ тайнаго совѣта съ жалованьемъ въ 1200 талеровъ. Въ письмѣ къ отцу Гете, герцогъ писалъ по случаю этого назначенія, что его сынъ совершенно свободенъ оставить службу, когда пожелаетъ, что это назначеніе не можетъ служить мѣрой его привязанности къ нему. «Для вашего сына возможно только одно мѣсто — быть моимъ другомъ. Всѣ другія мѣста ниже его.»

Постъ тайнаго совѣтника посольства въ Веймарѣ — не очень завидный постъ. Жалованье въ 1200 талеровъ не очень роскошно, особенно если припомнимъ, что въ то время прусскій король платилъ вдесятеро больше танцовщику, итальянцу Барбарини. Тѣмъ не менѣе это назначеніе произвело большой шумъ. Веймаръ былъ изумленъ. Милости, оказанныя Виланду, въ свое время не прошли безъ скандала; но такое внезапное возвышеніе простаго франкфуртскаго бюргера превосходило всякую мѣру, произвело крайнее смущеніе. Поэта, никогда нигдѣ не служившаго, никогда не занимавшагося никакимъ дѣломъ, котораго жизнь далеко не была почтенна, вдругъ предпочли всѣмъ законнымъ претендентамъ, которые работали, служили, приобрѣли опытность, знаніе. Если уже дошло до этого, то что же остается ожидать скромной, трудолюбивой посредственности? Какая польза служить, приобретать знаніе, достигающееся цѣной продолжительнаго труда?

Такъ ропталъ офиціальный міръ и примыкавшее къ нему общество. Этотъ ропотъ наконецъ явственно выразился въ формѣ протеста, такъ что герцогъ нашелъ нужнымъ объяснить свой поступокъ и собственноручно приписалъ въ министерскомъ докладѣ

*

слѣдующія строки: «Просвѣщенные люди поздравляютъ меня, что я имѣю у себя на службѣ такого человѣка. Его умъ, его способности всѣмъ извѣстны. Неизвинительно было бы употребить столь гениальнаго человѣка на такія должности, гдѣ онъ не можетъ примѣнить своихъ необычайныхъ способностей. Что же касается до замѣчанія, что чрезъ это назначеніе многіе достойные люди почтутъ себя обойденными, то, во первыхъ, я не знаю никого изъ состоящихъ на моей службѣ, кому бы я далъ основаніе надѣяться на это назначеніе, а во вторыхъ, никогда не буду я назначать по старшинству службы на такія мѣста, которыя ставятъ служащаго въ столь близкія отношенія ко мнѣ и столь важны для блага моего народа, — я всегда буду обращать вниманіе не на старшинство службы, а на степень заслуживаемаго довѣрія. Общество, можетъ быть, осудить, что я назначилъ д-ра Гете прямо на такое важное мѣсто, тогда какъ онъ до этого не былъ ни амтманномъ, ни профессоромъ, ни камерратомъ, ни регирунгсратомъ, но сужденіе общества не измѣнитъ моего рѣшенія. Общество руководится въ своихъ сужденіяхъ предразсудками. Какъ и всякій, желающій свято исполнять свою обязанность, я забочусь и тружусь не ради славы, не ради похвалъ, — я думаю только о томъ, чтобъ мои поступки были правы предъ Богомъ и предъ моей совѣстью.»

Нельзя не согласиться съ Дюмономъ, что «девятнадцатилѣтній принцъ, писавшій эти строки, не былъ человѣкъ обыкновенный.» Онъ не только умѣлъ цѣнить великое, — у него была сильная воля, онъ дѣйствовалъ по своимъ понятіямъ, не стѣсняясь рутинной и формальностями. «Пусть говорятъ, что хотятъ, — только равный можетъ оцѣнить равнаго, только государь, высоко даровитый, можетъ отличать и цѣнить высокія дарованія въ своихъ подданныхъ» ¹⁾. Ясно было, что герцогъ рѣшился и не отступитъ отъ своего рѣшенія. Ропотъ мало-по-малу стихъ; только въ частныхъ кружкахъ продолжался еще говоръ, но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и этотъ говоръ умолкъ въ свою очередь, какъ только ему представилась другая пища.

¹⁾ ЕСКЕРМАНН, III, р. 32.

Образъ жизни геніальной веймарской компаніи не только скандализировалъ Веймаръ, но слухи о немъ, и конечно весьма преувеличенные, перелетали большія пространства и достигали отдаленныхъ друзей. Вотъ что писалъ Клопштокъ къ Гете не болѣе какъ за мѣсяць до поступленія Гете на службу:

Гамбургъ, 8-го мая 1776 г.

«Я дамъ вамъ доказательство своей дружбы, дорогой Гете! Это мнѣ будетъ нѣсколько трудно, но я долженъ это сдѣлать. Мнѣ нѣтъ надобности начинать съ объясненій, что достовѣрно знаю, о чемъ пишу; еслибъ я не зналъ этого достовѣрно, то я бы молчалъ. Не подумайте, что я намѣренъ читать вамъ наставленія относительно вашего поведенія и образа жизни. Не подумайте также, чтобъ я строго осуждалъ васъ, потому что въ нѣкоторыхъ предметахъ вы имѣете иные правила, чѣмъ я. Оставимъ правила въ сторонѣ. Какія послѣдствія неизбѣжно должно имѣть ваше поведеніе, если оно продолжится? Если герцогъ будетъ продолжать попрежнему пьянствовать, то онъ этимъ не укрѣпитъ своего организма, какъ предполагаетъ, а только разстроитъ его и не проживетъ долго. Отъ пьянства гибли въ короткое время молодые люди самаго крѣпкаго сложенія, не такого, какъ герцогъ. Нѣмцы справедливо роптали на своихъ государей за то, что они не хотятъ знаться съ учеными. Веймарскій герцогъ составляетъ въ ихъ глазахъ пріятное исключеніе. Но какія сильныя основанія будутъ имѣть другіе государи для своего оправданія, если вы будете вести себя подобнымъ образомъ? Что если въ самомъ дѣлѣ случится то, что мнѣ предчувствуется! Герцогиня, можетъ быть, будетъ въ состояніи еще нѣкоторое время подавлять свое горе,—у нея сильный, мужественный умъ. Но это горе превратится наконецъ въ глубокую скорбь, которую она не въ состояніи будетъ подавить. Луиза повержена въ скорбь! Подумайте, Гете!.. Нѣтъ! Не хвалитесь, что вы такъ же любите, какъ я!—Мнѣ надо вамъ сказать еще одно слово о Стольбергѣ. Онъ изъ дружбы къ герцогу ѣдетъ въ Веймаръ. Онъ будетъ жить съ нимъ, но какъ! на его манеръ! Нѣтъ! если все это не измѣнится, онъ

уѣдетъ. И что будетъ тогда онъ дѣлать! Ни Копенгагенъ, ни Веймаръ. Я долженъ писать Стольбергу, но что напишу я ему? Отъ васъ зависитъ показать это письмо герцогу, или нѣтъ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобъ вы ему его показали. Напротивъ, я бы даже желалъ этого, — я увѣренъ, что онъ еще не дошелъ до такого состоянія, чтобъ не желалъ слышать правду отъ искренняго друга. Клопштокъ.»

Гете отвѣчалъ двѣ недѣли спустя. Отвѣтъ его помѣченъ 21-мъ мая. «Избавьте насъ на будущее время отъ подобныхъ писемъ, любезный Клопштокъ! Подобныя письма не исправятъ, а только заставятъ насъ провести нѣсколько дурныхъ часовъ. Вы сами должны чувствовать, что мнѣ нечего отвѣчать на ваше письмо. Я долженъ или, какъ школьникъ, затянуть *Pater noster*, или прибѣгнуть къ софизмамъ для своего оправданія, или защищаться отъ обвиненій, какъ честный малый. Чтобъ быть вѣрнымъ истинѣ, мнѣ, можетъ быть, пришлось бы въ моемъ отвѣтѣ соединить частички и того, и другаго, и третьяго, но къ чему это? Итакъ, довольно объ этомъ. Повѣрьте, мнѣ бы не осталось ни одной свободной минуты, еслибъ я сталъ отвѣчать на всѣ подобныя увѣщанія. Герцогъ былъ огорченъ мыслью, что это пишетъ Клопштокъ. Онъ любитъ и уважаетъ васъ; вы знаете, что и я также люблю васъ и уважаю. Будьте здоровы. Стольбергъ все-таки долженъ пріѣхать. Мы теперь не хуже, а можетъ быть, съ божьей помощью, лучше, чѣмъ какими онъ насъ видѣлъ.»

Клопштокъ отвѣчалъ на это съ негодованіемъ: «Вы не поняли доказательство моей дружбы къ вамъ, а это доказательство было велико при моемъ нерасположеніи вмѣшиваться въ чужія дѣла. Такъ какъ письмо, заключавшее въ себѣ это доказательство дружбы, вы отнесли къ числу подобныхъ писемъ, къ числу подобныхъ увѣщаній (таковы ваши выраженія), то я долженъ вамъ сказать, что вы его не стоите. Стольбергъ не пріѣдетъ, если послушаетъ меня, или, лучше сказать, если послушаетъ самого себя.»

Стольбергъ не пріѣхалъ въ Веймаръ; Клопштокъ болѣе не писалъ. Такъ порвались, и навсегда, дружественныя отношенія между Гете и Клопштокомъ.

Какъ бы ни были, впрочемъ, велики поводы къ ходившимъ

въ публикѣ слухамъ и толкамъ относительно поведенія веймарскихъ друзей, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Карлъ Августъ среди своихъ оргій не забывалъ государственныхъ дѣлъ. И онъ, и другъ его, были люди чрезвычайно дѣятельные, и люди серьезные. Если Веймаръ, какъ свидѣтельствуется одинъ нѣмецкій историкъ ¹⁾, составляетъ блистательное исключеніе изъ германскихъ дворовъ, то обязанъ этимъ Карлу Августу, который, подъ вліяніемъ своего друга, умѣлъ осуществить на дѣлѣ аксіому Фридриха Великаго: король есть только первый изъ подданныхъ. Благотворная дѣятельность Гете сказала не столько въ этихъ общеизвѣстныхъ, обыкновенно рассказываемыхъ о немъ анекдотахъ, какъ открылъ онъ подписку, чтобъ дать Бюргеру возможность окончить свой переводъ Гомера, какъ спасъ Юнга Штиллинга отъ нищеты, — сколько въ тѣхъ демократическихъ стремленіяхъ, которыя онъ постоянно поддерживалъ въ герцогѣ.

Безспорно, что молодой тайный совѣтникъ держалъ себя въ то время далеко не съ той степенной важностью, какъ это подобаетъ высокому сановнику. Вотъ что рассказываетъ о немъ Глейнъ:

«Вскорѣ послѣ того, какъ Гете написалъ Вертера, пріѣхалъ я въ Веймаръ и искалъ случая съ нимъ познакомиться. Герцогиня Амалия пригласила меня на вечеръ, на который ожидали и Гете, только поздиѣ. Я захватилъ съ собой, какъ литературную новостъ, послѣдній номеръ *Musenalmnach*, и сталъ читать кое-что изъ него вслухъ. Въ то время, какъ я читалъ, къ обществу слушателей присоединился молодой человѣкъ въ сапогахъ со шпорами, въ коротенькомъ охотничьемъ кафтанѣ на распаху. Я сначала не обратилъ на него особеннаго вниманія. Онъ усѣлся напротивъ меня и слушалъ весьма внимательно. Ничто въ немъ меня особенно не поразило, исключая его блестящихъ, черныхъ итальянскихъ глазъ. Но мнѣ было суждено узнать его въ этотъ вечеръ поближе. Въ одинъ изъ короткихъ перерывовъ чтенія, между тѣмъ какъ нѣкоторые слушатели и слушательницы высказывали свое мнѣніе о прочитанномъ, одно одобряли, другое порицали, молодой егеръ (я серьезно принялъ его за егеря) всталъ со стула и, поклонясь мнѣ самымъ любезнымъ образомъ, предло-

¹⁾ Мензель, сох, I. 1.

жилъ по временамъ читать вмѣсто меня, чтобъ я не очень утомился. Я не могъ отклонить столь вѣжливаго предложенія и сейчасъ же передалъ ему книгу. О! Аполлонъ и вы всѣ, музы, не исключая и Грацій,—что пришлось мнѣ тогда услышать! Сначала шло довольно гладко:

Die Zephir'n lauschten,
Die Bäche rauschten,
Die Sonne
Verbreitet ihr Licht mit Wonne.

(Зефиры шумятъ, ручейки журчатъ, солнце разливаетъ радостный свѣтъ). Потомъ предложена была обществу нѣсколько болѣе питательная пища изъ Фосса, Леопольда Стольберга, Бюргера, и предложена такъ, что нельзя было жаловаться. Но потомъ вдругъ какъ будто самъ бѣснующійся сатана вселился въ чтеца, — я ужъ думалъ, что предо мной предсталъ самъ дикій Звѣродовъ въ тѣлесномъ образѣ. Онъ читалъ стихи, какихъ вовсе не было въ альманахѣ, читалъ на всевозможные тоны и манеры; гекзаметры, ямбы, что попало въ голову, все это шло у него за-урядъ, безъ остановки, неудержимымъ потокомъ. Чего онъ тутъ ни припелъ! Въ этомъ необузданномъ фантазированіи попадались временами мысли, хотя только вскользь высказанныя, но столь великолѣпныя, что авторы, которымъ онъ ихъ навязывалъ, воздали бы Богу благодареніе съ преклоненными колѣнами, еслибъ дѣйствительно ихъ посѣтили подобныя мысли. Скоро шутка разъяснилась и развеселила все общество. Ни одного изъ присутствующихъ не оставилъ онъ въ покоѣ. Даже мое меценатство, которое я всегда считалъ долгомъ оказывать молодымъ ученымъ, поэтамъ, художникамъ, хотя онъ и очень восхвалялъ, но не забылъ при этомъ бросить камушекъ, что я за-частую ошибаюсь въ людяхъ, которымъ оказываю покровительство, и довольно остроумно сравнилъ меня въ импровизированной баснѣ съ весьма почтенной, но чрезъ-мѣру терпѣливой индюшкой, — которая съ величайшимъ терпѣніемъ высиживаетъ и свои и чужія яйца, и не огорчается, если ей иногда вмѣсто настоящаго яйца подложить яйцо изъ мѣлу. «Это или Гете, или дьяволъ!» воскликнулъ

я, обратясь къ сидѣвшему противъ меня Виланду. «И то, и другое» отвѣчалъ Виландъ.»

Чтобы понять того Гете, котораго мы увидимъ впоследствии, мы должны не забывать, что такое былъ Гете юноша. Едва вступилъ онъ на политическое поприще, какъ въ поведеніи его стала замѣтна нѣкоторая сдержанность, — онъ не отказывался ни отъ какихъ наслажденій, но между тѣмъ въ немъ видно было желаніе принаровиться къ требованіямъ людей, которые держали себя со степенной важностью, такъ какъ пульсъ жизни бился у нихъ не сильно. Не болѣе, какъ мѣсяцъ спустя по поступленіи его на службу, Виландъ писалъ о немъ: «Правда, въ первые мѣсяцы Гете велъ себя такъ, что большая часть общества (я не въ этомъ числѣ) часто была скандализирована его поведеніемъ. Но давно уже, и съ той именно минуты, какъ рѣшился посвятить себя службѣ, онъ ведетъ себя съ неукоризненной *σφροσύνη* и съ должнымъ умѣньемъ держать себя въ свѣтѣ.» Въ другомъ мѣстѣ Виландъ говоритъ: «при всемъ его кажущемся сумасбродствѣ, у него въ мизинцѣ больше *conduite* и *savoir-faire*, чѣмъ въ тѣлѣ и душѣ всѣхъ этихъ придворныхъ льстецовъ, проныръ и политическихъ пауковъ. Пока живъ Карлъ Августъ, безсильны будутъ противъ него всѣ козни ада.»

Чѣмъ ближе знакомишься съ этой эпохой его жизни, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится совершенная неосновательность упрека, который столь часто ему дѣлали, будто онъ «пожертвовалъ своимъ гениемъ ради придворныхъ милостей.» Этотъ упрекъ оказывается не болѣе, какъ бессмысленная реторическая фраза. Остановимся на этомъ. Гете долженъ былъ избрать себѣ какую-нибудь карьеру. Довольствоваться карьерой поэта и въ то время было столь же невозможно, какъ теперь; карьера эта весьма соблазнительна, — она даетъ славу, но не даетъ денегъ: *fama* и *fames* и тогда, какъ теперь, были между собой въ ужасающей связи. Какъ скоро вы признаете необходимость для него избрать себѣ какую-нибудь карьеру, такъ обвиненіе лишается всякаго основанія. Обвиняющіе его въ томъ, что онъ тратилъ время на придворныя пиршества и на такія правительственныя дѣла, которые столь же хорошо, какъ онъ, могли бы исполнить и другіе, должны были бы прежде подумать, сберегъ ли бы онъ для себя время, еслибъ

избралъ какую-нибудь другую карьеру, еслибъ, напримѣръ, посвятилъ себя юриспруденціи и вынужденъ былъ бы толкаться по заламъ франкфуртскихъ судовъ? Или, можетъ быть, его обвинители желали бы лучше, чтобъ онъ обрекъ себя на такую же участь, какая постигла бѣднаго Шиллера, котораго нужда довела до литературной поденщины и заставила тратить драгоценную жизнь на переводы французскихъ книгъ за ничтожную плату! Какую бы карьеру ни избралъ онъ, она взяла бы у него время, и мы не должны забывать, что время, которымъ онъ жертвовалъ для Карла Августа, давало ему, какъ онъ говорить въ своей поэмѣ: «друга, много свободныхъ часовъ, садъ, домъ. Никому ничѣмъ не былъ я обязанъ, кромѣ него, а нуждался я во многомъ и, какъ поэтъ, плохо разумѣлъ искусство пріобрѣтать. Европа меня хвалила, но что давала она мнѣ? Ничего. Даже мои собственныя произведенія мнѣ стоили денегъ.»

Въ 1801 г., въ письмѣ къ матери, Гете жалуется, что несправедливо осуждаютъ его поведеніе. «Они видятъ только, чѣмъ я жертвую, но не видятъ, что я пріобрѣтаю, — они не понимаютъ, что, несмотря на ежедневныя жертвы, я съ каждымъ днемъ богатѣю.» Онъ сознается, что тѣсный кругъ мѣщанской жизни не подходящъ къ его пылкому, широко парящему уму. Еслибъ онъ остался во Франкфуртѣ, никогда бы онъ не зналъ, что такое свѣтъ. Но здѣсь въ Веймарѣ, предъ нимъ раскрывается полная панорама жизни и опытъ его богатѣетъ съ каждымъ днемъ. Мало ли времени потратилъ Леонардо да Винчи на то, чтобъ забавлять миланскій дворъ своей поэзіей и игрой на лютнѣ! Мало ли времени также истратилъ онъ на механическія и гидростатическія работы! Но вѣдь никто же не ставитъ ему въ вину, что онъ мало занимался живописью въ это время, — никто же не порицаетъ его за это, никто не обвиняетъ его въ измѣнѣ своему гению. За него говоритъ «Тайная Вечера». Но развѣ Tasso, Iphigenia, Hermann und Dorothea, Faust, Meister, весь длинный списокъ произведеній Гете не говоритъ за Гете?

Утверждать, будто придворная жизнь извратила его гений, «совратила его умъ» — просто пелѣпо. Читатель, я надѣюсь, вынесетъ изъ этой книги ясное понятіе объ отношеніяхъ его къ герцогу. Читатель увидитъ, что въ этихъ отношеніяхъ не было

ничего рабскаго, ничего такого, что подавляло бы его самобытность. По несомнѣнному свидѣтельству Ритера, противъ него постоянно слышался ропотъ, что онъ «недостаточно внимателенъ къ требованіямъ придворнаго этикета». Мнѣніе Нибура, будто «дворъ былъ для него Далидой, для которой онъ пожертвовалъ своими волосами», обнаруживаетъ совершенное непониманіе его генія, совершенное непониманіе всей его жизни. Еслибъ его геній былъ изъ числа тѣхъ, которые образуютъ великихъ реформаторовъ и великихъ мучениковъ, еслибъ его назначеніемъ было созерцать отдаленныя судьбы человечества, потрясать людей словомъ глубоко проникающимъ въ душу, и воспламенять ихъ до самопожертвованія на пользу идеи, въ такомъ случаѣ мы могли бы согласиться, что не мѣсто ему было въ пестрой толпѣ,—мы готовы были бы тогда пожалѣть, что онъ направилъ свою ладью по теченію межъ береговъ, съ которыхъ раздавались звуки веселья и музыки. Но онъ не былъ ни реформаторъ, ни мученикъ. Онъ былъ поэтъ. Его религія — красота, его святилище — природа. Культура, вотъ цѣль его стремленій. Его назначеніе — изображать жизнь, а для этого ему надо знать жизнь. Конечно, обстоятельства, которыми онъ былъ обставленъ, могли бы быть благопріятнѣе, и тогда сфера его была бы шире. Конечно, онъ былъ бы не тотъ, какъ это онъ самъ часто признавалъ, еслибъ предъ нимъ былъ народъ, а не пестрая масса маленькихъ народцевъ, довольно охотно толковавшихъ объ отечествѣ, но далеко еще не подготовленныхъ къ тому, чтобъ стать народомъ. Много можно привести еще и другихъ «еслибы», въ которыхъ «много силы»; но не могъ же онъ пересоздать обстоятельства, и намъ ничего болѣе не остается, какъ послѣдовать его примѣру и помириться съ тѣмъ, что дали боги. Я рѣшительно не вижу, какая была открыта ему иная сфера, въ которой бы онъ могъ шире проявить свой геній, но я вижу, что онъ изъ даннаго матеріала воздвигъ превосходный храмъ, гдѣ жертвенный огонь горитъ не меркнувшимъ свѣтомъ. Предоставимъ біографамъ-фантазерамъ рѣшеніе этой проблемы: чѣмъ Гете могъ бы быть; для насъ достаточно и того, если намъ удастся уяснить себѣ, чѣмъ онъ былъ.

«Поэзія, — говорятъ Карлейль, — есть стремленіе человѣка гармонизировать свое бытіе». Поэзія есть цвѣтъ жизни, но она не

есть сама жизнь съ ея ежедневными нуждами, съ ея ежедневной борьбой, ежедневной прозой. Поэтъ-меломанъ, ложно выдающій себя за поэта, подобно дурному работнику, вмѣсто того, чтобъ работать, оглушаетъ васъ возгласами, чѣмъ онъ могъ бы быть, еслибъ ему суждено было жить среди другихъ обстоятельствъ; но истинный поэтъ мужественно встрѣчаетъ условія, въ которыя ставить его судьба, и мужественно стремится создать себѣ среди этихъ условій гармоническое бытіе. Обстоятельства сложились такъ, что Гете очутился при маленькомъ дворѣ, гдѣ онъ нашелъ дружбу, любовь, досугъ, гдѣ въ перспективѣ ему представлялась жизнь болѣе свободная, болѣе высокая, чѣмъ какую могли обѣщать ему франкфуртскіе суды. Онъ обдуманно избралъ свою карьеру и, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, счумѣлъ остаться вѣрнымъ своему генію.

Его обвиняли въ рабствѣ, въ прислужничествѣ. О подобномъ обвиненіи едва ли стоитъ и упоминать. Отъ него никто не требовалъ рабства, а по природѣ своей онъ былъ гордъ какъ царь. «Говорятъ про меня, что я слуга, рабъ, — говорилъ онъ Экерману; — но есть ли какой смыслъ въ этихъ словахъ. Развѣ я служу какому-нибудь тирану, деспоту, такому государю, который живетъ только въ свое собственное удовольствіе насчетъ своего народа? Подобные государи и подобныя времена, благодаря Бога, далеки уже отъ насъ. Уже болѣе полустолѣтія я съ великимъ герцогомъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, болѣе полустолѣтія я съ нимъ вмѣстѣ жилъ, работалъ, но я былъ бы лжецъ, еслибъ сказалъ, что помню хотя одинъ день, въ который бы великій герцогъ не былъ занятъ заботой о благѣ страны или о благѣ кого-либо изъ своихъ подданныхъ. Для себя лично извлекалъ ли онъ когда какую выгоду изъ своего сана? Давалъ ли что ему этотъ санъ, кромѣ труда и заботъ? Его жилище, одѣяніе, столъ болѣе ли роскошны, чѣмъ у перваго зажиточнаго частнаго человѣка? Загляните въ наши приморскіе города, не найдете ли вы тамъ у перваго зажиточнаго купца кухни и погреба болѣе роскошныя, чѣмъ у герцога. Говорятъ, что я рабъ! По крайней мѣрѣ я могу утѣшать себя тѣмъ, что я рабъ того, кто самъ рабъ общаго блага.»

Вотъ что Меркъ писалъ къ Николаю, — тотъ самый Меркъ, о

которомъ Фалькъ рассказываетъ, что онъ весьма рѣзко осуждалъ Гете за его веймарскую жизнь: «Я посѣтилъ Гете въ Вартбургѣ; мы прожили съ нимъ десять дней, какъ дѣти. Я весьма доволенъ, что могъ собственными глазами убѣдиться, каково его положеніе. Ослы прокричали про герцога, будто онъ человѣкъ слабый. Это—человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ. Изъ любви къ нему я и самъ былъ бы готовъ дѣлать для него тоже, что дѣлаетъ для него Гете... Я вамъ искренно говорю, что герцогъ—самый достойный и умный человѣкъ, какого я когда-либо встрѣчалъ, не забудьте при этомъ, что онъ — государь и ему всего еще двадцать лѣтъ.» Многолѣтняя дружественная переписка между герцогомъ и Меркомъ ручается за искренность этого сужденія.

ГЛАВА IV.

Г-жа фонъ-Штейнъ.

Изъ ряда многочисленныхъ сердечныхъ увлеченій нашего поэта выдается одна привязанность, которая не походила на прочія,—изъ тлѣющей искры разгорѣлась она во всепожирающее пламя, поглотила всѣ прежнія привязанности и продолжалась десятки лѣтъ. Она предъ нами какъ будто серебряная нить среди разноцвѣтныхъ нитей, составляющихъ ткань его жизни. Отдѣлимъ ее и рассмотримъ особо.

Баронесса фонъ-Штейнъ, придворная дама, жена оберъ-штальмейстера, и по фамиліи и по положенію въ обществѣ была значительная особа. Она происходила изъ шотландской фамиліи Ирвингъ и была свояченицей того барона Имгофа, который продалъ свою первую жену Варренъ Гастингсу. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, она была уже матерью семерыхъ дѣтей и достигла тѣхъ лѣтъ, когда привлекательность прелестной женщины становится особенно опасна,—ей было тридцать три года. Какъ силь-

ны были ея чары, мы можемъ отчасти составить себѣ нѣкоторое понятіе по ея портрету: эти нѣжныя, кокетливыя черты должны были имѣть необыкновенную привлекательность, когда ихъ оживляли чувства, веселье, знаніе жизни. Она хорошо пѣла, хорошо играла, хорошо рисовала, хорошо говорила, умѣла цѣнить поэзію, умѣла вести свои сердечныя дѣла съ тонкимъ тактомъ свѣтской женщины. Ея хорошенькіе пальчики нерѣдко перелистывали серьезныя книги. Она умѣла собирать медъ даже изъ плевелъ. При всѣхъ своихъ нравственныхъ недостаткахъ, съ которыми мы познакомимся впоследствии, она была, по общему признанію, въ полномъ смыслѣ очаровательная женщина и сохраняла свою очаровательность даже въ преклонныя лѣта, какъ въ этомъ насъ удостовѣряютъ многіе еще живые свидѣтели. Нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ началось ея знакомство съ Гете, Шиллеръ писалъ о ней къ своему другу Кернеру: «Лучше всѣхъ тамъ г-жа фонъ-Штейнъ; это дѣйствительно весьма привлекательная особа, и я вполне понимаю, какъ могъ Гете такъ сильно привязаться къ ней. Видно, что красавицей она никогда не была, но въ выраженіи лица ея столько нѣжности, искренности, совершенно своеобразной прямоты, — все существо ея дышетъ здравымъ умомъ, чувствомъ, истиной. У нея найдется, я полагаю, болѣе тысячи писемъ отъ Гете. Онъ пишетъ къ ней изъ Италіи почти каждую недѣлю. Говорятъ, что ихъ отношенія совершенно чисты и безупречны.»

Въ Пирмонтѣ Гете увидалъ въ первый разъ портретъ г-жи фонъ-Штейнъ и, наслушавшись отъ Циммермана разсказовъ о ней, не спалъ три ночи. Сообщая г-жѣ фонъ-Штейнъ столь лестную для нея новость, Циммерманъ прибавляетъ: «онъ навѣрно пріѣдетъ въ Веймаръ, чтобъ видѣть васъ.» Подъ ея портретомъ Гете написалъ: «Какая чудная поэма видѣть, какъ міръ отражается въ этой душѣ. Она видитъ свѣтъ, какъ онъ есть, но видитъ его чрезъ призму любви.» Въ отвѣтъ на письмо Циммермана, г-жа фонъ-Штейнъ проситъ подробнѣе писать ей о Гете и высказываетъ желаніе видѣть его. Циммерманъ замѣчаетъ на это, что она «не знаетъ, въ какой степени можетъ быть ей опасенъ этотъ обворожительный человѣкъ.» Но хорошенькія женщины охотно идутъ навстрѣчу подобнымъ опасностямъ, особенно когда онѣ, подобно Шарлотѣ фонъ-Штейнъ, умѣютъ въ совершенствѣ владѣть собой.

Гете встрѣтился съ этой плѣнительной женщиной въ тотъ моментъ своей жизни, когда его сердце, оторванное отъ Лили, еще трепетало отъ тѣхъ напряженій, какихъ ему стоила только что одержанная побѣда надъ самимъ собой. Земля еще долго сохраняетъ теплоту, послѣ того какъ солнце уже скрылось за горизонтомъ; такъ и сердце остается еще нѣкоторое время теплымъ. хотя согрѣвавшее его солнце уже исчезло. Итакъ, Гете находился теперь именно въ такомъ состояніи, которое предрасполагало его беззавѣтно влюбиться въ ту, которая «смотрѣла на міръ чрезъ призму любви.» Замѣтите, кого избрало теперь себѣ въ идолы его сердце! До сихъ поръ его плѣняли только молоденькія дѣвочки, навремя приковывали къ себѣ его блуждающую фантазію своей юностью, красотой, дѣвственностью; но теперь его плѣняетъ женщина высшаго круга, изящная, образованная, знающая жизнь. не увлекающаяся чарами его любви, умѣющая, не сходя съ своего пьедестала, поддерживать въ немъ пламя страсти. Другія любили его, отдавались ему, и были забыты, а она постоянно держитъ его въ лихорадочной надеждѣ, умѣетъ быть для него необходимой, умѣетъ такъ держать себя, что ея любовь становится для него цѣлью, къ которой онъ постоянно стремится,—она постоянно держитъ его въ такомъ положеніи, что онъ «не обладаетъ счастьемъ, но между тѣмъ ежеминутно ловить счастье.»

Если мы примемъ во вниманіе тогдашнее положеніе общества и господствовавшія въ немъ понятія, и при этомъ припомнимъ тотъ фактъ, что мужъ г-жи фонъ-Штейнъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ея сынъ, рѣдко бывалъ дома больше одного раза въ недѣлю и что оба супруга не имѣли другъ къ другу никакихъ притязаній на любовь, то для насъ становится понятнымъ, какъ могла страсть Гете, сдѣлавшись извѣстна, возбудить къ себѣ общее сочувствіе въ Веймарѣ. Всѣ знали, что Гете влюбленъ, знали, что его возлюбленная настолько поощряетъ его ухаживанье, чтобъ поддерживать въ немъ пламя страсти, но въ то же время умѣетъ сдерживать своего обожателя, когда его порывы заходятъ слишкомъ далеко,—эти отношенія были всѣмъ извѣстны, но не вызвали ни съ чьей стороны ни одного слова осужденія. Въ первыхъ его письмахъ къ ней страстные порывы внезапно смѣняются самой строгой сдержанностью; иногда проскользнетъ нѣж-

ное ты, но въ слѣдующемъ же письмѣ, а иногда и въ томъ же самомъ, въ слѣдующей же фразѣ предъ вами опять обязательное вы. Онъ писалъ къ ней почти ежедневно. Уже въ январѣ 1776 г. вырывается у него эта многозначительная фраза: «Прощай, ангелъ. Я никогда не буду умнѣе и долженъ за это благодарить Бога! Прощай,—меня огорчаетъ однако, что я такъ люблю тебя, и именно тебя!»

Вотъ что онъ писалъ ей, вѣроятно въ отвѣтъ на ея письмо (къ несчастью ни одно изъ ея писемъ до насъ не дошло, — она всегда была такъ осторожна, что постоянно отбирала у него свои письма и сжигала ихъ; его же письма она тщательно сберегала): «Зачѣмъ буду я тебя мучить, милое созданіе! Зачѣмъ буду я и себя обманывать и тебя мучить. Мы ничѣмъ не можемъ быть другъ для друга, а между тѣмъ мы другъ для друга многое... Вѣрь мнѣ, мы съ тобой во всемъ сходимся. — Но я вижу вещи, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, — что и приводитъ меня въ себя. Доброй ночи, ангелъ, и добраго утра. Я тебя больше не увижу, только—ты все знаешь—мое сердце... впрочемъ, что я ни скажу, все будетъ глупо — я буду смотрѣть на тебя, какъ люди смотрятъ на звѣзды.» Нѣсколько дней спустя онъ писалъ: «Прощай, милая сестра, если уже это такъ быть должно.»

Приведу еще нѣсколько отрывковъ, которыя объясняютъ характеръ ихъ отношеній: «1-го мая. Сегодня я васъ не увижу. Вчера ваше присутствіе произвело на меня такое странное впечатлѣніе, что я и самъ не знаю, было мнѣ хорошо отъ этого или дурно. Будьте здоровы.»—«1-го мая, вечеръ. Ты права, дѣлая меня святымъ, т. е. удаляя меня отъ своего сердца. Но какъ бы ты сама ни была свята, я не могу сдѣлать тебя святой... И завтра тоже. Хорошо, я тебя не увижу. Доброй ночи!» 24-го мая написалъ онъ ей страстное письмо, изъ котораго можно заключить, что она или говорила съ нимъ или писала ему весьма рѣшительно о «приличіяхъ и требованіяхъ свѣта». — «Итакъ, даже чувства самыя чистыя, высокія, искреннія, какихъ я никогда не имѣлъ ни къ одной женщинѣ, за исключеніемъ одной сестры, даже и эти чувства должны быть задавлены!—Я былъ къ этому готовъ, но я незаконечно страдалъ о прошломъ, о будущемъ, о томъ бѣдномъ созданіи, которое я обрекъ на такія страданія. Я

не хочу васъ видѣть, — ваше присутствіе только причинить мнѣ скорбь. Если я не долженъ жить съ вами, то ваша любовь для меня тоже, что любовь тѣхъ отсутствующихъ, которыми я такъ богатъ. Присутствіе въ минуту нужды рѣшаетъ все, облегчаетъ, укрѣпляетъ. Отсутствіе является съ своей пожарной трубой, когда уже огонь погасъ... И это все ради свѣта! Свѣтъ, который для меня ничто, не хочеть, чтобъ вы были для меня что-нибудь. — Вы не знаете, что дѣлаете. Тяжела рука того, кто глухъ къ голосу любви. Прощай, дорогая». — «25-го мая. Вы все тоже, что были, — та же безконечная любовь и доброта. Простите мнѣ, если причиняю вамъ страданія. Постараюсь страдать одинъ». — «2-го іюня. Прощайте. Я васъ люблю, какъ всегда, — буду приходить къ вамъ рѣже». — «4-го іюня. Вотъ моя дань. Увидимъ, хватить ли у меня силы воли, чтобы не бывать у васъ. Не со-всѣмъ безопасны вы отъ меня. Вчера опять находили на меня минуты, въ которыя я чувствовалъ, что васъ люблю». — «6-го іюня. Вы могли такъ поступить со мной, — не были въ Ти-фуртѣ. Конечно, я долженъ одобрять то, что вы дѣлаете, но это меня огорчаетъ.» — «7-го іюня. Хорошо вы сдѣлали, что мнѣ все сказали. Надо все говорить другъ другу, когда любить другъ друга. Милый ангелъ! Я имѣю вамъ сообщить три слова, которыя васъ успокоятъ, но эти слова я долженъ вамъ сказать. Я приду сегодня же. Прощайте.» — Она должна была на нѣкоторое время уѣхать изъ Веймара. «Liebste Frau — пишетъ онъ, — я не могу подумать, что въ четвергъ вы уѣзжаете. И къ чему все это. Присутствіе утѣшаетъ, укрѣпляетъ, — если оно иногда и мучить, то вѣдь это мученіе есть лѣтній дождь любви». Замѣчательна записка отъ 8-го іюля. «Вчера ночью, когда я уже легъ спать и почти заснулъ, Филиппъ (его слуга) подаетъ мнѣ письмо, — читаю въ полупросонья, — Лили выходитъ замужъ! — поворачиваюсь на другой бокъ и засыпаю. Какъ благодаренъ я судьбѣ, что она такъ со мной поступаетъ. Такъ все въ свое время... милый ангелъ, доброй ночи!» — Еще одна выписка: «Вы умѣете такъ мучить, что муки отъ васъ тоже, что муки отъ судьбы, — на нихъ не ропщешь, хотя онѣ и дѣлаютъ очень больно.»

Спустя нѣсколько времени тонъ этихъ писемъ становится спокойнѣе. Подобно тому, какъ жизнь его въ Веймарѣ, послѣ пер-

выхъ разгульныхъ недѣль, стала принимать характеръ болѣе спокойный, болѣе сдержанный, такъ и въ этихъ письмахъ, спустя нѣсколько времени, вы встрѣчаете меньше страстныхъ порывовъ, меньше знаковъ восклицаній, и ты совершенно въ нихъ исчезаетъ. Но тѣмъ не менѣе они пишутся столь же часто, какъ и прежде, согрѣты той же любовью, свидѣтельствуютъ, что мысль о возлюбленной не покидала его ни на минуту. Нѣкоторые сентиментальные читатели ужаснутся быть можетъ, что въ этихъ письмахъ такъ много говорится о пищѣ и питѣ, но если они припомнятъ, какъ Лотта кормила буттербротами дѣтей, то не удивятся, что авторъ Вертера краснорѣчиво проситъ свою возлюбленную прислать ему сосиску.

Путешественникъ и теперь еще можетъ прочесть въ Gartenhaus надпись, сдѣланную поэтомъ. Эта надпись есть вѣстѣ и дань уваженія и воспоминаніе, соединяющее для насъ прожитые поэтомъ счастливые часы любви съ счастливыми часами уединенной трудовой его жизни. Она какъ нельзя болѣе умѣстна. И кому же въ самомъ дѣлѣ посвятить этотъ Gartenhaus, какъ не г-жѣ фонъ-Штейнъ, о которой здѣсь все говоритъ. Съ этихъ цвѣтниковъ, почти каждое утро, въ привѣтъ возлюбленной посылались цвѣты, еще не обсохшіе отъ росы, въ сопровожденіи записокъ, въ которыхъ дышала не меньшая свѣжесть и прелесть. Вотъ гряды, гдѣ росла спаржа, которую онъ посылалъ ей съ такой гордостью. Вотъ комната, гдѣ онъ мечталъ о ней,—вотъ комната, гдѣ онъ работалъ, осязаемый ея образомъ. Gartenhaus всего въ двадцати минутахъ ходьбы отъ дома, гдѣ она жила,—ихъ разделяетъ только превосходная роща.

Читатель знаетъ изъ нашего описанія парка, гдѣ находится Gartenhaus. Первоначально онъ принадлежалъ Бертуху. Однажды герцогъ сталъ сильно упрашивать Гете, чтобы тотъ поселился совсѣмъ въ Веймартъ. Поэтъ (жившій тогда въ Jägerhaus, въ Бельведерской аллеѣ) колебался и между другими причинами своей нерѣшительности упомянулъ и ту причину, что не имѣетъ здѣсь клочка земли, гдѣ бы могъ удовлетворить свою страсть къ садоводству. «Бертуху хорошо: я бы ничего болѣе не желалъ, какъ имѣть такой лоскутъ земли», сказалъ онъ. Герцогъ сейчасъ же отправляется къ Бертуху и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ объяв-

ляетъ ему: «Бертухъ, мнѣ нуженъ твой садъ». Бертухъ изумленъ. «Но, ваше величество...» — «Никакихъ но!» — прерываетъ его юный герцогъ, — «я тутъ ничего не могу сдѣлать, Гете хочетъ имѣть этотъ садъ и безъ него не можетъ здѣсь жить». Этотъ доводъ, по всей вѣроятности, былъ далеко не вполне убѣдителенъ для Бертуха, но деспотическое требованіе герцога сопровождалось предложеніемъ дать въ обмѣнъ другой домъ и садъ, которые стоили гораздо дороже, и Gartenhaus поступилъ во владѣніе Гете. Впрочемъ формальнымъ порядкомъ этотъ даръ былъ сдѣланъ не прежде, какъ въ 1780 г.

Gartenhaus весьма не великъ, но это одинъ изъ самыхъ завидныхъ домовъ во всемъ Веймарѣ. Мѣстоположеніе его превосходно. Онъ окруженъ лугомъ, по которому течетъ Ильмъ. Городъ отъ него очень близко, но совершенно заслоненъ густыми деревьями. Здѣсь царствуетъ невозмутимая тишина, только по временамъ слышенъ звонъ церковнаго колокола, долетаютъ изъ казармы звуки военной музыки, раздается крикъ красиваго павлина, разгуливающаго по парку. Гете такъ полюбилъ этотъ домъ, что въ теченіе семи лѣтъ постоянно жилъ въ немъ и лѣто и зиму, и когда въ 1782 г. герцогъ подарилъ ему другой домъ въ Фгауенплацъ, то Gartenhaus оставался попрежнему его любимымъ мѣстопребываніемъ, и онъ никакъ не могъ рѣшиться его продать. Когда поэту приходило желаніе быть одному, то чтобъ обезопасить себя отъ непрошенныхъ посѣтителей, онъ нерѣдко запиралъ всѣ ворота на мостикахъ, ведущихъ въ городъ, такъ что Виландъ жаловался, что къ нему безъ отмычки и лома не доберешься.

Здѣсь, въ маленькомъ садикѣ, изучалъ онъ жизнь растений, здѣсь сдѣланы были имъ многія изъ тѣхъ наблюденій и опытовъ, которые потомъ доставили ему столь высокое мѣсто среди естествоиспытателей; здѣсь находилъ поэтъ убѣжище отъ шума придворной жизни; здѣсь пережилъ онъ счастливые часы любви. Gartenhaus поражаетъ васъ своей скромностью, — онъ далеко не то, чѣмъ можетъ вамъ нарисовать его ваше воображеніе. Правда, онъ занимаетъ такое мѣсто, которое богатый англійскій горожанинъ охотно избралъ бы для загородной виллы: по отлогому склону идетъ превосходный фруктовый и цвѣточный садъ, напротивъ тянется большая проѣзжая дорога по превосходному лугу, который окаймляютъ величественныя деревья парка; но самъ домъ такъ скромнень, что

едвали бы удовольствовался имъ даже любой англійскій капитанъ, состоящій на половинномъ жалованьи. Таково было мѣстопробываніе министра и фаворита. Здѣсь герцогъ часто посѣщалъ его, часто, бесѣдуя съ нимъ, засиживался до поздней ночи и, запоздавъ, располагался ночевать на софѣ. Нерѣдко также приходила сюда вмѣстѣ съ мужемъ и герцогиня Луиза, и поэтъ запросто угощалъ своихъ гостей самымъ незатѣйливымъ обѣдомъ: такъ изъ писемъ къ г-жѣ фонъ-Штейнъ мы видимъ, что однажды весь обѣдъ, которымъ онъ ихъ угощалъ, состоялъ изъ пивнаго супа и куска холоднаго мяса ¹⁾. Эта простота тогдашней жизни имѣетъ въ себѣ нѣчто особенно привлекательное. Мы говорили уже, что такое *Barckenhaus*, гдѣ жилъ самъ герцогъ. Хижина, въ которой жилъ Гете, когда находился въ Ильменау, и болѣе чѣмъ буржуазная простота *Barckenhaus'a*, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что еслибъ даже мы и могли допустить справедливость укора, будто онъ пожертвовалъ своимъ гениемъ для придворной жизни, то во всякомъ случаѣ безспорно, что онъ это сдѣлалъ не ради чувственныхъ наслажденій, не ради матеріальнаго блеска: что соблазнительнаго могли имѣть подобныя вещи для человѣка, который велъ такой простой образъ жизни. «Деньгами никогда я не буду богатъ,—пишетъ онъ къ своей возлюбленной,—но тѣмъ богаче буду я довѣріемъ, доброй славой, влияніемъ на умы людей.» Любовь къ природѣ дѣлала его равнодушнымъ къ роскоши. Во многихъ отношеніяхъ онъ совершенно не походилъ на своихъ соотечественниковъ,—онъ любилъ свѣжій воздухъ, свѣжую воду, къ которымъ его соотечественники имѣли просто даже отвращеніе. Люди, добровольно обрекавшіе себя на жизнь въ душной атмосферѣ желѣзныхъ печей, пропитанной табачнымъ дымомъ, для которыхъ кружка воды была болѣе чѣмъ достаточна для всѣхъ ихъ обмываній, не мало удивлялись, видя, что Гете такъ охотно погружается въ свѣжій воздухъ и въ свѣжую воду, какъ будто погружался въ пороки. По свидѣтельству историковъ, нѣмцы въ тѣ времена питали столь сильное отвращеніе къ свѣжему воздуху, что «большая часть изъ нихъ, особенно ученые, чтобы устранить необходимость въ моціонѣ на свѣжемъ воздухѣ,

¹⁾ См. также *Briefwechsel zwischen Karl August und Goethe*, 1, 27.

прибѣгали къ помощи машины, посредствомъ которой доставляли своимъ членамъ достаточный моціонъ, не выходя изъ комнаты.» ¹⁾ Якоби въ своихъ *Personalien* изображаетъ намъ весьма печальную картину тогдашней жизни нѣмецкой молодежи. Описывая свои дѣтскіе годы, проведенные въ Готѣ, онъ говоритъ: «Зимой мы играли на небольшомъ дворикѣ, а лѣтомъ этотъ дворикъ замѣнялся небольшимъ садомъ, который былъ окруженъ стѣной. Мы никогда не дѣлали никакихъ прогулокъ. Только разъ въ годъ, когда созрѣвала жатва, отправлялись мы съ родителями въ поле и тамъ проводили вечеръ» ²⁾. Гете такъ мало раздѣлялъ это нерасположеніе къ свѣжему воздуху, что когда перестраивалъ свой *Gartenhaus*, то не переселился въ гостиницу или къ кому-либо изъ друзей, а оставался жить въ перестроивавшемся домѣ, несмотря на суровое время года. «Наконецъ вставили окна и я могу развести огонь, что при теперешней погодѣ какъ нельзя болѣе кстати». — «3-го мая. Добраго утра. Посылаю спаржу. Какъ провели вы вчерашній день? Мнѣ Филиппъ приготовилъ яичницу. Потомъ завернулся я въ мой синій плащъ и улегся спать въ сухомъ уголку на террасѣ, — спалъ такъ хорошо, несмотря на громъ, молнію и дождь, что и не слыхалъ, какъ постель моя совсѣмъ подмокла.» — «19-го мая. Благодарю за завтракъ. Посылаю въ отвѣтъ кое-что. Эту ночь я спалъ на террасѣ, накрывшись плащомъ, три раза просыпался, въ 12, въ 2 и въ 4 часа, и небо каждый разъ являлось предо мной въ новомъ блескѣ». Можно было бы привести еще много другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о его наклонности къ бивуачной жизни. Онъ постоянно купался въ Ильмѣ, и по утрамъ при солнечномъ восходѣ, и по вечерамъ при лунномъ свѣтѣ. Герцогъ также очень любилъ купаться, его не останавливалъ даже и декабрьскій холодъ. Гете выучился плавать съ помощью «пробокъ» (которыя потомъ онъ такъ часто употреблялъ для поэтическихъ сравненій) и не прекращалъ этого упражненія несмотря ни на какую суровую погоду. Чарующая прелесть водъ, манящая насъ своей коварной глубиной, превосходно изображена

¹⁾ BIEDERMANN: Deutschland's politische, materielle und sociale Zustände, 1, p. 343.

²⁾ Mrs AUSTIN: Germany from 1760 to 1814, p. 85.

въ известной его балладѣ: Рыбакъ. Здѣсь кстати привести одинъ анекдотъ. Однажды ночью нашъ поэтъ спокойно купался при лунномъ свѣтѣ въ водахъ Ильма. Въ это время подходитъ къ плывучему мосту крестьянинъ, возвращавшійся домой, и начинаетъ перелѣзать чрезъ мостовую рѣшетку. При видѣ его поэту приходитъ въ голову одна изъ тѣхъ странныхъ фантазій, которыя такъ часто изумляли Веймаръ: онъ начинаетъ издавать дикіе, неистовые вопли, то высовываясь наполовину изъ воды, то опять погружаясь въ воду, и испуганный крестьянинъ пускается въ бѣгство, какъ будто его преслѣдовалъ цѣлый легіонъ злыхъ духовъ. И до сихъ поръ не искоренилось еще мѣстное повѣрье, что въ водахъ Ильма живутъ водяные духи и по временамъ выпускаютъ страшные вопли.

ГЛАВА V.

Спектакли любителей.

«Долго ли продолжится моя теперешняя жизнь,—пишетъ Гете къ Лафатеру въ январѣ 1777 г., — какъ бы то ни было, но я отъ всего сердца вкусилъ шумной, пестрой свѣтской жизни. Печаль, надежда, любовь, работа, нужда, приключенія, скука, ненависть, дурачество, глупость, радость, ожиданное и неожиданное, поверхностное и глубокое,—точно играешь въ кости,—празднества, танцы, катанья, шелкъ и блески,—удивительная жизнь! При всемъ этомъ, милый другъ, благодаря Бога, я чувствую себя совершенно счастливымъ и совершенно счастливъ въ истинныхъ моихъ цѣляхъ».

«Гете играетъ большую роль въ Веймарѣ,—пишетъ Меркъ,— но онъ живетъ при дворѣ совершенно на свой манеръ. Что бы ни говорили, а герцогъ хорошій человѣкъ и въ обществѣ Гете сдѣлается конечно еще лучше. Распространившіеся слухи—чистая выдумка придворной сволочи. Правда, между герцогомъ и Гете очень короткія отношенія, но что же въ этомъ дурнаго! Будь Гете дворянинъ, всѣ бы нашли, что это въ обыкновенномъ порядкѣ ве-

щей. Гете — душа всего, всему даетъ тонъ, всѣ довольны имъ, такъ какъ онъ многимъ дѣлаетъ добро и никому не дѣлаетъ зла. Кто можетъ противостоять безкорыстію этого человѣка?»

Вскорѣ присутствіе Гете стало ощутительно не только по непосредственному вліянію на герцога, который съ нимъ сдружился, но и въ серьезныхъ дѣлахъ и въ разныхъ практическихъ улучшеніяхъ. По его внушенію герцогъ пригласилъ въ Веймаръ Гердера и далъ ему мѣсто придворнаго проповѣдника и Генералъ-суперинтендента (Hofprediger и General-superintendent), что подало поводъ къ немалому ропоту и разнымъ сплетнямъ, — недовольные рассказывали, что будто Гердеръ вошелъ разъ на кафедру въ сапогахъ и шпорахъ. Не довольствуясь своимъ вліяніемъ на высшіе сферы, Гете заботился объ улучшеніи народнаго благосостоянія и между прочимъ замышлялъ возобновленіе разработки рудниковъ въ Ильменау, которые уже давно были заброшены. Забавы и заботы шли у него рука объ руку. Изъ всѣхъ разнообразныхъ забавъ наибольшую для него привлекательность имѣли спектакли любителей, которые заслуживаютъ, чтобъ мы обратили на нихъ особенное вниманіе: они дадутъ намъ возможность ближе ознакомиться съ жизнью Веймарскаго двора и покажутъ, какъ умѣлъ поэтъ извлекать пользу изъ самыхъ забавъ.

Веймарскій театръ сгорѣлъ въ 1774 г. ¹⁾, Сейлеръ уѣхалъ съ своей труппой и Веймаръ былъ безъ театра. Страсть къ спектаклямъ любителей была въ то время, быть можетъ, даже сильнѣе, чѣмъ теперь въ Англіи. Въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Аугсбургѣ, Нюрембергѣ, Фульдѣ, вездѣ были свои труппы актеровъ-любителей. Въ Вюрцбургѣ высокоблагородное общество носило котурнъ, — въ Эйзенахѣ принцъ и дворъ принимали участіе въ представленіяхъ. Даже университеты, нѣкогда столь гремѣвшіе противъ театралныхъ представлений, какъ противъ нечестія, теперь забыли свою прежнюю къ нимъ вражду. Въ Вѣнѣ, Галлѣ, Геттингенѣ, Іенѣ, студентамъ дозволено было устраивать любительскіе спектакли.

Самый знаменитый театръ любителей былъ въ Веймарѣ. Онъ

¹⁾ О Веймарскомъ театрѣ до пріѣзда Гете и въ слѣдующее время см. Placqut: Goethe's Theaterleitung in Weimar, 1863.

имѣлъ своихъ поэтовъ, композиторовъ, декораторовъ, костюмеровъ. Какъ только обнаруживался гдѣ талантъ къ пѣнію, декламации или къ танцамъ, его сейчасъ же привлекали въ Веймаръ и заставляли работать съ такимъ прилежаніемъ, какъ еслибъ отъ этого зависѣлъ насущный хлѣбъ. Репетиции драмъ, оперъ, балетовъ составляли почти ежедневное занятіе и удовольствіе дамъ и кавалеровъ, довольныхъ, что нашли себѣ какое-нибудь дѣло. Веймарская труппа любителей была самая отборная, — въ ней фигурировали герцогиня Амалия, Карлъ Августъ, принцъ Константинъ, Боде, Кнебель, Эйзидель, Музеусъ, Амалия (сестра Коцебу) и дѣвица Гѣхгаузенъ. Эта весьма курьезная труппа странствующихъ актеровъ совершала свои странствія по всѣмъ окрестнымъ замкамъ, посѣщала Эттерсбургъ, Тифуртъ, Бельведеръ, даже Іену, Дорнбургъ и Ильменау. Часто Бертухъ получалъ приказаніе, какъ разсказываетъ Фалькъ, приготовить къ раннему утру походную кухню, — это значило, что труппа собирается въ путь. Когда путь предстоялъ не дальній, то для багажа было достаточно трехъ вьючныхъ ословъ; но когда труппа отправлялась въ дальнее странствіе, за холмы и долины, то съ вечера и всю ночь шла порядочная суматоха, начиналось избіеніе домашнихъ куръ, голубей, каплуновъ, посылали ловить въ Ильмѣ рыбу, въ лѣсахъ куропатокъ, изъ погребовъ несли вина, вытаскивались всѣ герцогскіе горшки и кастрюли, всю ночь жарили, пекли, варили, и съ восходомъ солнца веселая труппа отправлялась въ путь. Юность, красота, веселье, надежда, составляли блистательный поѣздъ, весело совершавшій свои странствія по дикимъ пустырямъ и дремучимъ лѣсамъ, которые привыкли видѣть у себя въ гостяхъ только ястребовъ, сернъ, да угольщиковъ. Такъ въ былыя времена въ Арденскихъ лѣсахъ появлялся задумчивый герцогъ въ сопровожденіи своей свиты и «подъ тѣнью печальныхъ деревьевъ» забывалъ свои заботы и «искусственный блескъ» своего двора.

Театральная сцена уставлялась скоро. Въ Эттерсбургѣ и теперь еще видны слѣды лѣснаго театра, гдѣ давались представленія въ хорошую погоду. Кромѣ того одинъ изъ флигелей Эттерсбургскаго замка также былъ предназначенъ для театра, но представленія на чистомъ воздухѣ обыкновенно предпочитались. Труппа, состоявшая иногда не менѣе чѣмъ изъ двадцати человѣкъ, отправлялась

въ Эттерсбургъ на репетиціи и представленія въ герцогскихъ экипажахъ, и вечеромъ, послѣ веселаго ужина, который часто оживлялся веселыми пѣснями, возвращалась обратно въ сопровожденіи герцогскихъ гусаръ, освѣщавшихъ ей путь факелами. Здѣсь, въ Эттерсбургѣ, Эйндзелева опера Цыгане исполнялась съ такой чудной обстановкой, которая доводила иллюзію до поразительнаго воспроизведенія дѣйствительности. Въ эту оперу были включены нѣкоторыя сцены изъ Геца Берлихингена. Освѣщенные деревья, группы цыганъ въ лѣсу, танцы и пѣсни подъ голубымъ звѣзднымъ небомъ, отдаленные звуки охотничьихъ роговъ, — все это составляло чудную, магическую картину. Былъ также выстроенъ постоянный театръ въ Тифуртѣ, на Ильмѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ эта рѣчка дѣлаетъ красивый изворотъ. Деревья, рыбаки, русалки, водяные духи, мѣсяцъ, звѣзды, все было весьма эффектно.

Представленія были столь же разнообразны, какъ и театры. Игались и французскія комедіи, и серьезныя произведенія, и самыя нелѣпыя фарсы. Иногда представлялись также шарады, причемъ предварительно опредѣлялся только ходъ дѣйствій, а разговоръ импровизировался актерами. Разъ при подобномъ представленіи случилось, что одинъ изъ актеровъ заговорился и пустился въ такую импровизацію, которая совершенно не соответствовала предназначенной ему роли, — тогда прочіе актеры вбѣжали на сцену, силой увлекли заболтавшагося импровизатора и объявили зрителямъ (дѣлая видъ, какъ будто это входитъ въ пьесу), что онъ внезапно заболѣлъ. Въ запискахъ того времени мы находимъ описаніе волшебной пьесы, которая была играна въ честь Гете, въ день его рожденія. Эта пьеса называлась: Рожденіе, жизнь и дѣянія Минервы. Музыка къ ней была сочинена Секендорфомъ. Собственно говоря, эта пьеса была ни что иное, какъ великолѣпный волшебный фонарь; впрочемъ дѣйствующіе въ ней лица изображались не куклами, какъ бы это можно было предположить, а настоящими кавалерами и дамами. Представленіе происходило въ Тифуртѣ, въ такъ-называемомъ Petit Colisée (на мѣстѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ этотъ новый храмъ музъ, передъ тѣмъ стояла уединенная лѣсная хижина). Всѣ старанія были употреблены, чтобъ придать представленію невозможно большій эффектъ. Дѣйствующія

лица были отдѣлены отъ зрителей прозрачнымъ бѣлымъ занавѣсомъ, на которомъ ихъ фигуры отражались en silhouette. Въ исторіи театровъ мы встрѣчаемъ только еще одинъ примѣръ подобнаго представленія: драма, которую Харонъ показывалъ своему питомцу Ахиллесу, имѣла тотъ же предметъ и то же значеніе, какъ и Тифуртская драма. Въ древности подобныя представленія назывались: *umbrae palpitantes*, трепещущія тѣни; въ новыя же времена они называются *ombres chinoises*, китайскія тѣни. Ихъ только передъ этимъ въ первый разъ ввелъ при Веймарскомъ дворѣ герцогъ Георгъ Саксенъ-Мейнингенъ, и они были въ большомъ ходу.

Содержаніе Тифуртской драмы замѣчательно: Юпитеръ (эту роль выполнялъ живописецъ Краусъ; у него на плечахъ была придѣлана огромная голова изъ папки), боясь, чтобы не исполнилось пророчество, будто чадо, имѣющее родиться отъ супруги его Метиды, низвергнетъ его съ трона, пожралъ свою супругу и вслѣдствіе этого страдаетъ сильной головной болью. Сзади его сидитъ на большомъ орлѣ Ганимедъ и предлагаетъ ему чашу съ нектаромъ. Страданія громовержца усиливаются и Ганимедъ улетаетъ звать на помощь Эскулапа и Вулкана. Лечение Эскулапа не помогаетъ. Призываютъ Циклопа. Тотъ бросаетъ громовержцу кровь изъ носа, но и это не приноситъ пользы. Наконецъ является могущественный Вулканъ (Карлъ Августъ). На немъ кожаный передникъ, въ одной рукѣ молотъ, въ другой—большой желѣзный ломъ. Онъ приближается къ страждущему отцу и однимъ добрымъ ударомъ молота разсѣкаетъ его божественный черепъ, изъ котораго является богиня Мудрости, Минерва (Корона Шрётеръ), сначала въ маломъ видѣ, потомъ постепенно все дѣлается больше и больше и наконецъ глазамъ зрителей предстаетъ стройная, величественная фигура богини, прикрытая легкимъ газомъ. Отецъ радостно ее привѣтствуетъ; всѣ другіе боги несутъ ей богатые дары; ей даютъ шлемъ, эгиду, копье. Ганимедъ ставитъ Сову къ ея ногамъ, и занавѣсъ опускается при хоровомъ пѣніи и звукахъ музыки.

Въ третьемъ и послѣднемъ актѣ авторъ пьесы отступилъ отъ мифологіи. Новорожденная богиня читаетъ книгу Судьбы и видитъ, что 28-е августа (день рожденія Гете) отмѣчено въ книгѣ, какъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней. «Назадъ тому трид-

цать три года,—говоритъ она,—въ этотъ день родился человѣкъ, котораго міръ будетъ чтить какъ самаго лучшаго и самаго мудраго изъ людей.» Въ это время показывается въ облакахъ крылатый геній съ вензелемъ Гете. Минерва вѣнчаетъ его и въ числѣ другихъ даровъ вручаетъ ему золотую лиру Аполлона и вѣнокъ музъ. Момусъ предлагаетъ свой бичъ, на которомъ написано: «Aves», но богиня не допускаетъ этого дара. Между тѣмъ въ облакахъ показываются въ яркомъ транспарантѣ слова: Ифигенія, Фаустъ. Въ заключеніе Момусъ, не пристыженный презрѣніемъ богини, снова приближается и вручаетъ Гете въ даръ символъ своего искусства.

Таково было открытіе и освященіе новаго Веймаръ-Тифуртскаго придворнаго театра. Очевидно, что эта пьеса была нарочно приготовлена для празднованія дня рожденія Гете. Ея выполненіе свидѣтельствуетъ, что на подобныя забавы тратилось не мало искусства и труда. Читатель замѣтитъ, что если Гете занимался приготовленіемъ празднествъ ко дню рожденія герцогини, то и Веймаръ съ своей стороны также праздновалъ день рожденія своего поэта.

Въ письмахъ Амалии къ Кнебелю, писанныхъ въ 1781 г., упоминается еще объ одной волшебной пьесѣ: Король Мидасъ. Но изъ всѣхъ пьесъ, игранныхъ на Тифуртской сценѣ, имѣетъ наибольшую извѣстность оперетта Гете: *die Fischerin* (рыбачка), которая начинается знаменитымъ *Erkönig* (лѣсной царь). Она вошла въ собраніе сочиненій Гете. Первое ея представленіе было лѣтомъ 1782 г. Оно происходило въ Тифуртскомъ паркѣ частью на берегу Ильма близъ моста и частью на самомъ Ильмѣ, который при этомъ былъ освѣщенъ безчисленными фонарями и площадками. Постановка пьесы весьма живописна: по берегу рѣки, подъ высокими ольхами, разбросаны рыбачьи хижины; близъ хижинъ виднѣются сѣти, лодки, рыболовные снасти; рыбаки сбѣгаются съ зажженными лучинами и факелами искать пропавшую дѣвушку,—часть ихъ бросается на лодки, другая разсѣвается по берегу; на мысѣ, который вдается въ Ильмъ, вспыхиваетъ яркій огонь—освѣщенная имъ мѣстность отражается въ рѣкѣ, а виднѣющіяся вдали группы деревьевъ и холмы погружены въ глубокій мракъ. На деревянномъ мосту, идущемъ чрезъ Ильмъ, столпилась многочисленная публика смотрѣть эту иллюминацію, какъ

вдругъ мостъ обрушился и публика попадала въ воду. Несчастія при этомъ никакого не случилось, всѣ отъ души смѣялись, и это неожиданное купанье послужило забавной интермедіей.

При представленіи въ Эттерсбургѣ пародіи на «Птицъ» Аристофана, всѣ актеры были одѣты въ настоящія перья, на нихъ были превосходныя подвижныя птичьи маски, они хлопали крыльями, поводили глазами, вообще подражаніе природѣ было доведено до нелѣпо-смѣшнаго. Надо прибавить, что кромѣ этихъ фарсовъ и *ombres chinoises* давали также и серьезныя драматическія произведенія, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ драму Гете: *Die Mitschuldigen*. Роли этой драмы были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Альцестъ	Гете.
Селлеръ	Бертухъ.
Трактирщикъ	Музеусъ.
Софья	Корона Шрётеръ.

Игралась еще другая пьеса Гете: *die Geschwister*, которая, — какъ разсказываютъ, но на это нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ, — была имъ написана въ три вечера изъ любви къ прекраснымъ глазамъ Амаліи Коцебу, сестры извѣстнаго драматурга. Коцебу упоминаетъ о представленіи этой пьесы въ своихъ запискахъ: «Въ это время Гете написалъ свою превосходную пьесу *die Gischwister*. Она была исполнена на любительскомъ спектаклѣ, въ Веймарѣ. Самъ Гете игралъ роль Вильгельма, сестра моя — роль Маріанны, а мнѣ досталась важная роль почтаря. Читатели не могутъ себѣ представить, съ какой гордостью выступилъ я тогда въ первый разъ на сцену предъ знаменитой публикой.» Въ пьесѣ Кумберланда, «Индѣецъ», герцогъ игралъ Майора О`Флагерти, знаменитый актеръ Эксгофъ — отца, Гете — Белькура. Костюмъ Белькура состоялъ изъ бѣлаго кафтана, обшитаго серебрянымъ позументомъ, изъ голубаго шелковаго камзола и голубыхъ шелковыхъ штиблетъ. Говорятъ, что Гете въ этомъ костюмѣ былъ великолѣпенъ. Нельзя не упомянуть также о представленіи Ифигеніи (въ то время существовалъ еще только тотъ текстъ, который написанъ прозой). Роли въ ней были распредѣлены такъ:

Орестъ	Гете.
Пиладъ	Принцъ Константинъ.
Тоасъ	Кнебель.
Арказъ	Сейдлеръ.
Ифигенія	Борона Шрётеръ.

«Никогда не забуду я того впечатлѣнія, — говоритъ Гуфеландъ, — какое произвелъ Гете въ роли Ореста. Предъ вами какъ будто являлся живой самъ Аполлонъ. Едвали кто когда видывалъ такое чудное соединеніе въ одномъ человѣкѣ и физической и духовной красоты». Его игра, насколько мы можемъ судить, имѣла тѣ недостатки, какіе обыкновенно встрѣчаются въ игрѣ актеровъ-любителей. Она была страстна, даже преувеличенна, но при всемъ этомъ натянута, холодна, — чистый звонкій голосъ актера не передавалъ оттѣнковъ мысли. Но въ комическихъ роляхъ, судя по рассказамъ, онъ былъ великолѣпенъ. Чѣмъ комичнѣе былъ фарсъ, тѣмъ совершеннѣе онъ выполнялъ его. Чрезвычайно комиченъ былъ онъ въ роли шарлатана въ *Plundersweilern*, а также въ *Geflichte Braut* ¹⁾, гдѣ онъ давалъ полную волю своимъ сарказмамъ насчетъ моднаго въ то время сентиментальничанья, осмѣивалъ своего собственного Вертера и безпощадно подтрунивалъ надъ Вольдемаромъ ²⁾.

Я сгруппировалъ отрывочныя свѣдѣнія о Веймарскихъ театральныя увеселеніяхъ, не придерживаясь порядка времени. Какое великое наслажденіе должны были доставлять подобныя увеселенія! Какъ должны были они знакомить, сближать людей! И какой богатый источникъ представляютъ они для воспоминаній, для рассказовъ о давнопрошедшемъ! Притомъ эти увеселенія были и не бесполезны. Около этого времени былъ задуманъ и частью написанъ Вильгельмъ Мейстеръ. Читатель, знающій наклонность Гете вносить во всѣ свои произведенія біографическій элементъ, не удивится, встрѣтивъ въ Мейстерѣ богатую опытность въ теа-

¹⁾ Die Geflichte Braut была напечатана въ смягченной формѣ подъ заглавіемъ: Triumph der Empfindsamkeit. См. слѣдующую главу.

²⁾ И Якоби, и Виландъ сначала серьезно оскорбились его пародіями на ихъ произведенія, но потомъ вскорѣ примирились съ ними.

тральномъ дѣлѣ, и не удивится той серьезности, какою въ этомъ произведеніи проникнуты изображенія вещей, повидимому совершенно незначущихъ, не болѣе какъ забавныхъ, такъ что толпа видитъ въ этихъ изображеніяхъ не болѣе, какъ лестъ своимъ вкусу, а между тѣмъ въ нихъ сокрытъ процессъ развитія поэта.

Раннимъ утромъ охота на кабановъ, въ срединѣ дня министерскія и дипломатическія совѣщанія, потомъ репетиціи, вечеромъ веселыя серенады или катанье на конькахъ при свѣтѣ факеловъ, кромѣ того любовныя походы, балы, маскарады, концерты, поэзія, — такъ провелъ Гете многіе дни. Муза его въ это время была довольно молчалива, но впрочемъ Hans Sach's poetische Sendung, Lila, нѣсколько прелестныхъ пѣсень, драмы и оперы, написанныя для Веймарской труппы любителей, не позволяютъ обвинить его въ совершенной праздности. Онъ теперь собираетъ матеріалъ для будущаго, — тотъ матеріалъ, изъ котораго потомъ выросли Фаустъ, Эгмонтъ, Тассъ, Ифигенія, Мейстеръ.

Муза молчала, но это молчаніе не значило сонъ, бездѣйствіе. Въ чудныхъ, разнообразныхъ сценахъ, которыми теперь наполнялась его жизнь, онъ былъ не только актеръ, но вмѣстѣ и зритель. Объ этомъ свидѣлствуютъ его творенія. Многіе были того мнѣнія, что, употребляя свои могучія способности на увеселительныя театральныя представленія, Гете измѣнялъ своему назначенію, искажалъ свой геній. Это мнѣніе есть не болѣе какъ повтореніе того, что Меркъ сказалъ о Клавиго, и поэтому мы можемъ отвѣчать на него тоже, что отвѣтили на замѣчаніе Мерка. По мнѣнію Гердера, избранникъ долженъ посвятить себя на созиданіе великихъ твореній. Такое замѣчаніе совершенно понятно со стороны литератора, у котораго нѣтъ другихъ цѣлей, кромѣ писанія книгъ. Но Гете не могъ удовлетвориться однимъ писаніемъ, — ему надо было жить. Чувство и знаніе множатъ жизнь, возводятъ ее въ безпредѣльность. Поэта влекла потребность знать, потребность чувствовать. Онъ оставилъ по себѣ великія творенія, великія и по мысли, и по выполненію, — эти творенія были плодомъ серьезнаго труда и глубокаго самоуглубленія, — они защищаютъ его отъ упрека, будто онъ тратилъ свое время на ничтожныя пустяки. Гердеръ и Меркъ не поняли требованій его артистической натуры. Друзья огорчались его расточительностью на легкія, незначительныя про-

изведенія,—они не видѣли, что эта расточительность была слѣдствіемъ его истинно художнической натуры, его истинно поэтической подвижности. Поэзія не была для него профессіей, обязанностию, занятіемъ,—она была мелодическій голосъ, въ которомъ изливалась вся его человѣчность. Вся его поэзія—въ переживаемомъ чувствѣ: звучныя струны его поэтической натуры при малѣйшемъ прикосновеніи издавали звуки, то серьезные и торжественные, то нѣжные и страстные, то веселые и забавные. Онъ писалъ не ради славы, не ради денегъ,—онъ писалъ поэтическія произведенія, потому что его жизнь была поэзія,—онъ пѣлъ, какъ птица поетъ на вѣтвѣ. Впечатлительный, восторженный, онъ пѣлъ то, что въ данную минуту наполняло его душу восторгомъ, то легкую беззаботную пѣсню, то какую-нибудь балладу, то величественную поэмю, полную глубокихъ, серьезныхъ мыслей, то торжественный гимнъ. Натуры, одаренныя сильнымъ творчествомъ, также расходуются на пустыни, какъ дерево, дающее богатыя плоды, расходуется на бесплодныя почки. Микель-Анджело, создавшій Моисея и Послѣдній Судъ, не работалъ ли надъ камнями!

ГЛАВА VI.

Разноцвѣтныя нити.

До сихъ поръ наше повѣствованіе о Веймарскомъ періодѣ ограничивалось общими чертами, такъ какъ только этимъ способомъ и могли мы представить читателю общую его картину. Но, подвигаясь далѣе въ разсказѣ, намъ необходимо отдѣлять нити собственной жизни поэта отъ другихъ нитей, съ которыми переплеталась его жизнь.

Какъ я выше замѣтилъ, вѣтряная, разгульная жизнь, какую онъ велъ въ первые мѣсяцы по приѣздѣ въ Веймаръ, начала уже его утомлять. Въ 1777 г. мы находимъ его въ Gartenhaus'ѣ за занятіями рисованьемъ, поэзіей, ботаникой, и еще за однимъ за-

нятіемъ, дорогимъ для его сердца, — я говорю о любви его къ г-жѣ фонъ-Штейнъ. Любовь и честолюбіе были его руководителями среди лабиринта придворной жизни. Среди пестрыхъ, шумныхъ сценъ, среди быстро смѣняющихся развлеченій, ему стали слышаться звуки прошлого, грустные звуки, напоминавшіе ему о тѣхъ широкихъ надеждахъ, которыя нѣкогда вселяли въ него энергію; отголоски прошлыхъ стремленій, нѣкогда столь дорогихъ, звучали ему теперь, какъ упрекъ, подобно глухому, торжественному гулу баса среди рѣзвыхъ капризовъ игривой мелодіи. Человѣкъ не можетъ быть постоянно веселъ, не можетъ быть постоянно въ возбужденномъ состояніи. Минуты утомленія неизбежны. У обыкновенныхъ людей эти минуты наполняются безплодной томительной скукой, а сильныя натуры переживаютъ въ эти минуты скорбь о безплодной растратѣ безвозвратно протекшихъ часовъ.

Кроткое вліяніе г-жи фонъ-Штейнъ замѣтно въ каждой строкѣ его писемъ къ ней. Мы не можемъ сдѣлать положительнаго заключенія, такъ какъ до насъ не дошло ни одного изъ ея писемъ къ нему, какъ я говорилъ объ этомъ выше, но, судя по всему, она порядочно съ нимъ кокетничала: какъ только онъ обнаруживалъ расположеніе сбросить съ себя ея иго и становился нѣсколько холоднѣе, она становилась къ нему нѣжнѣй обыкновеннаго, но какъ только видѣла его опять у своихъ ногъ, опять начинала мучить его своей холодностью. «Вы упрекаете меня,—пишетъ онъ,—что моя любовь къ вамъ то растетъ, то слабѣетъ. Вашъ упрекъ несправедливъ. Это хорошо, что я не всегда во всей полнотѣ чувствую, что васъ такъ сильно люблю». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Почему теперь овладѣло вами чувство сомнѣнія, недовѣрія, я рѣшительно не понимаю. Но несомнѣнно, что человѣка, менѣе твердаго въ любви, вы могли бы заставить усомниться въ своихъ чувствахъ, подобно тому, какъ можно увѣрить здороваго человѣка, будто онъ блѣденъ и боленъ». Очевидно, что она кокетничала съ нимъ, мучила его своими мнимыми сомнѣніями. Какъ только онъ разлучился съ ней, она пишетъ къ нему, что теперь онъ сталъ ей болѣе дорогъ, чѣмъ когда-нибудь. «Да, мое сокровище,—отвѣчаетъ онъ,—я вѣрю, что любовь ваша ко мнѣ растетъ въ мое отсутствіе. Когда меня нѣтъ съ вами, вы любите идею, которую себѣ составили обо мнѣ, а когда я съ вами, вашу

идею обо мнѣ часто оскорбляютъ мои дурачества и сумасбродства... Я васъ больше люблю, когда вы со мной, чѣмъ когда васъ нѣтъ: изъ этого я заключаю, что моя любовь истиннѣе, чѣмъ ваша». Временами, повидимому, на него находило сомнѣніе. дѣйствительно ли онъ ее любитъ, или же любить только то наслажденіе, какое ему доставляетъ ея присутствіе.

Къ этимъ сомнѣніямъ примѣшивался еще другой элементъ — честолюбіе сдѣлать что-либо достойное своей возлюбленной. При всей своей популярности и при всемъ своемъ гениіи онъ не покорилъ ея сердца, а только взволновалъ его. Онъ старался достигнуть побѣды благоговѣйной преданностью. Такимъ образомъ любовь и честолюбіе шли у него рука объ руку и побуждали его искать уединенія, что не мало удивляло и огорчало нѣкоторыхъ его почитателей, которые никогда не могли довольно насладиться его обществомъ.

Въ іюнѣ этого года его посѣтило въ уединеніи одно изъ тѣхъ потрясающихъ событій, къ которому онъ былъ особенно чувствителенъ, — умерла его единственная сестра Корнелія. Скорбь и мечты — такими многознаменательными словами отмѣченъ въ его дневникѣ слѣдующій день по полученіи этого печальнаго извѣстія.

Около этого времени принялъ онъ на свое попеченіе одного бѣднаго крестьянскаго мальчика изъ Швейцаріи, Петра Имбаумгартена, который до этого находился на попеченіи у его друга, барона Линдау. Смерть барона оставила бѣднаго мальчика безъ покровительства, и тогда Гете, всегда имѣвшій особое расположеніе къ дѣтямъ, охотно вызвался замѣнить мальчику его прежняго покровителя. Этотъ фактъ напоминаетъ намъ, какъ юноша Гете прислалъ къ матери во Франкфуртъ бѣднаго итальянскаго мальчика, какъ Вильгельмъ Мейстеръ взялъ на свое попеченіе Миньону и Феликса. У «безсердечнаго» Гете благотворительность соединялась съ любовью и онъ сталъ отцемъ бездомнаго сироты.

Съ наступленіемъ осени, когда мрачные, величественные лѣса, покрывающіе горы Ильменау, начинали пестрѣть желтыми и красными листьями, Гете и герцогъ спѣшили на эти любимыя имъ мѣста, — дни проводили они здѣсь въ составленіи разныхъ поэтическихъ и дѣловыхъ плановъ, а по ночамъ нерѣдко предавались разнымъ забавамъ и дурачествамъ. Такъ однажды протанцовали

они всю ночь съ крестьянскими дѣвушками, а на другой день у Гете лицо распухло до такой степени, что онъ вынужденъ былъ оставаться въ постелѣ.

По возвращеніи изъ Ильменау въ Веймаръ Гете былъ огорченъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ писемъ, которыми онъ былъ обязанъ своему Вертеру. Опоэтизированное имъ сентиментальничанье вошло въ это время въ большую моду. Часто получалъ онъ письма, въ которыхъ меланхолическіе юноши изливали предъ нимъ свои скорби, прося сочувствія и утѣшенія. Ничто не было такъ противно его свѣтлой и здоровой природѣ, какъ подобное сентиментальничанье. Онъ стыдился своего Вертера, былъ безпощаденъ ко всему, что отзывалось вертеризмомъ. Чтобы освободиться отъ тяжелаго чувства досады на самого себя, онъ началъ писать сатирическій фарсъ: *Triumph der Empfindsamkeit*. Какъ свидѣтельство глубоко любящей его природы, укажемъ на тотъ фактъ, что хотя подобныя сентиментальныя изліянія и производили на него весьма тяжелое впечатлѣніе или же только смѣшили его, но, какъ ни было сильно его отвращеніе къ болѣзни, оно не мѣшало ему сочувствовать больнымъ. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить его разсказъ о путешествіи въ Гарцъ, которое онъ совершилъ въ ноябрѣ и декабрѣ этого года *). Большинству читателей вѣроятно извѣстна его ода: *Harzreise in Winter*. Путешествіе это имѣло двойную цѣль: посѣтить рудники Ильменау и одного несчастнаго мизантропа, который возбудилъ въ немъ состраданіе своимъ вертеризмомъ. Онъ пустился въ путь вмѣстѣ съ герцогомъ, отправлявшимся на охоту противъ необычайно большаго кабана, опустошавшаго окрестности Эйзенаха, но потомъ отдѣлился отъ общества, имѣя свои цѣли.

Не обращая вниманія на холодъ, снѣгъ, грязь, отправился онъ одинъ верхомъ по горнымъ пустырямъ, не имѣя другаго спутника, кромѣ мыслей, и наконецъ благополучно достигъ Брокена. Когда онъ поднимался на горы, яркое солнце освѣщало вѣчные снѣга вершинъ, и внизу Германія исчезала въ туманѣ. Здѣсь онъ чув-

*) А не въ 1776 году какъ онъ говорить. Это несомнѣнно изъ его писемъ къ г-жѣ фонъ-Штейнъ.

ствовалъ, что его грудь какъ будто вдыхаетъ въ себя воздухъ свободы.—свѣтъ съ его условными приличіями, дворъ и шумныя его забавы, все это какъ будто не существовало для него. Среди снѣжныхъ вершинъ поэтъ входитъ въ общеніе съ великимъ гениемъ красоты, который одухотворяетъ природу,—здѣсь «высоко надъ облаками городского дыма, куда не достигаешь городской шумъ», погружается онъ въ мечты о своей будущей жизни:

Dem Geier gleich,
Der auf schweren Morgenwolken,
Mit sanftem Fittig ruhend,
Nach Beute schaut,
Schwebe mein Lied.

(Моя пѣснь подобна ястребу, который высоко, спокойно паритъ надъ тяжелыми утренними облаками и высматриваетъ себя добычу).

Ястребъ, парящій надъ утренними облаками,—какъ онъ самъ объясняетъ, — есть образъ поэта, который съ высоты снѣжныхъ вершинъ смотритъ внизъ на зимній ландшафтъ и «глазами духа» ищетъ въ тревоженіяхъ жизни предметъ, достойный его музы.

Въ письмахъ къ своей возлюбленной онъ рассказываетъ, что во время этого путешествія чрезвычайно благотворное дѣйствіе производило на его воображеніе знакомство съ простымъ народомъ. Это все равно, какъ холодная ванна, пишетъ онъ. О своемъ инкогнито (онъ повсюду выдавалъ себя за ландшафтнаго живописца и называлъ себя Веберомъ) онъ замѣчаетъ, какъ легко быть плутомъ и какое преимущество даетъ противъ простыхъ честныхъ людей умѣнье принимать на себя чужую роль.

Перейдемъ теперь ко второй цѣли. Помянутое нами выше письмо мизантропа было подписано Плессингъ и помѣчено изъ Вернигероде. Болѣзненные изліянія, которыми оно было наполнено, имѣли въ себѣ нѣчто особенное и несомнѣнно свидѣтельствовали, что писавшій—человѣкъ съ дарованіями. Гете не отвѣчалъ на письмо, такъ какъ ему уже не разъ случалось, что отвѣты на подобныя письма ставили его въ затруднительное положеніе. Вслѣдъ за первымъ пришло второе письмо, написанное въ выраженіяхъ еще болѣе страстныхъ, въ которомъ бѣдный юноша

настоятельно просил дать ему ответъ, но и второе письмо осталось также безъ ответа. Желание лично удостовериться, что он действительно былъ писавшій къ нему незнакомецъ, побудило Гете свернуть съ дороги и идти дальше къ Плессингу вдоль выжженныхъ кустовъ Вебера.

Плессингъ, услышавъ отъ своего посетителя, что онъ былъ Гете, сталъ его съ любопытствомъ расспрашивать, не бывалъ ли онъ въ Веймарѣ, не видалъ ли знаменитыхъ людей, которые тамъ живутъ. Гете отвѣчалъ утвердительно и началъ говорить о Крау-сѣ, Бертухѣ, Музеусѣ, Ягманнѣ и проч., какъ вдругъ его собеседникъ съ нетерпѣніемъ прервалъ его вопросомъ: что же не скажете вы мнѣ ничего о Гетѣ? Имямъ Веберъ отвѣчалъ, что онъ видѣлъ также и Гете. Тогда Плессингъ сталъ его просить, чтобы онъ описалъ ему великаго поэта. Гете исполнилъ просьбу съ полнымъ самоувѣреніемъ, но недостаточно искусно, такъ что собеседникъ болѣе проинатальный, могъ бы разгадать его инвективу.

Видя, какъ Плессингъ сталъ съ сильнымъ волнованіемъ рассказывать своему гостю, что Гете не отвѣчалъ на его весьма настоятельное письмо¹⁾, въ которое онъ, Плессингъ, описывалъ свое душевное состояніе и просилъ руководства и помощи. Имямъ Веберъ старался оправдать Гете, сколько могъ; но Плессингъ въ отвѣтъ на это предложилъ прочесть ему письмо, чтобы онъ могъ судить, заслужено ли имъ подобное невниманіе.

Преслушавъ чтеніе письма, имямъ Веберъ обратился къ имени съ симпатическими совѣтами, уговаривалъ его искать во великой природѣ или, еще лучше, въ какомъ-нибудь гнѣздыномъ занятіи избавленіе отъ гнѣздящихся его болѣзненныхъ мыслей. Но эти совѣты были съ нетерпѣніемъ отвергнуты и Гете оставилъ Плессинга, считая его болѣзнь почти безнадежною.

Впоследствии Гете много случай былъ полезенъ Плессингу, когда тотъ пріѣхалъ въ Веймаръ и, къ немалому изумленію, узналъ въ поэтѣ своего стараго знакомаго, живописца Вебера²⁾.

1) Въ 1788 г. Плессингъ завязъ знакомство съ Дунбургскимъ университетомъ. Здѣсь Гете посетилъ его на возвращеніи пути изъ похода во Францію въ 1792 г. Читатели могутъ быть не безынтересны знать, что Плессингъ совершенно излечился отъ своей болѣзненной навязчивости и состо-

Характеристическая особенность этого анекдота, ради чего собственно я и привелъ его здѣсь, состоитъ въ томъ, что онъ наглядно обнаруживаетъ реализмъ Гете: поэтъ смотрѣлъ на природу и на серьезную дѣятельность, какъ на единственное средство излеченія отъ сентиментализма и самоистязаній,—обратитесь къ дѣйствительности, и страшные фантомы, омрачающіе вашу душу, исчезнутъ, какъ мракъ ночи исчезаетъ предъ лучами солнца.

Въ январѣ слѣдующаго года (1778) Гете два раза былъ лицомъ къ лицу со смертью. Первый разъ это случилось на кабаньей охотѣ: у него сломилось копье, положеніе было весьма опасно, но онъ счастливо избѣжалъ опасности. На слѣдующій день, въ то время какъ онъ съ герцогомъ катался на конькахъ (и можетъ быть толковалъ о вчерашнемъ случаѣ), на льду показалась толпа, несшая трупъ несчастной дѣвицы фонъ-Лассбергъ, которая съ горя, что любовь ея оставалась безъ отвѣта, утопилась въ Ильмѣ, близъ того самаго мѣста, гдѣ Гете имѣлъ обыкновеніе прогуливаться по вечерамъ. Такое событіе во всякомъ случаѣ не могло бы не потрясти его, но на этотъ разъ впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что въ карманѣ несчастной дѣвушки оказался экземпляръ Вертера.¹⁾ Конечно, мы никогда не рѣшимся поставить писателю въ упрекъ подобный случай. Ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда не упрекалъ Платона въ самоубійствѣ Клеомброта, или Шиллера въ разбояхъ на большихъ дорогахъ. Но когда случается подобное бѣдствіе, какъ бы мы ни оправдывали писателя, ему самому не легко оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Тщетно стали бы вы ему доказывать, что его произведеніе, правильно понятое, не ведетъ къ самоубійству; какъ бы то ни было,

видя себѣ почетное имя въ нѣмецкой литературѣ. Его главные произведенія: *Osiris und Socrates*, 1783; *Historische und Philosophische Untersuchungen über die Denkart, Theologie und Philosophie der ältesten Völker*, 1785; и *Memnonium oder Versuche zur Enthüllung der Geheimnisse des Alterthums* 1787. Онъ умеръ въ 1806 г.

¹⁾ Римеръ, который рѣшительно отвергаетъ все, что только въ какомъ бы то ни было отношеніи можетъ говорить не въ пользу его идола, старается набросить сомнѣніе на этотъ фактъ и утверждаетъ, будто его выдумали злые языки. Но онъ не представляетъ никакихъ доказательствъ.

хоть и вслѣдствіе неправильнаго пониманія, но все-таки его произведеніе было ближайшей причиной и ему не легко сбросить съ себя тяжесть этого укора. Гете могъ сказать съ безукоризненной логикой: «если Платонъ побудилъ къ самоубійству Клеомброта, то несомнѣнно также, что онъ удержалъ отъ самоубійства Олимпіодора; если я былъ одной изъ многихъ причинъ, побудившихъ эту дѣвушку къ ея несчастному поступку, то несомнѣнно также, что я удержалъ отъ подобнаго поступка другихъ, какъ напр. того молодого француза, который по этому случаю написалъ мнѣ благодарственное письмо». Онъ могъ бы аргументировать такимъ образомъ, но для совѣсти недостаточно логическихъ оправданій: если я, стрѣляя въ дикаго звѣря, убью охотника, то моя совѣсть не останется спокойна.

Трупъ дѣвицы Лассбергъ былъ отнесенъ въ домъ г-жи фонъ-Штейнъ, находившійся неподалеку, и Гете оставался тамъ цѣлый день, стараясь утѣшить огорченныхъ родителей. Но и самъ онъ нуждался въ утѣшеніи. Несчастное событіе сильно потрясло его и направило его мысли на грустные предметы. «Скорбь—какъ онъ прекрасно выразился,—имѣетъ въ себѣ также нѣчто опасно привлекательное, какъ и вода; въ нихъ обѣихъ отражаются звѣзды небесныя и манятъ насъ».

Впрочемъ вскорѣ былъ онъ «вынужденъ приняться за театральныя занятія», такъ какъ необходимо было репетировать пьесу, которая готовилась ко дню рожденія герцогини. Пьеса эта была *Triumph der Empfindsamkeit*, «Торжество чувствительности». Свиданіе съ Плессингомъ и несчастное событіе съ дѣвицей Лассбергъ еще болѣе возстановили Гете противъ вертеризма и сентиментализма, и онъ сталъ ихъ осмѣивать безъ всякой пощады. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ названной пьесѣ является нѣкій принцъ, который способенъ только восторгаться луннымъ свѣтомъ и сентиментальными рапсодіями. Онъ обожаетъ природу, но не суровую, грубую, несовершенную, которая своей гигантской энергіей наводитъ ужасъ на нѣжную, чувствительную душу, а природу милую, розовую, которая существуетъ въ книгахъ. Онъ любитъ природу только въ томъ видѣ, какъ она представляется ему на театральной сценѣ. Видъ горъ восхитителенъ, но вершины ихъ увѣнчаны снѣжной діадемой, и какъ ни прелестна эта діадема,

отъ нея легко получить простуду. Свистъ вѣтра въ горахъ и ущеліяхъ невыносимъ для деликатныхъ нервовъ. Принцъ не любитъ вѣтра. Хорошо восходъ солнца, хорошо раннее утро, но въ это время бываетъ сыро, а принцъ подверженъ ревматизму.

Чтобъ избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ, принцъ сдѣлалъ для себя искусственную природу, которая сопровождаетъ его во всѣхъ путешествіяхъ; такимъ образомъ во всякое время, когда захочетъ, и въ совершенной безопасности отъ простуды, можетъ онъ наслаждаться лучнымъ свѣтомъ, веселымъ ландшафтомъ или видомъ мрачной пещеры. Онъ влюбленъ, но предметъ его любви такой же искусственный, какъ и его природа. Женщины очаровательны, но капризны, нѣжны, требовательны. Поэтому принцъ сдѣлалъ для себя куклу и одѣлъ ее, какъ одѣвалась женщина, которую онъ нѣкогда любилъ. Подлѣ этой куклы проводитъ онъ восторженные часы любви, вздыхаетъ по ней, воспѣваетъ ее въ своихъ пѣсняхъ. Является дѣйствительная женщина, оригиналъ обожаемой куклы, но принцъ не радуется ей, сердце его не бьется сильнѣе при ея появленіи, онъ ее не узнаетъ, снова бросается въ объятія своей куклы и такимъ образомъ чувствительность торжествуетъ.

Этотъ «отмѣнный дураческій фарсъ» состоялъ изъ пяти актовъ. Въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ былъ гораздо жестче, чѣмъ въ томъ видѣ, который дошелъ до насъ. Въ его сарказмахъ было гораздо больше личныхъ намековъ. Беттигеръ утверждаетъ даже, что въ передѣланномъ *Triumph der Empfindsamkeit* не сохранилось и тѣни прежняго юмора и сарказма. Бичъ Аристофана попалъ въ мощныя руки, которыя были беспощадны ко всякой пошлости, въ чемъ бы она ни проявлялась. Одежда, нравы, литература, ничто не было пощажено, и театральная сцена превратилась какъ-бы въ зеркало, которое показывало зрителямъ ихъ самихъ въ карикатурѣ. Пьеса кончалась тѣмъ, что кукла распарывалась и изъ нея выпадали книги, пользовавшіяся въ то время наибольшимъ успѣхомъ. На этихъ книгахъ красовались сентенціи строгія или забавныя, — особенно строго выражалась сентенція, красовавшаяся на Вертерѣ. Вся пьеса была испещрена танцами, музыкой, комическими переменами декораций. Для насъ эта пьеса — скучный фарсъ, но для того времени она была «очаровательное дурачество». Это дурачество напоминаетъ отчасти дурачество Аристофана, въ кото-

ромъ остроуміе предавалось полному разгулу, безъ всякаго удержа. Впрочемъ я долженъ признаться, что хотя нѣмцы и приходятъ въ восторгъ отъ остроты и юмора этой пьесы, но ихъ восторгъ не совсѣмъ для меня понятенъ. Остроуміе національно: нѣмца можетъ разсмѣшить до упаду то, что въ глазахъ француза или англичанина вовсе не имѣетъ въ себѣ ничего особенно смѣшнаго. Нѣмецкое остроуміе тяжело, оно — не рапира, а сабля, которая рубить жертву. Замѣчательно, что при всемъ богатствѣ нѣмецкой литературы у нѣмцевъ нѣтъ комедіи въ истинномъ смыслѣ этого слова. Къ нимъ можно примѣнить этотъ стихъ великаго мастера комической драмы, Аристофана:

*Κωμῶδὸς διδασκαλίαν εἶναι χαλεπώτατον ἔργον πάντων.
Πολλῶν γάρ οἱ πειρασάντων αὐτὸν ὀλίγοις χάρισασθαι ¹⁾.*

(Ни что такъ не трудно въ области искусства, какъ написать истинную комедію: многіе пробуютъ свои силы, но успѣваютъ весьма не многіе).

ГЛАВА VII.

Истинный филантропъ.

Удивительную фантазмагорію представляетъ его тогдашняя жизнь. Несмотря на многостороннюю служебную дѣятельность, онъ находитъ время читать, рисовать, гравировать, участвовать въ репетиціяхъ и представленіяхъ, и каждому изъ этихъ занятій онъ предается съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто у него и нѣтъ никакихъ другихъ заботъ. При неутомимой дѣятельности и необыкновенныхъ его способностяхъ, силы его не сосредоточиваются на созданіи чего-либо великаго, а дробятся на множество разнообраз-

¹⁾ Аристофанъ, *Equites*, V, 516.

ныхъ занятій, но благодаря этому разнообразію дѣятельности онъ обогащается многостороннимъ знаніемъ жизни. Въ это время началъ онъ писать Вильгельма Мейстера, Эгмонта; въ это же время задумалъ онъ Ифигенію. Служебныхъ заботъ было у него много, время у него постоянно было сильно занято. — Гервинусъ долженъ былъ хорошо это знать, и потому мы не можемъ не признать большой необдуманностью съ его стороны, когда онъ укоряетъ Гете въ «дипломатической невѣжливости», потому что не самъ отвѣтилъ на письмо своего зятя, а чрезъ секретаря. Неужели даже и съ зятемъ нельзя дозволить себѣ подобной вольности? ¹⁾).

Этотъ человекъ, котораго «дипломатическая холодность и аристократическое высокомеріе» послужили темой для столькихъ краснорѣчивыхъ тирадъ, былъ изъ всѣхъ нѣмцевъ самый отъявленный демократъ, пока ужасы французскаго террора не умѣрили его демократизма, какъ это было и со многими другими. Нетолько находилъ онъ удовольствіе быть среди народа, раздѣлять его образъ жизни, къ которому былъ такъ близокъ по простотѣ своихъ вкусовъ, но и питалъ къ народу самую горячую любовь. Вотъ что писалъ онъ изъ рудокопенъ къ своей возлюбленной: «Какъ сильно люблю я этотъ классъ людей: его называютъ низшимъ, но въ глазахъ Бога онъ, безъ сомнѣнія, высшій! Вы встрѣчаете въ немъ сочетаніе всѣхъ добродѣтелей: умѣренность, скромность, прямоту, вѣрность, терпѣніе, постоянство въ..... впрочемъ я не хочу вдаваться въ панегирикъ». Бѣдственное положеніе чулочныхъ ткачей въ Апольдѣ не позволяетъ ему продолжать Ифигенію. «Драма не подвигается ни на шагъ. На ней лежитъ проклятіе. Царь Тавриды долженъ говорить, какъ будто въ Апольдѣ не умираютъ съ голоду!»

Поразительный контрастъ съ этой горячей любовью къ народу представляетъ его презрѣніе къ такъ-называемому большому свѣту, съ которымъ онъ ознакомился при посѣщеніи сосѣднихъ дворовъ. Сердечная его привязанность къ Карлу Августу, котораго онъ обра-

¹⁾ Эти строки уже были написаны, когда вышла въ свѣтъ корреспонденція Гете съ г-жей фонъ-Штейнъ. Мы видимъ изъ этой корреспонденціи, что даже къ ней писалъ онъ изъ Швейцаріи не самъ, а диктовалъ письма своему секретарю. Въдѣ не дипломатическая же это невѣжливость, если онъ къ герцогу обыкновенно писалъ чрезъ секретаря.

зовалъ, и къ герцогинѣ Луизѣ, которая ему внушала къ себѣ рыцарское уваженіе, не помѣшала ему видѣть всю ничтожность другихъ принцевъ и окружающаго ихъ люда:

Gute Gesellschat hab'ich gesehen; man nennt sie die gute,
Wenn sie zum kleinsten Gedicht keine Gelegenheit giebt

(Видѣлъ я хорошее общество, — его называютъ хорошимъ потому, что оно не подаетъ повода къ пѣснѣ)

такъ говорить онъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ. Тяжкое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ поѣздки съ герцогомъ въ Берлинъ, въ маѣ 1778 г. Онъ пробылъ тамъ только нѣсколько дней, но успѣлъ видѣть многое. «Близко видѣлъ я стараго Фрица, видѣлъ его образъ жизни, его золото, серебро, статуи, обезьянъ, попугаевъ, слышалъ, какъ дворняжки тявкали кругомъ великаго человека». Потсдамъ и Берлинъ были въ то время полны шумомъ военныхъ приготовленій. Когда пріѣхали наши путешественники, король былъ въ отсутствіи; ихъ принялъ принцъ Генрихъ. Принцъ встрѣтилъ поэта весьма любезно и пригласилъ его обѣдать вмѣстѣ съ Карломъ Августомъ. Въ числѣ обѣдавшихъ было нѣсколько генераловъ. Гете смотрѣлъ, слушалъ, но самъ все время упорно молчалъ. Не малое презрѣніе чувствовалъ онъ къ Прусскому двору и къ великимъ его людямъ, которые въ его глазахъ были весьма маленькіе люди. «Все время, что я находился въ Пруссіи въ владѣніяхъ, не произнесъ я ни одного слова, котораго бы нельзя было опубликовать. Вслѣдствіе этого меня называли высокомернымъ и т. п.» Варнгагенъ говоритъ, что своей крайней сдержанностью и своимъ невниманіемъ къ Берлинскимъ литераторамъ онъ возбудилъ противъ себя въ Берлинѣ столь сильное недоброжелательство, что потомъ это путешествіе навсегда осталось для него тяжелымъ воспоминаніемъ ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Варнгагенъ, что общаго имѣли между собой Гете и такіе люди, какъ Николай, Гамлеръ, Ангель, Цельнеръ и др.? Гете посѣтилъ писательницу Каршинъ, артиста Ходовецкаго, а отъ всѣхъ другихъ онъ держалъ себя въ отдаленіи. Берлинъ не такой былъ городъ, чтобы онъ могъ

¹⁾ Vermischte Schriften, III, p. 62.

тамъ чувствовать себя дома. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, какое невысокое мнѣніе имѣлъ о немъ Фридрихъ, котораго симпатіи лежали совершенно въ иную сторону. Образование Фридриха было чисто Французское. Мнѣніе его о нѣмецкой литературѣ было хорошо извѣстно. Какъ разъ въ томъ году появилось его сочиненіе, гдѣ Гецъ фонъ-Берлихингенъ приводился, какъ доказательство, что въ нѣмецкой литературѣ господствуетъ дурной вкусъ. Это мѣсто весьма курьёзно: «Vous y verrez représenter les abominables pièces de Shakspear traduites en notre langue, et tout l'auditoire se pâmer d'aise en entendant ces farces ridicules et dignes des sauvages de Canada». И это уже весьма прискорбно, но зло не ограничивается этимъ: Шекспиру еще можно извинить его недостатки, «car la naissance des arts n'est jamais le point de leur maturité. Mais voila encore un Goetz de Berlichingen, qui parait sur la scène, imitation détestable de ces mauvaises pièces anglaises, et le parterre applaudit et demande avec enthousiasme la répétition des ces degoutantes platitudes» ¹⁾).

Эти два Германскіе властителя, Фридрихъ и Вольфгангъ, не сходились между собой на дружественный конгрессъ и, по всей вѣроятности, подобный конгрессъ не могъ бы имѣть никакого хорошаго результата. Между тѣмъ оба они были, каждый въ своей сферѣ, самыми мощными властителями того времени. Фридрихъ не содѣйствовалъ непосредственно процвѣтанію литературы своей страны, но онъ имѣлъ на нее косвенное вліяніе, какъ это указываетъ Грипенкерль ²⁾). Громомъ своихъ барабановъ онъ пробудилъ нѣмцевъ отъ дремоты; звукъ оружія и боевые порядки дали почувствовать людямъ, даже вовсе къ нимъ не расположеннымъ, что въ мірѣ происходитъ нѣчто важное,—нѣмцы стали протирать свои заspanные глаза. Во всякомъ случаѣ, громъ барабановъ оказалъ ту услугу, что заставилъ многихъ встать изъ-за книги и подойти къ окну, чтобы посмотреть, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ,

¹⁾ De la Litterature Allemande, p. 46. Не менѣе характеристично презрѣніе, съ какимъ онъ относился къ *Nibelungen Lied*, которая въ то время была только-что открыта: онъ объявлялъ, что никогда не потерпитъ у себя въ домѣ подобнаго мусора.

²⁾ Der Kunstgenius der Deutschen Literatur des letzten Jahrhunderts, I, p. 52.

гдѣ, къ немалому удивленію ученаго люда, значительную роль играли люди, не умѣвшіе даже проспрягать греческій глаголѣ на «*μειν*» ¹⁾.

По возвращеніи въ Веймаръ, Гете занялся изученіемъ архитектуры по случаю перестройки герцогскаго дворца и принялся за преобразование парка. Впрочемъ я пройду молчаніемъ многія подробности тогдашней его дѣятельности, чтобъ остановиться на эпизодѣ, который безъ сомнѣнія расположить къ нему сердца всѣхъ читателей. Надѣюсь, читателю очевидно, что я не стараюсь прикрасить его недостатки или скрыть его слабости, — я рассказываю все, что нахожу въ достовѣрныхъ источникахъ, и хорошее и дурное. Недостатки и слабости, даже прискорбныя заблужденія, не отчуждаютъ насъ отъ друга, — почему же должны они унижать героя въ нашихъ глазахъ? Не долженъ ли біографъ безбоязненно довѣряться снисходительности человѣческаго сердца? Не напрасный ли это трудъ — стараться доказать безукоризненность своего героя? Читатель — не *valet de chambre*, неспособный понимать величіе, когда оно въ «*халатѣ*». Не должны мы забывать глубокое изрѣченіе Гегеля въ отвѣтъ на ходячій афоризмъ: ни одинъ герой не можетъ быть великъ въ глазахъ своего слуги. «Это происходитъ не потому — говоритъ Гегель — что герой не есть герой, а потому, что слуга есть слуга» ²⁾. Я вполне довѣряюсь чувствамъ, какія должно вызвать въ читателѣ знакомство съ жизнью Гете, — вполне увѣренъ, что эта жизнь, при всѣхъ ея слабыхъ сторонахъ, не можетъ не возбудить любви и уваженія къ великому человѣку, — не стараюсь расположить къ нему читателя рассказами о такихъ фактахъ, которые бы свидѣтельствовали о необыкновенныхъ его качествахъ. Но не могу я удержаться, чтобъ не воздать ему должной дани удивленія, дойдя до того эпизода его жизни,

¹⁾ Д-ръ Жоржъ сдѣлался знаменитъ (или по крайней мѣрѣ былъ знаменитъ, потому что увы! что такое слава?) своимъ остроумнымъ предположеніемъ, что Фридрихъ «несмотря на всѣ свои победы», не въ состояніи выполнить этотъ умственный подвигъ. До сихъ поръ еще многіе измѣряютъ величіе ума способностью спрягать глаголѣ на «*μειν*».

²⁾ «Nicht aber darum weil dieser kein Held ist, sondern weil jener der Kammerdiener ist». — *Philosophie der Geschichte*, p. 40. Гете повторялъ это изрѣченіе какъ эпиграмму, а Карлейль сдѣлалъ его популярнымъ.

который выставляет въ столь яркомъ свѣтѣ всю нѣжность, все великодушіе, все благородство его природы, что едвали найдется человѣкъ, способный, ознакомясь съ этимъ эпизодомъ, отказаться въ любви дѣйствующему въ немъ герою. Много находимъ мы въ его жизни великодушныхъ поступковъ. Римеръ приводитъ многіе примѣры ¹⁾, но эти поступки такого рода, что трудно было бы предположить, чтобъ поэтъ могъ поступить иначе. Что онъ былъ нѣжнаго сердца, щедръ, любящъ, безкорыстенъ, что его доброта одинаково проявлялась какъ въ мелочахъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ (весьма многозначительная черта) ²⁾, — это хорошо извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ нѣмецкой литературой. Но не много найдется людей, которые бы могли предположить, что подъ величественной мудростью и спокойнымъ самообладаніемъ этого человѣка, столь часто укоряемаго въ безсердечіи, скрывается такое сердце, какое сказалось въ нижеслѣдующемъ эпизодѣ:

Человѣкъ (имя его до сихъ поръ остается тайной) страннаго, болѣзненнаго, недовѣрчиваго характера, впалъ въ нищету частью вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ и частью по собственной винѣ. Онъ обратился къ Гете за помощью, какъ это дѣлали многіе другіе, и описалъ ему свое положеніе со всѣмъ краснорѣчіемъ отчаянія.

«Понятіе, какое я составилъ себѣ о васъ по вашему письму, — пишетъ Гете, — полагаю не ошибочно, и для меня въ высшей степени прискорбно подумать, что я не въ состояніи ни помочь, ни даже обнадежить человѣка, котораго желанія такъ умѣренны. Сколько людей ожидали у купели движенія воды, которую возмущалъ

¹⁾ Mittheilungen, I, 102—5.

²⁾ Въ оцѣнкѣ характеровъ обыкновенно встрѣчается весьма прискорбное недоразумѣніе. Мы часто ошибочно принимаемъ припадокъ чувствительности за признакъ любящаго сердца, — случайный добрый поступокъ — за признакъ добраго характера. Benjamin Constant говоритъ о самомъ себѣ: «je puis faire de bonnes et fortes actions, je ne puis avoir de bons procédés,» — такихъ людей много. Не мало такихъ людей, которые способны на разныя мелкія добрыя дѣла, но не способны подняться до великодушія въ истинномъ смыслѣ этого слова; это натуры бѣдныя, у которыхъ вѣтъ въ сердцахъ высокихъ струнъ.

ангелъ, но не многіе получили изцѣленіе, и я не такой человѣкъ, который бы могъ сказать: встань и иди. Примите же это не многое, что я могу дать, какъ доску спасенія, которую я вамъ подбрасываю, чтобъ выиграть время. Если вы долго тамъ пробудете, то я постараюсь доставить вамъ еще небольшую помощь. Увѣдомьте меня о полученіи этихъ денегъ и какъ долго вы можете ими обойтись. Не нужны ли вамъ платье, сапоги, теплые чулки, — напишите, я могу этимъ подѣлиться.

«Примите эти капли бальзама изъ маленькой походной аптечки услужливаго самарянина съ тѣмъ же расположеніемъ духа, съ какимъ онъ вамъ посылается». Этотъ отвѣтъ былъ писанъ 2 ноября 1778 г.—11 ноября онъ пишетъ ему вторично: изъ этого письма мы видимъ, что онъ рѣшился не ограничиться минутнымъ вспомошествованіемъ, а оказать ему дѣйствительную помощь. Вотъ что онъ къ нему писалъ:

«Посылаю сюртукъ, сапоги, чулки и немного денегъ. Вотъ какой планъ составилъ я для васъ на эту зиму:

«Въ Іенѣ дешево жить. Я приищу какъ можно подешевле квартиру со столомъ и проч.,—скажу, что это для одного господина, который получаетъ маленькій пенсіонъ и хочетъ жить въ уединеніи. Какъ только это устрою, напишу вамъ; тогда вы приѣзжайте сюда и поселяйтесь на этой квартирѣ. Я пришлю вамъ сукно, подкладку и деньги для платья, и какъ только платье ваше будетъ готово, я скажу ректору, что вы мнѣ рекомендованы, желаете записаться въ университетъ и жить при университетѣ въ уединеніи.

«Потомъ вамъ придется придумать какой-нибудь разсказъ для объясненія своего положенія; ваше имя внесутъ въ университетскій списокъ и тогда никто васъ больше беспокоить не будетъ, ни бургомистры, ни амтманы. Я не посылаю вамъ моего платья, потому что въ Іенѣ могли бы узнать, что оно мое. Напишите, что думаете вы объ этомъ планѣ и на что вы рѣшитесь».

Какая заботливость видна въ этомъ письмѣ! Въ припискѣ къ этому письму онъ говоритъ: «вы теперь на твердой землѣ! человѣкъ живетъ только разъ. Я вполне понимаю, что значить

въ добавокъ къ своимъ ношамъ взвалить себѣ на плечи еще судьбу другого человѣка,—но вы не погибнете.»

23 числа онъ пишетъ: «Сегодня получилъ я ваши письма отъ 17-го и 18-го ноября. Я предупредилъ ваше желаніе и заранѣе принялъ уже мѣры, чтобы узнать подробности, на какихъ условіяхъ можно жить въ Іенѣ подъ охраной университета. Пока не получится отвѣтъ, оставайтесь спокойно въ Герѣ,—послѣ завтра вы получите отъ меня посылку и къ тому времени я вѣроятно буду имѣть возможность написать вамъ о дѣлѣ подробнѣе.

«Помогать вамъ для меня вовсе не тягость, а, напротивъ, — я учусь хозяйничать; я много трачу на пустяки и поэтому могу удѣлить нуждающимся. Думаете ли вы, что ваши слезы и ваши благословенія ничего не значать? Имущій долженъ давать, а не благословлять. Между тѣмъ какъ богатые и сильные міра сего надѣляются благами и почестями, судьба взаимно того одарила несчастныхъ властію благословлять, которая для счастливыхъ недосыгаема».

Какія благородныя слова! Подобныя фразы были бы просто возмутительны въ устахъ фарисея филантропа, который вмѣсто того, чтобы оказать помощь, только проповѣдуетъ о помощи; но когда мы знаемъ, что рука, писавшая эти строки, была всегда готова на помощь ближнему,—когда мы знаемъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ, несмотря на свои собственные нужды, онъ отдѣлялъ шестую часть изъ умѣренныхъ своихъ доходовъ бѣдному незнакомцу,—когда мы знаемъ, изъ несомнѣнныхъ данныхъ, что эти слова были не пустая фраза, а искреннія, торжественныя изліянія глубоко любящаго сердца, то, говорю я, не могутъ эти слова не отозваться глубоко въ нашемъ сердцѣ, не могутъ не возбудить въ насъ чувства любви и уваженія къ тому, кто ихъ произносилъ.

Сколько ума и нѣжности въ этихъ строкахъ: «Можетъ быть вамъ скоро представится случай быть мнѣ полезнымъ. Не тотъ, кто умѣетъ надѣлять проектами и обѣщаніями, а тотъ, кто и въ мелочахъ умѣетъ оказывать дѣйствительныя услуги, пріятель чело-вѣку, который такъ радъ, когда можетъ сдѣлать что-либо по-истинѣ доброе и прочное.

«Не презирайте бѣдныхъ филантроповъ за ихъ осмотритель-

ность, осторожность. Надо ужъ очень усердно молиться, чтобы при горькомъ опытѣ жизни сохранить добрую волю, мужество и юношескую довѣрчивость (ингредиенты благотворительности). Такъ рѣдко случается оказать дѣйствительную помощь истинно нуждающимся, что не можемъ мы не признать за великую благодать отъ Бога, когда Онъ призываетъ насъ къ этому».

Слѣдующее письмо, отъ 11 декабря, говоритъ само за себя:

«Сегодня рано утромъ получилъ я ваше письмо отъ 7 декабря. Прежде всего считаю нужнымъ васъ успокоить,—не стѣсняйтесь, вы получите ваши сто талеровъ, гдѣ бы вы ни жили, только выслушайте, что я скажу.

«Я знаю, что дѣйствительность для насъ и есть именно такова, какой мы себѣ ее представляемъ, и хотя ваше мнѣніе о Іенѣ совершенно ошибочно, но я знаю, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ отдѣлаться отъ подобнаго ипохондрическаго настроенія. Но многимъ причинамъ считаю я Іену лучшимъ мѣстомъ, гдѣ бы вамъ жить. Академія и городъ давно уже утратили свою прежнюю аристократичность и дикость,—студенты тамъ не хуже, чѣмъ вездѣ, и между ними много хорошихъ людей. Тамъ постоянно такой наплывъ и отливъ людей, что появленіе одного человѣка рѣшительно не будетъ замѣчено. Кромѣ того, тамъ такъ много бѣдныхъ людей, что бѣдность не обращаетъ на себя особеннаго вниманія и не считается позоромъ. Притомъ это все-таки городъ, гдѣ можете всегда найти все нужное. Зимой, въ деревнѣ, притомъ больному, безъ медицинской помощи—положеніе грустное! мало того, люди, которымъ я васъ рекомендую, очень добрые и примутъ васъ какъ нельзя лучше. Наконецъ, что бы ни случилось съ вами, я всегда буду въ состояніи, такъ или иначе, помочь вамъ. Также могу я быть полезенъ вамъ и для первоначальнаго вашего устройства,—за квартиру и столъ можно будетъ заплатить послѣ. Къ Новому году я буду въ состояніи дать вамъ нѣсколько денегъ. Остальное можно будетъ сдѣлать въ кредитъ. Вы были бы близко отъ меня. Каждый базарный день могъ бы я посылать вамъ что-нибудь,—вино, провизію, посуду; это мнѣ стоило бы не дорого, а между тѣмъ улучшало бы ваше положеніе, и я такимъ образомъ могъ бы дѣлаться съ вами моимъ хозяйствомъ. Какъ трудны сообщенія съ Герой, — что ни пошлешь, ничто не получается въ-время;

посылки обходятся дорого. Въ Іенѣ вы можете прожить многіе мѣсяцы и никто не замѣтитъ вашего присутствія. Вотъ причина, почему я предпочитаю для васъ Іену. И вы были бы того же мнѣнія, еслибъ смотрѣли на Іену не предубѣжденными глазами. Что еслибы вы сдѣлали пробу и хоть навремя туда переселились? Впрочемъ когда у человѣка разстроены нервы, то и присутствіе мухи даже можетъ быть причиной большаго безпокойства, — я знаю, что въ подобныхъ случаяхъ всякіе доводы безсильны.

«Подумайте,—вы бы этимъ облегчили и себя и меня. Я обещаю, что вамъ будетъ хорошо въ Іенѣ. Но если не можете сладить съ собой, оставайтесь въ Герѣ. Въ Новый годъ вы получите 25 талеровъ, и по стольку же будете получать чрезъ каждые четыре мѣсяца, въ Свѣтлый праздникъ, въ Ивановъ и въ Михайловъ день. Болѣе я сдѣлать не могу. Хотя на моемъ мѣстѣ деньги достаются не трудно, но тѣмъ неменѣе я долженъ быть очень осмотрителенъ въ своемъ хозяйствѣ; и то, что я вамъ уже удѣлилъ, сдѣлало въ моемъ хозяйствѣ значительную прорѣху, такъ какъ это было въ концѣ года и притомъ я къ этому не былъ приготовленъ. Теперь надо зачинивать эту прорѣху. Напишите, сколько вами получено отъ меня. Нѣкоторыя отправки я забылъ записать и теперь не могу свести счетовъ.

«Еслибъ вы рѣшились поселиться въ Іенѣ, то я могъ бы дать вамъ нѣкоторыя порученія, можетъ быть даже какое-нибудь занятіе, доставилъ бы вамъ нѣкоторыя знакомства. Впрочемъ, поступайте, какъ вамъ скажетъ ваше сердце, и если мои доводы не убѣдятъ васъ, оставайтесь въ Герѣ. Пишите свою біографію, какъ хотѣли, и посылайте мнѣ отрывками, по мѣрѣ того какъ будете писать. Будьте увѣрены, что я забочусь только, чтобы вы были спокойны и довольны, и что если уговариваю васъ ѣхать въ Іену, то это потому только, что въ Іенѣ мнѣ удобнѣе и легче васъ устроить».

Бѣдный ипохондрикъ былъ не въ силахъ преодолѣть свои предубѣжденія и вмѣсто Іены переселился въ Ильменау. Гете доставилъ ему здѣсь квартиру, посылалъ ему деньги и книги. Устроивъ его такимъ образомъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ старался развлечь его умственными занятіями, поощрялъ заняться описаніемъ своей жизни, своихъ путешествій.

«Я очень доволенъ,—пишетъ къ нему Гете 13 іюля 1779 года,—что контрактъ наконецъ заключенъ. Ваши хозяева требуютъ сто талеровъ въ годъ. Я буду доставлять по 25 талеровъ чрезъ каждые четыре мѣсяца и озабочусь, чтобъ съ конца іюля у васъ были карманные деньги. Кое-что буду посылать in natura, какъ напр. бумагу, перья, сюргучъ и пр. Посылаю кой-какія книги,—прошу потомъ ихъ возвратить по назначенію.

«Благодарю за извѣстія; продолжайте сообщать ихъ попрежнему. Желаніе дѣлать добро есть желаніе смѣлое, гордое. Мы должны быть очень благодарны, когда судьба позволяетъ намъ сдѣлать добро, хотя самое незначительное.

«Я имѣю сдѣлать вамъ одно предложеніе. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы, устроившись на новой вашей квартирѣ, вы занялись съ однимъ мальчикомъ, который теперь обучается въ Ильменау охотничьему ремеслу. Воспитаніе этого мальчика находится на моемъ попеченіи.

«Онъ имѣетъ начальныя свѣдѣнія во французскомъ языкѣ. Не можете ли вы заняться съ нимъ этимъ языкомъ? Онъ не дурно рисуетъ. Хорошо было бы, еслибъ вы поддерживали въ немъ расположеніе къ этому занятію. Я назначилъ бы часы, когда онъ долженъ являться къ вамъ. Часто я очень беспокоюсь на его счетъ, и вы могли бы избавить меня отъ этого беспокойства, еслибъ въ дружескихъ съ нимъ бесѣдахъ удостовѣрялись въ настроеніи его ума, наблюдали бы за его развитіемъ и сообщали мнѣ обо всемъ. Весь вопросъ въ томъ, можете ли вы взять на себя подобный трудъ? Сколько я могу судить по себѣ, общество дѣтей веселить, молодить. По полученіи вашего отвѣта я напишу объ этомъ подробнѣе. Вы оказали бы мнѣ этимъ существенную услугу, и я могъ бы ежемѣсячно удѣлять вамъ нѣкоторую часть изъ средствъ, предназначенныхъ на воспитаніе этого мальчика.» — (Мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, — Петръ Имбаумгартенъ; мы упоминали о немъ выше).

Обратите вниманіе, съ какой деликатностью Гете намекаетъ Крафту ¹⁾, что не намѣренъ брать у него времени даромъ. Възвѣсь-

¹⁾ Крафтъ не есть настоящее имя, а вымышленное. Настоящее же его имя осталось неизвѣстно.

те его слова. Не говорятъ ли они громко о безпредѣльной добротѣ его сердца! Много ли найдется людей, которые бы не сочли себя вправѣ потребовать подобной услуги отъ чловѣка, живущаго на ихъ счетъ? Многимъ ли пришла бы даже мысль въ голову, что они должны заплатить за эту услугу? Гете чувствовалъ, что долженъ заплатить Крафту, какъ заплатилъ бы всякому другому учителю, что просить у него подобной услуги, можетъ быть для него весьма тяжелой, значило бы продать свое благодѣяніе. Въ тоже время деликатность не позволяла ему вступать съ нимъ въ торгъ, что будетъ стоить его услуга. Ему нельзя было не намекнуть, что за уроки будетъ заплачено, но прежде всего онъ говоритъ Крафту, что принявъ на себя этотъ трудъ, обяжетъ его, — онъ даетъ случай Крафту выказать свою благодарность, ставить дѣло такъ, что Крафтъ становится благодѣтелемъ своего благодѣтеля. Этотъ поступокъ возбуждаетъ во мнѣ такія чувства, что я просто готовъ, употребляя выраженіе Виланда, «съѣсть Гете изъ любви къ нему (Goethe vor Liebe fressen können)!

Крафтъ принялъ предложеніе. Вслѣдъ затѣмъ Гете посылаетъ ему полотна на полдюжины рубашекъ, сукна на скортукъ и проситъ его откровенно писать обо всемъ, что съ нимъ случится. 9-го сентября онъ ему пишетъ:

«Спѣшу благодарить васъ за ваши заботы о Петрѣ. Этотъ мальчикъ очень дорогъ моему сердцу. Мнѣ поручилъ его несчастный Линдау. Дѣлайте для него все, что можете. Читаетъ ли онъ, изучаетъ ли французскій языкъ, рисуетъ ли и т. д., это все равно, лишь бы только занимался. Пишите, какъ находите его, что думаете о немъ. Пусть онъ считаетъ теперь егерское ремесло главнымъ своимъ занятіемъ. Постарайтесь удостовѣриться, любитъ ли онъ его, дѣлаетъ ли въ немъ успѣхи. Повѣрьте, чловѣку прежде всего должно знать какое-нибудь ремесло, которое бы его кормило. Художника не кормитъ его искусство. Ремесло — другое дѣло. Художникъ Ходовецкій, произведеніямъ котораго мы удивляемся, живетъ въ нуждѣ, а Ходовецкій — ремесленникъ отъ мелкихъ произведеній своего гравировальнаго искусства имѣетъ достатокъ.»

Въ письмѣ отъ 13 января 1780 г. въ слѣдующихъ словахъ благодаритъ онъ Крафта за выполненіе нѣкоторыхъ его порученій:

«Ваша внимательность ко мнѣ и заботливость ваша о Петрѣ вознаграждаютъ меня съ избыткомъ за все, что я могъ для васъ сдѣлать. Не тревожьтесь о будущемъ,—безъ сомнѣнія представится еще случай, что вы будете мнѣ полезны, а пока пусть все продолжается какъ было.» Это письмо было писано въ самый день его возвращенія въ Веймаръ изъ путешествія по Швейцаріи. Оно показываетъ, какъ велика была его заботливость о сиротѣ, котораго взялъ на свое попеченіе. Изъ другаго письма мы видимъ, что заботы о Крафтѣ простирались такъ далеко, что онъ принималъ даже мѣры, чтобы Крафтъ не остался безъ покровителей въ случаѣ его смерти. Надо замѣтить впрочемъ, что Гете держалъ въ большой тайнѣ добро, которое дѣлалъ,—даже въ письмахъ къ Г-жѣ фонъ-Штейнъ онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на отношенія свои къ Крафту.

Съ 1781 г. онъ увеличилъ пенсіонъ Крафта, вмѣсто прежнихъ карманныхъ денегъ и ста талеровъ на квартиру и столъ, онъ сталъ давать ему по двѣсти талеровъ въ годъ. «Столько я могу вамъ давать; не мучьте себя изъ пустяковъ и расходуйте эти деньги какъ хотите. Прощайте. Надѣюсь въ скоромъ времени получить извѣстіе, что ваша болѣзнь васъ совсѣмъ оставила.» Это увеличеніе пенсіона побудило Крафта просить еще большей прибавки. Характеристиченъ отвѣтъ на это Гете:

«Вы хорошо сдѣлали, что откровенно написали мнѣ о вашемъ душевномъ состояніи,—мнѣ это нужно знать, хотя я не въ состояніи васъ совершенно успокоить. Мои средства не позволяютъ мнѣ давать вамъ больше двухъ сотъ талеровъ въ годъ, а иначе я войду въ долги, что при моемъ общественномъ положеніи весьма неудобно. Двѣсти талеровъ будете вы получать аккуратно, старайтесь обойтись ими и понемногу обзавестись всѣмъ необходимымъ.

«Я предоставляю себѣ право надѣяться, что вы безъ моего вѣдома и согласія, не переимѣните ни вашего мѣстожительства, ни вашей квартиры. Каждый человѣкъ имѣетъ свои обязанности, пусть это будетъ для васъ обязанностью, которую налагаетъ на васъ ваша любовь ко мнѣ, и вамъ не трудно будетъ ее исполнить.

«Мнѣ было бы весьма непріятно, еслибъ вы стали занимать у кого-нибудь. Это несчастное недовольство, которое теперь васъ

мучить, было несчастіемъ всей вашей жизни. Вы и съ тысячью талеровъ въ годъ были бы не болѣе довольны; чѣмъ теперь съ двумястами талеровъ, потому что ваши желанія всегда превосходили ваши средства и вы не приучили себя сдерживать ихъ въ границахъ возможности. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать вамъ упрекъ; я очень хорошо понимаю ваше душевное состояніе, — я чувствую, какъ тяжело для васъ долженъ быть контрастъ между теперешнимъ и прежнимъ вашимъ положеніемъ. Довольно объ этомъ. Вотъ вамъ мое рѣшительное слово: чрезъ каждые четыре мѣсяца вы будете получать по пятидесяти талеровъ; на этотъ разъ вы получите немного впередъ. Соображайте съ этимъ ваши расходы. Жить какъ велитъ долгъ — тяжело, но только въ исполненіи долга человѣкъ и можетъ высказать свое внутреннее достоинство; а жить какъ вздумается — это каждый съумѣетъ.»

Слѣдующее письмо (отъ 11 ноября 1781 г.) не требуетъ никакихъ объясненій:

«Если вы еще разъ перечтете со вниманіемъ мое послѣднее письмо, то для васъ, надѣюсь, сдѣлается ясно, что вы неправильно его поняли. Вы не упали въ мое мнѣніе, я не имѣю о васъ дурнаго мнѣнія, я не измѣнилъ хорошаго мнѣнія о васъ, вашъ образъ мыслей не безчестенъ въ моихъ глазахъ: все это такія рѣзкія выраженія, какихъ разсудительный человѣкъ не долженъ себѣ позволять. Если я прямо высказываю свои мысли, если выражаю желаніе видѣть нѣкоторую перемѣну въ вашемъ образѣ мыслей и въ вашемъ образѣ дѣйствій, то развѣ изъ этого слѣдуетъ, что я считаю васъ дурнымъ человѣкомъ и желаю прервать съ вами прежнія отношенія?

«Ипохондрическія чувства, выходящія изъ всякой мѣры, которыя продиктовали вамъ ваше послѣднее письмо, и суть именно то, что я осуждаю въ васъ и о чемъ сожалею. Хорошо ли это съ вашей стороны, обращаться ко мнѣ съ такими словами: «приказывайте, въ какомъ тонѣ должны быть мои письма». Можно ли приказывать подобныя вещи честному и разсудительному человѣку? Хорошо ли это съ вашей стороны, что вы мнѣ пишете и подчеркиваете: «Я ѣмъ вашъ хлѣбъ». Прилично ли нравственному человѣку выходить изъ себя, на словахъ или на дѣлѣ, потому что

ему очень вѣжливо сказали, что въ немъ осуждаютъ что-нибудь, или находятъ въ немъ какую-либо болѣзную сторону?

«Не объясняйте же въ дурную сторону, если я желаю видѣть васъ довольнымъ тѣмъ, что могу сдѣлать для васъ, хотя мои средства позволяютъ мнѣ дѣлать весьма немногое.

«Итакъ, если хотите, пусть остается между нами все попрежнему; по крайней мѣрѣ я нисколько не измѣню моихъ отношеній къ вамъ».

Хотя до насъ дошло еще только одно письмо отъ Гете къ Крафту, писанное два года позднѣе, т. е. въ 1783 г. но надо полагать, что вышеприведенное письмо Гете убѣдило Крафта въ его неправотѣ, такъ какъ отношенія ихъ продолжались послѣ того еще семь лѣтъ. Намѣреваясь писать жизнь герцога Бернгарда, Гете поручилъ Крафту сдѣлать для него выписки изъ архивовъ. Люденъ, просматривавшій эти экстракты съ біографической цѣлью, говорить, что они были совершенно никуда не годны ¹⁾. Вотъ дошедшія до насъ послѣднія строки отъ Гете къ Крафту. «Вы мнѣ оказали уже услуги, и вамъ представится еще случай оказать мнѣ новыя услуги. Я не могу раздавать никакихъ милостей и мое расположеніе не такъ измѣнчиво. Будьте здоровы, и живите спокойно, довольствуясь малымъ». Заботливость Гете о Крафтѣ прекратилась только со смертью несчастнаго бѣдняги въ 1785 г. Гете похоронилъ его на свой счетъ, но даже и официальнымъ лицамъ въ Іенѣ не открылъ его настоящаго имени.

Помоимъ понятіямъ эти письма свидѣлствуютъ о такой утонченной, нѣжной деликатности чувства и столь искренней любви къ ближнему, о готовности облегчить участь страждущаго даже цѣной такихъ жертвъ, какія рѣдко дѣлаются и для друзей, а не только для незнакомыхъ, что эти эпитеты: «холодный, безсердечный», такъ часто встрѣчающіеся въ возгласахъ о Гете, звучать въ нашихъ ушахъ, какъ оскорбленіе самыхъ благороднѣйшихъ чувствъ человѣка. Замѣьте, что этотъ Крафтъ не былъ романическое существо, что съ нимъ не случилось никакого особенно-трогательнаго происшествія, однимъ словомъ онъ не представлялъ ничего

¹⁾ Люденъ, Rückblicke in mein Leben.

такого, что могло бы привлечь къ нему особенно сильное сочувствіе или состраданіе,—для него не дѣлалось подписокъ, никто не проливалъ слезъ надъ его несчастіями. Незвѣстный, одинокій, безъ друзей, въ разладѣ съ самимъ собой и съ міромъ, онъ открылъ по секрету свое бѣдственное положеніе великому поэту, и поэтъ въ тайнѣ протянулъ ему руку, осушилъ его слезы, озабочился о его нуждахъ,—и это было съ его стороны не единичный актъ, не проходящій порывъ, а доброе дѣло, непрестанно совершавшееся въ теченіе семи лѣтъ.

Грустно, тяжело подумать, что этого человѣка, въ теченіе многихъ лѣтъ, и въ Англіи, и въ его собственной странѣ, не только упрекали, но просто даже порочили за его «холодность и безсердечіе». Нѣсколько сдержанныя, жесткія манеры, воздержность, свойственная старческому возрасту, отсутствіе политическаго энтузіазма, нѣсколько изрѣченій, фальшиво истолкованныхъ,—вотъ данныя, изъ которыхъ создали о немъ такое представленіе, что онъ, подобно олимпійскому Юпитеру, возсѣдаетъ на своемъ тронѣ высоко надъ человѣчествомъ, смотритъ на жизнь, но не чувствуетъ ее, что сердце его недоступно благороднымъ побужденіямъ, что вся жизнь его есть ни что иное, какъ разсчитанный эгоизмъ. Но какимъ же образомъ такой безсердечный человѣкъ могъ стать величайшимъ поэтомъ новаго времени, какъ могъ холодный, бездушный дипломатъ изобразить въ своихъ произведеніяхъ такую чудную, полную картину человѣческой жизни,—этого никто не пытался объяснить, пока не явился наконецъ Менцель, провозгласившій съ неслыханной дерзостью, что Гете — не геній, а только талантъ, что вся прелесть его произведеній заключается въ ихъ стилѣ, въ искусствѣ изображенія. Англія совершенно отвергла Менцеля, переводъ его книги не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха, поэтому не стоило бы и упоминать о немъ, но смѣлый тонъ его рѣзкихъ обвиненій, чувство нравственнаго достоинства, въ какое фальшиво облеклись его сарказмы, произвели то дѣйствіе, что его нападки на Гете получили нѣкоторую популярность независимо отъ его книги. По моему мнѣнію, Менцель—человѣкъ совершенно неспособный оцѣнить поэта. Его сужденія въ моихъ глазахъ не имѣютъ никакой цѣны; заниматься ими,—это все равно, что обратиться къ первому встрѣчному Кэнтскому фермеру съ вопросомъ:

что думаетъ онъ о Паренонѣ. Фермеръ, безъ сомнѣнія, не затруднится найти энергическія слова для выраженія своего презрѣнія къ такой ничтожной вещи; но какъ бы языкъ его ни былъ энергиченъ, онъ не замѣнилъ бы для насъ отсутствія въ немъ чувства, вкуса, знанія. Такое же впечатлѣніе производитъ на насъ и Менцель: какъ ни энергичны его выраженія, но они не могутъ замѣнить для насъ отсутствіе образованія и качествъ, которыя дѣлаютъ человека способнымъ понимать искусство.

Какъ ни энергично выражался Менцель, но парадоксъ все-таки остается парадоксомъ. Можно ли быть великимъ поэтомъ и въ тоже время быть чуждымъ тѣхъ чувствъ, которыя выражаешь въ поэтическихъ созданіяхъ! Можно ли быть человекомъ бездушнымъ и выражать душевныя движенія, которыхъ не имѣешь! Есть ли какая возможность защищать подобный парадоксъ ¹⁾? Есть ли какая возможность предположить, чтобъ авторъ Вертера, Эгмонта, Фауста, Германа и Доротеи, Мейстера могъ быть чуждъ человеческихъ скорбей и радостей? Замѣтимъ кромѣ того, что всѣ знавшіе Гете, и его равные, и его слуги, и дѣти, и женщины, и служащіе, и профессоры, и поэты, и государи, всѣ его любили, какъ только можно любить человека, достойнаго любви. Даже Гердеръ, раздраженный противъ всего свѣта, отзывался о немъ съ такимъ уваженіемъ, что изумилъ Шиллера. «Очень многіе—пишетъ Шиллеръ,—питаютъ къ Гете нѣкотораго рода благоговѣніе, любятъ и уважаютъ въ немъ человека еще болѣе, чѣмъ писателя. Гердеръ говоритъ про него, что онъ съ яснымъ, всеобъемлющимъ умомъ соединяетъ величающую чистоту сердца, чувствуетъ истинно и глубоко» ²⁾. Это подтверждаютъ вамъ и произведенія Гете, если только предвзятая сужденія о его мнимой «холодности и безсердечіи» не затемняютъ вашего пониманія. «Нѣтъ у него ни одной строчки,—говоритъ Карлейль,—гдѣ бы онъ жестко отозвался о комъ нибудь, да и вообще едвали онъ когда-либо отзывался жест-

¹⁾ Помню, разъ гуляя я съ Карлейлемъ, зашла рѣчь о позорной *Büchlein von Goethe*. Карлейль вдругъ остановился и съ особеннымъ жаромъ сказалъ: «Да это ни что иное, какъ крикъ удивленія карликовъ, что титанъ также не карликъ! Ихъ ужасаетъ, что въ его божественномъ умѣ нѣтъ даже капли идиотизма!»

²⁾ Briefw. mit Körner, I, p. 136.

но. Онъ зналъ добро и любилъ его, зналъ зло и отвергалъ его; но и къ добру и къ злу онъ относился безъ горячности. Его любовь была спокойная, дѣятельная,—его не-любовь не выражалась, а только давала себѣ угадывать.» Вотъ что говорить о немъ Шиллеръ: «Не величіе только его ума привлекаетъ меня къ нему. Еслибъ онъ, какъ человѣкъ, не былъ выше всѣхъ людей, какихъ я когда-либо зналъ, то я только издали удивлялся бы его гению; но я прожилъ съ нимъ шесть лѣтъ и положительно говорю, что въ теченіи всѣхъ шести лѣтъ ни разу, ни на одну минуту не имѣлъ я случая усумниться въ его достоинствахъ. Это—человѣкъ въ высшей степени правдивый, безпристрастный, всецѣло преданный правдѣ и добру; поэтому всѣ лицемѣры и фразеры чувствуютъ себя неловко въ его присутствіи.» Вотъ какого высокаго мнѣнія былъ о немъ Шиллеръ, а между тѣмъ многіе считаютъ его сухимъ эгоистомъ, видятъ въ немъ человѣка, лишеннаго «высокихъ нравственныхъ чувствъ».

Такъ обыкновенно бываетъ въ жизни: легкомысленное невѣжество порождаетъ какой нибудь нелѣпый слухъ, недоброжелательство распространяетъ его, облекаетъ въ такія формы, которыя придаютъ ему нѣкоторую вѣроятность, — ему начинаютъ вѣрить, и тогда уже никакія самыя очевидныя доказательства не могутъ его уничтожить. Такимъ образомъ около того или другаго имени образуется извѣстная атмосфера, свѣтлое сіяніе славы или темное пятно безславія, и люди видятъ это сіяніе или это пятно, не стараясь удостовѣриться въ его истинности. Каждый общественный дѣятель есть въ нѣкоторомъ отношеніи лице мнѣческое: о немъ распространяютъ басни и находятся люди, которые вѣрятъ въ эти басни, несмотря на всю очевидность ложности ихъ. Безполезно было бы надѣяться, чтобъ люди, прежде чѣмъ соглашались съ тѣмъ, что слышать, и повторять слышанное, удостовѣрялись въ его истинности. Но теперь прошло уже болѣе четверти столѣтія, какъ Гете сошелъ въ могилу, и мы позволяемъ себѣ надѣяться, что несомнѣнныя доказательства, изложенныя на этихъ страницахъ, будутъ признаны заслуживающими больше довѣрія, чѣмъ бездоказательныя мнѣнія, порожденныя недоброжелательствомъ, непониманіемъ, или пристрастіемъ.